Э. Э. „Док" СМИТ

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Э. Э. „Док" СМИТ

Э. Э. «ДОК» СМИТ

СЕРИАЛ «САГА О ЛЕНСМАНАХ»

Книга 3

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Книга 4

СЕРЫЙ ЛЕНСМЕН

Санкт-Петербург
АО «СПИКС»
1994

ББК 84.7 США
М 15

Перевод с английского А. Антошульского, И Коробовой, М. Нахмансона, Л. Немовой, О. Трофимовой.

Смит Э. Э. «Док»
М 15 Галактический Патруль. Серый Ленсмен. Фантастические романы. Пер. с англ. — СПб.: АО «Спикс», 1994.

ISBN 5-7288-0015-7

«Галактический Патруль» и «Серый Ленсмен» являются соответственно третьей и четвертой книгами знаменитого сериала Э. Э. «Дока» Смита о Ленсменах, стражах галактической безопасности и порядка, носителей Концентратора-Линзы, которая предназначена для усиления их ментальных способностей. Сериал включает семь романов, которые выйдут полностью в настоящем издании. В третьей и четвертой книгах эпопеи рассказывается история Кимбола Киннисона, Серого Ленсмена, неподсудного никому и ничему в обитаемой Галактике, кроме собственной совести. Это эпопея о необычайных приключениях, великом героизме и великом самопожертвовании человека, посвятившего свою жизнь борьбе со злом...

© А. Антошульский, И. Коробова, М. Нахмансон, Л. Немова, О. Трофимова, пересказ, 1993
© А. Ширкин, оформление

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами, уважаемые читатели, очередной том избранных произведений Эдварда Элмера «Дока» Смита, в который вошли третий и четвертый романы саги о ленсменах — «Галактический Патруль» и «Серый Ленсмен». Напоминаем, что первый и второй романы этого сериала — «Трипланетие» и «Первый Ленсмен» — были опубликованы в предыдущей книге. В данный том вошли также некоторые дополнительные материалы — в частности, статья самого «Дока» Смита, посвященная проблемам творчества писателя-фантаста.

Итак, Патруль, созданный при содействии аризиан, начинает контролировать все большую часть нашей Галактики. Уже создан мощный флот и своеобразные академии, в которых проходят подготовку будущие ленсмены; их число — не десятки, а тысячи. Представители разных народов, обитатели многочисленных миров пополняют их ряды — всех планет, входящих в Содружество Цивилизаций, стремящихся установить закон и порядок меж звезд. Однако растет и сопротивление их противников. Теперь Патрулю, олицетворяющему силы справедливости и добра, противостоит не менее мощное галактическое объединение Боском, созданное эддорианами. Их схватка — следующий этап вселенской борьбы, в котором принимает активное участие ленсмен Кимбол Киннисон, наследник знаменитого рода Киннисонов и главный герой третьего и четвертого романов «Саги о Ленсменах».

Отметим, что представленные в настоящем томе произведения, как и опубликованные ранее, значительно переработаны сравнительно с исходными текстами «Дока» Смита — в частности, они насыщены современными реалиями, касающимися описаний межзвездных сражений, кораблей, оружия, средств связи и других подробностей такого рода.

М. Нахмансон
составитель и переводчик

ВВЕДЕНИЕ

Два миллиарда лет... Неизмеримая бездна времени, которую не в силах объять ни разум, ни чувства... Она отделяет нашу эпоху от тех событий, которые положили начало звездным цивилизациям, от первотолчка, исходного импульса, разбросавшего в Галактике семена жизни. И от истоков великого сражения, ареной для которого стала гигантская звездная спираль, на периферии которой мерцала золотистая точка — солнце Земли.

Существовали — и существуют — другие огромные звездные острова, во многом подобные первой Галактике. Но лишь еще один из них отмечен особо, ибо на нем также появилась мыслящая жизнь, стремившаяся к определенным целям, которые представлялись носителям разума единственно верными и достойными их усилий. Но если первая Галактика, над которой властвовала планета Аризия, принадлежала нашему миру, нашей Вселенной, то другая, в пылающем чреве которой таился Эддор, перенеслась в нашу реальность из иного пространственно-временного континуума, из неведомых далей, скрытых завесой чудовищного расстояния и времени. Это произошло около двух миллиардов лет назад — плюс-минус пару сотен миллионов в ту или другую сторону, которые не значили ничего по сравнению с таким огромным темпоральным интервалом. Ошибка в десять процентов, сколь большим временем она бы ни выражалась, была несущественной для тех бессмертных созданий, что населяли Аризию и Эддор.

Итак, вторая галактика внезапно возникла на пути первой; затем началось их взаимопроникновение — светила одной вторгались в межзвездную пустоту другой, но, по-прежнему разделенные световыми годами, сталкивались редко. Таким образом, Проникновение не послужило причиной вселенской катастрофы, хотя большинство звезд в обеих галактиках имели планеты. Впрочем, тогда эти миры были необитаемы; их проис-

хождение — вероятно, искусственное — пока остается тайной. Как свидетельствуют аризианские источники, в глубокой древности, задолго до начала Проникновения, в их родной галактике была лишь одна солнечная система — их собственная. Но со временем светило, породившее жизнь на одной из своих планет — редчайшая аномалия во Вселенной! — начало стареть, гаснуть, и молодой цивилизации пришлось решать сложнейшую проблему перемещения своей планеты к другому, юному и жаркому солнцу.

Древнейшие записи Эддора — фолианты, магнитные ленты и диски, уцелевшие в его ядовитой атмосфере, — рисуют сходную ситуацию. За много миллионов лет до Проникновения во второй галактике существовала только одна планета, только один мир, в котором возникли жизнь и разум — Эддор.

Итак, миллионолетия две цивилизации разумных созданий, единственные в своих галактиках — и, возможно, во всех прочих Вселенных, — не ведали друг о друге. В момент Проникновения обе расы уже были стары и могущественны — еще одна черта сходства между ними. Обе использовали телепатические силы и владели неизмеримой ментальной мощью.

Аризия напоминала Землю — и климатом, и составом атмосферы, и своим животным миром, и внешностью населявших ее мыслящих существ. Эддор же был совсем иным. Огромный мир с высокой гравитацией, темный, холодный и мрачный; его океаны состояли из ядовитой желеобразной субстанции, атмосфера казалась едким, вонючим и смертельно опасным для гуманоидных созданий туманом. Эддор был — и останется — уникальной планетой, не похожей на остальные миры в обеих галактиках; это обстоятельство долгое время казалось загадочным и непостижимым, пока не стало ясно, что эддорианский планетоид возник в другой Вселенной, в ином пространственно-временном континууме, который принципиально отличается от нашего.

Обитатели Аризии и Эддора различались столь же сильно, сколь непохожими были их планеты. Аризиане прошли обычный путь исторического развития: каменный век, дикий и безжалостный; не менее жестокие и варварские времена бронзы и железа; век пара, столетие электричества, эпоха атомной энергии. Вполне возможно, что все эти ступени, по которым они поднимались к вершинам цивилизации, являют собой типичный

путь для всех прочих гуманоидных обществ, ибо не кто иной, как обитатели Аризии, засеяли спорами жизни бесчисленное количество миров обеих галактик — в том числе, и Землю.

Несомненно, существовали и зародыши иной жизни — эддорианской. Однако они не могли ни выжить, ни начать развиваться в условиях нашего континуума; они нуждались совсем в иной питательной среде, оставшейся за гранью пространства и времени — того пространства и того времени, откуда вынырнула галактика Эддора.

Овладев силами атомной энергии, разорвав цепи тяготения, которые раньше приковывали их к планете, аризиане занялись изучением Вселенной и самосовершенствованием. Задолго до Проникновения они уже не нуждались ни в космических кораблях, ни в телескопах, ни в счетных машинах, ни в роботах, ни в разрушительном оружии. Их разум — могучий, необъятный и стремительный, успевающий за единый миг обежать мириады звезд и планет, заменял им приборы и ракеты, непрочные и недолговечные изделия из металла и пластмасс. Они с интересом наблюдали взаимопроникновение двух галактик — почти невероятное с точки зрения математики событие; они следили за рождением бесчисленных планет, запечатлевая в своей памяти каждую подробность, каждую деталь их развития; они с надеждой и восторгом видели, как в этих мирах, еще недавно пустых и мертвых, зарождается жизнь. Сильные, свободные, вдумчивые, они путешествовали в космических далях в поисках знаний — пока один из них не наткнулся на Эддор.

* * *

Хотя при желании любой из эддориан мог принять человеческий облик, ничего человеческого в них не было. Более всего они походили на амеб; однако, несмотря на простоту внутренней организации и мягкие бескостные тела, определение «амебовидные» далеко не полностью отражало их суть. Они были изменчивы и непостоянны; каждый мог переменить не только свой внешний вид, но и структуру тканей — в соответствии с необходимостью. Для них не составляло труда вырастить любое число конечностей, удобных для выполнения той или иной работы — прочных или хруп-

ких, упругих, эластичных или твердых, как сталь, с суставами или без оных, с пальцами, когтями или щупальцами. Стоило лишь подумать об этом, вообразить — и тело послушно приспосабливалось к задаче, подчиняясь разуму.

Обитатели Эддора были бесполы — столь же бесполы, как дрожжи или вирусы. В этом отношении им не было даже отдаленных аналогов в животном мире Земли: они не являлись ни гермафродитами, ни андрогенами и не размножались партеногенезом. Они просто не имели пола — и, как следствие, не знали радостей любви. Было ли это платой за бессмертие, за то, что гибель их могла наступить только в случае несчастья или насилия? Возможно... Они жили миллионолетия, и лишь тогда, когда кто-либо из них пресыщался бесчисленной чередой веков, возникали две новые жизни — родительская особь делилась пополам. Потомки могли иметь иные способности, иные устремления, но каждый из них владел знаниями, памятью и ментальной мощью своего прародителя.

Если физиология эддориан еще поддается описанию и истолкованию в понятиях, которыми пользуются гуманоидные цивилизации, их разум, их психический мир, их побуждения и пристрастия — тайна за семью печатями. Лишь наблюдая внешние проявления их деятельности, можно обозначить привычными терминами их основные черты. Они являлись существами нетерпимыми, деспотичными, ненасытными и холодными. И они были жестоки — очень жестоки, хотя вряд ли у них имелось такое понятие, как жестокость. Они обладали упорным умом, изощренным и аналитическим, и они умели добиваться своего. Но прочие чувства, столь обычные в любом цивилизованном обществе — гуманность и милосердие, дружба, самопожертвование, любовь, гордость, отвага — были им недоступны. И ни один из них даже отдаленно не мог представить, что такое юмор.

Они не были кровожадными по природе — в том смысле, что не стали бы тешиться напрасно пролитой кровью или муками других существ. Ими правила целесообразность; и если во имя определенной цели требовалось уничтожить миллионы, их уничтожали без колебаний. Бессмысленные убийства не одобрялись — но не потому, что убивать дурно, а лишь из-за отсутствия пользы в совершенном деянии.

И, наконец, вместо великого множества мелких и

крупных желаний, надежд и задач, которые ставит перед собой представитель любой гуманоидной цивилизации, у каждого эддорианина была только одна мечта, одна главенствующая цель — власть. ВЛАСТЬ!

Вожделенный и чаемый призрак власти — полной и безраздельной — определял все их поведение. В древности, в те времена, когда Эддор еще пребывал в своей родной Вселенной, планету населяли всевозможные народы, отличавшиеся меж собой так же, как различаются расы Земли. Но стремление у них — у всех и каждого — было одно: власть, ВЛАСТЬ! И потому древняя история Эддора представляется бесконечной, длившейся тысячелетиями войной. А так как война стимулирует технологическое развитие, то эддориане достигли гигантской мощи — к тому времени, когда на планете были уничтожены все живые существа, за исключением горстки победителей.

А затем эти последние, терзаемые неутолимой страстью покорять и властвовать, сцепились друг с другом. Однако средства защиты от чудовищных механизмов уничтожения были столь эффективны, что война зашла в тупик, а цель ее стала совершенно бессмысленной. Ведь власть тем упоительнее, чем большее число разумных существ удалось поработить — и никто из эддориан не желал властвовать лишь над голыми выжженными скалами своей безжизненной планеты.

Тогда немногие уцелевшие пришли к своего рода мирному договору. Так как их собственная галактика оказалась лишенной планет — а, значит, и жизни, — они решили исследовать другие Вселенные, последовательно перемещаясь в них, чтобы выбрать ту, которая будет наиболее подходить для их целей. Они жаждали отыскать такую реальность, в которой каждый эддорианин мог бы стать господином и повелителем огромного и все возрастающего числа миров; и эта соблазнительная перспектива привела к тому, что впервые за всю историю Эддора его обитатели согласились объединить свои ресурсы и трудиться сообща.

Однако они знали, что демократия является неподходящей социальной структурой для общества, ориентированного на войны, порабощение и захват чужого добра; следовательно, демократия и не принималась в расчет. Форма правления могла быть только диктаторской, тиранической — иного пути они не видели. Меж эддориан, как и в случае любых достаточно сложных организ-

мов, существовала дифференциация; они не были идентичны по своим способностям, силе, ментальной мощи и материальным ресурсам. Эти различия, иногда — едва заметные, послужили основой для разделения их общества на два класса — тех, кто руководит, и тех, кто подчиняется.

Один из них, чуть более сильный — и, бесспорно, самый жестокий — стал вождем, фюрером, Владыкой; а около дюжины прочих, слегка уступавших ему в силе и жестокости, — его советниками и правительством, получившим впоследствии название Внутреннего Круга. Состав этого своеобразного кабинета варьировался, когда один из его членов испытывал желание уйти и раствориться в двух своих потомках; в этом случае число советников возрастало еще на одну особь. Но иногда ревнивый коллега или какой-нибудь настойчивый подчиненный совершал удачное покушение — и тогда Круг уменьшался.

Такой — и только такой — могла быть форма их сотрудничества, но и она принесла свои плоды. Среди них были поистине замечательные творения разума — гиперпространственный канал и безынерционный привод, который спустя много тысячелетий был воссоздан на Земле. К числу достижений объединенного Эддора относится и способ перемещения в иные Вселенные, благодаря которому их галактика перенеслась в наш мир. Этот несомненный успех послужил поводом для очередного совещания Внутреннего Круга.

«Мы должны решить, подходит ли эта Вселенная для нас, или следует выбрать иное место, — мысли Владыки, холодные и бесстрастные, окутали советников подобно ледяному туману. — С одной стороны, необходимо ждать, пока все эти бесчисленные миры остынут и на них возникнет жизнь, подготовив основу нашей будущей империи. С другой — мы потратили уже миллионы лет на поиски, но ни разу не встретили такого изобилия планет, способных заполнить и нашу галактику, и ту, в которую мы проникли. Возможно, есть даже определенное преимущество в том, что планетные тела этой реальности находятся еще на стадии формирования. Когда на них начнет развиваться жизнь, она будет под нашим полным контролем. — Владыка сделал паузу, потом ментальный луч его мысли коснулся одного из советников: — Кронгенес, что ты можешь сообщить об изучении других пространств?»

Имя, которое он назвал, не являлось именем в общепринятом значении этого слова; оно было чем-то большим, включая не только мысленное сочетание определенных звуков, но и ментальный образ, телепатический пароль, вместивший жизнь, деяния и личность данного эддорианина.

«Я не обнаружил ничего подходящего, Величайший, — ответная мысль Кронгенеса была столь же холодна, как излучение Владыки. — Ни одна из Вселенных, доступных моим приборам, не обладает даже малой частью планетоидов, обнаруженных в этой реальности.»

«Так... Значит, империя будет основана здесь! Есть ли у кого-нибудь возражения? Серьезные возражения?»

Возражений не последовало. Во-первых, возражать диктатору весьма вредно для здоровья; во-вторых, ни один из советников — как и сам Величайший — не знал об аризианах и их созидательной деятельности. Впрочем, в противном случае это ничего бы не изменило, ибо обитатели Эддора органически неспособны признать превосходство над собой другой расы.

«Хорошо, — удовлетворенно излучил Владыка. — Итак, отныне мы... — внезапно он прервал трансляцию, и в собрании воцарилась ментальная пауза — молчание, в котором, однако, чувствовалось нечто инородное. Наконец тишину разорвала мысль вождя — угрожающая и сокрушительная: — Среди нас чужой! Кто ты, пришелец, проникший на совещание Внутреннего Круга?»

«Энфилистор, с планеты Аризия, проходящий обучение.»

Его имя тоже являлось ментальным знаком, характеристикой личности юного аризианина; в то время Энфилистор еще не был Стражем-наблюдателем — до появления эддориан его мир не нуждался в Стражах. Но в будущем ему, как и многим другим аризианам, предстояло выполнять эту миссию.

«Простите мое вторжение, но я всего лишь ждал, когда на меня обратят внимание. Я не прочел ни одной вашей мысли... не коснулся ни одного из разумов... Это было трудно, очень трудно! Ведь впервые за миллионы временных циклов мы встретили разумных! — В беззвучном ментальном голосе юноши звучал восторг. — Мы нашли подобных себе! И теперь...»

«Замолкни, ничтожный! И слушай волю господина! Ты посадишь свой корабль и сообщишь нам, где находится твоя планета — тогда вы останетесь в живых и превратитесь в слуг Эддора. Иначе — смерть!»

Казалось, ответ аризианина был полон любопытства — но не страха, тревоги или благоговения, ожидаемых Владыкой.

«Посадить корабль? Какой корабль? — пришелец как будто недоумевал. — Господин? Слуга? Я уверен, что воспринимаю твои мысли... но не их значение.»

«Ты, червь, говоришь с Высочайшим и должен обращаться ко мне только так. Предупреждаю последний раз — приземляйся, или погибнешь!»

«Я готов звать тебя Высочайшим, если у вас так принято. Но насчет всего остального... насчет приземления и гибели... — Теперь в тоне Энфилистора сквозила легкая насмешка. — Неужели ты думаешь, что я присутствую здесь во плоти? И уверяю тебя, о самый Высочайший из всех Высоких, которых я когда-либо встречал, ты не сможешь повредить даже грудному младенцу на Аризии! — вдруг ментальный голос юноши стал тихим, и он словно про себя произнес: — Поразительно! Какая необычная, неординарная психика у этого создания! Кажется, оно угрожает и...»

«И убьет тебя, — сухо закончил Владыка, посылая импульс энергии, вполне достаточный, чтобы сжечь мозг любого разумного существа.

Однако Энфилистор без труда отразил ментальный удар и не нанес ответного. Он все еще не покинул собрание, не сбежал и явно не был устрашен. Члены Круга атаковали объединенной мощью, но не смогли прорваться сквозь телепатическую защиту странного гостя. Парируя выпады разъяренных эддориан, он внезапно начал взывать к кому-то — в недоумении, но отнюдь не в растерянности:

«Придите, Старшие! Я попал в ситуацию, с которой не могу разобраться! И я не хочу наносить вред этим существам!»

«Мы, Старшие, объединенный разум Аризии, здесь, — спокойный мощный голос раздался в сознаниях эддориан. Все они вдруг мысленно увидели образ старца — высоколобое лицо в сеточках морщин, яркие глаза, седую бороду. Его губы были плотно сжаты, но голос продолжал звучать: — Мы ждали вас, пришельцы из иной Вселенной. Что ж, пусть свершится предопределенное... Но сейчас — сейчас вы забудете об Аризии, забудете обо всем, что произошло. Пройдет немало циклов, пока эддориане узнают о нас.»

Рокочущий голос смолк, лицо старца исчезло, члены

Внутреннего Круга и их вождь остались одни. Как и раньше, они были уверены, что Эддор является единственным вместилищем разума в бесконечном и необъятном космосе.

* * *

А на далекой Аризии тоже был созван совет — гигантский форум всех разумов планеты. И первым задал вопрос юный Энфилистор.

«Почему же вы не убили их? — проходящий обучение был слишком молод и подобная мысль была ему простительна. — Я понимаю, что такое деяние отвратительно... но разве... разве...»

Он замолчал, прислушиваясь к мерному и могучему гласу Старших.

«Ты еще слишком мало знаешь, ученик... Лишь часть целого, лишь капля в океане, лишь песчинка из горного массива доступны твоему пониманию... — На миг ментальный сигнал угас, потом гулкие мерные слова опять послышались в голове Энфилистора. — Мы не пытались уничтожить пришельцев, потому что не в силах сделать этого. И не по моральным причинам, нет! Слишком цепко держатся за жизнь эти существа. Мы могли бы попробовать убить их... да, могли бы — но такая попытка, весьма вероятно, кончилась бы провалом и блокировала другую возможность — лишить их воспоминаний. А это сейчас важнее. Нам нужно время... циклы и циклы времени!»

Теперь коллективное сознание Старших обращалось ко всем обитателям планеты:

«Мы, Старшие, не тревожили вас до сих пор мрачными прогнозами, ибо до появления Эддора существовала вероятность, что силы зла и тьмы — лишь сон нашего обеспокоенного разума. Но теперь Эддор здесь! И наш сон, наше провидение, не является ошибкой... Общества разумных, их юные цивилизации, которые должны были наполнить жизнью обе галактики, не смогут устоять перед жаждущими власти монстрами. Мы, аризиане, призваны помочь им и защитить их!

Эддориане обладают чудовищной потенциальной мощью. Если они узнают сейчас о нашем существовании, то смогут создать такие механизмы, задействовать такие силы, которые позволят им блокировать все наши действия. И тогда — тогда они выбросят нас из

этой Вселенной, из родной галактики. Нам нужно время: если мы выиграем его — мы выиграем битву. Нам надо дождаться эпохи, когда появятся Линзы-Концентраторы — и разумные существа, представители новых цивилизаций, достойные того, чтобы их носить.

Мы, аризиане, не сумеем справиться в одиночку с Эддором. Но существует возможность — хотя в том еще нет полной уверенности, — что обитатели пока несуществующих миров создадут новую расу, более могущественную, чем наша. И они помогут нам, приняв на свои плечи часть груза по защите гуманоидных цивилизаций.»

* * *

Тянулись века и тысячелетия; миллионы лет отлетали в вечность вместе с излучением юных жарких светил. Проходили космические и геологические эры. Планеты, дети звезд, остыли, покрылись плотной корой, в трещинах ее зазмеились реки, во впадинах — засинели океаны. Поднялись горы, выплеснули обжигающую магму вулканы, молодые миры окутал полог атмосферы. Появилась жизнь. Возникшая из рассеянных аризианами спор, она начала расти, крепнуть, развиваться, стремясь к вершине обетованной — к разуму. Одна сила — Аризия — поддерживала ее на этом долгом пути; другая — Эддор — жадно ждала, мечтая оплести своими щупальцами все миры, все звезды, обе галактики, Вселенную.

Совершенно очевидно, что аризиане боролись не ради спасения своей расы. Их объединенная ментальная мощь была так велика, что им не составило бы труда уничтожить большую часть населения Эддора — тех, кто находился под властью Внутреннего Круга. Они могли бы изгнать значительную часть эддориан со всех планет, обезопасив юные миры от разрушительного влияния древнего и злобного разума. Это, однако, не решало проблемы. Члены Внутреннего Круга, наиболее жестокие, изворотливые и сильные, прикрытые непроницаемым даже для Аризии силовым щитом, остались бы невредимыми. К тому же, каким образом пошло бы развитие молодых цивилизаций, если бы аризиане взяли на себя решение всех проблем?

Самим аризианам нечего было бояться — ни расе в целом, ни отдельным ее представителям. Уничтожить их могла только совершенно невероятная концентрация

ментальной энергии, и если бы даже Эддор предпринял такую попытку — или создал устройства, против которых Аризия оказалась бы бессильной — то ее обитатели всегда успели бы удалиться в иной пространственно-временной континуум, затерявшись в бесконечной и необъятной Вселенной. Да, они были бы изгнаны из родной Галактики — но что с того? Существа, одаренные такой мощью, везде чувствуют себя как дома; любая часть космоса может служить им вполне приемлемой средой обитания.

Но нет! Менее всего их беспокоила собственная судьба. Они боролись за идею — или, если угодно, желали реализовать свою мечту о союзе миролюбивых гармоничных цивилизаций, о миллионах обитаемых миров, заполняющих от края и до края две Галактики — их собственную и ту, которая вынырнула из неведомых глубин пространства вместе с Эддором. Они ощущали на своих плечах груз гигантской ответственности. Ведь все расы этих бесчисленных планет, эти народы, крепнущие или только зарождавшиеся — все они происходили от жизненных спор, посеянных некогда на девственных мирах их предками. И все они, в определенном смысле, тоже были аризианами. Бросить их на произвол судьбы казалось невозможным!

А посему Аризия вступила в сражение — тайное, но весьма эффективное. Она не препятствовала эддорианам хозяйничать на тысячах планет — любое явное противодействие было бы замечено; однако, когда эддориане сокрушали очередной неугодный им мир, Наблюдатели и Стражи Аризии пестовали ростки новой цивилизации, с радостью убеждаясь, что губительные катастрофы лишь прибавляют их подопечным мужества и стойкости. Так случалось не везде и не всегда, но Земля не обманула их надежд.

Четыре Хранителя Цивилизации — Дроуни, Кридиган, Ниделлор и Бролентин — следили за выполнением аризианской программы развития на четырех наиболее перспективных планетах — на Земле и в мирах Ригель IV, Велантия III и Полэн VII. Дроуни, земной куратор, отвечал и за генетическую программу, направленную на появление личностей, которые были бы достойны принять от старшей расы концентратор интеллектуальных способностей или Линзу, как стали впоследствии называть это устройство. Представители одной из генетических линий, настолько древней, что происхождение ее терялось в глубине тысячелетий, носили имя

Киннисонов. Не ведая своих корней, забытых в чередовании мировых катастроф, дочери и сыновья этой фамилии набирали силу и мужали в длинной череде поколений. Возможно, Киннекса, легендарная воительница Атлантиды, была одной из первых в их роду. Была и вторая линия, не менее древняя и представленная в истории Земли такими же славными подвигами, скрытыми туманом тысячелетий. Мужчины и женщины этой семьи отличались рыжевато-бронзовыми или золотисто-каштановыми волосами и янтарной радужиной глаз с золотыми точками.

Две линии не перекрещивались ни разу. Дроуни внимательно следил за этим обстоятельством, ибо соединение обоих родов должно было произойти лишь тогда, когда оно даст наибольший кумулятивный эффект.

* * *

Эддор тоже уделял немалое внимание Земле; у нее также имелся свой «куратор» в этом зловещем мире — Гарлейн Эддорский, второй по силе и власти после Высочайшего. Облеченный человеческой плотью, он появлялся тогда, когда расцветала очередная культура, когда набирала силу юная цивилизация; появлялся — и сокрушал ее. В пламени атомных ракет погибла древняя Атлантида; пал Рим, подточенный жестокими императорами, добитый и уничтоженный ордами варваров; как страшный сон промелькнули Первая, Вторая, Третья мировые войны. Последняя из них оставила планету обескровленной, лежащей в руинах, отброшенной в мрак средневековья.

И тут Гарлейн совершил ошибку. Ничего не зная об аризианах, уверившись, что разрушенная Земля не доставит ему хлопот в течение долгих тысячелетий, он отправился к мирам иным. Не важно, где он пребывал и что делал; главное — его внимание было надолго отвлечено от несчастной планеты. Может быть, он наводил порядок на Ригеле или Полэне, участвовал в заседаниях Внутреннего Круга, выполнял приказы Высочайшего Владыки; когда же Гарлейн вновь обратил свои взоры к Земле, его ожидало серьезное потрясение.

Планета возродилась, земное человечество вышло в ближний космос, заселив Марс, Венеру, Пояс Астероидов, луны Юпитера и Сатурна. Три внутренних мира, Венера, Земля и Марс, объединили свои усилия, создав

Трипланетие — Лигу обитаемых миров Солнечной системы. Миновала краткая, но бурная эпоха межпланетных войн с обитателями внешних планетоидов, в ходе которых возник и окреп боевой космический флот; была создана Трипланетарная Служба, следившая за порядком и законностью по всей системе; новое поколение людей, могучих разумом, телом и духом, было готово принять Линзу Аризии. В грядущих событиях главную роль предстояло сыграть Вирджилу Сэммзу, главе Трипланетарной Службы, и комиссару Киннисону, который возглавлял объединенный космический флот Солнечной системы.

Гарлейн возвратился в околоземное пространство в облике Серого Роджера, главаря отщепенцев и предателей, которых эмиссары Службы вначале сочли остатками разгромленных войск внешних миров, склонных к пиратству и межпланетному разбою. Лишь выдержав битву с космической крепостью-планетоидом Роджера, разгромив его и изгнав за пределы системы, Сэммз и Киннисон поняли, что имеют дело с чем-то большим и неизмеримо более сильным, чем разрозненные шайки пиратов. Им противостояла могущественная и преступная организация; корни ее таились на Земле, среди жаждущих власти политиканов, среди внешне благопристойных корпораций и фирм, ветви и крона тянулись к иным мирам, где силы зла, никому не подконтрольные, могли создавать могучие флоты, порабощать целые расы и народы, творить любые преступления.

И они могли остаться безнаказанными! Ибо созданный Вирджилом Сэммзом Галактический Патруль, звездный наследник Трипланетарной Службы, оставался бесполезным, пока не были решены основные проблемы. Сам Вирджил Сэммз говорил о них так:

«Пока наш Патруль действует в пределах Солнечной системы, все ясно. Тут нам известны и языки, и обычаи всех планет. Но что делать, если преступление произойдет в сотнях парсеков от Солнца? Как в этом случае сделать нашу работу эффективной? Что можем мы вообще знать о самом понятии криминальности в каком-нибудь странном мире, не понимая ни способа общения его обитателей, ни склада их мышления? Где никто даже не подозревает о существовании нашего Патруля? Мы можем месяцами искать

там полицию и суд, если у туземцев существуют такие институты...»

Кроме того, Патрулю был необходим идентификационный знак — символ, надежно удостоверяющий, что предъявившее его лицо действительно представляет закон и правопорядок. Некоторое время таким знаком служил золотой диск с метеором, гербом Трипланетарной Службы, однако преступники научились подделывать его. Ибо все, что способны создать руки и разум одних людей, могут повторить другие, не столь чистые и благородные; это только вопрос времени и денег.

Работы по созданию нового символа, достойного Галактического Патруля, были поручены молодому гениальному ученому Нильсу Бергенхольму. Он не был обычным человеком; возможно, его земная плоть и появилась на свет обычным путем, но в дальнейшем его тело и мозг не раз служили временным вместилищем аризианского разума. А посему Бергенхольм обладал интуитивным пониманием некоторых вещей — и он был твердо уверен, что действовать надо именно так, а не иначе.

Наступило время, и аризиане сочли, что небольшая группа существ с Сола III достойна владеть чудодейственной Линзой-Концентратором; первым из них был Вирджил Сэммз, вторым — его друг Родерик Киннисон. И Нильс Бергенхольм получил сигнал, что время настало, что пора объявить первым избранникам Высшего Разума об их миссии. Это произошло в служебном кабинете Сэммза, когда Бергенхольм докладывал о результатах своих исследований:

«Итак, сэр, вернемся к нашей проблеме, к вопросу о создании идентификационного знака Патруля. До сих пор этот символ мыслился исключительно в физическом плане. Но все, что можно синтезировать физическими методами, можно ими же исследовать и воссоздать. Такое решение нас не устраивает, ибо преступники часто пользуются услугами весьма квалифицированных специалистов. Существует, однако, область, где физика бессильна — я говорю о ментальных силах, о разуме.

Рассмотрим, что же на самом деле необходимо Трипланетарной Службе, которая сейчас расширяется, превращаясь в Галактический Патруль. Нужен символ, который надежно идентифицировал бы любого защитника цивилизации, причем абсолютно безошибочно. Этот символ должен отвечать следующим требованиям: невозможность подделки, невозможность имитации, бесполезность

похищения. Он должен служить только своему носителю и уничтожать всякого, кто попытается незаконно использовать его. Наконец, он должен обеспечивать связь и взаимопонимание между нами, людьми, и любой разумной формой жизни, на каком бы уровне, высоком или низком, она не находилась. Несомненно, такая связь может быть только ментальной, гораздо более быстрой, чем звуковая, что избавило бы нас от изнурительного изучения множества языков. Столь же несомненно, что последнее требование не является моей фантазией — мы знаем, что высокоразвитые расы Ригеля и Полэна VII уже знакомы с телепатией.

— Похоже, вы угадали мои мысли, Нильс, — спокойно заявил шеф Трипланетарной Службы. — Или вы уже научились их читать?

— В данном случае в этом не было необходимости, — улыбнулся Бергенхольм. — Любой человек, который способен к аналитическому мышлению, пришел бы к тем же выводам.

— Возможно, возможно... Так что же дальше? Вы разработали необходимое нам устройство идентификации и ментальной связи?

— Нет. Но я знаю, что оно готово и уже ждет вас, мистер Сэммз.

— Вот как? И где же?

— На Аризии. И вы должны отправиться туда как можно скорее.

Вскочив с кресла, пораженный Вирджил Сэммз уставился на молодого ученого.

— Аризия! — воскликнул он. — Черт побери, при чем тут Аризия? И как мы можем туда попасть? Разве вы не знаете, что эта область пространства закрыта?

Бергенхольм пожал плечами, изобразив полнейшую беспомощность.

— Но откуда вы это знаете, молодой человек? — спросил Киннисон. — Вы получили какое-то сообщение?

— Нет, сэр, — решительно заявил ученый. — Я з н а ю — и все! Знаю столь же определенно, как и то, что при сгорании водорода в кислородной атмосфере образуется вода. Я знаю, что аризиане весьма сведущи в учении о силах разума, и если Вирджил Сэммз отправится туда, он приобретет некое устройство, которое иным путем получить невозможно. Ваше дело — верить или не верить мне.

С этими словами молодой ученый повернулся и, не спросив разрешения, покинул кабинет. Некоторое время в комнате царила ошеломленная тишина; потом Сэммз и Киннисон посмотрели друг на друга.

— Ну? — насмешливо, но с явно ощутимым оттенком тревоги, спросил Киннисон.

— Я отправляюсь. Прямо сейчас! — Сэммз был настроен весьма решительно. — Я верю каждому его слову. И потом, это — Бергенхольм... Бергенхольм, который еще ни разу не ошибался. — На миг он прикрыл ладонью глаза, словно собираясь с силами и укрепляя свою решимость, затем посмотрел на Киннисона. — А вы, Род? Идете со мной?

— Да. Не скажу, что я поверил на все сто процентов, но попытаться стоит. Что же мы прихватим с собой? Надеюсь, не весь флот Трипланетия? Ограничимся «Бойзом»? Или «Чикаго»?

— Не все ли равно? То, за чем мы полетим, можно будет увезти даже на космической шлюпке...»

* * *

Итак, Вирджил Сэммз стал первым обладателем аризианской Линзы, полученной им от Ментора Аризии, и вошел в историю как Первый Ленсмен, создатель Галактического Патруля. Линзы являлись концентраторами ментальных способностей и обладали многими свойствами, о которых Сэммз и его соратники не осмеливались даже мечтать. Каждая Линза была сложнейшей псевдоживой структурой, состоявшей из бесчисленного множества сверкающих кристалликов; она была настроена только на определенную личность и убивала любого чужака, осмелившегося прикоснуться к ней.

Вернувшись на Землю, Сэммз начал подбирать людей, которым предстояло отправиться на Аризию за новым чудодейственным прибором. В этот первый отряд молодых кандидатов вошли сын Киннисона Джек, его друг Мэйсон Нортроп, один из лучших оперативников Патруля Конвэй Костиган и юная дочь Сэммза Вирджилия, унаследовавшая от отца каштановые волосы и карие глаза с золотистыми искорками. Трое молодых людей получили Линзы, но Джил вернулась на Землю без сверкающего браслета на запястье. Правда, как сказал девушке аризианский Ментор, ей не понадобится Линза; пока — по неизвестным для землян причинам — концентраторы предназначались только для мужчин.

Вскоре к первым ленсменам добавилась новая группа: ученые-физики Фредерик Родебуш, Лиман Кливленд и Нильс Бергенхольм, коммодоры космического флота Клайтон и Швайнерт, марсианин Набос, венецианин Дал-Налтел, Руларион с Юпитера. Одновременно шло создание Совета Галактической Лиги Миров, и Вирджил Сэммз, справедливо полагая, что этот орган должен состоять только из носителей Линзы, отправился в поисках новых ленсменов к звездам. Посетив Ригель, он принял в ряды Патруля Дронвира, и даже на странной планете Полэн ему удалось отыскать подходящего кандидата, Таллика.

Тем временем на Земле сложилась крайне тяжелая ситуация. Преступные силы объединились под руководством североамериканского политикана Моргана, организовав ряд фирм и концернов, стремящихся захватить контроль над межзвездными перевозками и торговлей, над богатыми сырьем планетами, над всеми ресурсами бесчисленного количества миров. Эти консервативные силы демагогически предлагали Земле власть над всей Галактикой; и еще — тионит, супернаркотик, тайно добываемый на планете Тренко. Морган имел и могущественную поддержку извне — по мере того, как создавался Патруль, эддориане начали формировать собственную межзвездную организацию, Боском, владевшую развитой технологией, боевыми кораблями и базами на многих планетах Галактики.

Дело ленсменов и жизнь Сэммза были в опасности. Однако Патрулю удалось выиграть достаточно времени, чтобы построить и оснастить на одной из тайных баз могучий флот, разбивший армады, которые Боском направил на завоевание Солнечной системы. Следующим этапом стало политическое наступление на возглавляемую Морганом консервативную партию. Родерик Киннисон выставил свою кандидатуру на пост главы крупнейшего государства Земли — Североамериканского континента — и победил. Теперь в руках ленсменов находились и законная власть, и сила; вскоре все земные правительства призвали колонизированные людьми миры и все звездные системы, в которых обитали разумные существа, к объединению в Галактическую Лигу. Патруль должен был защищать и охранять вошедшие в нее планеты, играя одновременно роль межзвездной полиции, армии и суда.

Когда Киннисон ушел с президентского поста, вер-

нувшись к обязанностям главнокомандующего вооруженными силами Патруля, в состав Лиги входила уже сотня миров. Через десять лет их число достигло тысячи, через столетие — миллиона. Совет ленсменов, разумный и компетентный орган, обеспечивал закон, правопорядок и равные права для всех планет; в свою очередь, это гарантировало благоденствие и процветание миров Лиги.

Летело время. Наконец, пришел момент, когда две генетические линии земных ленсменов, так долго и тщательно наблюдаемые аризианами, должны были соприкоснуться, породив нечто новое и небывалое. Кимбол Киннисон, потомок древнего и славного рода, стал самым выдающимся ленсменом своей эпохи; ему была предназначена в подруги Кларисса Мак-Дугал, прелестная молодая женщина с каштановыми волосами и веселыми карими глазами с золотистыми точечками. Придет час, они встретятся и полюбят друг друга; а сейчас... Сейчас Кимбол Киннисон, будущий легендарный Серый Ленсмен, неподсудный ни людям, ни богам — ничему и никому, кроме своей совести, — готовится к главному экзамену в своей жизни...

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Глава 1

ВЫПУСК

Девяностоэтажный небоскреб сверкал в июньском утреннем солнце, возвышаясь над двумя сотнями квадратных миль, прилегающих к городку Корпуса. Кроме административных и учебных зданий, на его территории располагались стадионы, аэропорт и даже вполне солидный космодром. Это был Уэнтворт-Холл, Альма Матер кандидатов в ленсмены Галактического Патруля.

В день посвящения верхний этаж огромного здания, обитель заносчивых пятикурсников, кипел и бурлил, словно внезапно проснувшийся вулкан. Через несколько минут пятый курс ожидали в помещении А, личном кабинете самого коммодора. Каждый год в него входили будущие ленсмены, чтобы затем, в чем-то неуловимо изменившись, навсегда покинуть Уэнтворт-Холл.

В комнатах общежития выпускники придирчиво осматривали друг друга, поправляя, разглаживая и начищая парадную форму. Когда были нанесены последние штрихи, курсанты вышли в актовый зал.

В офицерской кают-компании Кимбол Киннисон, заканчивающий Корпус капитаном своего курса, и три его лейтенанта и ближайших помощника — Клиффорт Мэйтлэнд, Рауль ле Форж и Уайдел Хольмберг — ежеминутно осматривая друг друга, ожидали вызова.

— Помните, ребята, — отрывисто произнес молодой капитан, — мы идем в шахту быстрее и плотнее, чем любой курс до нас. И если кто-нибудь собьет строй...

— Не беспокойся, Ким, — Мэйтлэнд взмахнул рукой, — все сработает как часы. Меня больше тревожит то, что произойдет в кабинете коммодора.

— Скоро узнаем. Пора! — И четверо юных офицеров вышли в актовый зал. Увидев их, курс замер. Киннисон окинул взглядом идеально стройные ряды и скомандовал:

— Рапорт!

— Пятый курс присутствует в полном составе, сэр! — старшина коснулся кнопки на ремне, и весь Уэнтворт Холл содрогнулся, когда военный оркестр грянул «Наш Патруль».

— Отделения, нале-во! — благодаря селективным ультракоммуникаторам команду Киннисона услышали те, и только те, кому она предназначалась. — Шагом марш!

Колонна прошла через зал к краю гравитационной шахты — отвесного тысячефутового колодца, который пронизывал все здание от фундамента до крыши. Сейчас все движение в колодце было остановлено; вспыхивающие красные огни расчистили путь будущим ленсменам. Первая пятерка выпускников шагнула в пустоту и исчезла.

Секундой позже, точно в такт бодрому маршу, они беззвучно приземлились на первом этаже Уэнтворт-Холла. Пятеро рослых, крепких парней, падая со скоростью две тысячи футов в секунду, мгновенно остановились, едва коснувшись пола. Это был особый род падения — с полной нейтрализацией тяготения и инерции, «свободное», говоря на космическом жаргоне. Покинув безынерционную зону, пятерка в полном согласии с оркестром сделала следующий шаг, и в тот же миг на верхнем этаже пять следующих выпускников исчезли в колодце.

Курсанты приземлялись и подходили к таинственному помещению А. Зловещая дверь сама открывалась при приближении очередной пятерки и захлопывалась за ней.

— Отряд, стой! Направо! — неслышно скомандовал Киннисон, и курс повиновался с совершенством часового механизма. — Рав-няйсь! Равнение на середину!

В центре огромного квадратного и совершенно пустого зала стоял великан. Коммодор Фриц фон Хогендорф, комендант Уэнтворт-Холла, славился по всей Солнечной системе своими диктаторскими замашками; для курсантов на протяжении пяти лет он был сущим деспотом. Взлохмаченная седая шевелюра, искусственный левый глаз, десятки мелких шрамов на лице — следы многочисленных боев и схваток в пространстве — были неотъемлемой частью этого безжалостного ревнителя дисциплины.

Киннисон смело взглянул на коменданта и гаркнул:

— Пятый курс прибыл в полном составе, сэр!

— Займите свой пост, сэр, — пока ветеран подчеркнуто педантично отдавал честь, из пола бесшумно поднялся круглый стол. На нем возвышался сложный прибор непонятного назначения. Комендант придирчиво обозрел его и вдруг рявкнул:

— Номер первый, Кимбол Киннисон! Вперед, ко мне, марш! Присяга, сэр!

— Перед лицом Всемогущего Творца обязуюсь не уронить чести Галактического Патруля! — почтительно произнес Киннисон. Обнажив предплечье, он приложил руку к желобу в центре прибора. Из маленького контейнера с пометкой «Номер 1. Кимбол Киннисон» Хогендорф вытряхнул вещицу, походившую на украшение — ленту из сотен крошечных молочно-белых камней. Коммодор на секунду приложил ленту к руке Кима. В момент контакта камни ярко вспыхнули, засияв всеми цветами радуги. Удовлетворенный, фон Хогендорф уложил ленту в прибор, который тотчас пришел в действие.

Рука Киннисона неиадолго утонула в сверкающей завесе, возникла и тотчас погасла ослепительно яркая вспышка пламени. Искрящийся туман исчез, и все увидели на запястье Кима металлический браслет. Это и была Линза. Она горела и переливалась многоцветными огнями, излучая почти ощутимый физически поток света. Отныне, взглянув на руку Киннисона, все будут знать, что перед ними ленсмен Галактического Патруля.

Подобной процедуре подвергся каждый из выпускников курса. Потом коммодор, сохраняя суровое выражение лица, тронул одну из кнопок на своем столе, и из металлического пола выросли удобные глубокие кресла, по одному на каждого курсанта.

— Вольно! — скомандовал он и по-мальчишески улыбнулся. Странно изменившимся голосом грозный комендант Уэнтворт Холла произнес:

— Садитесь, парни, закуривайте. У нас есть час, чтобы обсудить кое-что. Каждый из вас найдет в левом подлокотнике кресла свои излюбленные сигареты.

Он раскурил огромную черную сигару и продолжил, словно отвечая на недоуменные взгляды курсантов:

— Теперь вы ленсмены, если не считать некоторых малосущественных формальностей. Мы знаем ваши личные пристрастия и вкусы — например, Тилотсон любит питсбургские сигары, а Сноуден предпочитает алсаканские. Нам известно, что все вы невосприимчивы к наркотикам — иначе бы вас здесь не было. Не стесняйтесь, закуривайте и задавайте любые вопросы. Можете говорить все, что угодно. Эта комната полностью экранирована.

Повисло неловкое молчание. Потом Киннисон робко предложил:

— Сэр, может быть, вы просто расскажете нам все с самого начала? Я полагаю, многие из нас слишком потрясены, чтобы задавать вразумительные вопросы.

— Вероятно, — кивнул комендант. — В таком случае я попытаюсь объяснить вам, что стоит за пятью напряженными годами вашего обучения.

Вы знаете, что ежегодно по конкурсу отбирается миллион восемнадцатилетних мальчиков с Земли; в первый же год, прежде, чем они увидят Уэнтворт-Холл, это число сокращается до пятидесяти тысяч; потом — до ста человек. Только сотня выдерживает жесткий отбор, непрерывно сопровождающий процесс обучения, — коммодор окинул взглядом выпускников, которые входили отныне в элитный отряд Патруля.

Часть отчисленных из Корпуса, чье несоответствие рангу ленсмена не было связано с нарушением Кодекса Патруля, пополняет нашу организацию — начиная от рядовых до высших офицеров, стоящих, впрочем, по рангу ниже ленсменов. Именно поэтому Галактический Патруль является идеальным объединением, аккумулирующим умных, смелых, преданных своему делу людей. Вы — немногие избранные, сотня из миллиона тех, кто начинал пять лет назад вместе с вами. Каждому из вас уже приходилось стоять на краю смерти, и каждый доказал, что во всех отношениях достоин носить Линзу. Например, Киннисон имел в высшей степени рискованную встречу с некой леди с Альдебарана II и ее приятелями. Вероятно, он не догадывался, что мы знаем об этом.

Киннисон вспыхнул до самых кончиков ушей, а комендант невозмутимо продолжал:

— То же самое я могу сказать про Вешара и эту историю с гипнотизером с Каралона, о Фивелинге, которого контрабандисты тионита с Ганимеда и Венеры попытались купить десятью миллионами...

— Простите, коммодор, — раздался чей-то голос, — неужели вы знали все, что происходило с нами?

— Возможно, не все, но вполне достаточно — такая у меня должность. Если человек может изменить принципам, то он никогда не будет носить Линзу. Но вам нечего стыдиться, — коммодор слегка усмехнулся, — вы прошли все мыслимые проверки.

Собственно говоря, вовсе не позорно оказаться в числе исключенных из Корпуса, — продолжал он, попыхивая сигарой. — Никто не виноват в том, что не

имеет врожденных качеств ленсмена. Поэтому никому, кроме самих ленсменов, не известны критерии окончательного отбора кандидатов на получение Линзы. А ленсмены об этом не болтают.

Фон Хогендорф сделал паузу, потом задумчиво произнес:

— Пожалуй, нам не обойтись без экскурса в историю Патруля. Он, несомненно, произошел от старых систем планетарной полиции. И должен сказать, что до его возникновения возмездие всегда отставало от нарушения закона. Так, в незапамятные времена, еще до возникновения Интерпола, полиция не имела права преследовать преступников, пересекших государственную границу, — заметив удивленные взгляды слушателей, коммодор подтвердил: — Да, да, именно так! Позже, когда стали обычным делом межпланетные перелеты, в том же невыгодном положении оказалась планетарная полиция — бывший Интерпол. У ее представителей не было власти вне собственных миров, в то время как преступники беспрепятственно порхали от планеты к планете. И, наконец, с изобретением безынерционного привода и возникшей возможностью перелетов между звездными системами, преступность настолько вышла из-под контроля, что стала угрожать самим основам цивилизации. — Кончик сигары коммодора поднялся вверх, подчеркивая всю серьезность положения.

В то же время во вселенной стали распространяться новые губительные наркотики, такие, как тионит. Сырье для него добывается только на Тренко и стоит так дорого, что нескольких граммов вполне хватит, чтобы обеспечить человека на всю жизнь. Тут же появилась и целая преступная сеть, занятая добычей сырья, производством и распространением тионита.

Снова возникла потребность в объединенной и действенной охране правопорядка. Так были созданы Трипланетарный, а затем и Галактический Патруль. Первый из них столкнулся с серьезными трудностями. Помимо противодействия политиканов, ему мешала такая незначительная на первый взгляд вещь, как отсутствие собственной символики. То есть, она, естественно, была, однако — голос коммодора слегка повысился, — не гарантировалось, что ее невозможно подделать. Никто не мог с уверенностью сказать, что человек в форме Патруля и с его знаком в руках является настоящим сотрудником...

В комнате повисла напряженная тишина. Фон Хогендорф, как хороший актер, выдержал томительную паузу, и продолжил:

— Проблема казалась неразрешимой. И тут появился Первый Ленсмен! Вы знаете, что им стал Вирджил Сэммз, основавший Галактический Патруль. Как это произошло, отдельная история. Важно, что в результате у нас есть Линза. Ее невозможно ни подделать, ни подменить; она надежно идентифицирует ленсмена. Имея Линзу, можно легко выполоть сорняки из своих рядов. Критерии отбора с каждым годом становились жестче, и когда было доказано, что ленсмены неподкупны, авторитет Патруля начал быстро расти. Все больше звездных систем, имеющих своих собственных ленсменов, присоединялись к Содружеству Цивилизаций; все большее их число искали представительства в Галактическом Совете.

Теперь власть Совета и его Патруля практически абсолютна, — фон Хогендорф сделал широкий жест рукой, словно иллюстрируя безграничность возможностей Патруля. — Наше вооружение и оснащение хороши настолько, насколько это в принципе возможно. Мы способны следовать за преступником в любую точку Вселенной. Более того, ленсмен может располагать всеми ресурсами Галактики, где бы и когда бы они не потребовались. И знак Линзы так уважаем в ее пределах, что его обладатель может быть когда угодно призван для исполнения обязанностей судьи, суда присяжных и палача. В пределах доступной нам области космоса его слово — Закон.

Теперь что касается самой Линзы. Как и все прочие граждане Содружества, вы знаете о ее существовании, не понимая ее природы и происхождения. Теперь вы — ленсмены, и я могу рассказать вам о ней то немногое, что мне известно самому. Вопросы?

— Конечно, сэр, мы все очень интересуемся Линзами, — отважился заговорить Мэйтлэнд. — Но я всегда полагал, что то, что наука может синтезировать, наука может и проанализировать, и воссоздать. Вероятно, не одна Линза попала в руки преступников... На чем же основана уверенность, что она до сих пор не подделана?

— Если бы Линза являлась результатом некоего научного открытия или изобретения, ее бы давно сдублировали, — неожиданно согласился коммодор. — Однако по своей природе она скорее ментально-философский объект и разработана для нас аризианами.

Каждого из вас совсем недавно отправляли на Аризию, — продолжал фон Хогендорф, и молодые ленсмены с удивлением переглянулись. — Вот вы, Мэрфи, к примеру... что вы думаете об этой планете?

— Сначала, сэр, мне показалось, что я столкнулся на ней с новым видом драконов, но драконов с мозгами. Я был рад убраться оттуда... у меня от их вида по всему телу бегали мурашки, хотя толком я не рассмотрел ни одного из них.

— Это своеобразная раса, — кивнул коммодор, — основатели нашего Патруля и Галактической Цивилизации. Мне — как, наверно, и прочим людям, — не дано их понять. Они дали нам Линзу, но это известно только самим ленсменам. Они делают Линзы, подгоняя их к личности каждого кандидата. И пока что не было двух индивидуумов, которые видели бы на Аризии одно и то же. Маловероятно, что кто-нибудь созерцал их истинный облик. Со стороны они кажутся предельно замкнутой расой, их планета окружена непроницаемым экраном, защищающим от непрошенных визитеров. Даже те, кто становятся ленсменами, никогда не попадают туда дважды. Тем, кто сталкивался с этим народом, он представляется абсолютно равнодушным к материальному миру, хотя, — коммодор пожал плечами, признавая всю неопределенность своих выводов, — и это может быть не более, чем видимостью.

В течение невообразимо долгого времени они посвящали себя размышлениям — в основном о сути бытия. Они говорят, что едва ли знают что-либо фундаментальное, и тем не менее, их знания более обширны, чем у любой другой расы. Хотя обычно они не вмешиваются в дела иных миров, они действительно дали согласие помогать Патрулю — ради блага всего разумного и гуманного, что существует в нашей Галактике.

Ни один разум, кроме аризианского, не способен постичь природу Линзы. Линза на самом деле не живая, в том смысле, как это понимаем мы. Однако она наделена некоторой псевдожизнью, благодаря чему испускает излучение, пока находится в контакте с живым разумом носителя, для которого она предназначена. Действует она и как телепатический канал, через который вы можете общаться с другим разумом, даже лишенным органов речи или слуха. Но для нас едва ли не более важно то, что Линзу нельзя снять. — Фон Хогендорф подчеркнул последние слова, призывая слушателей особенно внима-

тельно отнестись к этому моменту. — Покинув своего хозяина, Линза перестает светиться. В таком состоянии она уничтожает любого, кто прикоснулся к ней, кроме ленсмена-носителя. Когда ее владелец убит, псевдожизнь Линзы тотчас прекращается. Это и обрекает на провал любую попытку выдать постороннего за ленсмена.

Опять наступила тишина. Молодые ленсмены пытались осознать смысл услышанного.

— Впрочем, это лишь краткое вступление, — продолжал коммодор. — Я просто описал ваш новый статус. В следующие несколько недель, перед тем, как вы будете направлены на службу, вы прослушаете еще один курс, более полно освещающий проблемы и преимущества, связанные с вашим званием. Теперь же, парни, наша встреча заканчивается, но вы, пожалуй, успеете задать еще вопрос-другой.

— Не вопрос, сэр, а нечто более важное, — подал голос Киннисон. — Мы — я полагаю, что могу говорить от имени всего курса — неверно судили о вас. Позвольте нам принести свои извинения.

— Спасибо, ребята. Извиняться не стоит. Вы не могли думать обо мне иначе, чем думали. Главная задача пожилых ленсменов — надзор и исключение тех, кто нам не подходит... И это далеко не самое приятное дело, — вздохнул коммодор.

Мы слишком стары для активной деятельности в космосе; у нас больше нет мгновенной реакции, и мы делаем то, что можем. Но и у этой работы есть светлая сторона, которая вознаграждает наш труд, — каждый год из этой комнаты выходят сто человек с Линзой на руке.

Теперь вы понимаете, кто образует ряды ленсменов. Помните, что любое существо, носящее Линзу, является ленсменом во всех отношениях — неважно, гуманоидно ли оно, или относится к расе, совсем непохожей на нас. Как бы не выглядел этот индивидуум, вы можете быть уверены, что его проверяли и обучали не хуже, чем вас; следовательно, он достоин такого же доверия, как и вы сами. Помните: ленсмен умирает, но не сдается; ленсмены приходят и уходят, Галактический Патруль существует всегда!

Коммодор выпрямился, помолчал, затем резко скомандовал:

— Курс, внимание! Приготовиться к рапорту в Главном Зале!

Курс, опять превратившись в единое целое, строевым

шагом вышел из помещения А и проследовал по длинному коридору в зал, где проходило формальное освящение в ленсмены. И пока выпускники шли, каждый осознал, что последний час изменил их больше, чем любое из испытаний, выпавших на его долю за эти пять лет. Наконец, они могли, хотя и смутно, постичь то могущество, которым отныне были наделены, — как и огромную ответственность, что с этого дня легла на их плечи.

Глава 2

СЛУЖБА

Прошел месяц после окончания учебы. Киннисон удостоился распределения на Главную Базу, подписанного лично адмиралом Хейнесом. Еще продолжались заключительные лекции, о которых говорил молодым ленсменам фон Хогендорф, а Киму уже было приказано срочно явиться по месту службы.

Через несколько часов после этого распоряжения Кимбол Киннисон оказался в личном аэрокаре адмирала. Летательный аппарат плавно скользил над обширными владениями Базы; весь воздушный транспорт почтительно притормаживал, уступая дорогу начальнику крупнейшего подразделенья Галактического Патруля.

Под аэрокаром проплывали промышленные и исследовательские корпуса, посадочные площадки, казармы; все это напоминало большой город. Юный пассажир адмиральского судна с интересом рассматривал видневшиеся там и тут разнообразные летательные аппараты, от крошечных вертолетов на одного человека, до огромных шарообразных космических супердредноутов. Постепенно молодой ленсмен проникался восторгом и гордостью за Патруль, к которому теперь принадлежал на вполне законных основаниях. Наконец аэрокар сел около высокого и длинного здания. Оно усиленно охранялось, хотя и было расположено на территории Базы, недо-

ступной для чужих. Патрульные у входа вытянулись, приветствуя приближающегося адмирала; вслед за ним Ким прошел в предупредительно распахнутые двери. И тут у него перехватило дыхание. Он был потрясен!

Киннисон стоял перед космическим кораблем — но что это был за корабль! Вытянутый, стремительный, с плавными обводами корпуса! В судах такого типа, крейсерах и линкорах, направление движения обычно совпадало с геометрической осью корабля, а искусственная гравитация действовала в противоположную сторону. Таким образом, при любом маневрировании, в свободном или инерциальном состоянии, для таких аппаратов имели смысл понятия «верха» и «низа». Обычно эти корабли приземлялись в специальные доки, но в экстренных случаях могли сесть где угодно. Они были герметичными и легко управляемыми даже под водой.

Находившееся перед Киннисоном судно по форме более всего напоминало каплю, а размерами превосходило любой из супердредноутов Патруля.

— Ну, что вы о нем думаете? — поинтересовался адмирал.

— Что я думаю? — молодой офицер от волнения не находил слов. Справившись с собой, он восхищенно произнес: — О таком корабле можно лишь мечтать, сэр. Надеюсь, если я буду усердным и накоплю достаточно опыта, мне будет доверена честь командовать таким красавцем.

— Это случится раньше, чем вы предполагаете, юноша, — будничным тоном произнес Хейнес. — Вы командуете им с завтрашнего утра.

— Кто? Я? — воскликнул Киннисон, пораженно уставившись на адмирала. Однако он тут же взял себя в руки и задумчиво произнес: — О, понимаю, сэр... Корабль, видимо, экспериментальный и еще не испытан как следует. Так что вы не хотите рисковать жизнью опытного космолетчика... — Ким на секунду умолк, обдумывая тревоживший его вопрос. — Но для того, чтобы командовать таким первоклассным судном, требуется, как минимум, десять лет основательной подготовки... Наверно, мне предстоит испытать корабль, а потом передать его настоящему капитану... Отлично, сэр! Тысяча благодарностей за то, что вы доверяете мне подобное дело! Какой шанс! — Глаза молодого Киннисона засветились при одной мысли, что он будет стоять на

мостике этого шедевра космостроительной техники — пусть даже непродолжительное время.

Адмирал с усмешкой выслушал все его домыслы, потом произнес:

— Что-то верно, а кое в чем вы ошибаетесь, ленсмен. — Он сделал паузу, пристально разглядывая Кима. — Вы правы, мы не хотим давать его никому из наших опытных капитанов. Дело в том, что главная идея вооружения этого корабля стара, как мир. Его орудия используют взрывчатку, правда, нового типа, чрезвычайно мощную. Испытать ее можно только в реальном бою.

— Но, сэр... — начал Киннисон.

— Минуту, — адмирал жестом прервал молодого ленсмена. — Ваши посылки были верны, а выводы ложны. Вы являетесь выпускником Корпуса номер один. И во всех отношениях, за исключением опыта, вы столь же квалифицированы, как любой из капитанов Флота. Но «Британия» так не похожа на другие наши корабли, что опыт в данном случае — не главное. Нам нужны именно вы. Если «Британия» выдержит одно сражение, она ваша навсегда. Это компенсация за реальную опасность оказаться развеянным по всему космосу. В случае удачи один рейс заменит вам десять лет подготовки, о которых вы упоминали. Достаточно справедливо?

— Справедливо. Прекрасно! Просто замечательно! И спасибо за...

— Благодарности — по возвращении. Вы, кажется, собирались покритиковать возможность применения взрывчатки, не так ли? — вскользь заметил адмирал.

Киннисон кивнул.

— Конечно, раз «Британия» получила такие орудия, это реально. Я только не вполне понимаю, какой принцип положен в их основу.

— Техника весьма проста, — улыбнулся адмирал и с увлечением пустился в подробности. — Вы подтягиваете противника к себе транспорными лучами и прожигаете дыру в его экранах до самого корпуса. Излучатель Q-пушки формирует силовую спираль. Она как бы продлевает ствол орудия до соприкосновения с корпусом вражеского корабля и ограничивает область распространения газов, движущих снаряд. Когда снаряд взрывается рядом с защитной броней, что-то должно дать выход взрывной волне. Все эксперты сходятся на том, что остановить ее невозможно.

Силовая труба и транспортные лучи специально рассчитаны на это воздействие. Наши физики полагают, что десятикилометровый слой газов в инертном состоянии — достаточно надежный заслон для вашего судна, и в первую очередь взрыв разворотит корпус врага. Маловероятно, что у них есть защита такой же мощности, что и наша Q-спираль... — Адмирал помолчал и добавил: — Во всяком случае, у нас ее нет.

Очередная пауза несколько затянулась, но в целом картина была ясна. Подумав, Хейнес все же счел нужным прибавить:

— Если их броня и силовые щиты устоят, обратная взрывная волна через рукав Q-пушки разнесет «Британию» на куски. Вашему экипажу, как и вам, это теперь известно. Кстати, все ваши люди — добровольцы, и получат существенное повышение в звании, если вернутся, — он скосил на Кима темный глаз. — Итак, вы беретесь?

— Вы спрашиваете меня об этом, сэр?! Да я и мечтать не мог о подобном задании!

— Конечно. Но формально я обязан согласовать вопрос с вами. В заключении могу добавить, что ситуация с преступными нападениями в пространстве вышла из-под контроля. Вы, наверное, уже наслышаны о Боскоме. Мы не знаем, существует ли в действительности этот монстр, или это подставное лицо, символ... или просто вымысел старых ленсменов. Но кем или чем не оказался бы этот Боском, достоверно известно, что существо или группа существ создали мощную организацию преступников. Она эффективна настолько, что мы пока не можем даже обнаружить их базу.

Более того, — понизил голос адмирал, — теперь вообще опасно выходить в космос. Боскомиане разработали корабли совершенно необычного типа. Они намного быстрее наших мощных линкоров и существенно лучше вооружены по сравнению с быстроходными крейсерами.

Киннисон вспомнил разговоры в Корпусе о недавних тяжелых потерях Патруля.

— Да, — мрачно продолжал Хейнес, — наши лучшие корабли гибнут один за другим, и кто знает скольких еще ждет эта участь. Сейчас ситуация такова, что мы не можем даже навязать пиратам бой на наших условиях.

— Неужели нельзя что-то придумать? — воскликнул Киннисон.

— Придумываем, — кивнул адмирал. — «Британия»

как раз и создана для того, чтобы получить информацию о принципах, на основе которых функционируют двигатели и вооружение новых кораблей боскомиан. Она — самый быстрый из наших космических кораблей, и развивает при полной мощности ускорение до десяти «же».

— Вы заметили, что невозможно объединить в одном корабле быстроту, маневренность и высокую мощность огня, — размышлял вслух Киннисон. — Чем же пожертвовали для достижения такой скорости?

— Всем обычным тяжелым наступательным вооружением, — откровенно признал Хейнес. — У «Британии» нет оружия дальнего боя, а средства ближнего поражения годятся лишь на то, чтобы расчистить Q-спирали путь сквозь защитные барьеры противника. Фактически, Q-пушка — все ваши боевые ресурсы... — он помолчал. — Но у корабля мощная защита, и он достаточно быстр, чтобы настичь любое судно в Галактике. Мы надеемся, что этого вам хватит для выполнения главной задачи.

Теперь перейдем к общему плану действий, — адмирал взял Киннисона под руку и медленно повел вокруг гигантского корпуса. — Инженеры обсудят с вами технические детали во время пробного полета. Когда вы с вашим экипажем досконально изучите возможности корабля, доставьте инженеров обратно на базу и выходите в поход.

Рано или поздно вы встретитесь с боскомианским кораблем нового типа. Сцепившись с ним, вы подведете Q-орудие ближе к носу противника — так, чтобы не задеть взрывом ходовые механизмы, — и пробьете корпус. Затем подключится штурмовая группа, которая перейдет на борт крейсера пиратов. Когда она расчистит поле деятельности, начнут работать специалисты вашего экипажа. Они выяснят все, что интересует наших ученых и, если окажется возможным, передадут эту информацию по остронаправленной связи. Если же это почему-либо не удастся, дальше вы будете действовать по своему усмотрению.

Адмирал помолчал, в упор взглянув на молодого человека, затем выразительно продолжил:

— Эта информация ДОЛЖНА быть доставлена на Базу. Если нет, то «Британия» — ошибка, и мы окажемся там, откуда начали... резня наших экипажей и уничтожение кораблей будут беспрепятственно продолжаться. Мы не можем дать вам даже самых общих инструк-

ций. Все, что я могу сказать — ваша миссия, лейтенант, имеет чрезвычайно большое значение для Вселенной. Повторяю, информацию необходимо доставить на Базу! А теперь, — он подтолкнул Киннисона к шлюзу, — поднимайтесь на борт и знакомьтесь с экипажем и инженерами.

* * *

Уже через сутки лейтенант Киннисон, под руководством опытных проектировщиков и конструкторов «Британии», гонял корабль взад-вперед по всей Галактике.

Навигация не представляла для него проблем. У любого корабля есть прибор, помогающий ориентироваться в пространстве, — галактический компас. Это устройство в виде шара, которое закреплено так, что может свободно, почти без трения, вращаться; оно всегда ориентировано одинаково по отношению к галактическим силовым линиям. Его экватор параллелен галактическому, а направление оси совпадает с линией, соединяющей центральную звездную систему Первой Галактики, с системой Вандемара, которая находится на самом ее краю.

Положение корабля в пространстве отмечается движущейся внутри шара точкой; она автоматически смещается в соответствии с расчетами бортового компьютера. Когда корабль лишен инерции, компас бездействует, так как любые расстояния, пройденные в свободном безынерционном полете, пренебрежимо малы в масштабах Галактики. Время от времени, из-за накапливающихся небольших погрешностей, пилот проводит ручную корректировку положения точки в шаре.

Киннисон маневрировал в обычном и свободном полете, испытывая корабль при разной мощности двигателей, во всех мыслимых и немыслимых режимах. Он одинаково усердно атаковал воображаемых врагов и реальные встречные метеориты. Он занимался этим, пока не почувствовал, что экипаж и корабль слились в единое целое. Тогда только Ким вернулся на базу, высадил инженеров и вышел на задание.

Сначала ему никак не удавалось напасть на свежий след. Он откликался на каждый сигнал тревоги, но всегда прибывал на место происшествия слишком поздно, находя лишь выпотрошенное торговое судно или изрешеченный патрульный корабль. Ничто не указывало, в каком направлении исчезали враги.

И вот, наконец, долгожданный сигнал пришел.

— QBT! Вызываю QBT, — донесся из приемника код вызова «Британии». За ним последовал ряд цифр — пространственные координаты атакованного корабля.

Первый пилот Генри Хендерсон ввел полученные данные в бортовой компьютер и включил сигнал боевой тревоги. В шаре — огромной пространственной модели галактики — возникла красная светящаяся точка. Разбуженный сиреной Киннисон бросился к галактическому компасу, моргая, чтобы окончательно проснуться.

— Прямо у нас под боком! — обрадовался он. — Всего в десяти световых годах!

— Старт! — последовала команда, и крейсер-мститель рванулся к месту схватки, заполняя пространство волнами статических помех. Судно Патруля пыталось лишить пиратов возможности вызвать подкрепление.

Командира боскомиан сильно озадачил поднявшийся в эфире шум. Это было что-то новенькое! Ему оставалось рукой подать до торговца, под завязку набитого ценным грузом; два корабля сопровождения уже были выведены из строя. Еще несколько минут, и приз — его! Пират все же быстро прощупал пространство локаторами. Обнаружив «Британию», он мгновенно понял, что информация о патрульном крейсере необычной формы, настолько дерзком, чтобы попытаться перекрыть эфир и атаковать его, будет оценена Боскомом намного выше стоимости груза одного транспортного корабля. Пиратский крейсер тут же метнулся прочь.

Но было уже поздно; мониторы «Британии» уже отслеживали цель. Киннисон понимал, что не имеет права упустить столь благоприятную возможность и, игнорируя покалеченные корабли, скомандовал:

— За ним, Генри!

Хендерсон бросил крейсер вслед за судном боскомиан. Напряженно всматриваясь в следящий экран, он легкими движениями пальцев заставлял удивительно послушную «Британию» мчаться на сверхсветовой скорости, точно повторяя сумасшедшие зигзаги, выписываемые пилотом пиратского корабля. Несколько минут этой бешеной скачки показались Киннисону вечностью.

Наконец пилот щелкнул очередным переключателем и усмехнулся.

— Зацепили? — спросил молодой командир.

— Взяли на прицел, шкипер, — подтвердил пилот. —

Ему не хватит силенок, чтобы ускользнуть от нас. Я могу держать его вечно.

— Отличная работа, Хен, — Киннисон надел шлемофон и пристегнулся к креслу. — Боевая тревога! Рапорт боевых постов!

— Первый боевой пост: эмиттеры транспортных лучей к бою готовы!

— Второй боевой пост: защитный барьер поставлен!

— Третий боевой пост: излучатель-1 к бою готов!

Перекличка шла до тех пор, пока не прозвучало:

— Боевой пост пятьдесят восемь: Q-пушка к бою готова!

Этот рапорт отдал сам Киннисон. Затем он коротко бросил пилоту:

— Вперед, Хен, действуй!

Тот врубил двигатели на полную мощность и склонился над приборами, вводя едва заметные поправки в курс «Британии». Крейсер несся так быстро, что световые волны отставали от него. После того, как был открыт принцип нейтрализации инерционных сил, выяснили, что не существует пределов скорости в свободном полете. В таком состоянии корабль мгновенно набирает скорость, уравновешивая двигательной тягой сопротивление среды. Человеческий мозг не в силах осмыслить подобный темп. Визуальное наблюдение в этом случае, разумеется, исключено. Но крейсер был оборудован не старинными оптическими системами, а современными лучевыми радарами, которые работали в гиперпространственных ультраволнах. Чудовищная скорость их распространения позволяла с успехом использовать такие следящие системы на безынерционных кораблях.

На мониторах одна звездная система сменяла другую; преследователь и жертва двигались беспорядочными, длиной в световые годы, прыжками. Хендерсон держал свой крейсер на хвосте у пирата и упорно сокращал разделявшее их расстояние. Вскоре эмиттеры «Британии» испустили транспортные лучи; несокрушимый силовой захват намертво вцепился в борт боскомианского корабля и подтянул его к крейсеру.

Однако застать вражеского капитана врасплох не удалось. Он был одним из самых удачливых боевиков Боскома — того самого, что заставлял трепетать всю галактику. Ему всегда удавалось без труда расправляться с любым быстроходным крейсером, и сейчас он даже не стал уходить от транспортного луча преследователя,

мгновенно перейдя в контратаку. Эмиттерные батареи боскомианина в упор ударили по «Британии» бушующим аннигиляционным потоком, заставив ее барьерные экраны вспыхнуть всеми цветами радуги.

Молодой командир сжал кулаки и тихо чертыхнулся. В этот момент по всему кораблю вспыхнули красные огни. Тревога! Внешнее защитное поле крейсера было уничтожено, и лучевые иглы противника, легко проходя сквозь корпус, вонзались в корабль. Уже погибло четыре поста, еще с десяток держались из последних сил.

— Посту энергораспределения: всю энергию — на излучатели! Направить удар на объект! Любой ценой пробить их экраны! — времени у Киннисона почти не оставалось.

Под удвоившимся натиском «Британии» защитный барьер пиратского корабля пал. Тогда из раскрывшегося шлюза выдвинулось окруженное эмиттерами чудовищное рыло Q-пушки. Эмиттеры создали силовую трубу, которая мгновенно пронизала внутренние слои силовой защиты боскомиан и намертво вцепилась в корпус противника — ближе к носу, где были сосредоточены центры управления огнем и силовыми экранами. Затем Киннисон легко коснулся кнопки, и к пиратскому кораблю понесся гигантский снаряд. В последний момент командир пиратов попробовал спасти свое судно, оторвавшись от крейсера Патруля, но транспортный луч держал цепко; попытка не удалась.

Что произойдет, когда торпеда врежется в борт вражеского корабля? Этого на «Британии» не знал никто. Одни молились, другие замерли в напряженном молчании, кто-то ожесточенно ругался. Но молитвы и проклятия произносились бессознательно и имели один и тот же смысл. Каждый член экипажа, побледнев и стиснув зубы, с тревогой ожидал взрыва.

Глава 3

АТАКА И БЕГСТВО

Взрыв! Сверкающие звезды исчезли в пульсирую-

щем облаке нестерпимо яркого огня. Броня и силовая защита не устояли; носовая часть пиратского судна раскалилась добела и вспыхнула. Затем пламя слилось в огромный огненный шар; он расширялся и холодел, становясь из белого красным, потом — чуть розовым. Наконец сквозь него смутно проступили звезды, и облако растаяло, обнажив покалеченный остов корабля. Лишенный основных генераторов, он был обречен.

— Приготовить лучевые иглы! Огонь! — скомандовал Киннисон. Специальное отделение, вооруженное просвечивающей аппаратурой и остронаправленными лучами, принялось за работу. Один за другим выходили из строя пульты, оставшиеся источники энергии и мониторы корабля противника.

— Идем на сближение! — прозвучал следующий приказ. «Британия» подтянула пиратский корабль поближе и раскрыла шлюз.

— Бас, твоя очередь. На штурм!

Штурмовой отряд «Британии» уже стоял у шлюза в полной боевой готовности. Командиром сотни бойцов, облаченных в скафандры и вооруженных до зубов высшими достижениями военной техники, был сержант Ван Баскирк. Великан шести с половиной футов ростом, валерианин голландского происхождения, он был отчислен из Корпуса ленсменов Валерии, так как не мог сладить с премудростями высшей математики. Несмотря на это, он был отличным патрульным.

Услышав приказ командира, Ван Баскирк открыл шлюз, и черно-серебристая волна атакующих хлынула на пиратский крейсер. Под мощным огнем переносных излучателей, питаемых с корабля, вспыхнула и растеклась каплями расплавленного металла толстая переборка, преграждавшая патрульным дорогу. Скрывавшиеся за ней пираты вскинули лучеметы. Вспыхнула перестрелка. Тут и там рикошетили и взрывались пули, воздух перечеркивали лучи «деламатеров» Патруля — бластеров последней модели. Бандиты отчаянно сопротивлялись, но их скафандры не могли устоять против эмиттеров, питаемых мощными источниками энергии «Британии». Скоро с первой линией обороны боскомиан было покончено.

— Еще одна переборка, и мы в центре управления! — воскликнул Ван Баскирк. — Излучатели, огонь!

Но излучатели бездействовали; обороняющимся удалось включить нейтрализаторы, поглощавшие направ-

ленные на них потоки энергии. Воспользовавшись замешательством патрульных, они вновь открыли ураганный огонь.

— Приготовить взрывпасту, — приказал сержант. — Всем прижаться к стене, — Ван Баскирк нашел единственную возможность укрыться от лучей пиратов. Сам он широкими взмахами наносил на переборку доставленную пасту, которая должна была послужить своего рода детонатором, разрушающим структуру металла. Пасту активировали, и поверхность под ней быстро стала покрываться трещинами; затем наступившую тишину разорвал грохот выпавшего куска переборки. Солдаты Патруля ринулись в образовавшийся проход и вступили в рукопашную схватку с противником.

Боскомиане отчаянно сопротивлялись, но силы были неравны. Тяжелые излучатели практически бесполезны в ближнем бою, а более мобильные «деламатеры» оставались бессильными перед нейтрализаторами, однако у десантников имелось страшное оружие, проверенное не одним поколением бойцов. Возможность боевой секиры, массивной, тяжелой, вобравшей в себя лучшие качества булавы, дубинки и топора лесорубов, ограничивались лишь физической силой и проворством владельца.

Сейчас секироносцы были вполне под стать своему грозному оружию, ибо штурмовой отряд «Британии» состоял из рослых сильных валериан. Мощными взмахами топоров они легко разрубали металлизированную ткань защитных костюмов, крушили шлемы и черепа. Казалось, победа близка, но внезапно Ван Баскирк насторожился. Краем глаза он уловил медленный поворот цилиндрического раструба излучателя, торчавшего высоко на стене в углу отсека. Тут он впервые вызвал своего командира.

— Ким, — приглушенно заговорил валерианин в микрофон, — похоже, они сейчас отключат нейтрализаторы. Ты сможешь тогда спалить эмиттеры под потолком в этом клоповнике?

Он немного подождал, потом чертыхнулся, пробормотав:

— Похоже, они отрезали связь... — и добавил, обращаясь к товарищам: — Отвлеките их, а я позабочусь об этой кастрюле...

Сержант бросился к страшному цилиндру, топором прокладывая себе путь. Приблизившись к цели, Ван Баскирк поднял над головой свое оружие и, уже опуская

его на голову пирата, пытавшегося защитить излучатель, вдруг обнаружил, что его предполагаемая жертва беспомощно барахтается в воздухе. Капитан пиратов разыграл свою последнюю карту: отключил искусственное тяготение, нейтрализовав заодно инерцию.

Топор стал бесполезен. Но валерианин не напрасно провел много часов в упорных тренировках, обучаясь управлять телом при отключенной инерции. Обвив ногами ближайший стержень, он схватил противника и засунул его шлем между толстым цилиндром излучателя и переборкой; затем, напрягая могучие мышцы, он ухватился за ствол, уперся обеими ногами в противоположную стену и нажал изо всех сил. Шлем раскололся, как скорлупа, отвратительными брызгами разлетелись кровь и серые лохмотья мозга; излучатель в ближайшем будущем уже не представлял никакой угрозы.

Еще секунда — и Ван Баскирк был у пульта управления кораблем. Щелкнув сдвоенным тумблером, он восстановил силу тяжести и инерцию. Понесший серьезные потери отряд Патруля яростно набросился на оставшихся в живых пиратов. О пощаде не могло быть и речи. Бой подходил к концу.

Ван Баскирк, манипулируя дисками и переключателями, отключил блокировку связи и связался наконец с «Британией».

— Ким, ты меня слышишь? — Получив подтверждение, он доложил: — Путь расчищен — можете прийти и взять то, что вам нужно.

Специалисты, возглавляемые опытным инженером Верном Торндайком, давно ожидали этого сигнала. Теперь они буквально ринулись к своей цели, следуя, однако, заранее разработанному графику. Были отслежены все провода, шины, силовые лучи. Быстро, но дотошно разобраны и изучены приборы и механизмы. Кожухи, которые не удавалось снять, осторожно разрезались лазером. Все это фотографировалось, зарисовывалось, снабжалось комментариями.

После нескольких минут напряженной работы один из инженеров-механиков воскликнул:

— Посмотрите-ка сюда! — он указал на громоздкую металлическую конструкцию, на которой только что разрезал оболочку. — Эта машинка чуть не отправила нас на тот свет!

Он отбросил вспоротый кожух с устройства, напоминавшего генератор необычно сложной конструкции.

Изоляция его катушек свисала обугленными лохмотьями, медь расплавилась, и медленно текла густыми вязкими ручейками.

— Его-то мы и ищем! — удовлетворенно кивнул Торндайк. Он подошел поближе, наклонился, высматривая подробности, понятные лишь опытному глазу специалиста, и произнес:

— Проверим-ка эти проволочки. Секция Альфа!

— Семь — три — девять — четыре! — отозвался его напарник, в свою очередь заглянув непонятно куда.

— Альфа-один!.. — и работа продолжилась.

Немного погодя Торндайк последний раз окинул взглядом покалеченный аппарат и кивнул:

— Достаточно. — Потом он обернулся к группе фотографов: — Как дела, ребята?

— Все здесь, — руководитель группы похлопал по сумке с отснятыми пленками.

— Тогда уходим, — скомандовал Торндайк. Из динамика его коммуникатора донесся голос Киннисона:

— И побыстрее. Боюсь, что наше время истекло.

Все поторопились исполнить приказ. Никто не задавал вопросов. Времени оставалось немного; его не хватало даже, чтобы позаботиться о погибших в бою товарищах. Экипаж «Британии» был обязан выжить и доставить ценную информацию.

— Есть связь, Нильс? — обратился Киннисон к офицеру-связисту — прежде, чем закрылся шлюз и инженерная группа очутилась на борту.

— Нет, сэр, кругом помехи, — сразу отозвался тот. — Пробивается только луч коммуникатора, и то с трудом. Да отсюда и не связаться с Базой, — он указал на точку в шаре, отмечавшую положение их корабля, — слишком далеко.

— Таак... — мрачно протянул Киннисон. — Боском, несомненно, предупрежден своим же крейсером. Они попытаются задержать нас... Вряд ли это представит для них проблему — достаточно зацепить корабль хотя бы одним транспортным лучом.

Ким умолк, напряженно размышляя. Он должен доставить информацию на Базу — но как? Жизнь «Британии» измерялась уже часами, и тех было отпущено не слишком много. Впереди его судно наверняка поджидала плотная сеть пиратских кораблей, и, каким бы скоростным оно не было, шансов ускользнуть почти не оставалось.

Принять бой крейсер тоже не мог. Правда, он захватил один из лучших кораблей противника — но какой ценой! Экипажу «Британии» оставалась лишь одна возможность. И капитан Киннисон решил воспользоваться ею.

— Слушайте все! — в голосе Кима не было и следа тяжелых сомнений, терзавших его, пока он искал выход из ловушки. — Информацию следует доставить на Базу. «Британия» может лишь помешать нам в этом. Нам придется покинуть корабль небольшими группами в спасательных шлюпках. Будем надеяться, что хотя бы одна из групп прорвется. Все добытые сведения предстоит записать на пленку и сделать около сотни копий — по числу шлюпок. Экипаж и рядовые-штурмовики займут шлюпки, начиная с номера 21 и вылетят немедленно, когда будут готовы записи. Постарайтесь возможно дольше не использовать энергетические источники, доступные для обнаружения. Пусть погоня уцепится за «Британию».

Останутся специалисты и офицеры. Для них предназначены первые двадцать шлюпок, по одной на двух человек. Эти шлюпки стартуют друг за другом с некоторым интервалом. Каждая из них будет предоставлена сама себе. Задача известна — добраться до любой из баз Патруля. Вопросы? — Ким перевел дыхание и сделал паузу. Все молчали, понимая, что предложенный план — единственный шанс на выполнение боевой задачи их рейда.

— Продолжаю. Экипажи шлюпок составить по жребию. Сейчас штурман выведет на принтер наши имена в случайных сочетаниях... Готово? — он повернулся к сидевшему у панели компьютера офицеру. — Действуй!

В первой же паре выпали имена Киннисона и Ван Баскирка. Валерианин довольно кивнул.

— Удача, Ким! Теперь я уверен, что мы прорвемся.

— Ну, это ты преувеличиваешь, — улыбнулся капитан. — Но более надежного напарника, чем ты, найти трудно.

— Считайте, что вам обоим повезло, — вмешался Хендерсон. — Давайте продолжим... — И жеребьевка возобновилась.

Когда экипажи определились, все разошлись по шлюпкам, которые предстояло быстро загрузить оружием, аккумуляторами, запасами еды и прочими необходимыми вещами. Особо тщательно проверили и упаковали пленки с информацией о принципе действия нового

источника энергии. Затем спасательные боты, начиная с двадцать первого номера, стали покидать обреченную «Британию».

Между делом Киннисон успел обсудить с главным инженером добытые сведения. Торндайку уже стало ясно, что боскомианский генератор улавливает и преобразовывает энергию космических излучений. Инженер, восхищенный простотой и эффективностью приемников излучения, уже успел отметить несколько существенных упущений в системе распределения энергии. Незначительные доработки позволяли, как он заметил Киннисону, создать корабль, двигающийся быстрее «Британии». Его щит выдерживал бы взрывы снарядов и помощнее Q-бомбы.

Молодого ленсмена потрясли открывавшиеся перспективы. Самые мощные двигатели, какими располагал Патруль, атомные, на аллотропном железе, в пиратском крейсере служили лишь первой ступенью разгона, инициировавшей уловители космических излучений!

— Мы просто обязаны передать записи нашим конструкторам, — воскликнул молодой капитан.

— Конечно, — согласился инженер. — Обязаны, и передадим, если это вообще возможно... — он задумчиво поглядел на Киннисона. — Пожалуй, стоит пойти проверить оснащение шлюпки. Пока, Ким. Чистого эфира!

Они пожали друг другу руки, и Торндайк направился к двери. Не дойдя до нее, он остановился около штурмана и знаком попросил того отключить свой коммуникатор.

— Ты мудрец, Аллердайк! — усмехнулся инженер, когда его просьба была выполнена. — И компьютер у тебя будто заговоренный! Пришлось немного помочь случаю, а? — штурман встрепенулся, собираясь ответить, но Торндайк жестом остановил его. — Впрочем, не думаю, что кто-то еще почуял подвох. Уж конечно, не шкипер с Хендерсоном! Если так, этот фокус пришлось бы проделать снова.

— Пусть хоть одна шлюпка прорвется, — уклончиво заметил Аллердайк. — Интересно, кого бы ты сам счел достойной парой единственному ленсмену на нашем корыте?

— Ясно, Ван Баскирка! Ты все сделал как надо, Алли... Кстати, большое спасибо за моего напарника. Ты ведь и мне подыграл?

— Это было не так очевидно, как с первой парой. Но мне кажется, вы с Хендерсоном подходите друг другу. — Аллердайк с сожалением вздохнул. — Я не рискнул подтасовать другие экипажи, это могли заметить. Но надеюсь, что в два первых выбраны лучшие. Если никто из вас четверых не вернется на Базу, значит, человек не в силах сделать этого.

— Будем надеяться, что прорвемся не только мы. Еще раз спасибо... Может, когда и встретимся... Чистого эфира! — и Торндайк ушел.

Спустя несколько минут пилот «Британии» Хендерсон установил новый режим полета, напоминавший фантастические зигзагообразные прыжки, и обернулся к Киннисону.

— Лучше бы приступить к запуску остальных шлюпок, — предложил он. — Путь еще свободен, но долго так не протянется. Пираты расставят сеть ловушек, и нам конец.

— Похоже, ты прав, — Киннисон отдал приказ, и восемнадцать спасательных ботиков выскользнули в пустоту, разделенные всего несколькими световыми годами. На корабле остались Хендерсон, Торндайк, Ван Баскирк и Киннисон.

— Отлично, Хен. Теперь пусть на нас поработает господин Случай. — Поймав недоумевающий взгляд Торндайка, Киннисон добавил:

— Шарик, бегающий по колесу рулетки. Если в колесо натыкать игл, направление движения непредсказуемо меняется. Эта штука и займется выбором курса для «Британии».

Так они и сделали. От игл к пульту управления протянулись волоски проводов, и вскоре все четверо стали свидетелями удивительного зрелища. Громадина крейсера без всякого вмешательства пилота металась из стороны в сторону, меняя курс еще более хаотично, чем под управлением Хендерсона.

Еще одна шлюпка покинула корабль. На борту крейсера оставались лишь капитан и гигант-валерианин. Пока они пережидали требуемую перед запуском паузу, Киннисону в голову пришла еще одна идея. Он обратился к сержанту:

— Пожалуй, не стоит оставлять «Британию» противнику в целости и сохранности. С другой стороны, чем дальше от нас она сможет увести погоню, тем лучше. Но можно поставить устройство, которое взорвет

все оставшиеся на борту торпеды при первом прикосновении просвечивающего луча.

— Здорово, — одобрил Ван Баскирк. — Заодно старушка прихватит на тот свет пару пиратских кораблей... из тех, что зацепят ее. Действуй, а я послежу за мониторами.

Вопрос был решен. Вскоре на борту самого быстроходного корабля Галактического Патруля никого не осталось. Управляемый шариком рулетки, огромный крейсер беспорядочно метался по космосу.

Ким, на скорую руку слепивший эту примитивную схему автоматического управления, не мог и предполагать, насколько его выдумка настолько озадачит пиратов, гнавшихся за «Британией». Пилоты видели, куда идет жертва, прикидывали, где ее перехватить, и направляли туда свои корабли. Когда, казалось, до цели уже рукой подать, судно прыгало вновь — и совсем не туда, где его ждали. Преследователей сводили с ума эти нелогичные, непредсказуемые, а подчас просто опасные изменения курса патрульного крейсера. Несколько раз он бросался прямо к ближайшей звезде, однажды подошел к раскаленному шару так близко, что босконианне рискнули последовать за безумцами, подставлявшими свой корабль прямо под смертоносное излучение. Без всякой причины крейсер кидался вдруг прямо на строй пиратских судов, чтобы тут же внезапно развернуться и ускользнуть прочь под совершенно неожиданным углом.

Но долго продолжаться так не могло. Пролетая в очередной раз между двумя боскомианскими кораблями, «Британия» задержалась на лишнюю долю секунды, и в тот же миг ее зацепили два транспортных луча, остановив сумасшедший полет. Затем преследователи включили просвечивающее излучение.

Лишь только первый импульс энергии характерной частоты коснулся борта «Британии», сработало реле, соединенное с взрывателями торпед. Любой из них хватило бы, чтоб уничтожить какую угодно космическую конструкцию, а сейчас все семь рванули одновременно. «Британию» буквально разнесло на куски. Металл плавился и испарялся под действием чудовищной энергии взрыва, обломки разлетались во все стороны.

Все произошло так неожиданно, что у боскомиан не было времени увернуться или включить нейтрализаторы инерции. Один из обломков попал в ближай-

ший корабль. Внешние экраны вспыхнули фиолетовым светом и отключились; внутренние устояли. Но сотрясение было так ужасно, что члены экипажа — те, кто остался в живых, — на много часов потеряли интерес к происходящему.

Другому кораблю повезло больше. Он дрейфовал в отдалении, и его командир успел включить двигатели и уйти в безопасную зону. Затем он отправил сообщение, которое ожидалось на некой далекой планете. Вскоре передатчик отозвался:

— Ха'Исса, представитель Боскома, — прозвучало из динамика. — Доклад не полон. Нет информации о характере обломков и наличии тел или их частей.

Затем что-то щелкнуло, и раздался новый приказ.

— Ха'Исса, представитель Боскома! Капитанам всех кораблей, независимо от тоннажа, класса и выполняемой задачи, внимание! Судно, к которому относилось предыдущее сообщение, уничтожено. Есть вероятность, что некоторым членам его экипажа удалось бежать. Их следует перехватить раньше, чем они сумеют связаться с базами Патруля. Проверяйте все суда. Уничтожайте те, на которых реальная численность разумных существ не соответствует документам. Перекройте все возможные пути бегства. Более точные указания каждый командир получит позже.

Глава 4

СТРАНСТВИЕ

Облаченные в скафандры, Киннисон и Ван Баскирк со шлемами в руках сидели в крохотном отсеке управления шлюпки, медленно продвигавшейся вперед. Включать нейтрализаторы инерции они не торопились. Киннисон изучал прихваченные из пилотского отсека «Британии» карты, а сержант время от времени посматривал на монитор.

— Не думаю, что за нами следят, — заметил наконец Киннисон, отодвигая карты в сторону.

— Главное — ни на секунду не останавливаться. Пока что у них мало шансов обнаружить нас. Кстати, ты выяснил, где мы? Вроде бы Алсакан неподалеку?

— Ну, не совсем так... Если б у нас был корабль, и тогда потребовалось бы время... а в нашей скорлупке об этом и думать не стоит. Поблизости нет ни одной населенной планеты, Ван. И мне никогда не приходилось бывать здесь. А тебе?

— Тоже, — пожал могучими плечами сержант. — Совершенно незнакомый район Галактики... — он сделал паузу, потом поинтересовался: — Ты долго собираешься выжидать, прежде чем включить тягу?

Ленсмен покачал головой:

— По-моему, не стоит рисковать, пока экраны чисты. Безынерционный двигатель они сразу же засекут. Вот если на мониторах хоть кто-то появится, тогда терять будет нечего.

— Этак мы прождем... — начал Ван Баскирк. Неожиданно его голос прервался. — Господи, — проговорил он, — Ким, взгляни!

— Ого! — воскликнул Киннисон, в изумлении уставившись на монитор. — Вокруг нас вечность и бесконечная пустота... какие же силы предопределили эту встречу?

Прямо перед ними, менее чем в ста милях, покоилась «Британия». Ее прочно держали транспортные лучи двух пиратских кораблей.

— Все-таки хорошо быть на свободе, — прошептал Ван Баскирк.

— Помолчи, — оборвал его Киннисон. — Они опознают нас на таком расстоянии в два счета! Остается лишь прикинуться, что мы — просто кусок металла... Гляди, Бас... Сейчас... Конец!

Ослепительная вспышка разорвала тьму; прильнув к экрану, патрульные наблюдали трагическую гибель своего корабля. Заметили они и то, что один из крейсеров противника пострадал от столкновения, а второй исчез. «Британии» же больше не существовало.

Теперь судно боскомиан и шлюпка двигались в одну сторону, едва заметно сближаясь. Киннисон положил руку на пульт, готовый при первых признаках тревоги включить на полную мощность безынерционный двигатель своего суденышка. Но минуты шли, а ничего не происходило.

— О чем они там думают? — раздраженно воскликнул он наконец. — Они же нас видят — не могут не видеть, если только не завязали себе глаза! Тут никакой детектор не нужен!

— Без сознания или мертвы, — поставил диагноз Ван Баскирк. — Поверь мне, они не спят. Им хорошо досталось от обломка нашей старушки... достаточно, чтобы уложить на месте добрую половину экипажа... Кстати, а нет ли у них обычного аварийного шлюза?

Киннисон быстро прокрутил в голове варианты ближайшего будущего. Конечно, в первую очередь им надлежало позаботиться о пленках. Но если торчать здесь, то встреча с пиратами рано или поздно становилась неизбежной. Им не составит труда и отыскать спасательный бот в любом из близлежащих районов космоса. Похоже, дерзкая идея Ван Баскирка была единственным безопасным выходом из ловушки!

— Попробуем, Бас, — кивнул наконец ленсмен. — Мы рискнем ненадолго включить тягу.

Спасательная шлюпка приблизилась к неподвижно висевшему в пространстве кораблю. Патрульные легко обнаружили люк — обычный для всех кораблей аварийный шлюз со стандартным магнитным управлением. Спустя несколько минут они оказались на корабле и устремились к отсеку управления. Киннисон бросил взгляд на пульт и облегченно вздохнул:

— Отлично! Мне знаком такой тип кораблей. Думаю, мы с ним справимся, — продолжал он, разглядывая лежащие на полу фигуры. — Но сначала вот что. — Ким обхватил одно из тел и, подтащив его к панели, прислонил спиной к объективу передающей камеры. — Не стоит их адмиралу заглядывать сюда.

— Все равно у них возникнут подозрения, когда корабль начнет двигаться, — возразил Ван Баскирк.

— Об этом мы подумаем позже. А для начала убедимся, что экипаж нам не помешает. Надо создать впечатление, что все на борту мертвы или тяжело ранены после столкновения с обломком.

Ван Баскирк обошел корабль. Далеко не все пираты серьезно пострадали, и патрульному пришлось заниматься весьма неприятной работой. Безоружные и захваченные врасплох, его жертвы практически не могли оказать сопротивления.

Наконец с этим было покончено. Заодно сержант открыл грузовой люк и завел внутрь шлюпку. Вер-

нувшись в отсек управления, он обнаружил, что Киннисон тащит еще одно бесчувственное тело к пилотскому креслу.

— Этот приятель, — объявил он, — был тяжело ранен, но успел запустить двигатели, включив под конец полную тягу. Потом он попытался лечь на курс обратно к своей базе, но это ему не удалось. Он умер на боевом посту в тот момент, когда судно оказалось ориентированным почти на Солнечную систему... не совсем точно, правда, но достаточно близко... По-моему, все выглядит вполне правдоподобным, — пробормотал Ким, потянув валерианина в сторону. — Сейчас мы выйдем из поля зрения камеры, а этого, — он кивнул на тело, закрывающее объектив, — уберем...

— Что теперь? — осведомился сержант, когда все было сделано.

— Да ничего, — ответил его командир. — Неплохо бы продолжить в том же духе пару недель, но шансов на такую удачу практически нет. На их базе быстро заинтересуются, куда нас несет.

Едва он произнес эти слова, как из динамика полилась лавина звуков. Для ленсмена они имели смысл:

— Судно F4U596! Куда вы направляетесь? Рапорт!

Услышав эту грубую команду, одно из неподвижных тел слабо шевельнулось, пытаясь подняться, но рухнуло замертво.

— Отлично! — выдохнул Киннисон. — Лучше и быть не может! Теперь они попробуют догнать нас. Стоит подобраться поближе к Земле и... О, еще что-то говорят! — Приемник снова ожил. — Бас, ты сумеешь взять пеленг? — Сержант пробормотал что-то утвердительное и принялся за дело. Ким вслушивался в резкий лающий тон приказа.

— Хоть одна крыса, способная шевелить языком, осталась на борту? — суть вопроса Киннисон уловил точно. Потом голос стал глуше, как будто говорящий отвернулся от микрофона: — Никто не отвечает, мой господин. В них угодил осколок того вонючего крейсера, понимаете? Экипаж погиб или в шоке.

— Если хоть кто-нибудь уцелел, немедленно доставить сюда! — Казалось, второй собеседник взбешен до последней степени. — Боскому не нужны неудачники — разве что для публичной казни на острастку прочим! Корабль вернуть на базу! И немедленно!

Киннисон повернулся к сержанту и шепотом спросил:

— Ну как, Бас? Удалось проследить их? Даже один пеленг может оказаться полезным.

— Ничего не выходит... Сплошные помехи, не могу отфильтровать сигнал... — Ван Баскирк пожал могучими плечами. — Что дальше?

— Дальше — есть и спать. Особенно спать.

— Наблюдение? — осведомился пунктуальный сержант.

— Нет необходимости. Линза предупредит меня вовремя, если хоть что-то произойдет.

Они неплохо закусили и превосходно выспались. Потом снова поели и легли спать. Затем, отдохнувшие и посвежевшие, патрульные приступили к изучению карт. Вернее, изучал их Киннисон, а валерианин, как ни таращил глаза, так и не смог понять лежащих перед ним схем.

— Удивительное дело, — вслух размышлял он. — Ты вот и щебетанье ихнее понимаешь, а по мне так вовсе непохоже на разговор... Конечно, это Линза... Может, не только она, но тебе нельзя говорить?

— Никаких секретов нет, по крайней мере, между нами, — заверил его Киннисон. — Я попробую объяснить. Любое сообщение Линза воспринимает как чистую мысль, своеобразную телепатему, понимаешь? В мой мозг эта же мысль передается через Линзу на моем родном языке, английском. Слух как будто отключен, и воспринимаю я английскую речь. У меня даже нет никакого представления о том, как звучит речь боскомиан — я никогда не слышал ее.

Ван Баскирк с восхищением посматривал то на Линзу, то на Киннисона, а ленсмен продолжал:

— Когда же я хочу говорить с кем-то, кто не понимает моего языка, то просто посылаю ему через Линзу ментальное сообщение. Ведь ты слышишь меня сейчас на отличном валерианско-голландском, хотя знаешь, что я могу произнести на нем лишь дюжину слов, и те со скверным американским акцентом. Мало того, ты слышишь мой голос, хотя видишь, — Ким приоткрыл рот, — что ни губы, ни язык не шевелятся. А будь ты манаркцем, ты принял бы это за обычную манаркскую телепатию.

— Да, да, я понимаю... я подумаю... — огромный валерианин был окончательно сбит с толку. — А ты мог бы говорить с этими... с базы... через микрофон?

— Ну, все же это Линза, а не всемогущий бог

космоса, — пожал плечами Киннисон. — Она только посылает мысли, а ментальные волны, передаваемые через подпространство, не могут воздействовать на микрофон... он-то сам не обладает разумом. Конечно, можно передать мысль без помощи электромагнитных волн, но если на другом конце нет Линзы, мне не удастся послать сообщение достаточно далеко. Говорят, мощность мыслепередачи растет с опытом, а у меня его пока маловато.

— Ты можешь принять мысль... а мысли излучает любое существо... Значит, ты можешь их читать? Прямо в голове? — неожиданно для себя выпалил Ван Баскирк.

— Да, если захочу. Я занимался этим, пока ты очищал корабль от посторонних, Бас. Я опрашивал всех оставшихся в живых, пытаясь установить расположение их центра. К сожалению, никто не знал координат. Я получил множество образов и описаний зданий, территории, сооружений и персонала базы, но ничего о том, где все это находится. Навигаторы и капитан мертвы, а суть феномена смерти не ясна даже аризианам, — сделал философское заключение молодой ленсмен. Потом он заметил: — А не поужинать ли нам? Такие беседы возбуждают у меня аппетит...

Дни шли за днями без происшествий. Наконец передатчик снова пробудился к жизни. К предположительно бесхозному судну приближались два корабля захвата; их капитаны обсуждали между собой результаты расчетов координат той точки, где должны были сойтись курсы трех кораблей.

— Надеюсь, нам удастся связаться с базой прежде, чем они до нас доберутся, — заметил Киннисон. — Но в пространстве полно помех, даже с помощью Линзы я ничего не могу сделать. Скорее всего, это не случайно, Бас... Эти боскомиане — подозрительные парни, и они сделают все возможное, чтобы не дать нам ускользнуть — особенно если найдут следы нашего присутствия. У тебя есть дубликат их коммуникатора?

— Да, прихватил на всякий случай... И я вылизал весь корабль, даже прошелся кое-где с пылесосом. Наших следов нет, гарантирую... только отпечатки пальцев их экипажа.

— Отлично, Бас! Сейчас мы пройдем рядом с очередной системой, и немного подальше нам пора выгружаться. — Киннисон коснулся клавиш миниатюрного штурманского компьютера, закрепленного на его пред-

плечье. — Ну-ка, посмотрим... тут всего две или три населенные планеты... Эта вроде подходит нам, но номер помечен красным. Значит, практически неизвестна и неисследована. Хммм... так: приземлений не было... наших представителей или связи с Патрулем нет... торговли нет... состояние цивилизации неизвестно. Планета осмотрена лишь однажды, в Третьей Галактической экспедиции. Уж очень давно, Бас... Ничего хорошего... Но ведь и выбора у нас нет! Ладно, бывают места и похуже.

Они погрузились в свой ботик, открыли внешний шлюз и приготовились ждать. Ни расчеты, ни визуальное наблюдение на такой скорости не давали ничего; полагаться можно было лишь на удачу.

Миг — и они в открытом космосе. Шлюз захлопнулся, и Киннисон рискнул включить двигатель — планета маячила угрожающе близко. До нее было около миллиона миль и, при их скорости, шлюпка должна была через четверть часа войти в атмосферу. Пока Ван Баскирк выводил судно на нужный курс, молодой ленсмен торопливо приступил к наблюдениям.

— Могло быть и лучше, — вскоре произнес он, — а могло и намного хуже. Это четвертая планета местной системы. Похоже, ненаселенная, что совсем неплохо. Третья сейчас проходит за звездой, а вторая не слишком близко для перелета в скафандрах, более восьмидесяти миллионов миль. Пройти такую дистанцию мы сумеем, летали и подальше, но тогда окажемся в зоне обнаружения минут на пятнадцать... Впрочем, посмотрим... — Планета уже стремительно надвигалась, и Ван Баскирк склонился над пультом, управляя их кораблико м. Киннисон внимательно осматривал местность внизу, прикидывая, где можно спрятать шлюпку.

Наконец ботик замер на дикой и каменистой почве чужого мира. Оба патрульных молча выпрыгнули, забросив за плечи мешки с походным снаряжением. Затем они вдвоем извлекли тяжелый переносной эмиттер и направили его огненный луч на основание холма, рядом с которым приземлились. Удар энергии выжег пещерку, в которую тут же переместили шлюпку. Затем Ван Баскирк срезал вершину холма, так что пласт почвы и слой камней прикрыли следы их визита. Киннисон аккуратно ввел координаты тайника в свой крохотный компьютер, надеясь, что больше никому это не удастся.

Затем, так же молча, оба взмыли вверх. Несколько

минут драгоценного времени ушло на то, чтобы пробиться сквозь атмосферу планеты. Когда патрульные очутились в межпланетном пространстве, Ван Баскирк заговорил.

— Все-таки очень рискованно — вот так приземлиться, спрятать шлюпку, а потом еще путешествовать... Ты ничего не слышал через свою Линзу?

— Нет... И не думаю, что услышу. Мне кажется, они нас просто потеряли. На корабле они будут не раньше, чем через десять минут, а мы до этого успеем добраться до второй планеты.

Через восемь минут они уже плыли над совершенно иным миром. Им открылась приятная, напоминавшая Землю панорама — рассеянные полупрозрачные облака, зеленые леса, просторные равнины, лесистые, покрытые снежными шапками горные цепи и сверкающая гладь океанов. Тут и там виднелись поселения — скорее даже города — но городов они избегали. Наконец, Киннисон и Ван Баскирк опустились на открытом лугу у черной, с зеркальным блеском скалы.

— Как раз вовремя, — объявил ленсмен. — Они начали переговариваться... — Киннисон сосредоточился, воспринимая мысли, которые доносила в его сознание Линза. — Так... Ну, это несущественные детали... Сейчас они вскрывают корабль, Бас... Я буду передавать тебе все, что может оказаться интересным...

Он помолчал, потом заговорил нараспев, будто читал наизусть:

— Капитаны кораблей захвата вызывают Ха'Иссу! Мы на борту крейсера. Все соответствует прежним выводам. Экипаж мертв. Не все погибли одновременно, но не подлежит сомнению, смерть наступила в результате удара, который не смогли погасить внутренние защитные экраны. Никаких следов вмешательства извне. Весь персонал на месте.

— Ха'Исса, представитель Боскома! Рапорт меня не убедил. Приказываю тщательно обследовать корабль. Изучите каждый след, каждую царапину и отпечаток. Проверьте оборудование — нет ли пропавших, вскрытых или сдвинутых с места установок и приборов. Осмотрите все датчики, особенно преобразователи энергии и коммуникаторы. Выясните, не подвергались ли они разборке.

— Ничего себе! — присвистнул Киннисон. — Эдак они найдут, откуда мы взяли коммуникатор!

— Не найдут, — уверенно заявил Ван Баскирк. — Я работал с ним инструментами с резиновыми наконечниками, и на нем нет ни царапины, клянусь... — Ленсмен нетерпеливо прервал его, знаком показывая, что переговоры продолжаются.

— ...отсутствие явных следов говорит лишь о том, что работал, скорее всего, ленсмен-патрульный. Дайте-ка мне текущие номера вскрытий шлюза и точное количество раз, которое им пользовались...

— Оооо! — простонал Киннисон. — Я даже не подумал, что на шлюзах могут быть счетчики! Похоже, игра закончена... — Он снова прислушался к переговорам и кивнул: — Он нас вычислил, Бас. Сейчас дает указания по расчету нашего курса, правда, весьма приблизительные — он не знает, когда мы покинули корабль... Сигнал ослабевает... они, наверное, удаляются.

Гигант валерианин, внимательно слушавший Киннисона, поинтересовался:

— Наше положение сильно ухудшилось, Ким?

— Скорее наоборот... Мы на планете, не используем никакой энергии, нас невозможно засечь. И мы обеспечили этой шайке такой обширный район для поисков, что им долго придется прочесывать его. Может, это спасет кого-то из наших. К тому же...

Что-то бесшумно обрушилось на него. С голой, казавшейся совершенно безобидной поверхности скалы поднялась целая стая чудовищ с хищно шевелящимися щупальцами, напоминавшими толстые веревки. Отступать было некуда. Вспыхнули лучи деламатеров; безмолвные призраки сотнями сгорали в них, но на их месте, казалось, появлялись тысячи и десятки тысяч. Батареи, питающие бластеры, начали истощаться. Очередной водопад извивающихся веревок встретила холодная сталь, клювы страшных птиц клацнули по броне скафандров, выпуклые головы превращались в кровавое месиво под мощными ударами боевых топоров. Но выиграть несколько секунд для безынерционного прыжка не удавалось. Киннисон понял, что они будут раздавлены этой серой шевелящейся тучей. И тогда он послал SOS:

— Ленсмен просит помощи! Ленсмен просит помощи! — передавал он, до предела напрягая свой мозг. Почти сразу в его сознание вклинился четкий резкий голос:

— Держись, ленсмен! Иди к утесу и жди меня. Держись! Я буду через тридцать... — передача оборвалась.

— Продолжай, Бас, — задыхаясь, проговорил Киннисон. — Помощь близка. Кто-то из местных торопится к нам... голос похож на женский... он будет здесь через тридцать чего-то там... Не знаю, минут или дней. Но мы должны оставаться тут.

— Может, и так, — ответствовал сержант, ловко орудуя топором. — Но пока я вижу что угодно, кроме помощи. Ты глянь вверх!

Киннисон последовал совету и замер на месте. С вершины скалы на них стремительно пикировал самый настоящий дракон. Он казался бредовым видением, порожденным ночным кошмаром: чудовищная змеиная голова, кожистые крылья, злобно оскаленная пасть, страшные когтистые лапы, многочисленные узловатые конечности и длинное чешуйчатое змеиное тело. Долго рассматривать чудище Киму не пришлось, ибо все новые и новые птицы обрушивались на голову и плечи патрульных. Все же мимолетный взгляд, брошенный им сквозь застившие свет крылья, не оставлял сомнений в том, что на них надвигается смерть. Что-то сильно стукнуло его по шлему, и контуженный Киннисон потерял сознание.

Глава 5

ДЕЛЬГОН

Чудовищная рептилия приближалась, и обитатели скал словно сошли с ума. Их яростные атаки стали безрассудно неистовыми; почти не обращая внимания на великана валерианина, птицы стремились добраться до Киннисона. Они так облепили его голову, торс, руки и ноги, что он не мог шевельнуть даже пальцем. И тогда стая медленно поволокла беспомощного человека к дыре, зиявшей на зеркальной глади утеса.

Ван Баскирк бросился на эту ползущую, шевелящуюся массу, бешено вращая своим смертоносным оружием. Ему не удалось ни освободить командира, ни задержать хотя бы на миг продвижение стаи. Но он

успел рассечь несколько веревок-щупальцев, стягивающих ноги Кима.

Молодой ленсмен пришел в себя — вполне достаточно, чтобы расслышать советы сержанта.

— Закрепи одно из отрезанных щупальцев вокруг пояса, — наставлял его Ван Баскирк, не переставая крушить злобных тварей направо и налево, — а я попробую ухватиться за другой конец. Куда бы тебя не волокли, мы будем там вместе! Интересно, почему эти птички, — ловким ударом он разрубил очередного подвернувшегося монстра, — не бросаются на меня? И что нужно здесь этой ящерице?

— Похоже, это Ворсел... парень, ответивший на мой вызов, — Ким не мог пошевелиться, зато сохранил способность трезво оценивать происходящее. — Я говорил тебе, что у него очаровательный голос? Обитатели этой системы вообще не говоря... сплошная телепатия, как у манаркцев. — Киннисон еще раз взглянул наверх и продолжал: — Он здорово расправляется с птичками! Видно, имеет опыт! Если продержится еще минуты три, от них и следов не останется.

— Я сделаю это, хотя бы на меня наседал весь сброд отсюда и до туманности Андромеды! — провозгласил Ван Баскирк. — Я поймал конец веревки и пристегнул к поясу.

— Не стой слишком близко, Бас, — предупредил Киннисон. — Оставь зазор, и руби, если надо будет бежать. Записи важнее, чем жизнь любого из нас, а внутри этой пещеры надеяться уже не на что. Лучше брось меня, но в нору не входи!

— Хммм... — проворчал валерианин неуступчиво. — Я бросил свою пленку на землю. Скажешь Ворселу, если они уволокут нас, пусть подберет ее и доставит, куда надо. А с твоей мы не расстанемся... даже внутри горы...

— Я говорю — режь! — повысил голос Киннисон. — Это приказ!

— К дьяволу приказы! — рявкнул сержант, еще усерднее размахивая увесистым топором. — Они не затащат тебя в нору, пока не разорвут меня надвое, а для этого придется попотеть кому угодно! Сейчас закрой рот, — заключил он, — я буду слишком занят, чтобы вести беседу!

Ван Баскирк размахнулся и метнул топор в расщелину скалы около входа-ловушки. Лезвие крепко засе-

ло в скале, гигант уперся плечом в рукоять секиры, нашел удобную опору для ног и рук, выгнул могучую спину и держал. В птичьей стае произошло замешательство. Они были уже у себя дома, и вдруг что-то помешало ровному продвижению добычи вперед! Зацепившись щупальцами за стены узкого прохода, крылатые монстры потянули изо всех сил.

Броня Киннисона трещала под мощным напором, пневматические сочленения жалобно заскрипели, однако патрульный не сомневался, что скафандр выдержит. Но устоит ли живой якорь? Киннисон знал, что в этой норе его неизбежно ждала смерть. Даже если птицы не пробьют броню, они раздавят его своим весом. В лучшем случае ему предстоит мучительная смерть от голода и жажды.

К счастью для молодого ленсмена, Судьба — в лице Аллердайка, штурмана «Британии», дала ему в напарники Питера Ван Баскирка. Хотя предками сержанта были голландские переселенцы, сам он родился и вырос на Валерии, планете, чья гравитация в три раза превосходила земную. Это обстоятельство способствовало развитию такой телесной мощи, которую земляне почти не могли вообразить. Несмотря на свои шесть с половиной футов, валерианин выглядел коренастым благодаря широченным плечам и могучему торсу. Ноги великана походили на слоновьи — достойные опоры для несокрушимого костяка и окружавших его чудовищных мышц.

Однако сейчас немалый запас сил великана был почти исчерпан. Вероятно, толстое кожистое щупальце, соединявшее его с Киннисоном, обладало фантастической прочностью; оно натянулось как струна, но не рвалось. Мускулы валерианина закаменели, сведенные судорогой, суставы потрескивали, по могучей спине катился пот, лоб взмок от испарины; Ван Баскирк держался на одном упрямстве. Стиснув челюсти, выпучив от страшного напряжения глаза, он все еще держал, не подаваясь ни на дюйм.

— Режь! — приказал наконец Киннисон. — Они сломают тебе спину, Бас! Режь, тебе говорят, гнусная валерианская обезьяна!

Но слышал ли Ван Баскирк грозные приказы своего командира неизвестно; во всяком случае, он им не внял. Напрягая жилы, он мрачно и упрямо упирался всем телом в скалу, из последних сил удерживая веревку.

Он держал, пока Ворсел с Велантии, их союзник, поразительно похожий на летающего крокодила, прорывался к двум патрульным сквозь плотное облако хищных птиц. Держал, пока этот демон во плоти приближался к ним, расшвыривая, давя, разрывая на куски и разгрызая бьющиеся тела и цепкие щупальца. Держал, пока гибкое змеиное тело Ворсела, оканчивающееся обоюдоострым, напоминающим кинжал, жалом, не скользнуло в туннель рядом с Киннисоном, произведя жуткое опустошение среди набившихся туда крылатых хищников.

Едва ослабли силы, тянувшие валерианина внутрь, напряжение собственных мышц швырнуло его прочь от тоннеля. Он упал на землю, скрипя зубами от острой боли, пронзившей мускулы. Затем на грудь Ван Баскирка приземлился все еще привязанный к нему ленсмен. Ким, чьи руки были свободны, одним движением перерезал соединяющие их путы и вскочил на ноги, готовый отразить новую атаку. Но сражение закончилось. С воплями и пронзительными стонами последние искалеченные птицы скрывались в норе.

Сержант, шатаясь, поднялся на ноги.

— Спасибо за помощь, Ворсел, мы чуть... — начал он, но был тут же остановлен мысленным приказом спасителя:

— Прекрати ментальные излучения! Не думай вовсе, если не умеешь экранировать мозг! — настойчиво прозвучало в его сознании. — Эти хищники — далеко не самый неприятный сюрприз Дельгона. Худшее впереди! К счастью, вы мыслите в редко используемом здесь диапазоне частот. Не окажись я поблизости, мне тоже не удалось бы услышать вас. Повезло вам и в другом — в этой банде не было наблюдателя Владык Дельгона. Иначе вам несдобровать! А теперь следуйте за мной, — и ящер взмыл вверх. Обернувшись через плечо, он добавил: — Я уменьшу свою скорость, но поторопитесь, друзья. Торопитесь, как только можете!

— Скажи ему, командир... — произнес Ван Баскирк и внезапно замолчал. Его мозг был совершенно пуст — насколько железная воля сержанта могла обеспечить выполнение этого условия.

— Я заэкранировал твое ментальное поле Линзой, — успокоил его Киннисон. Затем он передал Ворселу: — Тебе не придется задержаться из-за нас. Вперед!

Велантиец стремительно понесся прочь от зловещей

скалы. К его удивлению, двое людей без видимых усилий держались рядом с ним. Вскоре Ким направил новое мысленное сообщение:

— Если нам дорого время, Ворсел, мы с напарником можем доставить тебя куда угодно с гораздо большей скоростью.

Ворсел подтвердил, что им исключительно важно побыстрее добраться до цели, и Киннисон с Ван Баскирком приблизились к своему спасителю. Тот сложил мощные крылья и ухватился когтями за пояса людей; Ким щелкнул переключателем, и безынерционные двигатели скафандров помчали всю троицу вперед. Через несколько минут они были у цели. Ею оказалось маленькое, лишенное всяких излишеств металлическое сооружение, занимавшее бесплодный клочок земли посреди буйно разросшихся джунглей. Оказавшись внутри, Ворсел запер люк и повернулся к своим гостям, все еще одетым в скафандры.

— Теперь мы можем свободно обмениваться мыслями. Стены убежища представляют собой экран, сквозь который ментальная энергия просочиться не может.

— Ты назвал этот неведомый для меня мир Дельгоном. Но сам ты — уроженец Велантии, — медленно начал ленсмен. Что привело тебя сюда? Где твой корабль?

— У меня нет корабля, — спокойно ответил велантиец, — и он мне не нужен. На весь остаток моей жизни, измеряемый лишь несколькими часами, эта временная станция — мое единственное...

— Нет корабля! — перебил его Ван Баскирк. — Надеюсь, нам не придется блуждать всю жизнь по этой забытой богом планете!

— Спокойно, Бас, мы выберемся, — остановил сержанта Киннисон. — Но сейчас меня больше удивляет срок, который Ворсел назначил себе... ведь продолжительность жизни представителей его расы весьма велика. Тут что-то неладно... — и он обратился к Ворселу: — Тебе стоит, пожалуй, рассказать все с самого начала. Возможно, нам удастся найти выход из положения, которое представляется тебе тупиком. В конце концов, если потребуется космический корабль, мы просто построим его, — добавил он, немного подумав.

Велантиец начал рассказ, хотя чувствовалось, что он не слишком рассчитывает на успешное решение проблемы. После многочисленных повторов и разъяснений — мысли Ворсела изобиловали неизвестными земля-

нам понятиями — патрульные получили достаточно полное представление о ситуации в этой странной звездной системе.

Оказалось, что обитатели Дельгона давным-давно поработили велантийцев. Дельгониане, однако, не просто грабили их, не только использовали в качестве рабов и корма для скота; они буквально паразитировали на более слабой расе. Это угнетение, как биологическое, так и ментальное и интеллектуальное, длилось многие поколения. Едва появлялся велантиец, способный возглавить сопротивление, как он тут же исчезал — раньше, чем успевал хоть что-то предпринять.

Наконец, на Велантии удалось разработать ментальный экран, и ее специалисты начали тайком отправляться во враждебный мир, с одной-единственной целью — освободить свою родину от тиранов. Один за другим они стремились к Дельгону, но с этой планеты смерти не возвращался никто.

— Почему же вы не подали жалобу в Совет? — спросил Ван Баскирк. — Их бы мигом привели в чувство!

— До сих пор мы не знали, что существует такая организация, как Галактический Патруль. По этому поводу ходили лишь самые туманные и невероятные слухи и предположения, — уклончиво ответил велантиец. — Много лет назад мы направили корабль туда, где находится ближайшая ваша база. Однако путешествие занимает три нормальных продолжительности жизни, а риск велик. Маловероятно, чтобы перелет оказался успешным... Да и захочет ли Патруль рассматривать нашу жалобу? У нас ведь нет никаких доказательств... Ни один велантиец никогда не видел дельгонианина, и никто не может удостоверить все то, что я вам рассказал. Наши выводы об истинной ситуации основаны на домыслах, догадках, предположениях и нескольких случайных ментаграммах, прорвавшихся с Дельгона. Но значат ли они то, что мы думаем...

— Примем пока, что все так и есть, — прервал его ленсмен. — Но отсюда никак не следует, что ты должен вскоре погибнуть.

— Единственная цель каждого подготовленного и обученного велантийца — избавить родную планету от подчинения Дельгону. Многие пытались сделать это, ни один не достиг успеха. Никто не связывался с Велантией, начав разведку на Дельгоне... — Ворсел вздохнул, потом гордо выпрямил змеиную шею и произнес: —

Я — велантиец. Я здесь! Скоро я распахну последнюю дверь, попытавшись войти в контакт с извечными врагами моего народа... Но было много посланцев лучше меня, они потерпели неудачу, — шея его опустилась. — Я не жду успеха. Я не надеюсь вернуться на родную планету. При первом же ментальном контакте дельгониане прикажут мне идти к ним. Там я умру, хотя и не знаю, как...

— Замолчи! — резко прозвучала в наступившей тишине мысль Киннисона. — Ты не имеешь права так думать! Это самый верный путь к гибели!

— Ты говоришь о вещах, о которых не знаешь ничего, — впервые в мыслях Ворсела можно было уловить волнение. — Ты не представляешь ментальной мощи дельганиан!

— Может и так, — запальчиво возразил Ким, — но мне хорошо известно, что никакая ментальная сила не способна одолеть уверенного в себе, определенным образом ориентированного сознания! Возможно, мой разум смог бы подчинить аризианин... Но я готов биться об заклад, что больше никто в нашей Галактике этого не сумеет!

— Ты так полагаешь, землянин? — и на мозг ленсмена внезапно обрушился мощный ментальный удар. Сознание Киннисона на миг помутилось, но он отразил атаку и улыбнулся.

— Попробуй еще раз. Это пробрало меня до самых костей, но цели ты не достиг.

— Ты льстишь мне, — велантиец явно был удивлен. — Я не смог проникнуть даже сквозь внешнюю защиту твоего мозга, хотя и напряг все силы. Конечно, мой разум слаб по сравнению с дельганианским, но ведь я был рядом и воздействовал на тебя с полной мощностью и в прямом контакте... Я начинаю надеяться, что ты сможешь противостоять воздействию дельганиан. — Велантиец пристально посмотрел на Киннисона. — Хочешь ли ты рискнуть жизнью, ленсмен с Земли, ради свободы и счастья целого народа?

— Почему же нет? Конечно, прежде всего мы обязаны доставить ленты... но где бы они сейчас были без твоей помощи? Я только попрошу тебя спрятать их так, чтобы коллеги с Велантии нашли и доставили их, если мы погибнем. — Он передал упакованные пленки Ворселу и тот тщательно припрятал их в одном из шкафчиков

своего убежища. — Отлично. Теперь скажи, с чем нам придется вступить в борьбу.

— Мне ничего не известно о формах проявления ментального воздействия Дельгона, — признался велантиец. — Могу лишь догадываться, что мощность его огромна, и я совершенно точно не выдержу первого удара. Вам придется связать меня — прежде, чем снимать экран. И достаточно крепко... вы имеете представление о моей физической силе... Если я освобожусь, то, несомненно убью вас.

Патрульные взялись за дело.

— Откуда здесь все это добро? — удивлялся Ван Баскирк, опутывая покорное тело велантийца цепями, защелкивая массивные наручники и ножные колодки — так, чтобы Ворсел не мог даже шевельнуть хвостом.

— Этот способ пробовали и раньше, много раз, — мрачно ответил их добровольный пленник, — но вашу роль играли велантийцы, которые затем подчинялись мысленным приказам и снимали оковы. — Он попытался пошевелиться, но не смог. Удовлетворенный, Ворсел продолжал: — Теперь последнее. Ни при каких обстоятельствах не снимайте с меня цепи, пока люк не окажется запертым — как бы я вас не просил. Иначе вы просто выполните волю дельгониан, и это будет означать не только медленную и мучительную смерть для нас троих, но и то, что наша гибель будет напрасной. Вы поняли? Вы готовы?

— Да. Готовы, — одновременно откликнулись Киннисон и Ван Баскирк.

— Откройте дверь.

Киннисон выполнил это указание. Несколько минут ничего не происходило, потом перед ними начали возникать смутные трехмерные изображения. Патрульные знали, что это лишь фантомы, существующие в их воображении, но они казались настолько материальными, что заслоняли детали обстановки. Туманные и неясные, иллюзорные сцены становились все более четкими. Одно видение громоздилось на другое, потом к изображению прибавился звук. Прямо в нескольких шагах от патрульных, заслоняя металлическую стену, возникла тусклая и мрачная пещера.

В ней сидели, лежали, стояли сотни и сотни существ, чем-то напоминавших Ворсела. Те же змеиные тела, только лишенные крыльев, длинные заостренные хвосты, когтистые лапы... Но их головы больше на-

поминали обезьяньи, чем крокодильи. Жадные взгляды этой толпы приковывал огромный экран, который, как в кинотеатре, занимал целую стену в конце огромной пещеры.

Медленно, с содроганием мозг Киннисона начал осознавать картины, проплывавшие в огромном светящемся окне. Ленсмен не сомневался, что все это было реально — на монтаж изображение не походило и, конечно, не являлось иллюзией.

Перед патрульными разворачивались сцены массовых пыток. Сотни жертв были велантийцами или аборигенами Дельгона, а несметное количество прочих тварей Киннисон не мог определить даже приблизительно. Всех мучили, медленно и методично. Методы пыток были самыми разнообразными, от известных земным инквизиторам древности до таких, о которых эти эксперты не имели ни малейшего понятия.

Одних скручивали в трехмерных рамах. Других подвешивали на дыбе. Многие были распяты на цепях, которые периодически дергались, растягивая беспомощные конечности жертв. Некоторых погружали в ямы с кипящей едкой жидкостью, постепенно разрушавшей живые ткани. Гвоздем программы, очевидно, был один несчастный велантиец, на которого падало пятно холодного жесткого света. Он был распластан по экрану, как насекомое между двумя стеклами. Под действием зловещей невидимой силы он все больше и больше сплющивался, несмотря на все свои чудовищные усилия, вызванные неотвратимым приближением ужасной смерти.

Киннисон, совершенно подавленный увиденным, ощутил тошноту и отвращение; мозг его спазматически сжался, вопли страдальцев причиняли невыносимую боль. Он попытался выбросить из сознания жуткую сцену, но холодный приказ Ворсела остановил его.

— Ты должен смотреть! Смотреть внимательно! Впервые кто-либо видел так много и остался в живых. Тебе некуда отступать!

Затем несколько спокойнее велантиец продолжал:

— Они атаковали меня с самого начала. Благодаря поддержке твоего мозга я могу до сих пор противостоять им, преобразовывая картины, что они шлют, в истинный вид. Но мое сопротивление их удивляет... Они концентрируются все больше... Я слабею. Ты должен поддержать мое сознание... — он полузакрыл глаза и с отчаянием передал: — Когда сцена изменится... совсем уже

скоро... не верьте ей... Ради собственных жизней, ради моего народа, держитесь, люди Линзы!

Киннисон подчинился. Подчинился и Ван Баскирк, собрав всю свою упрямую силу. Вздрагивая вместе с жертвами, которых медленно перемалывали жернова мельниц, корчась от боли, чувствуя на своей коже расплавленные капли металла, обжигающие удары бичей и жжение страшных ран, невыносимо страдая в каждом из этих кошмарных кругов Дантова ада, сжав кулаки и стиснув зубы, с белыми масками вместо лиц, патрульные смотрели страшный спектакль.

Свет в пещере неожиданно приобрел зеленоватый оттенок, и стало видно, что каждая жертва окружена мерцающей аурой. Из толпы, пожирающей взглядами эту оргию садизма, протянулись к жертвам силовые лучи. Они касались аур мучеников, скользили по ним — и аура сжималась и исчезала.

Властители Дельгона питались угасающими жизненными силами своих измученных пленников.

Глава 6

ВЛАДЫКИ ДЕЛЬГОНА

Постепенно картина начала неуловимо меняться — вернее, искажалось ее восприятие. Изображение оставалось все тем же, но взиравших на него патрульных охватили теперь совсем иные чувства. Более того, они ощущали смутную вину — ибо их оценка происходящего оказалась ошибочной.

В пещере была вовсе не камера пыток, а всего лишь больница, хирургическое отделение. Пациенты, которые раньше выглядели мучениками, в действительности находились в операционной. И каждый, вылеченный замечательными хирургами Дельгона, был не только жив и здоров, но и мог наслаждаться такой силой, ясностью ума и бодростью, о какой прежде и не мечтал.

Уважаемые гости планеты Дельгон не поняли также

и того, что в аудитории присутствовали студенты-медики; лучи, которые показались им пожирающими энергию умирающих, испускали видеосканеры, с помощью которых студент мог следить за деталями интересующей его операции. Слуховые впечатления гостей тоже ошибочны; на самом деле исцеленные пациенты возглашают горячую благодарность за блестящие результаты лечения.

Глядя на выстроенную перед ним идиллическую картину, Киннисон вдруг остро почувствовал, что и он сам нуждается в немедленном хирургическом вмешательстве. Он ощутил, как тело его внезапно начало ослабевать, а мозг вообще отказался нормально функционировать. Спасти его могли только в чудесной клинике Делыгона — если бы он, не теряя ни секунды, отправился туда прямо сейчас.

Причин не доверять собственным ощущениям у Кима не было; затуманенный разум уже не мог активно сопротивляться. Но подсознание начало все сильней и отчетливей бить тревогу.

— Освободи меня! Мы отправимся туда вместе... мы успеем прийти раньше, чем разойдутся хирурги... — пришел мысленный призыв Ворсела, в котором слышалась мольба. — О, поторопись! Время не ждет!

Ван Баскирк, подчиняясь мысленному приказу, бросился к велантийцу. Киннисон автоматически отреагировал, отшвырнув его в сторону. Одновременно ленсмен пытался уловить подспудную мысль, которая звучала диссонансом к ясной картине, возникшей в его сознании.

— Обожди, Бас, — он смог, наконец, сформулировать эту мысль. — Сначала захлопни люк!

— Некогда думать о люке! — ментальный голос Ворсела был полон отчаяния и мольбы. — Освободите меня! Иначе будет поздно!

— Спешить незачем, — твердо объявил Киннисон, загородив сознание от настойчивых просьб велантийца. — Я прекрасно знаю, что нам надо спешить, но прежде, чем снять цепи, требуется задраить люк.

Неожиданно в мозгу его что-то щелкнуло, и он воскликнул:

— Гипноз! А проводник гипнотического воздействия — наш друг Ворсел! — Ким вновь был способен сопротивляться. — И внедрен так осторожно, что мне и в голову не пришло ставить защиту! О, великие боги космоса, какой же я болван! — Киннисон бросился к люку, воскликнув:

— Держись, Бас! И ни в коем случае не освобождай Ворсела!

Приблизившись к овальному отверстию, ленсмен ощутил телепатический удар такой силы, что упал на пол, потеряв контроль над телом. Теперь в сознании отчетливо прозвучали приказы:

— Не закрывать люк! Освободить Ворсела! Торопиться в пещеру Дельгона!

Но теперь Киннисон знал источник принуждения. Направив все свои ментальные ресурсы против гипнотической атаки, он дюйм за дюймом ползком продвигался к двери.

Внезапно к приказам дельгониан и воздействию велантийца добавились новые сигналы, настойчиво убеждавшие Ван Баскирка убить его, Киннисона. Один удар топора наверняка решил бы этот конфликт в пользу Дельгона. Но гигант-валерианин был упрям. Из последних сил, почти полубессознательно, он сопротивлялся чужеродной воле. Его грозное оружие взлетало в воздух и тут же бессильно клонилось вниз; он то судорожно делал шаг к своему командиру, снова замахиваясь топором, то вновь ронял его. Однако силы Ван Баскирка явно были на исходе.

Он стоял уже рядом с Киннисоном, едва не касаясь коленом его головы. Смертоносное оружие последний раз взмыло в воздух... и тут Ким дотянулся наконец до крышки люка и с силой пнул ее, защелкнув замок. Мгновенно все изменилось. Ван Баскирк стоял, удивленно взирая на распростертого у его ног командира, так и забыв опустить свою секиру. Они вновь были в комнате, замкнутой со всех сторон экраном металлических стен. Зловещая пещера исчезла.

Ким с трудом поднялся, и двое патрульных, со все еще бледными лицами и дрожащими руками, освободили от оков бесчувственное тело велантийца.

— Интересно, удастся ли привести его в чувство? — произнес Киннисон. Но его беспокойство оказалось напрасным: Ворсел пришел в себя при первых звуках его голоса.

— Благодарю вас, друзья мои, за вашу стойкость и поддержку, — его ментальный голос был еще слаб, но тверд. — Я видел все и знаю теперь о наших поработителях больше, чем кто-либо из моего народа. Но увы, все будет напрасно, если мне не удастся доставить эту бесценную информацию на Велантию. К несчастью, мыс-

лезкран обеспечивает нам безопасность только в стенах укрытия. Едва мы приоткроем люк, чтобы связаться с моей родной планетой, как немедленно погибнем. — Он повернул голову к Киннисону: — Я полагаю, специалисты вашего Патруля еще не изобрели способа проводить ментальное излучение через мыслеэкраны?

— Нет. Но мне кажется, — ленсмен твердо решил излечить Ворсела от врожденного пессимизма, — что нам стоит беспокоиться совсем не об этом. Теперь повелителям Дельгона известно о том, где мы, и они могут заявиться сюда. У нас же не так много средств обороны.

— Они не знают точно координат убежища . — начал велантиец.

— Почему же? — перебил его Ван Баскирк. — Любой луч энергии — особенно той мощности, какой ты воспользовался, — обнаружить столь же легко, как взрыв атомной бомбы.

— Но я не посылал никакого энергетического луча, — возразил Ворсел. — Наша наука настолько чужда вам, что мне не удастся, наверно, объяснить, что именно я делал. Разве что в самых общих чертах... Все, что вы видели — результат ментального резонанса между моим разумом и сознанием Владык Дельгона. Точно так же вы были связаны со мной. Зрительные, слуховые и тактильные ощущения Владык транслировались в мой мозг, затем — в ваши... Вот и все.

— Как просто! — ухмыльнулся сержант. — Вы можете устраивать такие фокусы без всякой аппаратуры, и ты говоришь «вот и все»!

— Важен результат, — вежливо напомнил ему Ворсел. — Пока бесспорны два факта: мы получили ценную информацию, но нам не удастся спастись и передать ее, если мы выйдем из убежища.

— Почему ты считаешь, что оружие бесполезно? — вернулся к своей идее Ким.

— Все, в чем мы нуждаемся — это мыслеэкран, — убежденно заявил Ворсел. — Дельгониане не используют никакого оружия, кроме ментальной энергии, потому что все, чего они добиваются, можно получить с ее помощью. Хотя, — внезапно добавил велантиец, — если мой народ попробует истребить их, нам потребуется мощное наступательное оружие. Вообще-то оно у нас есть, однако, — он вернулся к своей излюбленной теме, — чтобы определить, где враг, надо снять мыслеэкраны, а потом — с неизбежностью погибнуть. Безвы-

ходная ситуация, — горестно вздохнул огромный ящер.

— Ну, мы еще далеко не все перепробовали, — мысли Киннисона излучали бодрость и энергию. — Я думаю, что в некоторых областях техники мы можем кое-чему научить вас. И мне кажется, что для твоего мыслеэкрана металл нужен не больше, чем змее ноги. Мы могли бы подстроить свой излучатель таким образом, чтобы он управлял этим экраном, куда бы мы ни направились. Это полностью исключило бы опасность ментальной атаки.

Ворсел с сомнением покачал головой, но согласился принять участие в подобном проекте, и патрульные занялись настройкой аппаратуры.

Вскоре работа была завершена. Киннисон оказался прав — излучатель исправно действовал в новой роли генератора мыслеэкрана. Результаты же обсуждения дальнейших действий оказались менее удовлетворительными. Все по очереди предлагали один план за другим, и каждый из них по тем или иным причинам отвергался. Наконец молодой ленсмен подвел черту:

— Здесь слишком много «но» и «если». Если мы сможем найти их, если нам удастся приблизиться, чтобы стереть их с лица Дельгона, если хватит энергии в наших аккумуляторах... Будем же последовательны! Первое, что предстоит сделать — зарядить батареи. — Он немного подумал и продолжал:

— Мы видели с воздуха города. В городах обычно есть источники энергии. Ворсел, укажи нам кратчайший путь к ним, каким бы видом энергии они не располагали.

— Да, города здесь есть, — энтузиазм у велантийца отсутствовал начисто. — Это места обитания дельгониан, тех, кого пытали вместе с остальными существами в пещере Владык. Они напоминают нас, велантийцев, но их уровень развития ниже и жизненные силы намного слабее. Владыки предпочитают нас своему народу, задавленному рабством.

Посещение любого города Дельгона абсолютно невозможно, — уверенно продолжал Ворсел. — Аборигены — жалкие рабы, мозг любого — открытая книга для Владык. И я полагаю, что неверно информировал вас о способности хозяев планеты использовать обычное вооружение. Пока необходимости в нем не возникало, но едва в городе заметят чужаков, как последует распоряжение схватить нас и привести в пещеру.

— Ну и чучело! — не сдержался Ван Баскирк. — Да может ли он вообще видеть в жизни что-нибудь светлое?

— Ничего, Ворсел только на словах такой пессимист, — поспешил уверить сержанта Киннисон. — Как только начнется заварушка, он будет в самом центре, круша всех направо и налево. Вспомни, как он расправлялся с птичками! Что, однако, не снимает вопроса об энергии... — задумчиво добавил ленсмен. — У меня ее осталось на несколько минут полета, после чего нам предстоит посадка, и нельзя сказать, что она будет мягкой, учитывая вес Ворсела...

— Да я просто уйду в землю по шею, — кивнуло крылатое чудище.

— Мне тоже так кажется. Делать нечего, отправляемся в ближайший город, возможно это или невозможно. К счастью, он недалеко.

— С тем же успехом он может быть на Марсе, — хрюкнул Ван Баскирк. — Моя батарея села окончательно. Возьми ее, да отправляйся один, а мы подождем тут.

— И раздробим свои силы? Исключено.

— Что же делать?

— Я могу расширить поле, чтобы накрыть вас обоих, — предложил командир. — Это даст нам по меньшей мере три минуты свободного полета — хватит, чтобы выбраться из джунглей. Кстати, дело к вечеру, а делгонианс, как и мы, ночью спят. Если стартовать в сумерки, то уже завтра у нас будут перезаряженные батареи.

Следующий час, пока огромный раскаленный шар чужого светила клонился к горизонту, прошел в оживленной дискуссии, но существенных улучшений в план Киннисона внести не удалось.

— Пора идти, — объявил наконец Ворсел, внимательно наблюдавший за горизонтом. — Я записал все, что видел. Я выполнил больше, чем мог мечтать. Теперь я могу умереть без сожаления.

— Лучше жить на деньги, взятые взаймы, чем не жить вовсе, — усмехнулся Киннисон. — Привязывайтесь. Готовы? Вперед! — Он коснулся кнопки запуска безынерционного двигателя, и вся троица, взмыв в воздух, исчезла.

В тот же миг они уже плыли над джунглями, прикрытые мыслеэкраном. Все трое почти физически ощущали волны враждебности, исходившие от хищных

прожорливых растений фантастического зеленого ковра, расстилавшегося под ними. Но Киннисон не думал об этом, сосредоточившись на показаниях приборов. Он пытался выбрать курс, который позволил бы преодолеть возможно большее расстояние на оставшейся в запасе энергии.

Через пятьдесят секунд стремительного полета ленсмен распорядился:

— Ворсел, лети вперед, ты будешь тянуть нас, когда отключатся двигатели. Я подам остатки энергии на нейтрализатор. Ну, пошел!

Маленький аккумулятор иссякал, и теперь роль двигателя для всей компании была предназначена Ворселу. Пока работал нейтрализатор инерции, каждый взмах крыльев велантийца продвигал их на несколько миль вперед. Наконец крохотный приборчик на скафандре Киннисона вспыхнул красным; последние капли энергии были израсходованы. Теперь троица стремительно начала снижаться, вопреки героическим попыткам Ворсела удержать в воздухе двух людей в тяжелых скафандрах.

Впереди уже виднелась четкая линия, за которой джунгли заканчивались, словно отрезанные гигантским ножом. За ними простирался совершенно иной лес, безопасный и спокойный, а там еще пара миль — и город. Но как далеко до него!

— Совсем неплохо, если мы приземлимся в лесу или в джунглях. Ветви смягчат удар, иначе посадка может оказаться довольно неприятной...

— Если мы приземлимся в джунглях, то никогда не покинем их, — мысли Ворсела нисколько не изменили привычного русла. — Впрочем, какая разница, умру я сейчас или позже.

— А для нас есть, глупая кладбищенская ворона! — рявкнул Киннисон. — Прекрати ныть! У нас есть план, и будь любезен выполнять его! Вероятно, мы свалимся в джунглях, в сотне ярдов от края. Если ты окажешься там, то действительно умрешь, и вся затея полетит к черту. Поэтому мы идем на посадку, а ты лети дальше и ожидай нас в лесу. Не волнуйся, — успокоил он Ворсела, заметив, как тот нервно дернул хвостом, — наши скафандры выдержат в любых усло... Приготовься, Бас... Пошел!

Они рухнули вниз. Тесно сомкнувшиеся ветви и листья верхнего яруса пышной растительности несколько

ослабили удар, но существенного значения это не имело. Едва они коснулись земли, как к ним потянулись извивающиеся толстые лианы, удивительно красивые чаши цветов, громадные листья разнообразных форм и оттенков. Вся эта хищная флора пыталась схватить, обвить, всосать в себя двух путешественников. Воздух оказался насыщен едкими испарениями, расползающимися влажными пятнами по поверхности скафандров. Лишь наткнувшись на твердый гладкий металл боевого облачения патрульных, растения-хищники смутно начали осознавать, что эти свалившиеся с неба лакомые куски плоти упакованы во что-то гораздо более стойкое, чем кожа, кора или чешуя.

Киннисон с Ван Баскирком и сами не были склонны стать легкой добычей чудовищного леса. Они упорно продвигались вперед сквозь хищную чащу. В авангарде шел валерианин, равномерно, словно косой, взмахивая своим страшным топором. С каждым ударом — небольшой шаг вперед. Прямо за ним шел Киннисон. Его оружие защищало голову и спину великана. Их не могли остановить мощные стволы кровожадных деревьев; цепкие лианы и колючие ветви оказались бессильными перед грозным оружием Патруля.

Со всех сторон к ним тянулись отвратительно чмокающие живые чаши и шланги, жаждущие прилепиться к ним и сосать, сосать, вытягивая из жил кровь; мутные потоки едкого сока обрушивались на шлемы и оплечники их скафандров. Они оставляли за собой все удлинявшийся коридор, устланный корчащимися, разрубленными на куски древесными щупальцами, листьями и ветвями.

— Ничего себе, — пробормотал Ван Баскирк в такт взмахам секиры. — Как удачно, что в нашей команде есть и мозги, и мускулы, а, командир?

— Скорее — стремительность и уравновешенность, — возразил Киннисон, — или, если уж ты хочешь быть действительно романтичным, ветчина и яйца.

— Смерть и разложение подойдут лучше всего, если мы не выберемся прежде, чем этот дождичек проест наши скафандры. — Ван Баскирк вгляделся вперед и воскликнул: — Командир, мне кажется, я вижу просвет!

— Очень хорошо, если так, — вклинилось мысленное сообщение Ворсела. — Я окружен. Торопитесь, или мне конец.

Патрульные с удвоенной энергией принялись про-

бивать дорогу сквозь заросли. Внезапно они вылетели из джунглей на относительно свободное пространство чистого леса. Наскоро протерев скафандры, они осмотрелись и почти сразу увидели Ворсела. Несчастного действительно «полностью окружили». Около него расположились шестеро существ, напоминающих рептилий, но более гибких и подвижных. Им удалось полностью приковать велантийца к почве, лишив его возможности шевельнуть даже кончиком крыла. И эта стая уже приступила к трапезе, отчаянно грызя чешуйчатую бронированную шкуру Ворсела.

— Держись, приятель, сейчас я отгоню их, — Киннисон был уверен, что с помощью Линзы можно управлять любым животным, как бы низко оно ни стояло на шкале эволюции.

В целом, так оно и было. Ведь достаточно войти в контакт с сознанием хищника, и им можно управлять. Но чудища, приготовившиеся пожрать велантийца, оказались вовсе не животными. По набору инстинктов и мотивации поведения они были скорее растениями и то, что у них исполняло роль мозга, регулировало лишь функции питания и размножения. Эти странные монстры проявляли такую враждебность по отношению ко всем прочим формам жизни, что Киннисону не помогли даже удивительные способности Линзы концентрировать ментальную энергию.

Вновь пришлось прибегнуть к испытанному оружию, и патрульные врезались в стадо, намереваясь изрубить на куски монстров, посягнувших на жизнь их проводника. Существа немедленно отреагировали на появление новой пищи, вытянув к людям длинные шеи. Набросившись на самую крупную тварь, Ван Баскирк мощным ударом разрубил ее напополам; Киннисон опрокинул на спину двух рептилий поменьше. Оставшаяся троица уже не могла удержать разъяренного велантийца, пустившего в ход зубы. Тем не менее, чудовищные твари не прекращали жадных попыток насытиться, пока их не разодрали в клочья.

— Они застали меня врасплох, — пустился в объяснения Ворсел, когда путники вновь двинулись вперед, — их было шестеро, а я один. Я пытался воздействовать на их разум, но, похоже, у них вообще нет мозгов.

Киннисон машинально кивал головой, думая о чем-то своем. Вдруг он спросил:

— Как ты думаешь, знают ли Владыки о наших планах? Мы с Басом могли ненароком излучить одну-другую лишнюю мысль...

— Не могли, — вопреки обыкновению, велантиец был спокоен. — Мыслеэкран абсолютно надежен, и питающие его батареи, хотя и маломощные, служат достаточно долго. Давайте обсудим лучше, что мы намерены сейчас предпринять.

Не встретив больше никаких помех, они вскоре добрались до города. Он был темен и тих; здания, без единого огонька или лучика света, едва угадывались чернеющими громадами на общем мрачном фоне. То тут, то там мелькали, однако, самоходные повозки. Трое лазутчиков притаились в переулке, собираясь подстеречь какой-нибудь из этих экипажей.

Наконец одна из повозок завернула в их сторону. Едва громоздкая машина оказалась рядом, как Ворсел взвился вверх, зажав в тяжелой когтистой лапе кинжал Киннисона, и нанес водителю смертельный удар. Прежде, чем раб-дельгонианин успел что-либо передать своим властителям, он навсегда утратил эту возможность — вместе с головой, покатившейся по земле. Ворсел тут же занял водительское место, а его товарищи вскочили в повозку и распластались на полу. Сам велантиец достаточно напоминал аборигена, чтобы не опасаться случайного взгляда. Он уверенно вел экипаж, петляя по улочкам и переулкам. Наконец Ворсел затормозил у длинного низкого строения, тоже совершенно темного и тихого, и тщательно проверил окрестности.

— Все чисто, друзья, — передал он, и троица лазутчиков подобралась ко входу в здание. Дверь — или то, что служило здесь дверью — была заперта, но топор Ван Баскирка быстро справился с этим затруднением. Скользнув внутрь, друзья укрепили поврежденную створку на случай неожиданного вторжения и последовали за Ворселом по темным запутанным переходам. Вскоре тот остановился, посмотрел под ноги и уверенно ступил на одну из устилавших пол плиток, несколько большего размера. Тотчас помещение залил режущий глаза свет.

— Выключи немедленно! Они поднимут тревогу! — воскликнул Киннисон.

— Ничего страшного, — успокоил его велантиец, очевидно знакомый с подобными устройствами. — Ни в одной из комнат нет окон, и снаружи никто света не увидит. Здесь находится пульт управления энергетичес-

кими установками города. Если это то, что вам нужно, приступайте к делу. Я готов помочь, когда потребуется. Кстати, в другом крыле здания находится местный арсенал.

Киннисон внимательно рассмотрел панели и приборы. Оба патрульных разгерметизировали скафандры — они уже знали, что атмосфера этого мира некоторое время могла поддерживать дыхание — и принялись за работу, ловко манипулируя крошечными электроинструментами из походного набора. Четверть часа их аккумуляторы, подсоединенные к распределительному щиту, уже поглощали поток энергии, предназначенный для дельгонианского города.

— Пока заряжаются батареи, мы можем взглянуть, что аборигены используют в качестве оружия, — предложил Ким. — Ворсел, проводи нас, пожалуйста, в арсенал.

Глава 7

КОНЕЦ ВЛАДЫК

С Ворселом во главе маленький отряд спешил по бесконечным коридорам к дальнему крылу здания. Наконец они перешагнули порог обширного зала, где, по всей видимости, изготавливалось и хранилось оружие Дельгона. Увы, даже беглый осмотр устрашающе выглядевших устройств и механизмов убедил Киннисона, что искать тут особо нечего. Мощные эмиттеры были столь тяжелыми, что их не удалось бы сдвинуть с места; ручное же оружие выглядело новогодними хлопушками по сравнению с «деламатерами»; бластеры Патруля далеко превосходили местные и по мощности, и по дальности прицельной стрельбы, и по емкости батарей. Тем не менее молодой ленсмен тщательно перебрал все излучатели, отыскав несколько моделей помощнее, и повернулся к спутникам:

— Возвращаемся. Здесь небезопасно, и я чувство-

вал бы себя уверенней рядом с нашими аккумуляторами. Если мы их лишимся, нам конец.

Нагруженные ворохом местного оружия, они бегом вернулись к пульту распределения энергии. Киннисон облегченно вздохнул, увидев, что беспокоился напрасно. Пару минут он наблюдал за процессом, все сильней и сильней хмуря брови.

— Наверно, стоит проложить еще один слой изоляции и установить батареи обратно в гнезда, — Ким повернулся к спутникам. — Они точно так же могут заряжаться, находясь на месте в наших скафандрах. Зато мы будем готовы отразить возможную атаку. Не может же всю ночь оставаться незамеченной такая утечка энергии!

— Но ведь ваши аккумуляторы уже подзарядились, и мы можем исчезнуть при первых признаках надвигающихся неприятностей, — заявил Ворсел.

— Ни в коем случае, — Киннисон покачал головой. — Обнаружить такой отличный источник энергии и уйти, не зарядив батареи до отказа, было бы глупо. Надеюсь, мы сумеем задержать любого, кто нападет на нас, и столько времени, сколько потребуется.

Вопреки опасениям Киннисона, их еще долго никто не тревожил. Лишь ближе к рассвету у энергостанции появились два инженера-дельгонианина, обеспокоенные беспрецедентным падением мощности в городской сети.

У входа они остановились; разобрать баррикаду, заботливо воздвигнутую Ван Баскирком, они явно не могли. Оба патрульных с оружием наготове замерли у пульта управления, но ничего не произошло. Тянулась минута за минутой, ночь уходила, не беспокоя их новыми вторжениями. Лишь через час появился отряд штурмовиков, и в ход пошли массивные тараны.

По всему зданию разносились мощные тупые удары. Сержант и ленсмен выбрали по паре излучателей из сваленной на полу груды, и Ким обратился к велантийцу.

— Перегороди тот угол металлическими скамьями и свернись за ними, — распорядился он. — Это защитит тебя от шальных разрядов. Если ты не станешь высовываться, больше тебе ничего не угрожает.

Велантиец запротестовал, объявив, что он не станет прятаться, когда его товарищи отражают атаку. Киннисон свирепо взглянул на него.

— Не будь идиотом! Из любого эмиттера можно за

три секунды поджарить тебя до хрустящей корочки! А защитное поле наших скафандров даже не заметит этого лучевого удара... Делай, что тебе говорят, и побыстрее, иначе я стукну тебя по голове и сам зашвырну в угол!

Сообразив, что на этот раз придется иметь дело не с птицами и, безоружный, он ничем не поможет спутникам, Ворсел неохотно подчинился. И как раз вовремя.

Под непрерывным натиском дельгониан баррикада рухнула, и отряд рептилий устремился в комнату управления. Все говорило о том, что Владыки уже вполне изучили ситуацию. Ворвавшиеся в комнату штурмовики были вооружены едва ли не самыми мощными из имевшихся на Дельгоне излучателями. Они тут же пустили их в ход, уверенные, что ничто живое не устоит под огнем. Как они ошибались! Два безобразных двуногих создания не собирались падать, распадаться на атомы или хотя бы гореть. Лучи любой мощности совершенно не вредили им, с шипением исчезая в нескольких дюймах от скафандров.

Мало того, чужеземцы оказались совсем не беззащитными. Не заботясь о сохранности жалких излучателей Дельгона, они использовали их на полную мощность, и атакующие десятками сгорали в смертоносных лучах. Та же участь ждала прибывавшие подкрепления. Едва истощались батареи одного излучателя, патрульный отшвыривал его и поднимал следующий. Когда ресурсы местного оружия иссякли, осажденные взялись за свои собственные «деламатеры», считавшиеся мощнейшим индивидуальным оружием Галактического Патруля.

И вполне заслуженно! В э т и х лучах атакующие рептилии не обугливались и не горели. Они просто исчезали в слепящем облаке взрыва — вместе с основательным участком пола или ближайшей стены. Через несколько минут с толпами дельгониан было покончено; сервант опустил излучатель, а Ким направил свой прямо вверх и прожег насквозь потолок и крышу, заметив при этом:

— Неплохо подготовить дорогу для отступления. Теперь мы можем быстро убраться отсюда, когда придет время.

Потом они ждали, посматривая на стрелки приборов, медленно ползущие к отметке «полный заряд»; ждали, оставаясь настороже, ибо скрывавшиеся в далекой неведомой пещере властители Дельгона уже разрабатывали другой, более многообещающий план атаки.

Ожидание было недолгим. Появился новый маленький отряд, на сей раз защищенный получше — рептилии продвигались вперед, прикрываясь металлическими щитами. Киннисон не удивился, когда луч его «деламатера» не смог проникнуть сквозь щит; он даже не замедлил продвижение отряда дельгониан. Впрочем, операция уже была завершена.

— Кажется, пора убираться, — ухмыльнулся он, поворачиваясь к Ван Баскирку. — Мои аккумуляторы полностью заряжены. Как дела у тебя?

— Точно так же, — подтвердил тот, и оба одним прыжком оказались в укрытии велантийца. Благодаря безынерционному приводу все трое взмыли в воздух так быстро, что медлительным дельгонианам показалось, что они просто исчезли. Только тщательно обыскав каждый закоулок они — их хозяева, властвовавшие над разумами своих рабов — поняли, что добыча ускользнула.

Паря в воздухе, три странника за несколько минут пересекли местность, на преодоление которой вчера потратили столько времени и сил. Промчавшись над кишевшим безмозглыми тварями лесом и коварными джунглями, манящими обманчивым миролюбием зеленых крон и ярких цветов, они плавно опустились у знакомого убежища. Там путники отключили свои мыслеэкраны, и Киннисон протяжно зевнул.

— Работать днем и ночью — замечательное, но трудное занятие. Похоже, мы находимся в самом безопасном месте этой неприятной планеты, и сейчас самое время отоспаться и поесть.

Компания с восторгом приняла предложение и немедленно воспользовалась им. Двое суток подряд они спали, ели и снова спали.

— Следующим номером нашей программы является избавление Дельгона от его очаровательных и высокогуманных правителей, — объявил наконец Киннисон. — Тогда Ворсел выполнит свою задачу и поможет справиться с нашей.

— Зачем так легкомысленно говорить о столь трудном и невероятном деле? — с легким упреком ответствовал велантиец. — Я уже объяснял, что есть проблемы, которые нам не по силам.

— Ты, возможно, еще не вполне осознал, насколько разнообразны наши возможности, — пожал плечами Киннисон. — Вся трудность в том, что мы не можем ни работать через свои мыслеэкраны, ни снять их. А под-

чинить сознание дельгонианина и попасть таким образом в пещеру вряд ли возможно — Владыки этого не допустят...

Ленсмен замолчал, обдумывая сформулированное им противоречие. Внезапно его лицо просветлело:

— Это же так просто! — воскликнул он. — Одному из нас предстоит сделать вид, что он сдается; неплохо, чтобы он смог частично защитить сознание, иначе Владыки узнают о двух остальных. Вопрос в том, кто возьмет на себя эту роль?

— Лучше всех справлюсь я, — мгновенно ответил Ворсел. — Не только потому, что это будет выглядеть наиболее естественным. В отличие от меня, вы не способны хорошо управлять своим мозгом. Кроме того, для вас непривычно подчинять свое сознание воле врага.

— Да, для меня это было бы в высшей степени неприятно, — задумчиво подтвердил Киннисон, — и я не уверен, что смог бы до конца выдержать свою роль. Похоже, ты прав, Ворсел, хотя мне не хотелось бы взваливать на тебя столь тяжелую задачу.

— Хммм... — задумался велантиец. — Теперь это не кажется мне больше невозможным, но будет трудно... очень трудно... В любом случае, вам придется убить меня, если что-то пойдет не так... Не стоит, однако, сожалеть о такой мелочи, как моя жизнь, — его монолог свернул на привычную колею. — Знайте, я готов и даже счастлив умереть за свободу своего мира. Любой из моих коллег, — все более воодушевляясь, продолжал Ворсел, — был бы рад оказаться на моем месте и пожертвовать собой ради Велантии. Я сообщил о вас своему народу, и вы в любое время будете желанными гостями, со мной или без меня.

— Не думаю, что нам придется убить тебя, — Киннисон мысленно прикидывал, что может натворить этот летающий дракон с твердой, как сталь, шкурой и огромными зубами, когда разум его окажется во власти безжалостных Владык Дельгона. — Но если ты не выдержишь и станешь слишком несговорчивым, нам придется нелегко. Наверное, лучший выход — как следует стукнуть тебя... лишить сознания, но не убивать... — Ленсмен окинул задумчивым взглядом могучую фигуру Ван Баскирка и добавил: — Постараемся не нанести тебе непоправимого вреда, приятель.

— Если тебе это удастся, будет просто замечательно. Вы готовы?

Патрульные кивнули. Ворсел открыл дверь и через миг уже несся над лесом с невиданной на Земле скоростью. Поодаль его сопровождали двое патрульных, опасаясь случайным всплеском ментального поля выдать свое присутствие.

Они летели над сушей, потом пересекли море, и опять помчались над равнинами. Наконец перед ними выросла мрачная горная гряда, и Ворсел, сложив свои не знающие усталости крылья, камнем упал вниз. Киннисон разглядел вход в пещеру, тусклое черное пятно на темном склоне горы. На выступе у входа лежал дельгонианин — по-видимому, страж.

Одним быстрым движением ленсмен вскинул свой «деламатер», прицелился и выстрелил. Но было уже поздно; глазами охранника Владыки успели разглядеть спутников велантийца, о которых он сумел так долго держать их в неведении.

Внезапно Ворсел снова забил крыльями, плавно поднимаясь вверх. Патрульным показалось, что они уловили смысл его маневра — он будто бы пытался показать, что вход в пещеру выше, и им по-прежнему надлежит следовать за ним. Но едва люди приблизились, Ворсел обрушился на Киннисона.

— Стреляй, Ким! — крикнул Ван Баскирк. — Тебе с ним не справиться! — и сержант вскинул свой «деламатер».

— Отставить, Бас! — приказал Киннисон. — В воздухе мне проще, чем на земле.

Так оно и было. Оставаясь в безинерционном состоянии, Киннисон не чувствовал толчков велантийца, а когда Ворсел обвил его своим могучим змееподобным телом и начал сжимать, Киннисон просто расширил зону ментального экранирования, вырвав разум своего друга из цепких объятий Владык. Мгновенно велантиец пришел в чувство, включил собственное защитное поле, и все трое ринулись вниз, в адскую пещеру.

Ворсел приземлился на самом краю выступа; для него, невооруженного, идти под землю означало погибнуть. Вниз пошли патрульные. Поначалу они не встретили сопротивления; видимо, Владыки Дельгона просто не успели организовать его. С ними сталкивались лишь плохо вооруженные группы рабов, которых лучи «деламатеров» мгновенно превращали в пепел. По мере приближения к центральной пещере защитники становились все более упорными и многочисленными, но им не удалось остановить

стремившихся вперед людей. Наконец дорогу им преградил слабо мерцающий металлический барьер. Его силовое поле нейтрализовало вспышки «деламатеров», но материальная субстанция не устояла против секиры валерианца.

Они оказались в главной пещере — святая святых местных повелителей, где находился демонстрирующий пытки экран, сейчас безмолвный. Толпа «аристократов», еще недавно столь жадная и бездумно жестокая, оцепенела, охваченная затмившей разум паникой. На балконе, прилепившемся к скалистой стене, замерли вожди этого отвратительного клана; казалось, они лихорадочно обдумывали, как справиться с дерзкими пришельцами, посягнувшими на их многовековую неприкосновенность.

Последний отряд рептилий-рабов, включив на полную мощность свои бесполезные излучатели, исчез в огне «деламатеров». Отвратительно убивать созданий столь безмозглых и безответных, но патрульным пришлось выполнить эту грязную работу. Вскоре путь был расчищен, и губительные лучи обрушились на толпу Владык.

Теперь Киннисон и Ван Баскирк сеяли вокруг смерть если не с удовольствием, то, по крайней мере, равнодушно, без малейших угрызений совести. Чудовищный род следовало уничтожить, выполоть до корней — иначе, восстав из праха, он снова начал угрожать цивилизации. Наконец, в угрюмой пещере не осталось в живых никого, кроме двух сосредоточенных решительных патрульных в скафандрах и с оружием в руках.

Уверившись в этом, но все еще держа «деламатеры» наизготовку, они отправились назад, к устью пещеры, где их с тревогой ожидал Ворсел. Поведав велантийцу, что произошло в пещере, Киннисон стал постепенно снижать защитный потенциал мыслеэкрана. Скоро энергия была на нуле, и велантиец с торжеством отметил, что впервые с незапамятных времен в эфире не слышно металлических приказов Владык Дельгона.

— Не обольщайся, друг, опасность еще существует, — Киннисон предостерегающе поднял руку, — мы не могли уничтожить всех разом. Вероятно, некоторым удалось спастись бегством, и на планете наверно есть и другие убежища...

— Возможно, возможно, — помахал хвостом Ворсел, первый раз проявив признаки радостного возбуждения. — Но главное сделано: их власти пришел конец! С новыми экранами и оружием, которое мы, благодаря

вашей помощи, можем теперь изготовить, разделаться с ними окончательно совсем несложно. Теперь вы должны сопроводить меня на Велантию, где вам предоставят абсолютно все — все, что вы пожелаете! — он гордо вскинул голову на гибкой шее, словно желая удостоверить щедрость своих соплеменников. — Я уже вызвал корабль, и меньше, чем через двенадцать дней вы окажетесь на нашей планете. Тем временем...

— Двенадцать дней! Великие боги космоса! — возмутился Ван Баскирк.

Киннисону пришлось напомнить:

— Ты забыл, Бас, что им неизвестен принцип безынерционного передвижения. — Повернувшись к Ворселу, ленсмен продолжал: — Я думаю, нам лучше отыскать свою шлюпку. Это можно сделать в течение часа, а не двадцати дней, так что незачем ждать велантийский корабль. Боскомиане — те существа, что преследуют нас — могут появиться здесь в любую минуту. Возможно, ваш корабль остановят прямо в пространстве и обыщут... вам плохо придется, если мы окажемся на борту.

— Все равно экипаж уже знает о нас, и пираты скоро узнают. Как ни крути, тоже плохо, — мрачно заметил сержант.

— Не тревожьтесь, — вмешался Ворсел. — Немногие мои соотечественники, которые знают о вас, не скажут ничего. Я, однако, вынужден признать, что ваше сообщение о новой угрозе из космоса, об этом Боскоме, сильно расстроили меня. Пока я не встретился с вами, на Велантии знали о них не больше, чем о Патруле.

— Какой прекрасный мир! — воскликнул Ван Баскирк. — Ни Патруля, ни пиратов — одни мелкие неприятности с этими дельгонианами! Ваша жизнь, должно быть, проста и приятна, совсем как в добрые старые времена!

— Трудно сказать, — велантиец был совершенно серьезен, — но наша планета, мне кажется, стоит в стороне от шумной жизни Галактики. Возможно, пиратам просто нечего у нас делать?

— Хорошо, если так, — покачал головой Киннисон. — Но более вероятно, что они, как и наш Патруль, просто еще не успели до вас добраться. В Галактике миллионы солнечных систем, Ворсел... Могут пройти тысячи лет, прежде чем мы или они окажемся у вас.

— А эти существа, боскомиане, — вернулся к ин-

тересующему его вопросу Ворсел, — имеют такие же мощные умы, как Владыки Дельгона? Они смогут разбить наши мыслеэкраны? Или же это маловероятно? — он внимательно смотрел на ленсмена.

— Насколько мне известно, — начал Киннисон, — у вашего народа исключительно высокие способности к телепатии... самые высокие, исключая аризиан. Ты, к примеру, улавливаешь мыслепередачи с намного большего расстояния, чем я с помощью Линзы. Вот и посмотрика, нет ли поблизости пиратов?

Велантиец сосредоточился, зондируя эфир, и, пока он занимался этим, Ван Баскирк спросил:

— Почему же, если его разум так силен, эти мерзавцы с Дельгона сумели овладеть им куда легче, чем нашими слабыми мозгами?

— Ты смешиваешь «ум» и «волю», — терпеливо объяснил Киннисон. — Века подчинения местным Владыкам практически сломили волю велантийцев, а нам ничто не мешало проявить упорное сопротивление. Я думаю, — добавил он помолчав, — если бы Владыки одержали над нами верх, мы просто сошли бы с ума.

— Вероятно, ты прав, друг мой. Вас можно сломать, но не покорить, — присоединился к беседе закончивший наблюдения велантиец. — Итак, — доложил он, — я осмотрел пространство в радиусе одиннадцати световых лет, и не обнаружил ничего подозрительного.

— Одиннадцать световых лет... Совсем неплохо, — заметил Киннисон. — Однако для пиратского корабля это чуть больше двух минут полета. Нам придется рискнуть, и чем быстрее мы стартуем с Дельгона, тем лучше. Встречаемся здесь, Ворсел. Теперь тебе незачем идти к укрытию. Мы вернемся раньше, чем ты доберешься до него. Я полагаю, здесь ты в безопасности, особенно с нашими «деламатерами». Идем, Бас!

Патрульные еще раз пересекли межпланетное пространство. Через три минуты они отыскали нишу в скале, где была спрятана шлюпка, еще через пару минут извлекли ее наружу. Несколько кратких мгновений перелета — и они уже вновь стояли с велантийцем.

— Все в порядке, Ворсел, влезай! — позвал Киннисон, распахивая люк. Потом он продолжил, обращаясь к Ван Баскирку: — Помолись своему космическому богу, дружище, пусть присмотрит за нами еще четверть часа. Нам не на что пожаловаться сегодня, и будет тем более обидно потерпеть неудачу, когда все уже почти закончилось.

— Великие боги космоса в самом деле приносят удачу, — слегка обиделся великан, почтительно покосившись на маленький золотой образок внутри своего шлема, — и то, что какой-то атеист-коротышка с Земли позволяет себе сомневаться в этом, ничего не изменит.

— Отлично сказано, Бас! — одобрил Киннисон. — Следующий раз, когда тебе потребуется зарядить аккумуляторы, обращайся прямо к ним... Приготовиться к запуску! Взлет!

Крошечная шлюпка, где с трудом разместились трое путников, рванулась с Дельгона навстречу далекой Велантии. Эфир все еще оставался чистым, да и неудивительно. Патрульные предоставили пиратам такой простор для поисков, что могло пройти еще очень много дней, пока агенты Боскома догадаются посетить ту малозаметную звездную систему, где обитала раса драконоподобных телепатов.

Пока они неслись к желанной планете, Ворсел успел войти в контакт с экипажем велантийского корабля, уже вылетевшего им навстречу. Он сообщил соплеменникам, что можно возвращаться, и проинструктировал, как им надлежит действовать, если их задержат и начнут обыскивать. Он едва успел закончил сеанс связи, как крохотное суденышко подошло к Велантии. Пользуясь указаниями Ворсела, Ким быстро отыскал родной город велантийца.

Ворсела сильно расстроило, что патрульные отказались от любых публичных церемоний и почетной встречи.

— Не понимаю! — жаловался он. — Вы совершили столь славное деяние, и не желаете, чтобы вас чествовали как должно! Не хотите появиться даже в Соборе! Неужели мне одному придется нести бремя славы?

— Вообще-то, большей частью успеха все предприятие обязано тебе, — твердо произнес ленсмен. — И для нас важно, чтобы Патруль пока оставался в стороне. Скажи своим родичам что хочешь... — Киннисон на секунду задумался. — Ну, хотя бы, будто тебе помогали два розововолосых шиклодорианина с хоботами вместо носов, которые потом вернулись домой. Если пираты вздумают их разыскивать, то получат за свои деньги массу удовольствия. — Он немного помолчал и прибавил: — Конечно, когда все закончится, ты можешь сказать правду... Но не раньше!

Ворсел постарался скрыть разочарование, и перевел разговор на другое:

— Чем мы можем помочь вам?

План действий Киннисон обдумал уже давно.

— Нам потребуется хорошая лаборатория, всевозможные материалы и несколько квалифицированных помощников, умеющих скрывать свои мысли, — произнес он, и с улыбкой взглянул на Ван Баскирка. — Тогда нам удастся сконструировать нужное оборудование и стартовать с планеты так скоро, как позволят великие боги космоса.

Глава 8

ОТВЕТНЫЙ УДАР

Ворсел был хорошо знаком с лучшими учеными планеты. Он и сам занимал достаточно высокое положение в этом кругу избранных, принадлежа к вершинам научной иерархии. Верный обещанию, он немедленно добился, чтобы его друзьям был предоставлен самый большой космопорт планеты с отличной лабораторией; весь прежний персонал был заменен группой тщательно отобранных работников.

Все они были молоды, энергичны и прошли курс обучения у лучших специалистов планеты. Конечно, эти велантийские инженеры не имели ни малейшего представления о том, чем им предстоит заниматься, зато были хорошо подготовлены в области высшей математики, а от нее до теоретической и прикладной физики только один шаг. И велантийцам, умеющим мыслить логично и эффективно, сделать этот шаг было нетрудно. Немало способствовало успеху дела и то, что практически любой из необходимых механизмов уже существовал в миниатюре в шлюпке «Британии». Сложности возникали тогда, когда требовалось воспроизвести их в увеличенном масштабе — Велантия просто не располагала необходимыми для этого инструментами и вспомогательными механизмами.

Их пришлось спешно создавать. Тем временем Кин-

нисон и Ван Баскирк занялись изготовлением сверхчувствительного приемника, который позволил бы прослушивать излюбленный Боскомом диапазон частот. Благодаря обширным познаниям патрульных и прекрасным техникам Велантии, с этой работой справились быстро.

Киннисон последний раз подстраивал чувствительные контуры прибора, когда в радиолабораторию проскользнул Ворсел.

— Привет, Кимбол Киннисон, носитель Линзы! — воскликнул он. Обвившись вокруг ближайшей стойки и непринужденно перевернувшись вверх ногами, велантиец выдвинул на стебельках три или четыре глаза, а затем перекинул их через плечо ленсмена, чтобы получше рассмотреть результаты усилий инженеров и механиков. Мрачный пессимист, преследуемый мыслями о смерти, исчез. Взамен появилось счастливое, беззаботное и даже несколько игривое существо — если только можно вообразить игривого тридцатифутового питона с крокодильей головой и кожистыми крыльями.

— Привет, Ваше драконье величество! — в тон ему отвечал Киннисон. — Все еще здесь, да? Мы думали, ты уже на Дельгоне, приканчиваешь остатки тамошней нечисти.

— Оборудование еще не готово, да и спешить некуда, — жизнерадостная рептилия, размотав несколько футов своего изящного тела со стороны хвоста, помахала им в воздухе. — Рано или поздно остаткам Владык придет конец... — Глаза Ворсела вновь устремились к прибору. — Ты собираешься испытывать новый приемник?

— Да, хочется проверить его, — Киннисон проворно манипулировал крохотными верньерами. Его взгляд сосредоточился на многочисленных шкалах и циферблатах, он слушал... слушал... слушал... увеличивал мощность и слушал опять... Неожиданно ленсмен напрягся, руки его замерли, лицо стало еще более сосредоточенным и постепенно начало мрачнеть. Потом верньеры поползли дальше, как будто он отслеживал луч.

— Бас! Зафиксируй фокусирующую лучевую антенну! — резко скомандовал Ким. — По-моему, я слышу их шефа... самого Ха'Иссу... Он передает прямо из своего логова.

Снова и снова он подбирал положение дисков настройки и регулировал направление антенны, отмечая

каждый раз точное время сообщения. Наконец Киннисон оторвался от прибора и взглянул на Ворсела:

— Есть! Надо обратиться к астрономам, и нанести все данные на ваши карты. Я надеюсь, что удастся вычислить направление на штаб-квартиру этого Ха'Иссы.

— Какие новости, шеф? — спросил Ван Баскирк.

— Разнообразные, — был ответ. — Похоже, Ха'Исса до сих пор не знает, куда мы делись. Кораблей не хватает, и он сосредоточил поиски в районе перехвата крейсера. Так что мы располагаем солидным запасом времени, Бас! Но есть и плохие новости. Они захватили уже четыре наших шлюпки и охотятся за остальными. Обидно, что мы не можем связаться с ними. Наверняка кто-то успел бы добраться к нам на Велантию.

— Кое-что можно попробовать, — неуверенно начал Ворсел.

— У тебя есть идея? — обрадовался Киннисон. — Отлично! Но ты в чем-то сомневаешься?

— Дело в том... — замялся велантиец, — мне несколько неловко... ведь твой народ гордится непроницаемостью своего сознания для постороннего вмешательства... — Он немного помолчал, потом решил начать издалека. — Наши познания во многом различны. Вы идете далеко впереди в механике, физике, химии и других прикладных науках. С другой стороны, мы намного глубже проникли в тайны мышления и обладаем обширными сведениями о внутреннем мире. Именно поэтому я уверен, что твоя Линза имеет неизмеримо большие способности, чем ты способен вообразить. Конечно, я не могу непосредственно воспользоваться ею, ведь она настроена на тебя... Но если ты согласен, я мог бы войти в твое сознание и попытаться наладить связь.

— Конечно, согласен! — воскликнул Киннисон. — Мне просто и в голову не приходило, что ментальное вмешательство может не носить враждебного характера. Но твое предложение — совсем иное дело. Действуй!

Он полностью расслабился, и разум велантийца скользнул в его сознание. В мозг ленсмена начали вливаться дружелюбные, мягкие волны энергии. Постепенно восприятия обрело такую глубину и ясность, которых Киннисон не мог ранее представить. Обладателю вошедшего в него разума было ведомо то, что самые проницательные умы Земли воспринимали лишь как хаотическое нагромождение ментального света и

ментальной тени, как неясные образы, смутно проплывающие где-то в подсознании.

— Дай мысленный портрет того, с кем тебе хотелось бы говорить первым, — пришла мысль из глубин собственного мозга Киннисона.

Ленсмен ощутил легкую дрожь от этой новой, в высшей степени странной раздвоенности, но спокойно послал мысленное сообщение:

— Извини, я не умею.

— Прости ты меня... Я должен был знать, что ты не мыслишь в наших терминах. Подумай о нем как о личности. Я надеюсь, что получу таким образом недостающие сведения.

В мозгу землянина возник четкий образ Хендерсона, первого пилота погибшей «Британии». Он ощутил, что как затрепетала и запульсировала Линза, действуя, как концентратор мощнейшего потока ментальной энергии. И вслед за тем он вошел в мысленный контакт с пилотом! И инженер Верн Торндайк тоже был там!

Хендерсон с воплем вскочил на ноги, когда его сознание получило телепатическую посылку; потребовалось несколько секунд, чтобы объяснить ему, что он не пал жертвой космического безумия или галлюцинации. Однако, осознав это, он действовал без промедления. Минуту спустя его спасательный ботик уже мчался к далекой Велантии.

И началось! Киннисон устроил настоящую перекличку:

— Нельсон! Аллердайк! Томпсон! Дженкинс! Уленхат! Смит! Четуэй!...

Нельсон, специалист по связи, ответил на вызов капитана. Отозвался и Аллердайк, плутоватый штурман «Британии». Удалось найти и Уленхата, техника. Откликнулись еще три шлюпки. Две несомненно находились в опасной зоне, и легко могли быть пойманы в случае прыжка, но их экипаж без колебаний решил воспользоваться представившимся шансом. Четыре бота, как известно, были захвачены пиратами. Другие...

— Только восемь, — размышлял Киннисон. — Не слишком хороший результат, но могло быть намного хуже. Спасибо, Ворсел, — коротко кивнул он, почувствовав, что тот выскользнул из его сознания.

Спасательные шлюпки приземлялись одна за другой. Их экипажи, едва успев поприветствовать друг друга, окунались в работу. Последним прибыл Нельсон, связист, которого Ким встретил особенно радостно.

— Нельс, ты нам очень нужен, — обратился он к инженеру, как только закончился обмен приветствиями. — У боскомиан разработан новый метод связи — луч, несущий искаженный сигнал, который они могут принимать и декодировать, отделяя от обычных помех. Ты наверняка сможешь разобраться в их системе. Некоторые велантийские специалисты, наверное, могли бы помочь тебе. Нам требуется устройство, способное глушить любые коммуникационные лучи пиратов на максимально возможном расстоянии. Будет совсем неплохо полностью лишить их связи!

— Сделаем, шеф, — кивнул инженер, и попросил обеспечить его инструментами, аппаратурой и несколькими помощниками, сведущими в электротехнике.

В следующие несколько дней территория космопорта вблизи лабораторного комплекса полностью преобразилась. Тут и там громоздились устрашающего вида машины и механизмы, между ними торчали всевозможные излучатели, поглотители и рассеиватели энергии, не были забыты и многочисленные атомные генераторы, батареи гигантских аккумуляторов и прочие энергетические источники. Почетное место занимал высокоэффективный глушитель, над которым трудилась команда Нельсона. Работы были в самом разгаре.

Когда пришло сообщение от Ворсела, Киннисон с группой велантийцев занимался окончательной наладкой одной из существующих частей всего комплекса — подземной ловушки, оснащенной кольцевым излучателем транспортных лучей. Молодой ленсмен быстро проверил, стоит ли его установка на предохранителе, и поспешил в центр управления, где постоянно дежурили патрульные.

— Они идут, — кратко объявил Киннисон. — Действуем по плану. Правда, не все еще готово, но придется обойтись тем, что есть, — он склонился над приборами.

Ким не сомневался, что если пираты успеют направить на планету следящее излучение, патрульные потеряют преимущество внезапности. Этого он допускать не собирался. Ленсмен ударил первым, и все произошло почти мгновенно.

Мощный транспортный луч намертво вцепился в боскомианский крейсер, и в ту же секунду заработали помехоизлучатель Нельсона, купол-экран, блокирующий прием космической энергии. Миг — и вот уже пиратский корабль медленно опускается на Велантию. Лишь авто-

матические защитные барьеры спасли корабль от полного разрушения. Опомнившийся командир крейсера успел все же открыть ответный огонь, но тщетно — защита комплекса легко нейтрализовала потоки бушующего пламени.

Тем временем экипаж, к своему полному ужасу, выяснил, что корабль отрезан от источника энергии. Мало того, не удавалось войти в контакт ни с одной станцией пиратов, все сигналы судна полностью блокировались. Перегруженные двигатели не могли сдвинуть корабль ни на дюйм из зоны действия силовых полей противника.

Вскоре положение ухудшилось еще больше. Мощность вспомогательных источников энергии была до смешного мала по сравнению с потребностями вступившего в бой крейсера. Правда, едва его сопротивление ослабло, мощность атаки тоже уменьшилась: разрушение превосходного дредноута никак не входило в планы ленсмена.

— Со старушкой «Британией» такого бы не случилось, — пробормотал он, снижая постепенно мощность своих лучей. — Ее генераторы никто не мог их полностью заблокировать.

Скоро запасы энергии корабля иссякли, и он неподвижно застыл на месте. В движение пришли гигантские подъемники, которые перенесли его на астродром, установив на открытом пространстве рядом с лабораторным комплексом, защищенном силовыми куполами. Едва корабль замер, как в борту распахнулись люки, и оттуда выскочили готовые к бою пираты.

Они не собирались погибать как крысы в ловушке, и знали, что остаться внутри корабля — значит предоставить противнику выбрать для них смерть. Покинув судно, они получали возможность прихватить на тот свет несколько врагов. Им нечего было терять, и они яростно сражались — и проиграли. Они погибли все до единого.

Когда все было кончено, Киннисон прошел по захваченному кораблю, уничтожая всю аппаратуру, обеспечивающую связь с пиратской базой. Только потом он дал команду отключить силовые купола и вывести корабль с рабочей площадки. Затем группа Нельсона, все члены которой теперь могли считаться экспертами в области связи, занялась установкой на нем мощного излучателя помех.

Киннисон и Ворсел тем временем обшаривали космос в поисках новой жертвы. Вскоре они ее обнаружили — немного дальше, чем первую, в двадцати световых годах от Велантии и совершенно в другой стороне. Операция повторилась по испытанной уже схеме, и через несколько минут второй крейсер неподвижно замер лежал рядом со своим собратом. Потом в ловушку попались один за другим еще два корабля. И космос надолго опустел.

Тогда ленсмен включил свой сверхчувствительный приемник, сориентировав его на базу Ха'Иссы, по направлению, рассчитанному астрономами Велантии. Поймать сигнал оказалось неимоверно трудно, таким узконаправленным был луч связи. Но усилия Киннисона были вознаграждены; через некоторое время он услышал голос предводителя боскомиан.

— ...с четырьмя кораблями, дислоцировавшимися поблизости от звездных систем 345/45, 345/47, 345/51, 345/52, потеряна связь; каждое исчезновение сопровождалось вспышкой блокирующих помех ранее не встречавшейся природы. Приказываю тщательно исследовать этот район. Ввести в действие все экраны защиты, передатчики настроить на постоянную связь с базой. Предположительно, Патруль здесь не замешан. Логичнее считать, что одна из неисследованных систем является местом обитания неизвестной высокоразвитой расы... — Ха'Исса многозначительно помолчал, затем продолжил развивать свою гипотезу. — Возможно, наши корабли, которые нанесли им визит, проявили неосторожность; поэтому вам предстоит исследовать пространство вблизи их планеты с максимальной аккуратностью. Если удастся приземлиться, не применяйте силу; только — такт и дипломатию. Выясните, были ли наши корабли и их экипажи уничтожены или только захвачены. Связь с базой поддерживать постоянно.

Передача закончилась. Несколько минут Киннисон тщетно манипулировал верньерами настройки приемника, но безуспешно.

— Что ты хочешь поймать, Ким? — спросил Торндайк. — Разве этого недостаточно?

— Нет, мы получили лишь половину информации, — заметил Киннисон. — Этот Ха'Исса вовсе не глуп. Он, конечно, попытается определить границы воздействия наших помех, и я хотел услышать, как он собирается это проделать. Но ничего не получается! Их база слиш-

ком далеко, а луч настолько узок, что я не смогу работать с ним, пока линия связи не направлена почти точно на нас. Придется подождать. А пока посмотрим, что нам делать с его разведчиками.

Командиры этих кораблей вели себя крайне осмотрительно и пытались педантично соблюдать полученные инструкции. Но это их не спасло. Они приблизились ровно настолько, чтобы издали изучить планету и ее окрестности, но тут вновь сработали транспортные лучи. Пираты, накрытые куполом помех, утратили связь с базой и были тут же захвачены; изменились лишь некоторые детали операции, так как на этот раз в ловушку попали сразу два судна. Когда на всех пойманных кораблях установили генераторы помех и другую специальную аппаратуру, Киннисон собрал патрульных на совещание.

— Мы практически готовы выйти в открытый космос, — сообщил он. — Нам дважды удалось бежать, и нет причин, чтобы это не получилось в третий раз. Нужно лишь внести некоторое разнообразие в методику и подольше держать Ха'Иссу в неведении относительно происходящего. Я предлагаю вывести в космос сразу шесть пиратских крейсеров, укомплектовав их экипажи добровольцами Велантии.

— Неплохая мысль, — поддержал его Хендерсон. — Но не стоит держаться единым отрядом — так трудней ускользнуть от армады Боскома. Надежнее идти поодиночке, создавая вокруг каждого корабля облако самых разнообразных помех. Мы не сможем переговариваться друг с другом, но зато и противнику это не удастся. Временная потеря связи для нас не страшна; мы не впервые окажемся в такой ситуации, только сейчас мы располагаем отличными скоростными судами вместо спасательных ботов.

— Может быть, — добавил Нельсон, — нам стоит сосредоточить свой экипаж на одном корабле, а не делить патрульных на шесть групп? На других крейсерах мы оставим копии лент с «Британии», а желающих отправиться в поход среди велантийцев больше чем достаточно.

Все согласились, что это разумно. Корабли были уже переоборудованы, а комплектование экипажей не заняло много времени. Через нелелю патрульные собрались на флагманском корабле, и Киннисон установил ментальную связь с Ворселом.

— Я понимаю, дружище, что вам придется нелегко первое время, — передал он. — Но рано или поздно банда Ха'Иссы окажется здесь. Вашему народу предстоит тяжелая работа, и пора делать ее самостоятельно.

— Не волнуйся за нас, — пришел спокойный ответ. — Чем больше их придет сюда, тем меньше останется на долю Патруля. А с вашим вооружением и нашими бойцами пиратам полезно познакомиться поближе. Любой, кто сунет нос в эту систему, останется здесь навсегда!

— Ну, Ворсел, молодец! Такие мысли приятно слышать! — усмехнулся Киннисон, потом серьезно продолжал: — Я надеюсь еще встретиться с тобой, друг. Если нет — прощай! Прощай, Велантия... — он обвел взглядом экраны. — Все на местах? Эфир чист? Тогда — старт!

Шесть бывших пиратских кораблей, ныне — крейсеры Галактического Патруля, пронзили атмосферу планеты и вышли в открытый космос. С каждой секундой они все дальше и дальше уходили от Велантии, пока не исчезли в бездонной пустоте межзвездного пространства.

Глава 9

АВАРИЯ

Кимбол Киннисон сидел за пультом управления и улыбался. Он был в мире со всей вселенной. Нынешнее положение дел ничем не напоминало недавнее прошлое.

Ему не надо было теперь пробираться по задворкам галактики в жалкой беззащитной шлюпке; он находился на борту превосходного боевого корабля. Правда, ему не удалось отыскать и половины своих товарищей — тех, с кем он начинал поход. И посему патрульным, составившим экипаж столь дерзко захваченного боскомианского крейсера, приходилось работать за троих. Зато в их распоряжении находился теперь отряд энергич-

ных и хорошо обученных велантийцев. И их противники не могли уже ни переговариваться между собой, ни информировать свою базу и быстро откликаться на поступающие оттуда указания; пиратам приходилось на ощупь. Киннисон ощущал радостный подъем, снова и снова мысленно перебирая все несомненные преимущества настоящего момента, когда в комнату вошел чем-то озабоченный Торндайк. Взглянув на улыбающегося командира, он произнес:

— Не хотелось бы тебя расстраивать, Ким, но боюсь, нас ждут серьезные неприятности.

— Возможно, — весело отозвался ленсмен, — хотя мне кажется, мало что может сравниться с заварушкой, из которой мы только что выпутались. И результат налицо: шайка Боскома не может посылать рапорты и принимать приказы. Правда, у них целы приборы электромагнитного и визуального слежения, но ведь на нашем корыте нет никакого идентификационного номера или символа, так что опознать захваченный корабль непросто. Что же, по-твоему, может случиться такого, с чем мы не справимся?

— Могут полететь двигатели, — мрачно отозвался инженер. — Привод Бергенхольма выдал скачок мощности, и это мне совсем не нравится.

— Он стучит? Или хотя бы пощелкивает? — осведомился Киннисон.

— Пока нет, — неохотно признал Торндайк.

— Как велик скачок?

— Примерно две тысячных максимума. В среднем до полутора тысяч.

— Да это же просто царапина на ленте самописца! Двигатели месяцами работают и при больших отклонениях.

— Двигатели — несомненно. Но безынерционный привод, насколько мне известно, таких фокусов никогда не выкидывал. Вот я и мучаюсь уже целый день, пытаясь разгадать причину. Я не собираюсь пугать тебя... пока... Только информирую.

Безынерционный привод — или нейтрализатор инерции — является основой основ межзвездных перелетов, так что неудивительно, что малейшая неполадка в его работе становилась предметом серьезного внимания техников. Однако время шло, а огромный конвертор продолжал функционировать, поглощая и испуская гигантские порции энергии. Он не издавал ни малейшего

звука, а скачки выходной мощности хотя и не исчезли, но и не увеличивались. Корабль по-прежнему мчался к дому.

Мониторы визуального наблюдения оставались безжизненными, если не считать обычных небесных тел. Сигналы электромагнитных радаров на сверхсветовых скоростях были практически бесполезны; сплошное облако помех, быстро перемещающееся вместе с кораблем, надежно скрывало его от обнаружения. Словом, поводов для тревоги не имелось.

Но в один прекрасный день привод все-таки сдал. Ни грохота, ни перегрева, ни, к счастью, других опасных эффектов; просто корабль, который только что стремительно несся вперед, вдруг стал инертно покоящейся в пространстве массой. Он казался практически неподвижным — ведь скорость, которую можно развить на обычных двигателях, в инертном состоянии, едва ли можно назвать таковой по сравнению со свободным полетом.

Немедленно весь экипаж был поднят на ноги. Работа нашлась для всех: ведь только разборка и осмотр столь сложного механизма уже являлась серьезной и трудоемкой задачей. Киннисон отправился вместе с Торндайком в генераторный отсек, желая на месте выяснить, что произошло. Как только удалось снять массивный кожух, инженер осмотрел конвертор и повернулся к командиру. Лицо его было хмурым.

— Я думаю, мы справимся с этим, — заявил он, сдвинув брови, — но работа займет какое-то время. Может, тебе лучше посидеть пока в рубке? Здесь не так безопасно, как на церковной скамье... стоило бы понаблюдать за окружающим пространством.

— Приборы переведены в автоматический режим, — отозвался ленсмен, — но, пожалуй, ты прав. Дайте мне знать, как продвигается дело, — и Киннисон вернулся к пульту управления. Как раз вовремя.

Один из пиратских кораблей уже был рядом с ними; более того, он начал методичный обстрел крейсера. Кораблю удалось уцелеть лишь благодаря автоматически включившимся защитным экранам. Пока его неприятно удивленный капитан проверял показания приборов, в поле зрения возник другой пират и тоже принялся за работу.

Как Киннисон уже неоднократно замечал, Ха'Иссу не следовало зачислять в разряд недотеп. Столкнувшись

с новым и столь эффективным способом блокирования своих средств связи, он вплотную занялся этой проблемой. Практически все имевшиеся в его распоряжении корабли день за днем мчались вплотную к границе непонятного облака помех, постоянно ведя наблюдение и докладывая о результатах. Но оно двигалось так быстро, его видимая форма была настолько необычной, и так противоречивы оказывались полученные сведения, что компьютеры Ха'Иссы не могли справиться с этой задачей.

И тут у беглецов вышел из строя нейтрализатор инерции. Траекторию источника помех, резко сбросившего скорость, вычислили в считанные минуты, и десяток боевых кораблей получил приказ атаковать объект. Прибывший первым подал сигнал остальным и, не получив отклика, начал атаку в одиночку. Позднее присоединились еще два корабля, но связи между ними по-прежнему не было.

Ленсмен все еще сидел за пультом, не особенно обеспокоенный их усилиями. Приборы не регистрировали перегрузки, защита крейсера легко поглощала обрушившийся на нее поток энергии. Вскоре снова появился Торндайк, теперь ничем не напоминавший щеголеватого космического офицера. На нем были промокшая от пота рубаха и рабочие штаны, покрытые слоем пыли и грязи; лицо, бледное и перепачканное, свидетельствовало, что он вымотан до предела. Инженер открыл рот, намереваясь что-то сказать, но тут же закрыл его, заметив вспышки огня на следящем экране.

— Клянусь всеми звездами Большой Медведицы! — воскликнул он. — Уже стреляют? Почему ты ничего не сказал?

— А у вас что новенького? — спокойно осведомился Киннисон. — Знай я, что вы бездельничаете и можете ненадолго прерваться, я бы обязательно пригласил вас сюда. Но ничего страшного не происходит, Верн. Им надо по меньшей мере пять кораблей, чтобы добраться до нас, и я надеюсь, ты приведешь в норму конвертор раньше, чем полетит наша защита. Согласен?

— Я пришел сюда, чтобы сообщить тебе следующее, — Торндайк начал загибать пальцы. — Во-первых, мы готовы к запуску. Во-вторых, не давай критических нагрузок на нейтрализатор, он чуть жив. И в третьих, — инженер ухмыльнулся, — не знаешь ли ты, где можно раздобыть хороший кусок мыла? Впрочем, второе и

третье необязательно. До того, как залезть под кран, я предпочел бы убедиться, что генератор работает. Вот будет сюрприз для этих парней! — и он кивнул на озаренные огнем мониторы.

— Еще бы! Они-то считают, что уже уложили нас в гроб!

Ленсмен повернул пару рычагов, нажал три кнопки, и экраны потемнели. Патрульные опять были в космосе — одни и в безопасности. Ошеломленным пиратам показалось, что добыча словно ускользнула в четвертое измерение. Миг — и цель исчезла с экранов радаров; их лучи теперь пронизывали пустоту. Атакующие не понимали, что произошло; они по-прежнему не имели связи и не могли запросить у базы помощи и новых инструкций.

Несколько минут Торндайк и Киннисон в тревожном молчании выжидали, сообразят ли пираты, куда девался крейсер. Однако вокруг было тихо, и напряжение постепенно спало.

— Что там случилось с приводом? — спросил наконец Киннисон.

— Был перегружен, — лаконично ответил Торндайк.

— Перегружен! Ого! — фыркнул ленсмен. — Хотел бы я знать, как можно перегрузить сверхмощный генератор? И какого дьявола им это понадобилось?

— Технически это довольно просто, — отозвался инженер. — Достаточно увеличить напряжение в блоках А-50 и А-61... — он изобразил в воздухе руками некие контуры электрической схемы, потом задумчиво хмыкнул. — А вот насчет того, чего они хотели добиться, можно лишь строить догадки... У меня создалось впечатление, Ким, что эта шайка пыталась получить отрицательную инерцию. Полный абсурд, как мне кажется! Впрочем, у этих мерзавцев не хватает пары винтиков в мозгах — иначе они не были бы мерзавцами...

— Не знаю, прав ли ты... Будем надеяться, что так, — Киннисон потер переносицу, потом добавил: — Лично я не верю, что они просто мерзавцы или пираты — в общепринятом смысле этого слова.

— Почему? Кто же они по-твоему?

— Пока не знаю, — задумчиво произнес ленсмен. — Типичная гангстерская организация развивается и функционирует по определенной схеме. Рядовые члены шайки грызутся друг с другом, капитан может получить нож в спину и все такое... Однако наш случай никак не укладывается в обычную модель.

— Ну и что? Почему мы должны беспокоиться из-за этого?

— Не столько беспокоиться, сколько думать и анализировать, иначе...

— Такие мысли вызывают у меня головную боль, — прервал его Ван Баскирк, который уже с минуту стоял в дверях — такой же потный и грязный, как Торндайк. — Кроме того, и мне нужен кусок мыла.

— По-моему, я где-то читал, что существование отрицательной инерции теоретически возможно, — продолжал Киннисон. — А если так, в этой области надо работать... — Он махнул рукой товарищам. — Конвертор тянет нормально. А мыло возьмите в моем шкафчике.

— Может, он поработает достаточно долго, и мы успеем вздремнуть... — Инженер с сомнением уставился на пульт, но стрелка на датчике мощности ни на волосок не отходила от зеленой линии. — Боюсь, на него нельзя положиться, если уж он однажды вышел из строя. Для толкового ремонта нужны материалы и оборудование. Если хочешь знать мое мнение, — он повернулся к Киннисону, — нам надо садиться где угодно, и чем быстрее, тем лучше. Генератор плох, поверь мне, Ким... Пожалуй, некоторое время мы сможем поддерживать его... Но все равно он выйдет из строя, и тогда ты захочешь оказаться поближе к складу запчастей.

— Против этого я не возражаю, — кивнул ленсмен. — С другой стороны, мы же не хотим, чтобы птички с Боскома накинулись на нас сразу после приземления? — он бросил взгляд на галактический компас. — Ну, посмотрим, где мы? И где ближайшие базы? Так... Базы секторов — белые кольца, подсекторов — красные... — Три головы склонились над переливающейся разноцветными огнями сферой.

— Ближайшее красное кольцо отмечает, по-моему, систему 240-16-37, — наконец объявил Киннисон. — Не знаю названия их планеты — никогда не был там...

— Слишком далеко, — заметил Торндайк. — Мы никогда не попадем туда — с тем же успехом можно лететь прямо на главную базу на Земле. Если красного ближе не найти, ищи оранжевое или желтое кольцо.

— Похоже, здесь трудно будет отыскать базу любого типа, — покачал головой Ким. — Мне казалось, что они должны встречаться почаще. Есть фиолетовый треугольник, но это нас не устроит — просто пост наблюдения... Как насчет голубого квадрата? Он как раз прямо по

курсу, и ближе не видно ничего более подходящего.

— Да, это единственная возможность, — согласился инженер после нескольких минут изучения сияющих знаков в сфере и карт, покрывавших столик штурмана. — Всего несколько прыжков... — Он недовольно пожал плечами и пробурчал: — Голубой квадрат... Хммм... Крошечный космопорт низшего класса... но в любом случае у них есть инструменты и кое-какие детали... Что это за мир, Ким? Или ему присвоен только номер?

— Тренко — та самая знаменитая планета Тренко, — объявил ленсмен, просмотрев список названий в атласе.

— Тренко! — Торндайк сморщился. — Гнусная, насквозь пропитанная наркотиками, отвратительнейшая планета! Ничего лучше нам не могло попасться?.. Ладно, у меня будет хоть время поспать... Разбудите меня, если что.

— Непременно. Я постараюсь подойти к планете осторожно, чтобы не притащить на хвосте всех пиратов космоса.

Вскоре Хендерсон сменил Кима на вахте, и он тоже смог поспать. Нейтрализатор инерции продолжал работать, корабль шел в режиме свободного полета. Все успели неплохо отдохнуть, прежде чем произошла ожидаемая поломка. Когда же она все-таки случилась, экипаж оказался более или менее готовым к ней. На сей раз задержка была недолгой, и крейсера Боскома не успели напасть на их след. Но с этого момента продвижение корабля к печально известной планете представляло собой серию коротких рывков, перемежавшихся бесконечным ремонтом.

Вспотевшие техники, проклиная все и вся, устраняли одну неисправность за другой с помощью всяческих ухищрений, импровизаций и замен, которые только мог изобрести изощренный ум Верна Торндайка. Главный инженер, один из лучших специалистов Солнечной системы, на сей раз даже изменил своему обыкновению не работать руками; он постоянно был чем-то перепачкан и вымазан — как и его подчиненные. Единственный кусок мыла, добытый у Киннисона, давно кончился. Ногти Торндайка стали черными и обломанными, руки и лицо потрескались, были обожжены и покрыты волдырями, мышцы ныли от непривычных усилий. Но он продолжал стойко и довольно бодро делать свое дело. Однажды, во время короткой передышки, когда судно

находилось в свободном полете, он зашел в отсек управления и бросил взгляд на галактический компас.

— Я вижу, мы все еще на первоначальном курсе, Ким? Не нашлось ничего поинтереснее этой гнусной клоаки?

— Нет... никаких альтернатив, дружище... Поэтому я придерживаюсь первоначального плана и жду, пока мы не доберемся до ближайшей к Тренко точки... — Киннисон вздохнул, обведя рукой стол, заваленный непонятными схемами: — Я чертил и считал, пока не зазвенело в ушах, но придумать удалось немногое... Я сжимал и расширял зону помех, менял ее форму, как только мог, чтобы запутать следы... Но когда мы подойдем к точке последнего прыжка, нам придется отключить все, что способно излучать энергию, иначе нас засекут. Конвертор никуда не денешь, но его можно экранировать практически полностью. Самое неприятное, что то же самое придется проделать и с двигателями, а значит, надо до предела сбросить тягу...

Торндайк поджал губы и вытащил из кармана свой неизменный калькулятор. Некоторое время он сосредоточенно проверял расчеты капитана, беззвучно шевеля губами и поглядывая на разложенные на столе чертежи и выкладки, потом кивнул головой:

— Похоже, ты прав... Придется отключить почти все, иначе нас засекут — даже с расстояния сотни световых лет...

Прошло еще несколько изматывающих силы и нервы дней, прежде чем корабль вышел в точку последнего прыжка к Тренко. Киннисон уменьшил энергию, подводимую к приводу, отключил все прочие устройства и распорядился надеть на раскаленные добела выходные отверстия излучателей давно заготовленные огнеупорные маскировочные щиты. Это являлось совершенно необходимой мерой предосторожности. В самом деле, преобразование материи в энергию, лежавшее в основе действия безинерционных двигателей, сопровождалось выделением огромного количества тепла и света. Это превращает полет космического корабля в одно из самых грандиозных зрелищ, известных человеку, но Киннисону требовалось устранить сей красочный эффект, если он хотел получить шанс на безопасное приземление.

Конечно, судно можно было бы обнаружить визуально с помощью следящих экранов, но вероятность этого свели к минимуму. Пресловутая задача поиска

иголки в стоге сена показалась бы детской забавой по сравнению с высматриванием на поисковых мониторах неосвещенного корабля на фоне космической тьмы. Теперь единственной серьезной заботой оставался нейтрализатор инерции; экипаж заботился о нем больше, чем целый батальон нянек печется о малолетнем наследнике какого-нибудь миллиардера.

Их усилия были не напрасны. Техники по-прежнему считали своим долгом ворчать, ругаться и потеть, но двигатель большую часть времени находился в рабочем состоянии. И до сих пор никто не обнаружил похищенный крейсер.

Но это вовсе не означало, что им никто не интересовался. Внимание боскомиан все также сосредотачивалось на быстро перемещающемся, удивительно изменчивом облаке помех загадочного происхождения, совершенно непроницаемом для их средств связи. Ха'Исса подозревал, что здесь не обошлось без того самого ленсмена, который однажды уже ускользнул от него, овладев секретами новых суперкрейсеров. А потом он же — больше некому! — заманил в ловушку шесть лучших кораблей Боскома, и теперь преспокойно направлялся домой — на одном из них! Такой удар было невозможно игнорировать. И Ха'Исса не собирался прекращать поиски.

Собрав армаду кораблей вблизи подозрительного сектора космоса, вычислители и навигаторы Боскома медленно, но верно уточняли траекторию загадочного облака. Все меньше и меньше становились погрешности, все определенней курс наблюдаемого объекта. Крейсера один за другим уносились в глубины космоса, чтобы взять пеленг, сравнить результаты расчетов с истинным передвижением этого таинственного феномена и найти точку, к которой он устремился.

Таким образом, в каком-то смысле — хотя Киннисон и его друзья этого не подозревали — поломка конвертора спасла их. Непредвиденные задержки, остановки, судорожные скачки судна весьма затрудняли работу навигаторов Боскома, и часто сводили на нет наблюдения многих дней.

Медленно, с трудом, Киннисон и его экипаж продвигались к Тренко, нетерпеливо и совершенно напрасно ругая свой корабль, покалеченный конвертор, его конструктора и предыдущих владельцев. В конце концов, они добрались до планеты, приблизившись настолько, что Ким смог воспользоваться Линзой.

— Вызываю космопорт Тренко! Вызываю любого ленсмена, находящегося в зоне сигнала! — отчетливо произнес он. — Говорит Кимбол Киннисон, Земля, Сол III. Мой нейтрализатор инерции вышел из строя; вынужден совершить посадку на Тренко для ремонта. Корабль преследуют пираты. Дайте информацию, чем можете помочь?

— Боюсь, что уже ничем, — пришел в ответ слабый мысленный сигнал, без обычной идентификации. — Контроль утерян. Трегонси в...

Киннисон ощутил резкий ментальный удар, отозвавшийся во всем теле; это было похоже на взрыв в каждой клетке мозга, в каждой крошечной частице нервной ткани. Казалось, что в него одновременно вонзили сотни острейших игл, пронизавших плоть до самых костей.

Связь прекратилась. И с болезненной, мучительно четкой уверенностью молодой ленсмен понял, что откликнувшееся на его призыв существо мертво.

Глава 10

ТРЕНКО

Если судить по земным стандартам, планета Тренко была весьма своеобразным миром. Главными ее особенностями являлись атмосфера, ничем не напоминавшая воздух, и жидкость, не имевшая ничего общего с водой. Отсюда проистекали и другие, менее существенные отличия. Почти половина ее атмосферы и больше половины жидкой фазы представляли собой вещество с предельно низкой теплотой парообразования, и с такой точкой кипения, что днем эта субстанция была паром, а ночью — жидкостью. Прочие составляющие газообразной оболочки Тренко обладали исключительно слабой способностью к поглощению радиации местного светила и низкой удельной теплоемкостью, что делало дни невыносимо жаркими, а ночи — пронизывающе холодными.

В ночное время суток планету заливал дождь. Ливень, хлынувший на Землю во время Великого потопа, на Тренко сочли бы моросящим дождичком. Бурлящие реки обрушивались с небес в ореоле молний. Это были не те случайные вспышки атмосферного электричества, какие разумеют под данным термином на Земле, а один непрерывный слепящий всплеск огня, из-за которого ночная тьма оставалась на Тренко практически неизвестной. Бьющие в почву разряды, ослепляющие и оглушающие, блокировали пространство над планетой для любых лучей или сигналов самой высокой мощности. Днем ситуация существенно не менялась. Молний, правда, не было, зато испепеляющее Тренко чудовищное излучение светила, нисколько не задерживаемое абсолютно прозрачной атмосферой, создавало практически тот же эффект.

Из-за разницы в давлении, создаваемой невероятно обильными осадками, на Тренко всегда и везде дул ветер — и сила его вполне соответствовала остальным компонентам адского климата.

Миллионы лет ветер и волны полировали планету, сделав из нее совершенно гладкий шар. Ни возвышенностей, ни впадин, ни холмов, ни оврагов; на поверхности Тренко не существовало вообще ничего, даже растительности. Ни одно сооружение не удержалось бы здесь на одном месте целые сутки.

Тем не менее, растительный и животный мир на планете существовал, причем даже целых двух типов. Одни растения возрождались из грязи и слякоти каждое утро. Побеги пышно разрастались, стелясь по земле, зарываясь в почву необычайно мощными корнями; они легко переносили ветер и дневную жару, давали плоды ближе к вечеру и на закате гибли; потоки дождя смывали их прах. Представители второго типа вообще не закреплялись в почве. Некоторые перекатывались, как футбольные мячи; другие напоминали колючки чертополоха; сотни прочих видов вообще нельзя было сравнить с чем-либо известным на Земле. Однако в основных деталях жизненного цикла все эти разнообразные растения были схожи. Они могли тонуть в «воде» Тренко, прятаться в ее грязи, из которой извлекали часть необходимых им питательных веществ, всплывать из нее при свете солнца. Но главная их особенность заключалась в том, что они могли пожрать все, к чему прикасались их ветви-щупальца — все, что было съедобным.

Животный мир планеты тоже отличался богатством и разнообразием. Все животные, от самых мелких до самых крупных, были амфибиями, имели обтекаемую форму и могли есть абсолютно все. Жизнь на Тренко являлась весьма тяжелым испытанием, и любая ее форма, чтобы существовать и развиваться, стояла перед суровой необходимостью: поглощать все, что оказывалось доступным. А посему преуспевающие здесь формы жизни, растительной или животной, обладали удивительной прожорливостью и фантастической плодовитостью.

Единственной причиной всегалактической известности этого довольно-таки мерзкого места был тионит, губительный наркотик, уже упоминавшийся в начале нашего повествования. Он выполнял здесь ту роль, какая на Земле отведена хлорофиллу, необходимому компоненту жизнедеятельности растений. Химикам до сих пор не удавалось воспроизвести искусственно это соединение, и Тренко оставалась единственным источником сырья для наркотика.

Вскоре после его открытия толпы наркоманов, контрабандистов, торговцев и прочего сброда хлынули на новую Бонанзу. Тысячи авантюристов погибли; кто — во взаимных перестрелках и поножовщине, кто — под лавинами прожорливых местных тварей. Однако это не остановило жаждущих, и на Тренко все время появлялись новые и новые искатели наживы и приключений. Присматривал за планетой и Патруль, который, пресекая зло в самом истоке, уничтожал каждого, кто пытался собирать вредоносные растения. Между Патрулем и наркосиндикатами непрерывно шла война не на жизнь, а на смерть.

Такова была планета, на которую пришлось сесть Киннисону, чтобы отремонтировать покалеченный конвертор.

Некоторое время после прерванного ментального сеанса связи эфир был пуст. Потом пришло новое сообщение.

— Приветствую тебя, Киннисон с Земли. Трегонси с Ригеля IV говорит из космопорта Тренко. Знакомы ли вы с планетой?

— Нет, но в чем...

— Отложим вопросы на потом. Вам важно побыстрее приземлиться — и по возможности безопасно. Где вы находитесь относительно планеты?

— Вблизи плоскости эклиптики, на дневной стороне.

— Отлично, у вас вполне хватит времени. Расположите свой корабль между планетой и ее светилом, — приступил к инструктажу командир местной базы, — войдите в атмосферу ровно через пятнадцать галактических минут от настоящего момента, под углом в двадцать градусов к меридиану, возможно ближе к эклиптике, которая у нас заодно является экватором. В момент погружения в атмосферу включите инерцию, посадка в режиме свободного полета здесь невозможна. Спускайтесь вертикально, пока атмосферное давление не составит семьсот миллиметров ртутного столба — это соответствует примерно тысяче метров над уровнем почвы. Теперь внимание! — ментальный сигнал Трегонси стал сильнее. — Поскольку вы обычно доверяете чувству, называемому зрением, я предупреждаю, что здесь оно бесполезно. Полагайтесь только на показания манометра, что бы ни увидели вокруг... — Голос замер, словно его обладатель хотел, чтобы гости осмыслили всю серьезность предупреждения; потом Трегонси продолжал: — На высоте тысячи метров остановитесь и вступите в связь со мной, удерживая корабль по возможности неподвижно. Справитесь?

— Естественно... Но ты, кажется, считаешь, что мы не сможем увидеть друг друга с расстояния тысячи метров? — Киннисон был в изумлении. — Почему же...

— Я смогу определить, где вы, но вы меня не увидите, — сухо ответили ему. — Все знают, что Тренко — необычная планета, но ни одно существо, не попав сюда, не может даже смутно осознать это. Локаторы бесполезны, ибо электромагнитные волны претерпевают колоссальные возмущения; оптической же аппаратуре просто нельзя доверять — зрительные образы не соответствуют реальности. Обычно посадка судна здесь занимает несколько дней, но с твоей Линзой и моим «ментальным восприятием», как вы это называете, дело ограничится получасом.

Киннисон вывел корабль в указанную точку.

— Выключай нейтрализатор, Торндайк, он больше не понадобится. Мы должны набрать некоторую скорость, чтобы скомпенсировать вращение, и приземлиться в инертном состоянии.

— Благодарение всем богам космоса, что мы добрались сюда, — инженер облегченно вздохнул. — Последний час я все время ждал, что конвертор разлетится к чертям — я совсем не уверен, смогли бы мы

когда-нибудь собрать из этих обломков нечто работоспособное...

— Мы на месте, — сообщил Киннисон несколько минут спустя, вступив в связь со своим невидимым собеседником. — Скажи, что случилось с тем ленсменом, который первым ответил на мой запрос?

— Обычная вещь, — последовал равнодушный ответ. — То, что случается тут со многими ленсменами, полагающими, что они справятся без нас и без наших инструкций. Он пожелал следовать за своими звильниками, и нам пришлось согласиться. Потом заплутался, потерял контроль над своим судном... Что-то — возможно, торпеда звильника, — разбило один из двигателей, а ветер и тренки довершили остальное... — Трегонси сделал паузу. — Это был Лагестон с Меркатора V... хороший человек... Как там у вас с давлением?

— Пятьсот миллиметров.

— Медленно снижайтесь. Если вам не преодолеть привычку верить своим глазам, лучше прикройте экраны и ориентируйтесь только по датчикам давления.

— Твоего предупреждения вполне достаточно...

Связь прервалась, и Киннисон, услышав проклятия встревоженного Ван Баскирка, взглянул на монитор. Ему потребовалась вся выдержка, чтобы не броситься к пульту управления. Планета у него на глазах шаталась, опрокидывалась и вращалась, непостижимым образом совершая вихрь абсолютно невозможных движений. Изумленный ленсмен увидел, что огромная масса непонятного происхождения мчится прямо на корабль!

— Сворачивай, Ким! — завопил валерианец.

— Постой, Бас, — предостерег Киннисон. — Похоже, это все иллюзия... и нам придется пройти через подобрую дрянь насквозь, как я понимаю... А больше я не понял ничего. Вероятно, «звильники» — контрабандисты, прибывшие за наркотиком, а «тренки» — растения или животные, которые обитают на этой ненормальной планете... — он на миг сосредоточился и передал: — Трегонси, давление — семьсот, и я надеюсь, что мы относительно неподвижны!

— Да, но пока что вы слишком далеко, чтобы наш транспортный луч мог до вас дотянуться. Спуститесь немного... Левее и вниз... еще левее... еще чуть-чуть... хорошо... медленно снижайтесь... Отлично!

Последовал легкий толчок, и Киннисон передал

своим спутникам очередное ментальное послание незнакомца:

— Мы держим вас. Отключите энергию и не пытайтесь управлять кораблем. Не делайте ничего, пока я не попрошу вас выйти.

Киннисон подчинился. Освобожденные от всех обязанностей, патрульные как зачарованные замерли у экранов внешнего обзора, недоверчиво всматриваясь в них. То, что они видели, никогда не существовало и не могло бы существовать на Земле. Фантастические, чудовищные твари, порождение кошмарного бреда, кишели вокруг. Одни мчались с ветром, влекомые насыщенным пылью ураганом, более жестоким, чем когда-либо видели великие пустыни Африки или Азии; другие ползали и метались на земле. Эта сцена мерцала, бесконечно отражаясь в кривом зеркале, ежесекундно меняя свои очертания, без всякой логики и без видимой связи, порождая все новые, еще более гротескные и жуткие видения.

Киннисон понимал, что большая часть этих фантасмагоричных видений относится к разряду иллюзий. По мере приближения к ним фантомы постепенно исчезали, и наконец взорам людей открылась плоская равнина, обретшая некое подобие незыблемости. На ней виднелся гигантский сплюснутый пузырь, к которому мчался сейчас их корабль.

В пузыре открылся шлюз, крейсер скользнул внутрь и тяжелые стальные ворота захлопнулись. Из шлюза откачали наружный воздух, раздался свист впускаемого газа, и Киннисон опять ощутил спокойную мысль Трегонси, ленсмена с Ригеля.

— Можете выходить. Под куполом нужное вам количество кислорода. Но рекомендую оставаться в скафандрах, пока вы не привыкнете к плотности атмосферы — она существенно больше, чем на вашей родной планете.

— Превосходно! — раздался бас Ван Баскирка, когда его командир пересказал очередное сообщение. — Ничего не имею против плотной атмосферы — как у нас на Валерии!

— Тебе повезло, — проворчал Торндайк. — А я, пожалуй, совсем не вылезу из скафандра.

Киннисон открыл воздушный шлюз, решил, что воздух под куполом космопорта вполне приемлем, и вышел. Его радушно приветствовал ленсмен Трегонси.

Ким с облегчением отметил, что тело ригелианина

имеет вертикальную ориентацию. Правда, размером и формой оно напоминало нефтяную цистерну, к низу которой были приделаны четыре коротких массивных конечности, на которых Трегонси ковылял с удивительной быстротой. Посередине, над каждой из ног, росла узловатая, в десять футов длиной, рука-щупальце, к концу разветвлявшаяся на десятки щупальцев поменьше, самой разной величины. Голова Трегонси куполом возвышалась над плоской верхней поверхностью туловища; глаз и ушей заметно не было, зато ее украшали целых четыре одинаковых беззубых рта и четыре ноздри.

Впрочем, все это Киннисон разглядел позднее. Сначала он во все глаза уставился на одно из извивающихся, покрытых плотной кожей щупальцев. В него была вживлена Линза, а это, как хорошо знал Ким, служило безошибочным признаком разума — даже сверхразума.

— Добро пожаловать на Тренко, Киннисон с Земли, — заговорил ригелианин. — Хоть мы почти соседи в космосе, мне никогда еще не случалось посетить твою планету. Я, конечно, сталкивался с землянами здесь, но их никак нельзя было считать гостями.

— Да, звильников трудно рассматривать как достойных представителей нашей планеты, — согласился Киннисон, явно думая о другом. — Скажи, правда ли, что кроме ментального восприятия, твой народ не имеет других чувств? Я хотел бы обрести твою способность воспринимать мир, но не теряя при этом зрения и слуха.

— Я много размышлял об этом, — заметил хозяин, — штудировал целые тома о форме, цвете и звуке. Но все это остается для меня пустыми и непонятными символами. Мне кажется, что никто не получил бы особого удовольствия, имей он чужие ощущения... Это был бы бесполезный обмен.

— Возможно, — задумчиво протянул Киннисон. — Но так хочется попробовать! — Затем он мысленно описал ленсмену с Ригеля все приключения экипажа «Британии», упомянув о неисправном нейтрализаторе.

Трегонси застыл на мгновение; казалось, он изучает приземлившееся судно, непостижимым образом как бы ощупывая его снаружи и изнутри.

— Я выяснил, что неисправная установка относится к стандартному типу, — заметил он. — Здесь есть некоторые запасные части... Вы потратите меньше времени,

если просто замените все ненадежные узлы, а не станете перебирать их.

— Верно! Я просто не подумал, что здесь может оказаться целый склад! Сколько это может занять времени?

— Одну рабочую смену, чтобы заменить нейтрализатор целиком. По меньшей мере восемь, если пытаться восстановить его.

— Значит, надо менять. Я позову ребят...

— Не стоит. У нас достаточно оборудования, но оно не подходит для людей и велантийцев. — Трегонси не сделал ни одного движения, Киннисон не ощутил даже перерыва в его мыслях, но шестеро ригелиан вышли из здания станции и устремились к прибывшему кораблю. — Теперь мне придется на время покинуть тебя, — произнес его собеседник.

— Я могу тебе помочь? — спросил Киннисон.

— Нет, — ответ был явно отрицательным. — Я вернусь через три часа, на закате ветер не дает войти в порт даже наземному кару. Ты сам поймешь, почему никак не смог бы быть мне полезен.

Киннисон провел эти три часа, наблюдая, как ригелиане трудятся над установкой конвертора. Их крохотные пальцы — десятки одновременно — выполняли тончайшие операции с удивительной аккуратностью и проворством. Когда требовалась грубая сила, в ход пускались щупальца покрупнее или вся конечность. Существо охватывало объект и, упираясь четырьмя устойчивыми, как столбы, ногами, развивало не меньшее усилие, чем небольшой подъемный кран. Поистине, эти ригелиане были замечательными работниками!

Ближе к концу третьего часа Киннисон принялся обшаривать следящим лучом — окон в куполе космопорта не было — наземный путь с подветренной стороны. Скоро он увидел кар, который держался, как краб, носом к ветру, а двигался назад и немного в сторону. Хотя изображение было весьма нечетким, ленсмен смог разглядеть, что края этой походившей на диск машины тем сильнее прижимались к земле, чем яростнее ветер пытался оторвать ее.

Шлюз приоткрылся ровно настолько, чтобы пропустить диск, и машинка поползла было к нему. Внезапно налетевший смерч поднял ее и несколько раз перевернул в воздухе, но Трегонси, видимо в совершенстве владеющий искусством вождения, заставил аппарат

опять прижаться к земле. Машина снова направилась к шлюзу. На этот раз ее захватили лучевые крепления посадочной площадки и, хотя маленькое суденышко швыряло, как лист в бурю, его удалось втянуть в шлюз и захлопнуть люк. Затем диск окатили какой-то жидкостью, и из него появился Трегонси.

— Стерилизация? — подумал Киннисон, когда ригелианин подошел к нему.

— Да, — последовал ответ. — Тренки. Многие формы жизни на этой планете развиваются из почти незаметных спор. Они быстро растут, достигают существенных размеров и пожирают всю органику, с которой входят в контакт. Несколько раз так погибал весь персонал порта, пока не удалось разработать губительный для спор опрыскиватель. Направь свой луч к подветренной стороне порта.

В следующие несколько минут ветер усилился настолько, что сама земля, казалось, начала кипеть. И все же здесь, под прикрытием купола, было самое тихое место на планете. И Киннисон увидел...

Шарообразный монстр воткнул свои псевдоподии глубоко в пузырящуюся грязь. Он выпустил еще несколько щупальцев, схватив напоминающее чертополох растение. Оно отчаянно попыталось вырваться, что не произвело ни малейшего впечатления на резиноподобные отростки нападавшего. Потом тварь поменьше, скользнувшая по гладкой поверхности экрана, оказалась поймана чертополохом. Удивительное зрелище представляла собой половина чертополоха, жадно заглатывающая добычу, пока его вторую половину поглощал шар!

— Смотри дальше... Еще немного, — подсказал Трегонси.

— Я не могу различить, кто где... Все кругом настолько искажено, что становится попросту неузнаваемым.

— Если ты увидишь звильника, куда ты будешь стрелять?

— В него, я полагаю — о чем тут спрашивать?

— Если ты выстрелишь туда, где, как тебе кажется, его видишь, то не только упустишь его, но можешь получить свой же луч в спину. Множество людей погибли именно таким образом. Так как мы воспринимаем не только вид объекта, но и его точную позицию, мы можем скорректировать направление на цель, независимо от существующих искажений. Именно поэтому мы, ри-

гелиане и прочие расы, которые обладают подобным восприятием, пригодны для эффективного наблюдения за этой планетой.

— Звучит убедительно... Особенно после того, что я видел, — кивнул Киннисон; затем воцарилось молчание.

Некоторое время двое ленсменов наблюдали, как полчища тварей самых разнообразных видов стекаются к куполу; оргия убийств и взаимопожирания продолжалась. Наконец на горизонте возникло нечто, упорно продвигавшееся навстречу адской буре. С виду эта сплюснутая обтекаемая тварь чем-то напоминала огромную черепаху с выпуклым панцирем; прижимаясь к земле, цепляясь за нее перепончатыми когтистыми конечностями, она дюйм за дюймом ползла вперед, не обращая внимания на множество тварей поменьше, атакующих ее бронированную спину, пока не наткнулась на самое большое чудовище, похожее на футбольный мяч. Тут монстр с быстротой молнии выстрелил напоминающее иглу восьмидюймовое жало, вонзившееся в кожистую плоть его жертвы. Конвульсивно сжавшись, атакованное создание приподняло черепаху в воздух — и оба мгновенно исчезли из поля зрения. Живой шар терзал черепаху — несмотря на то, что был насажен на ее жало и, несомненно, обречен на смерть.

— Бог мой! — воскликнул Киннисон. — Что это было?

— Сплюснутое? Представитель высшей формы жизни Тренко. В свое время они создадут цивилизацию, да и сейчас вполне разумны.

— В этих адских условиях? — возразил землянин. — Строительство городов, даже домов здесь невозможно и...

— Никакие города или здания им не нужны, и даже нежелательны. Зачем строить? Если одно место в точности повторяет другое, стоит ли закрепляться в какой-то определенной точке? Они правильно поступают, проводя жизнь в вечном движении. Обрати внимание, — заметил Трегонси, — начинается дождь.

Наступал вечер. Небеса осветились одной непрерывно длящейся вспышкой молнии, и сверху хлынули потоки жидкости. Пыль стала грязью, потом неудержимо несущимися реками грязной воды. Диковинные обитатели Тренко быстро закапывались в размокшую почву, продолжая поедать друг друга и все, что имело неосторожность оказаться поблизости.

Вода все прибывала, ее поверхность пенилась и кипела, покрываясь причудливыми узорами. Здание космопорта теперь плавало, и Киннисон с удивлением увидел, что конструкция движется с пугающей скоростью, таща за собой разлапистые стальные якоря, которые помогали ей устоять против бури.

— Как же вы узнаете, где находитесь, если на планете нет ориентиров? — поинтересовался он.

— Этого мы не знаем и не интересуемся такими подробностями, — откликнулся Трегонси, мысленно пожав плечами. — Как и местное население.

— Что за мир! Я начинаю понимать, почему тионит так дорог... — подавленный все возрастающим бешенством стихии, Киннисон пошел отыскивать свою койку.

Пришло утро, в точности повторяя — только в обратном порядке — вечер. Жидкость испарилась, грязь высохла, и с немыслимой быстротой кругом опять расстелились побеги растений, возникли крупные и мелкие твари — чтобы есть и быть съеденными.

Наконец Трегонси сообщил, что близится полдень, и через полчаса наступит относительно спокойное время. Космическому кораблю было пора покидать порт.

— Ты уверен, что никакой помощи вам больше не требуется? — мысль Трегонси звучала немного просительно.

— Нет, благодарю... Прошу тебя только сохранить копии лент, о которых я говорил. Если сумеешь, постарайся при первой же возможности доставить их на ближайшую базу Патруля, — Киннисон, прощаясь, поднял руку. — Спасибо тебе и твоим парням, Трегонси. Прощай!

И восстановивший свою мощь крейсер покинул порт, промчался сквозь необыкновенную атмосферу Тренко и вышел в открытый космос.

Глава 11

ЦИТАДЕЛЬ БОСКОМА

На периферии Галактики медленно плыл вокруг

своего солнца небольшой планетоид, служивший базой Ха'Иссы. Выбирали его долго и тщательно, а секрет местонахождения ревностно берегли. Из несметного числа существ, признававших власть Боскома, едва ли один из миллиона знал о ее существовании. Немногие удостаивались чести посетить эту крепость, а жить в ней позволялось лишь узкому кругу особо избранных.

База занимала сотни квадратных миль на поверхности планетки. В ее арсеналах можно было отыскать любые средства нападения и защиты, известные военным гениям той эпохи. В самом центре обширной цитадели возвышался сверкающий металлический купол.

Стены купола, плавно переходящие в потолок, сверкали тысячами обзорных экранов и коммуникаторов. Пульты управления и кожухи приборов загромождали все пространство огромного зала, так что оставались лишь узкие проходы между рядами причудливой аппаратуры. Не менее причудливым являлся и персонал. Земляне, кревенцы, обитатели Сириуса, арктуриане... Встречались и представители более отдаленных миров, подчас совершенно чуждых человеческому взгляду.

Однако, независимо от внешнего вида этих созданий, все они дышали кислородом, и в их жилах текла теплая красная кровь. Все были разумными. Каждый добился высокого поста, шагая по головам, а зачастую — по трупам коллег; каждый отличался полным отсутствием совести и холодным, не знающим жалости стремлением к власти.

Киннисон угадал верно: организация Боскома не была «пиратской» в обычном смысле. Но даже самые смелые домыслы молодого ленсмена относительно ее истинной природы бесконечно далеко отстояли от истины. Ким не подозревал, насколько обширной и по своему развитой была культура боскомиан; правда, зиждилась она на идеалах, диаметрально противоположных тем, воплощением которых был галактический Патруль.

Ибо тут правила тирания, абсолютная монархия, деспотизм, доведенный до совершенства, о котором диктатуры более ранних цивилизаций могли лишь мечтать. Истинным признавалось лишь одно: «Цель оправдывает средства». Все — буквально все, что угодно, если оно приводило к желаемому результату, — считалось дозволенным; единственным преступлением являлась неудача. Успех был наградой сам по себе, неудачников же наказывали с беспристрастной жестокостью, причем мера

наказания точно соответствовала степени их провала.

Существа слабые, чувствительные и совестливые в этом мире не выживали. И самым хладнокровным, сильным и безжалостным в этой команде, самым изворотливым, спокойным и жестоким был Ха'Исса, «представитель Боскома». Титул его, однако, напоминал: есть еще некто, неизмеримо более могущественный, стоящий за его спиной.

Сейчас Ха'Исса располагался в кресле у грандиозного подковообразного пульта в центре купола. Эта персона очень напоминала человека по форме и строению тела, так как родиной Ха'Иссы была планета, чья масса, атмосфера и климат походили на земные. Лишь некий налет синевы, пронизывавший все его существо, — скорее ощутимый, чем заметный, — выдавал, что он не был уроженцем Земли.

У него были синие глаза, голубоватые волосы, и даже кожа отсвечивала синевой под ультрафиолетовым загаром. Но ореол этот напоминал не о нежно-голубом земном небе или наивной привлекательности земных васильков; он больше походил на слепящий холод айсбергов и неподатливую синеву закаленной стали.

Сейчас его высокомерное лицо с властными чертами было нахмурено, взгляд сосредоточен на экране, где пробегали строки очередного сообщения от помощника с одной из баз:

— ...обнаружен один из захваченных крейсеров, пятый номер. Доклады следовавших за ним кораблей пока не поступили, но я жду их, как только корабли выполнят свою миссию. Не найдено никаких следов шестого... предполагается, что он погиб...

— Кем предполагается? — холодно поинтересовался Ха'Исса. — Нет никаких оснований для таких предположений. Дальше!

— Ленсмен, если он существует на самом деле, должен находиться в пятом корабле, который вскоре захватят...

— А почему не в шестом? — резко прервал подчиненного представитель Боскома. — Доклад неполон и неубедителен. Кроме того, мне не нравится намек, что ленсмен — плод моего воображения. То, что он жив и действует, логически вытекает из известных нам фактов. Никто другой во всем Патруле не доставил нам стольких хлопот! Он реально существует, и мне кажется весьма вероятным, что он снова ускользнул от нас — на одном

из наших собственных кораблей! — в глазах Ха'Иссы сверкнул холодный гнев. — Вы изучили все возможные сектора?

— Да. Все системы и планеты, куда он мог добраться — с учетом имеющихся у нас сведений. Все, за исключением Велантии и Тренко.

— Велантия сейчас неважна. Шестой из захваченных крейсеров покинул ее и не вернулся туда. А Тренко?.. — пальцы Ха'Иссы пробежались по кнопкам. — Так, ясно... Значит, один мир — тот самый, где, по всей вероятности, и находится этот ленсмен, до сих пор не проверен. Нам известно, что он не приближался ни к одной из планет Солнечной системы, не посещал ни одну из планет их Лиги... Я полагаю, необходимо прочесать эту самую Тренко, дюйм за дюймом.

— Но, господин, как... — встревоженно начал подчиненный.

— Как? Тебе нужны детальные пояснения? С каких пор? У нас есть корабли, укомплектованные ордовиксами и другими расами, обладающими чувством пространственного восприятия... Найди их и отправь туда, — Ха'Исса нажал клавишу, и изображение на экране сменилось.

— Чрезвычайно важно пополнить наши сведения о Линзах Патруля, — начал он без всякого приветствия или предисловия. — Вы проследили их происхождение?

— Надеюсь... но до конца не уверен. Это оказалось настолько трудной задачей... — старший сектора явно колебался.

— В противном случае я не стал бы выделять на нее специальные средства. Дальше!

— Все указывает на планету Аризия, о которой мне не удалось узнать ничего определенного, кроме...

— Стоп! — Ха'Исса нажал еще несколько кнопок, вызывая на вспомогательный экран нужные сведения. — Так... Неисследована... параметры неизвестны... избегают все астронавты... — Он хмыкнул и предположил: — Какое-то суеверие? Одна из заколдованных планет?

— Нечто большее, чем обычное суеверие, — доложил его собеседник, — но что именно, мне выяснить не удалось. Перетряхнув весь сектор, я все же набрал экипаж из тех, кто либо не боится этого мира, либо никогда не слыхал о нем. Корабль уже в пути.

— Кто из наших людей бывал поблизости от Аризии? Твои сведения нуждаются в проверке.

Старший сектора передал список имен и номеров, который Ха'Исса внимательно изучил.

— Джилдер, валерианец, — решил он. — Крепкий парень, и быстро идет вверх. Не считая твердой веры в довольно странных богов, он никогда не проявлял даже признаков слабости. Ты думал о нем?

— Конечно. — Соратник Ха'Иссы, хладнокровный, как и его шеф, знал, что объяснения того не удовлетворят, и предпочел промолчать. — Сейчас он в рейде, но я могу связаться с ним, если это необходимо.

— Давай — и побыстрее!

Через несколько минут на экране перед Ха'Исса возникла сцена творившегося в глубинах космоса разбоя и грабежа.

Патрульный крейсер сопровождения был уже расстрелян; о нем напоминали лишь несколько медленно дрейфующих обломков. Пираты вовсю орудовали иглами-лучами, и вскоре торговый корабль, предмет их вожделений, стал совершенно беспомощным. Бандиты, не опускаясь до использования аварийного шлюза, просто выжгли часть корпуса вместе с люком, и внутрь обреченного корабля хлынула вооруженная до зубов толпа. Вспышки бластеров сеяли кругом смерть и разрушение.

Экипаж, численно превосходивший пиратов и тоже превосходно вооруженный, героически защищался — но тщетно. Люди умирали группами и поодиночке; тех, кто не погиб, безжалостно выбрасывали в открытый космос, предварительно располосовав скафандры. Только молодые женщины — стюардессы, медсестры, одна или две немногочисленные пассажирки — были взяты как добыча. Прочие разделили судьбу экипажа.

Затем корабль обшарили от носа до кормы и перенесли на пиратское судно все, что представляло хоть какую-то ценность. Вскоре ослепительно яркая вспышка взрыва уничтожила все следы торгового транспорта. Только тогда Ха'Исса счел нужным обратиться к Джилдеру.

— Отлично! Чисто сработано, капитан, — похвалил он; потом сделал паузу и неожиданно спросил: — Что ты скажешь о визите на Аризию? Если об этом попрошу лично я?

Румяное лицо валерианина покрылось бледностью, и он непроизвольно вздрогнул; казалось, смысл последней фразы Ха'Иссы дошел до него не сразу. Наконец

он понял, о чем говорит шеф, облизнул внезапно пересохшие губы и, запинаясь, произнес:

— Сэр, вы знаете, что мы никогда не отказывались от работы, и экипаж готов выполнить любой ваш приказ. Но мы были однажды там, поблизости... и мы... я... они... да, сэр, и меня... меня предупредили! Я видел...

— Видел что? И предупредили о чем?

— Не могу описать, что там было, сэр. Мне даже не подумать об этом страшно! Что до предупреждения, то оно было совершенно определенным. Мне внятно сказали, что если я когда-нибудь появлюсь вблизи планеты, то погибну смертью намного худшей, чем все способы расправы, которые мы предлагаем своим клиентам... — Джилдер криво усмехнулся. — И я этому верю, сэр...

— Но ты пойдешь туда опять?

— Экипаж не станет делать этого, — упрямо повторил валерианец. — Если я прикажу им, они просто взбунтуются, едва я попытаюсь сдвинуть корабль на дюйм в сторону Аризии.

— Собери немедленно своих людей и скажи, что получил приказ идти туда.

Пожав плечами, капитан выполнил это распоряжение. Но только он начал говорить, как его перебил первый помощник — тоже, естественно, валерианец. Он выхватил бластер и угрожающе произнес:

— Заткнись, Джил! Мы не идем на Аризию. Я всегда был с тобой, ты знаешь. Но если ты встанешь на курс, пролегающий ближе пяти румбов к этой планете, я сожгу тебя прямо в кресле!

— Ха'Исса, представитель Боскома! — раздалось из динамика на пульте. — Это бунт! Вам известно наказание?

— Конечно — о чем тут говорить? — огрызнулся первый.

— Предположим, что я прикажу вам идти на Аризию? — голос Ха'Иссы теперь был мягок и ласков, но исполнен скрытой угрозы.

— Тогда я скажу вам: убирайтесь к дьяволу! Или на эту самую Аризию, что в миллион раз хуже!

— Что? Ты осмелился так говорить со мной? — представителя Боскома совершенно изумила та наглость, с которой был проигнорирован его приказ.

— Осмелился, — объявил бунтовщик, вызывающе дерзко и с непреклонной решимостью, заметной в каждой линии его мощного тела, в каждой черточке сурового

лица. — Все, что вы можете сделать с нами — убить. Вы можете вызвать целый флот, чтобы прикончить нас, но это все, что в ваших силах. Всего лишь смерть — а мы еще развлечемся напоследок, прихватив в ад крейсер-другой. Аризия — это не то, совершенно не то! Нет, «представитель»; если я когда-нибудь окажусь рядом с этой дьявольской планетой, то лишь на корабле, который ты сам будешь пилотировать! Ты, и никто другой! И если ты думаешь, что это пустая угроза, и чем-то недоволен, давай, спускай своих псов!

— Я так и сделаю! Доложите свои координаты на Базу Д! Немедленно! Я... — Тут вспышка гнева у Ха'Иссы прошла, заработал его холодный ум. Случай был совершенно беспрецедентным. Целый экипаж отъявленнейших валерианских мародеров поднял в космосе наглый мятеж против него, самого Ха'Иссы! Не тщательно спланированное восстание, а невыносимо дерзкий и безрассудный бунт! Вероятно, в этом виновато какое-то необычайно стойкое суеверие, — с чувством превосходства над темным сбродом, опасавшимся глупых россказней, заключил непревзойденный аналитик Боскома. Эти слухи могли заставить команду отчаянных головорезов предпочесть верную смерть воображаемым опасностям Аризии... Но, в конце концов, напомнил себе Ха'Исса, он имел дело с обыкновенными астронавтами, существами невеликого ума и весьма скромных способностей. Пусть так; ясно, что в данном случае следует избегать опрометчивых решений.

И он спокойно, почти не запнувшись, продолжил:

— Забудьте все, что здесь произошло. Следуйте первоначальным приказам вплоть до новых распоряжений, — и снова переключил свой экран на связь с главой сектора.

— Я проверил твои выводы и считаю их правильными, — объявил он, хотя ровным счетом ничего толком не выяснил. — Ты правильно поступил, направив туда исследовательское судно. Немедленно информируй меня при первых признаках необычного поведения любого из членов экипажа.

Долгое время никаких сообщений не поступало. Тщательно подобранный экипаж состоял из астронавтов, не имевших ни малейшего представления о той планете, куда они направлялись. Они мчались вперед в блаженном неведении как относительно истинного смысла своей миссии, так и нависшей над ними угрозы. Вскоре после

достопамятной беседы Ха'Иссы с Джилдером и его экипажем, обреченный корабль достиг силового барьера, окружавшего систему аризиан и надежно защищавшего ее от незванных посетителей.

Внезапно корабль замер. В момент контакта с барьером мозг капитана затопила волна ментального излучения, и он, охваченный смертельным ужасом, в панике развернул корабль, направив его прочь от этой пропитанной страхом непроницаемой стены, посылая вызов за вызовом на базу сектора. Первый же его сигнал тотчас переключили на центральный пульт Ха'Иссы.

— Спокойно! Докладывай внятно и не торопясь, — приказал тот, и его глаза, выглядевшие на обзорном экране непривычно огромными, уставились прямо в зрачки перепуганного руководителя экспедиции, словно гипнотизируя его. — Соберись и расскажи подробно, что произошло. Каждую мелочь!

— Слушаю, сэр. Мы ударились... похоже, о силовой экран... и остановились... Потом... потом что-то появилось в корабле... Это было... Ооо! — его голос вдруг сорвался на визг, но под уверенным взглядом Ха'Иссы капитан быстро пришел в себя и продолжил: — Чудовище, мой господин... Огнедышащий демон, с зубами и клыками и усеянным колючками хвостом! Он говорил со мной на моем родном языке... не кревенском... Он сказал...

— Я не слышал этого, но могу догадаться, что он сказал. Эта тварь грозила тебе какой-то необыкновенно мучительной смертью, не так ли? — Холодные иронические нотки в голосе шефа больше способствовали восстановлению пошатнувшегося душевного равновесия астронавта, чем любые возражения.

— Да, верно... что-то вроде этого, — промямлил он.

— И эти угрозы убедили тебя? Командира первоклассного боевого корабля Боскома? — усмехнулся Ха'Исса.

— Да, господин, можно сказать так... да, это действительно выглядит немного неестественным, — робко поддакнул капитан.

— Еще бы, — представитель Боскома, находившийся в полной безопасности внутри купола, мог позволить себе толику юмора. — Мы не знаем точно, что вызывает эти галлюцинации или привидений, но ты единственный, кто их видел. На экранах ничего не появлялось. Скорее всего, это какая-то форма внушения или гипноза. А ведь тебе известно, что любое внушение можно преодо-

леть с помощью блокировки сознания, — вещал Ха'Исса, сам гипнотизируя несчастного размеренными фразами и неподвижным взглядом. — Но ты ведь не пытался сопротивляться ему?

— Нет... У меня не было времени.

— У тебя не были включены экраны внешнего обзора, автоматические датчики и радары... Фактически, не сделал ничего... — Ха'Исса сделал красноречивую паузу. — Я думаю, тебе лучше всего прибыть сюда с докладом.

— О, нет, господин, пожалуйста! — Капитан знал, что успех предпочтительнее неудачи. Тщательно подбираемые Ха'Иссой слова уже произвели желаемый эффект. — Они выиграли за счет неожиданности, но в следующий раз я справлюсь!

— Очень хорошо, я даю тебе еще один шанс. Когда ты приблизишься к барьеру, или что у них там, выключи безынерционный привод и не забудь о своих экранах. Поставь к ним людей — и к излучателям тоже. Помни, каждого, что умеет гипнотизировать, можно убить. Иди вперед на максимальной тяге. Проломись сквозь барьер и стреляй в любую цель. Ясно?

— Так точно! — привычный тон инструкций постепенно вернул капитану хладнокровие, заслонив воспоминания о недавней ментальной атаке аризиан.

— Вперед!

Приказ был выполнен до последней буквы. На этот раз пиратский корабль всей массой таранил барьер, и слабое силовое поле почти не замедлило его разбега. На этот раз защитный экран пересекли намеренно, и ментального предупреждения не последовало. Не было и пути к отступлению. Тем, кто не внял недвусмысленному совету, предстояло на своей шкуре испытать жестокое невидимое оружие аризиан.

В каждом шкафу — свои скелеты. У многих людей есть фобии — то, чего они более всего опасаются. Не все осознают это; их фобии погружены в подсознание, и существуют в виде предчувствий, которые редко всплывают выше порога восприятия. Они есть у каждого мыслящего создания, хотя бы в виде активной или скрытой неприязни или страха, независимо от того, насколько мирную и спокойную жизнь ведет данное существо.

Но пиратами становились далеко не тихие и уравновешенные личности. Здесь оказывался отъявленный сброд, грубые жестокие подонки, все худшее, что могла произвести на свет Галактика. Они влачили трудное и

преступное существование, их жизнь была полна насилия и противозаконных страстей. Их сжигала ненависть, и опаляющим разум деяниям не было числа; список их преступлений выглядел длинным и черным. В их головы, в тревожные и зыбкие глубины подсознания, легко проникали ужасные фантомы, способные взорвать и более сильные интеллекты.

Этим и собирался воспользоваться Наблюдатель Аризии. Из мозга каждого пирата, напоминавшего склеп, он извлек отвратительнейшие, наиболее жуткие образы, похороненные на самом дне разума — такое, чего субъект опасался больше всего. Эти фобии и были воплощены в кошмарных видениях, казавшихся породившему их существу абсолютно реальными, состоящими из плоти и крови. Неудивительно, что все члены экипажа, увидев дьявольские миражи, мгновенно сошли с ума.

Бесполезно описывать чудовищные творения. Каждому из несчастных предназначался свой собственный ад — и никто из наблюдателей на далекой безопасной базе не видел терзавших их монстров. Внезапно экипаж покинул свои посты, и все набросились друг на друга в дикой бешеной свалке. Дрались чем попало; многие забыли про оружие, бесполезно болтавшееся на поясе; они рвали, били и раздирали живую плоть, пока им не удавалось умертвить противника самым невообразимым способом. В других отсеках корабля ярко вспыхивали бластеры, топоры яростно крушили аппаратуру, в ход пускались ножи. И скоро почти все было кончено. Оставался в живых только пилот, застывший у пульта с бессмысленным взглядом широко раскрытых глаз.

Потом он задвигался, быстро и целеустремленно. Он запустил нейтрализатор инерции, развернул корабль, врубил двигатели на максимальную тягу и уверенно встал на курс. Когда Ха'Исса понял, куда идет судно, даже его стальные нервы не выдержали. Корабль мчался не обратно в свой порт, а прямо к главной цитадели, к этой в высшей степени секретной планете, чьи пространственные координаты не были известны ни пилоту, ни кому-либо из пиратов, составлявших экипаж корабля.

Ха'Исса выкрикивал приказы, которым пилот не подчинялся. Его голос — впервые за много лет — сорвался на крик, но пилот не обращал на него никакого внимания. Его глаза наполнились ужасом, пальцы судорожно скрючились, он встал на кресло и прыгнул, как будто хотел схватить и разодрать угрожавшего ему не-

видимого противника. Он перелетел абсолютно пустое пространство над пультом и коснулся лабиринта голых проводов высокого напряжения. Миг — и его тело исчезло во вспышке пламени и густых клубах дыма.

Вскоре шины очистились от страшного «короткого замыкания»; теперь огромный корабль мчался вперед с экипажем из трупов.

— ...вонючая мразь, трусливые черви! — глава сектора, выкрикивавший приказы одновременно с Ха'Иссой, все еще бил кулаками по своему столу и рычал от гнева. — Если они так боятся, что сходят с ума и убивают друг друга, когда их никто и пальцем не тронул, значит, я должен идти туда сам...

— Нет, Санстид, — резко перебил его Ха'Исса, — ты этого не сделаешь. Теперь я понимаю, что там что-то есть... что-то такое, с чем мы пока не в силах справиться. И ты упускаешь из вида один существенный факт... — Ха'Исса имел в виду курс корабля, направлявшегося в самое тайное логово во всей Галактике.

Он уже полностью осознал тот факт, что вовсе не суеверие заставляло астронавтов обходить стороной Аризию. Что-то там было неладно — по крайней мере, с его точки зрения. Но у него не имелось ни гипотез на сей счет, ни достаточно мощных сил, чтобы при случае выступить против таинственного и угрожающего мира.

Глава 12

КИННИСОН ПРИВОЗИТ ТОВАР

Ха'Исса сидел у пульта управления, напряженно размышляя; он пытался возможно более трезво проанализировать сложившуюся ситуацию.

Этот ленсмен был могущественен и потрясающе ловок. В самом деле, двигатель, питаемый космической энергией, разработка специалистов неведомого Патрулю мира, являлась одной из важных предпосылок превосходства Боскома. Если б удалось сохранить секрет, борь-

ба закончилась бы меньше, чем через год, и власть железной руки, не имевшая конкурентов, распространилась по всей Галактике. В противном случае война двух противоположных в основе своей цивилизаций тянулась бы бесконечно. Ленсмен завладел уникальной и бесценной информацией и, похоже, рассчитывал, что это сойдет ему с рук. Следовательно, ленсмена необходимо уничтожить.

Дойдя до сего логически безупречного вывода, Ха'Исса позволил себе расслабиться. Но мысли его продолжали вертеться вокруг неуловимого ленсмена... ленсмена и его Линзы.

Что это такое? В самом деле, странная штука! Сдублировать ее невозможно, не позволяют тонкости внутриатомного строения. А жаль! Она обладала множеством необычных, даже страшных возможностей. Старое поверье, что никто, кроме ленсмена, не может носить его Линзу, было сущей правдой — он проверял это сам. Ее следовало рассматривать как основу выдающихся способностей ленсменов, и она каким-то образом связана с Аризией и мыслеэкранами. В конце концов, решил Ха'Исса, это единственное, что есть у Патруля и чего нет у него. Он должен овладеть ею — и, несомненно, так и сделает. Конечно, подобное устройство не сравнимо с его собственной монополией на космическую энергию, но над этой монополией нависла серьезная угроза, — мысли представителя Боскома вернулись к единственному предмету, серьезно тревожившему его. Итак, ленсмен должен быть уничтожен, а тайна Линзы — раскрыта.

Но как? Легко сказать — «Прочешите Тренко, дюйм за дюймом»! На деле такая работа по плечу разве что Создателю Вселенной, если таковой существует... К тому же, ленсмен мог опять исчезнуть, в этом своем поле помех... Это уже дважды удавалось ему, причем в гораздо более спокойных областях, чем сектор Тренко. Главное, чтобы он не сумел добраться до своей базы; вокруг прочих систем дежурили пиратские корабли, и ни одной метеоритной пылинке не удалось бы прорваться незамеченной сквозь их заслон...

Кажется, с этим все, решил Ха'Исса. Теперь о тайне Линзы.

Опять же, с чего начать? На Аризии находилось нечто, имеющее отношение к Линзе и ментальным полям — возможно, и к тем мыслеэкранам...

Ха'Иссе вспомнился необычный способ, которым он получил удивительную аппаратуру — необычный в том смысле, что ее не пришлось красть или силой забирать у изобретателя. Однажды к нему прибыл посланец, назвал пароль, и предъявил рекомендации, которыми невозможно было пренебречь. Он передал тщательно запечатанный контейнер, доставленный, по его словам, с планеты Плуранс. Уже уходя, небрежно обронил: «Там мыслеэкраны — поймешь, когда потребуется». И исчез.

Оружием Аризии, несомненно, служило ментальное поле. Перед пилотом мертвого корабля лежал весь космос — какова же была математическая вероятность того, что он случайно направит свой крейсер к главной цитадели? Ничтожно малая, ответил сам себе Ха'Исса. Ничего не объясняла версия предательства — ведь пилот просто не знал координат главного центра Боскома!

Какой бы фантастической не казалась гипотеза о существовании ментального оружия, никакое другое объяснение не выглядело мало-мальски правдоподобным. Следовало учесть и невероятную историю с отказом обычно бесстрашного экипажа Джилдера даже приблизиться к Аризии. Для того, чтобы так впечатлить этих закоренелых бандитов, требовалась из ряда вон выходящая ментальная энергия.

Ха'Исса не относился к тем, кто недооценивает врага. Был ли хоть один человек в его команде, среди ближайших помощников, способный взять на себя решение такой проблемы? Нет. Именно он сам являлся наиболее выдающейся личностью из всех, кто составлял гарнизон огромной крепости — если не считать того, кто раньше сидел за пультом управления, пока он не одержал над ним верх. Ха'Исса твердо верил, что никакая мысль извне не сможет подчинить его волю. Не следовало, правда, забывать и о мыслеэкранах; пришло время воспользоваться ими.

Представитель Боскома отличался не только умом, но и холодной расчетливой смелостью. Если он — один из всех, кто способен наилучшим образом выполнить задачу, она будет выполнена, с хладнокровной и жестокой эффективностью, которая отмечала каждое его действие и каждую мысль.

Как он отправится туда? Примет ли вызов и доберется до Аризии с мятежным экипажем головорезов Джилдера? Нет. Даже самому себе Ха'Исса не желал признаваться, что не хочет потерять лицо перед этим

сбродом. Кроме того, ему не улыбалась перспектива оказаться на корабле с сумасшедшим экипажем. Он пойдет один, совсем один.

И Хельмут, не мешкая, приступил к осуществлению своего плана.

— Вулмарк, в централь, — приказал он. Когда подчиненный прибыл, он продолжал: — Я с восхищением наблюдаю за развитием твоей сети негласной информации — особенно в тех областях, которые вовсе не касаются твоего сектора. У нее есть бесспорное достоинство: она эффективна. Так что ты уже точно знаешь, что произошло. — Это прозвучало как утверждение, не как вопрос.

— Да, мой господин, — совершенно спокойно ответил Вулмарк. Он был застигнут врасплох, но ничуть не смутился.

Ха'Исса несколько секунд в упор разглядывал своего излишне любознательного подчиненного, потом вновь заговорил:

— Я полностью одобряю твои действия, ибо нам нужны инициативные люди. А теперь вот что... Мне нужно на несколько дней покинуть планету. Вероятно, ты наиболее подходящая личность, которой я могу на время доверить управление.

— Я подозревал, что вы исчезнете на какое-то время...

— Знаю. Но мне хочется быть уверенным, что в мое отсутствие у тебя не возникнет странных идей. Странных и опасных, — глаза Ха'Иссы сверкнули. — Кое-что не должно тебя тревожить... например, этот сейф, — он кивнул на причудливо мерцающий шар силового поля, неподвижно висевший в воздухе. — Даже твои лучшие специалисты не способны вскрыть эту штуковину.

— Так точно, не способны — пока, — не удержавшись, парировал глава сектора.

— И не сможете, любыми доступными вам способами. Но продолжайте пробовать. — Ха'Исса усмехнулся, — это меня несколько развлекает... — Лицо его вновь обрело неподвижность. — Но продолжим. Для твоего же блага рекомендую поверить, что если мне не удастся вернуться за этот пульт, тебя ждут крупные неприятности.

— Я верю вам, господин. Любой разумный человек сделает соответствующие распоряжения, если сможет. Но предположим, что аризиане...

— Если твое «если сможет» подразумевает сомнения. Подави их и учись благоразумию, — холодно посоветовал Ха'Исса. — Пора бы знать, что я никогда не играю в азартные игры. Я сделал определенные приготовления, чтобы защититься — как от врагов, таких, как аризиане и Патруль, так и от друзей вроде честолюбивых юнцов, что зарятся на мое место. И если бы я не испытывал уверенности в благополучном возвращении сюда, мой дорогой Вулмарк, я бы не пошел.

— Вы неверно меня поняли, господин. У меня и мысли не было выжить вас.

— Не было подходящей возможности, хочешь ты сказать. Я понимаю это и, как уже сказал, одобряю. Смело иди вперед! Сейчас я на круг обогнал тебя, но придет и твое время, — философски заметил Ха'Исса. — Теперь о деле. Тебе известно, что наша основная задача — поиск ленсмена, а прочесывание Тренко и организация заслонов в системах, где действует Патруль, являются лишь отдельными мероприятиями, призванными этому способствовать?

— Да, господин.

— Прекрасно. Я могу, мне кажется, временно передать дела в твои руки. Если случится что-нибудь действительно серьезное... к примеру, как-то продвинется проблема с поиском этого ленсмена, тотчас дай мне знать. В противном случае не беспокой меня. Садись, — и Ха'Исса, покинув свое кресло у пульта, отправился в космопорт, где его ожидал специальный космокатер, оборудованный всевозможными устройствами, в которых не разбирался никто, кроме самого владельца.

Путешествие к Аризии не было для него ни долгим, ни утомительным. Небольшое полностью автоматизированное суденышко мчалось сквозь пустоту, а он мог трудиться столь же спокойно и с таким же комфортом, как за своим пультом на базе. Пожалуй, даже лучше, отметил про себя Ха'Исса, едва приступив к работе: здесь он действительно мог сосредоточиться без помех. Он спланировал множество дел, принял массу решений, и его папка с заметками становилась все пухлее. Приблизившись к столь загадочной для него планете, он отложил бумаги на магнитные ленты, включил специальное оборудование и стал ждать. Наконец космокатер подошел к защитному барьеру и остановился. Ха'Исса непроизвольно вздрогнул, но взял себя в руки. Но вымученная

улыбка мгновенно сползла с его лица, когда в его сознание ворвалась постороняя мысль.

— Ты удивлен, что твой мыслеэкран оказался неэффективным? — Тон был холодным и презрительным. — Да, я знаю о нем — и о том, что сказал тебе посланник Плура, передавая это устройство. Но он слишком многое обещал тебе. На Аризии знают немного больше о ментальных полях, чем представители его расы. — Когда смысл сказанного дошел до Хельмута, он смертельно побледнел. Наблюдатель продолжал:

— Запомни, Ха'Исса, что аризиане не будут терпеть незванных гостей. Твой визит особенно нежелателен; ты — представитель деспотической и антисоциальной культуры. Зло и добро, безусловно, категории относительные, поэтому в абсолютных терминах нельзя сказать, что твоя культура зла. Однако она основана на алчности, ненависти, коррупции, насилии и страхе, — в тоне аризианина не было ни намека на отвращение, он лишь констатировал факт. — Она не признает справедливости, милосердия, истины — за исключением ее чисто научного аспекта. В основном она враждебна свободе. Свобода же — личности, мысли, действия — основа и цель цивилизации, которой вы противостоите, и с которой может чувствовать себя созвучным любой истинно философский разум. — Пират иронически усмехнулся, но волна холода от очередного ментального сообщения вновь заставила его замереть.

— Самонадеянный, переполненный извращенными идеями, гордый преходящим господством над горсткой подчиненных, привязанных к тебе узами алчности, страстей и преступлений, ты пришел сюда, чтобы вырвать у нас секрет Линзы. У нас, расы, которая настолько же могущественнее твоей, насколько и старше. — Ха'Иссе показалось, что он уловил легкий оттенок пренебрежения.

— Ты считаешь себя хладнокровным, жестким, безжалостным. По сравнению с нами ты слаб, мягок, чувствителен и беспомощен, как новорожденный. Ты, пожалуй, должен осознать и оценить этот факт. Такова первая причина, по которой ты жив в настоящий момент. И сейчас мы начнем урок.

Оцепеневший вдруг Ха'Исса, не способный шевельнуть ни единым мускулом, ощутил, как в его мозг вошли гибкие тонкие иглы. Они проникли в глубины его существа, к неизвестным ему самому чувствительным нервным центрам. Каждый укол нес жестокое страдание, неперe-

носимую боль; казалось, он приближал последние судороги агонии.

Ха'Исса не был больше спокойным и хладнокровным. Он хотел бы завопить от ужаса, но не смог. Все, что ему оставили, была возможность сидеть и страдать.

Потом начались видения. Перед ним в пустом пространстве космокатера возникли и двигались бесконечной чередой все сцены насилия и преступлений, в которых он прямо или косвенно был повинен — во время восхождения к наивысшему посту в Боскоме и уже занимая его. Долог был этот список, и черен. Мучения Ха'Иссы усиливались, пока наконец — он не знал, прошли секунды или часы — он не смог более выносить их и потерял сознание, провалившись в глубины беспамятства, куда не могла проникнуть боль.

Он пришел в себя, бледный и трясущийся, весь в испарине и настолько слабый, что ему тяжело было даже сидеть, но с блаженным сознанием того, что, хоть и ненадолго, пытка прекратилась.

— Это, как ты увидишь, очень мягкий урок, — продолжал звучать в его мозгу холодный голос аризианина. — Ты не только жив, ты все еще в своем уме. Теперь ты узнаешь, что для этого есть и вторая причина. Если тебя уничтожим мы, это повредит развивающейся цивилизации, которой ты противостоишь, что для нас совершенно нежелательно.

Мы дали ей инструмент, с помощью которого она могла бы уничтожить тебя и все, что ты создал. Если ей не удастся сделать этого, значит, она пока не достигла зрелости. Следовательно, твоей отвратительной культуре будет позволено на время властвовать и процветать. — Как ни напуган был Ха'Исса, он все же мысленно отметил, что все еще не так плохо, как казалось сначала. Наблюдатель не обратил внимания на новый поворот мыслей жертвы.

— Теперь иди к себе. Не возвращайся. Я знаю, у тебя не хватит отваги сделать это самому. Не пытайся никого посылать сюда.

И все. Не было ни угроз, ни предупреждений, ни упоминаний о последствиях. Но спокойные интонации аризианина вселили такой страх в хладнокровную душу представителя Боскома, какого тот никогда не испытывал.

Он развернул космокатер и, врубив полную тягу, опрометью ринулся к своей цитадели. Только после мно-

гих часов полета ему удалось возвратить хотя бы видимость привычной уравновешенности, и немало дней потребовалось, чтобы он смог снова мыслить достаточно связно и обдумать это невероятное событие.

Ему хотелось верить, что аризианин, кем или чем бы он ни являлся, блефовал — что он не мог убить его, а только подвергнуть мукам. Сам он в подобной ситуации убивал без сожаления, что казалось ему естественным и логичным. Трезвый ум, однако, не позволял принять столь удобное объяснение. В глубине души он знал, что аризианин м о г убить его так же легко, как он уничтожил бы самого низшего из членов банды, и эта мысль не давала ему покоя.

Что мог он сделать? Что он мог? Снова и снова, пока мчащийся вперед катер оставлял за собой череду световых лет, перед ним вставал этот вопрос. Когда показался его мир, он все еще оставался без ответа.

Поскольку Вулмарк справедливо полагал, что препятствовать его возвращению опасно, по сигналу Ха'Иссы защитные экраны отключились. Первым делом он вызвал всех глав секторов в центр, на военный совет. Рассказав обо всем, что случилось, кратко и спокойно, он заключил:

— Эти существа равнодушны, безучастны, отчуждены — до такой степени, которая превосходит мое понимание. Они порицают нас из чисто философских соображений, но не собираются активно противодействовать, пока мы остаемся вдали от их системы. Следовательно, мы не можем получить информацию о Линзе напрямую, но существуют иные методы, которые надо должным образом разработать.

Аризиане действительно поддерживают Патруль, и они помогли нашим врагам, предоставив им Линзы. На этом, однако, они остановились. Если ленсмены не знают, как эффективно воспользоваться Линзой — а я полагаю, что так оно и есть, — нам «временно дозволяется властвовать и процветать». Что ж, и будем властвовать, и позаботимся о том, чтобы эпоха нашего процветания была долгой, очень долгой...

Слушатели, слегка встревоженные рассказом о происшествии, каким бы сухим и кратким он ни был, приободрились. Их шеф, сам почти поверивший в то, что говорит, продолжал:

— Ситуацию в целом можно свести к следующему: наши преобразователи космической энергии против Линз

Патруля. Наш секрет намного ценнее и могущественнее, но единственная надежда на быстрый успех состоит в том, чтобы сохранять Патруль в неведении относительно него. Но один ленсмен уже владеет им! Следовательно, его смерть становится настоятельно необходимой и, надеюсь, неизбежной. Мы обязаны отыскать его, даже если придется отложить все прочие планы и проекты. Что с планетами, на которых он может приземлиться?

— Блокированы, господин, — быстро пришел ответ. — Полностью!

— Результаты поисков на Тренко?

— Отрицательные. Один из наших кораблей открыто посетил местный космопорт. Там никого не было, кроме группы ригелиан. Начаты поиски на остальной части планеты. Около половины личного состава каждого судна после приземления обычно погибает, но они стартовали с двойными экипажами, так что доведут дело до конца.

— Невозможно спрятать корабль в крохотном порту Тренко так, чтобы он смог укрыться даже от беглого осмотра, — заметил Ха'Исса. Если там нет корабля, значит, нет и ленсмена. Он может скрываться где-то на планете, но я сомневаюсь в этом. Тем не менее, продолжайте поиски. Мне надо все обдумать...

Однако времени на это у Ха'Иссы не оставалось; Киннисон покинул Тренко слишком давно. Из-за маскировочных экранов на ведущих излучателях он продвигался медленно, но и идти ему надо было недалеко. Как раз в момент совещания главарей Боскома, ленсмен и его экипаж приближались к мощному заслону боевых кораблей, окруживших всю Солнечную систему.

Пробраться незамеченными сквозь этот строй было невозможно, и раньше, чем Киннисон осознал, что находится в опасной зоне, его корабль уже тянули шесть транспортных лучей. На отдаленной пиратской базе взвыли сигналы тревоги, и Ха'Исса, напряженно ожидавший за пультом, взял командование флотилией на себя.

Хотя все произошло внезапно, Ким мгновенно сориентировался и принял бой. Защитные экраны вспыхнули, стойко обороняя корабль Патруля и сбив оковы транспортных лучей, а маскировка исчезла в пылающем огне, когда Киннисон включил на полную мощность двигатели. Напрягая мозг, ленсмен направил к Земле ментальный вызов.

— Адмирал Хейнес, главная база! Адмирал Хейнес, главная база! Срочно! Вызывает Киннисон! Подхожу

со стороны Сирианского сектора! — раз за разом повторял он.

На базе в этот момент царила глубокая ночь, и адмирал Хейнес крепко спал. Но подсознание старого ленсмена мгновенно уловило сигнал, и в ту же секунду он проснулся и ответил:

— Хейнес слушает! Киннисон, я на приеме!

— Иду на захваченном корабле. И у меня за кормой — все мерзавцы космоса! Не высылайте навстречу эскорт — они его расстреляют. Я постараюсь подвести вражеские суда под удар ваших батарей. Приготовьтесь — уже недолго!

Адмирал подал сигнал тревоги, Киннисон же продолжал:

— У нас нет опознавательных знаков, пусть наводчики внимательней следят за маневрами кораблей, чтобы не отстрелить нам хвост. Сэр, эти ненормальные готовы устроить спектакль над самой базой. Будьте готовы принять их!

Преследуемые и преследователи вошли в верхние слои стратосферы. Огненный круговорот, медленно снижаясь, забушевал с новой силой, уже в зоне видимости наблюдательной базы. Один из кораблей петлял, прыгал и метался в разные стороны, демонстрируя все возможности корабля, которыми только мог воспользоваться изобретательный ум патрульного, чтобы уйти от атакующей орды.

С другой стороны, пираты, по-видимому, не собирались позволить ленсмену приземлиться. Транспортные лучи бездействовали, и безынерционные корабли не могли пойти на таран. Следовательно, им пришлось воспользоваться проверенной стратегией — полностью окружить корабль и сжечь его лучами, сокрушив защитный барьер. Сейчас они пытались оттеснить ленсмена подальше от грозных батарей базы, которая была прямо под ними.

Дальность поражения мощных наземных эмиттеров в плотной атмосфере не превышала пятидесяти миль, поэтому стрелки, праздно сидевшие у боевых пультов, и командиры супердредноутов, застывших на посадочном поле, раздраженно ругались, не в силах помочь своим товарищам. Им оставалось только наблюдать за битвой, которая разворачивалась у них над головой.

Медленно, очень медленно, Киннисон продвигался вперед, стараясь приблизиться к базе, и наконец он

ухитрился войти в зону действия ее гигантских излучателей. Только огонь самых тяжелых орудий мог достичь сумасшедшей карусели, в которой крутился его корабль, но все эмиттеры ударили одновременно и примерно в одно и то же небольшое пространство. Там разверзся ад. Ни один защитный экран не уцелел, и только сгустки огня светились в том месте, где маневрировал нижний эшелон пиратских крейсеров. Киннисон бросил свой корабль вниз, сквозь пылающие облака пламени; он шел к земле на максимальной скорости.

Один за другим суда боскомиан устремились вслед в последней самоубийственной попытке накрыть его лучами в воздухе. Они падали прямо на мощные оборонительные излучатели базы, легендарного Холма, наиболее защищенной и самой неприступной крепости Галактического Патруля! Ничто не могло устоять против орудий этой цитадели — и нападающие просто исчезали в яркой вспышке, развеивались облаком сияющего газа.

Киннисон, готовясь отключить нейтрализатор инерции, вызвал своего командира.

— Все в порядке, сэр? — осведомился он.

— Да, — пришел краткий ответ. Поздравления, торжественная встреча и отдых будут позже. Сейчас адмирал Хейнес желал выслушать официальный рапорт.

— Сэр, имею честь доложить вам, что экспедиция успешно завершена, — произнес Ким; затем, не в силах сдержать восторг, он прибавил: — Товар доставлен!

Глава 13

ИСТРЕБИТЕЛИ

На поиски затерявшихся в глубинах космоса членов экипажа погибшей «Британии» направилась целая флотилия быстроходных крейсеров. Полное энтузиазма чествование героев событий, стихийно возникшее на территории базы, завершилось; однако за ее пределами праздник был в самом разгаре. В шумной возбужденной

толпе смешались хозяева и гости, люди и велантийцы. На Земле впервые узнали о планете разумных рептилий, сами же они имели весьма смутное представление о Солнечной системе. Но это — как и довольно устрашающая внешность разумных драконов — никого не волновало; велантийцы помогали патрульным, а потому были приняты тепло и радушно.

— Киннисона! Дайте нам Киннисона! — раздавались у ворот, ведущих на территорию Базы, нетерпеливые восклицания репортеров; они звучали все настойчивей, к ним присоединялись новые и новые голоса. Наконец, ленсмену пришлось выйти наружу. Сказав в микрофон несколько слов и пару раз улыбнувшись нацеленным на него камерам, он развел руками и извинился:

— Вызывают — срочно! — и исчез за непроницаемым барьером. Толпы поклонников, поворчав, повернули к городу и неторопливо двинулись туда, прихватывая по пути всех патрульных, кто не возражал присоединиться к торжеству.

Инженеры и техники вдоль и поперек облазили пиратский крейсер, приведенный Киннисоном, не забывая поглядывать на чертежи, уже подготовленные по описаниям, составленным специалистами «Британии». Каждого из них сопровождал целый отряд помощников, разбиравших, при необходимости, устройства огромного корабля. В этот усердно трудившийся улей вызвали и Киннисона. Он стоял там, отвечая на бесчисленные вопросы, пока его не выручил сам адмирал Хейнес.

— Вы, джентльмены, можете получить всю нужную информацию с пленок — и ничуть не хуже, чем от Киннисона, — улыбнувшись, заметил он, — а мне необходимо выслушать его доклад.

И старый ленсмен увел молодого прочь. Но, оказавшись в своем кабинете, он не вызвал секретаря, не включил записывающую аппаратуру, а лишь нажал несколько кнопок, установив экраны полной защиты, и произнес:

— Теперь, сынок, рассказывай. Говори все-все, что ты хотел сказать с тех пор, как приземлился.

— Да, я действительно не решился доложить о некоторых своих соображениях, — подтвердил Киннисон. — Не уверен, что их стоит выносить на широкое обсуждение, сэр, и благодарю, что вы смогли уделить мне время. — Молодой патрульный помолчал, собираясь с мыслями. — Возможно, эти идеи столь же сумасшед-

шие, как мир фантомов Тренко... судить о них будете вы сами.

— Вероятно, ты прав, — сухо заметил Хейнес. — Продолжай.

— Я полагаю, — Ким задумчиво посмотрел на адмирала, — что мы преуменьшили возможности противника и слишком переоценили свои собственные. Мы называем их пиратами, но это в корне неправильно. Боском — не раса и не какая-нибудь особо злонамеренная звездная система; скорее, это культура, охватывающая целую Галактику. Она базируется на абсолютном деспотизме, — сам того не ведая, Ким почти дословно повторил слова Наблюдателя Аризии, — на жесткой системе поощрений и наказаний. С нашей точки зрения, это неверный путь, но их организация эффективна и боеспособна. Они организованы не хуже Патруля и обладают столь же разветвленной сетью баз, кораблями и обученным персоналом.

Крейсера Боскома имеют преимущество перед нами — и в скорости, и в мощности. Теперь оно потеряно. Таким образом, существует две равные силы; каждая из них опирается на ресурсы бесчисленных звездных систем, каждая хорошо вооружена и обладает гигантским количеством личного состава. У обеих примерно одни и те же наступательные и оборонительные средства, и каждая настроена смести с лица вселенной другую... — Ким помолчал и закончил: — Неизбежен пат, тупик. Разрушительная война, которая может продолжаться веками и приведет лишь к полному уничтожению Боскома и нашей цивилизации.

— А наши новые экраны и излучатели! — запротестовал адмирал. — Они дают нам существенное преимущество! Мы можем вступить в схватку или избежать ее, если захотим. Тебе известен план их уничтожения, ведь ты сам принимал участие в его разработке.

— Да, я знаю... Я знаю и то, что мы их не уничтожим. Вам тоже это известно. Наше преимущество очень относительно и временно.

Хейнес ответил не сразу. В глубине души он сам чувствовал сомнение. Но ни он, ни кто-либо из его соратников никогда не упоминал то, что Киннисон сформулировал так четко. Несомненно, все, что изобретет в этой войне одна сторона, рано или поздно появится у другой. Подтверждением тому могла служить и потрясающая операция, блестяще проведенная самим Киннисон

соном. И адмирал, который лучше, чем кто-либо, представлял масштабы военных действий, не сомневался, что если весь флот оборудован новым оружием, то его секрет не удастся сохранять бесконечно. Наконец он произнес:

— Возможно, ты прав. — Он сделал паузу, потом продолжил, сказав то, что и должен был сказать ветеран космофлота: — Но сейчас преимущество на нашей стороне, и мы его используем. В конце концов, может быть, нам удастся сохранить его достаточно долго.

— Я думаю еще об одном обстоятельстве, которое могло бы помочь нам — о связи, — Киннисон не стал спорить, а продолжил беседу. — Невозможно использовать какие-либо средства связи внутри кольца двойных помех...

— Безусловно! — воскликнул Хейнес. — Ничто, кроме мысли...

— Совершенно верно — мысль! — в свою очередь перебил Киннисон. — Велантийцы могут делать с Линзой то, что нам раньше и в голову не приходило. Почему бы некоторым из них не попытать счастья на Аризии? Я уверен, Ворсел прошел бы... и, возможно, кое-кто еще. Они умеют посылать ментальные сигналы сквозь что угодно, за исключением собственных мыслеэкранов. Представляете, какую они могут разработать аппаратуру!

— Тут, несомненно, заложены большие возможности, и эту идею стоит развивать. Но ведь ты хотел говорить со мной не об этом? — прищурился Хейнес. — Продолжай!

— Да, — Киннисон перешел на мысленную связь через Линзу. — Мне требуется экран, который мог бы нейтрализовать локаторы. Я разговаривал с Хочкинсом, экспертом по связи. Он сказал, что ничего подобного никогда не разрабатывалось, но с его точки зрения принципиальных ограничений нет.

Хейнес удивленно приподнял брови, видимо не понимая, почему его молодой собеседник использует Линзу.

— Мой кабинет экранирован, ты же знаешь... — он пристально посмотрел на Кима. — Или это настолько важно?

— Не знаю, — покачал головой Киннисон. — Возможно, просто бред... Но если здесь есть хоть капля здравого смысла, блокировка связи — самая важная вещь для нас, и информация о таком устройстве должна оставаться секретом ленсменов. — Ким испытующе взглянул на сидевшего напротив адмирала. Тот

внимательно слушал, но нельзя было понять, насколько он одобряет его предложение. — Весь опыт борьбы с Боскомом показывает, что единственным нашим постоянным преимуществом является Линза. Должен же существовать какой-то способ более эффективного ее использования! Тогда мы сможем в считанные месяцы уничтожить все могущество Боскома, вместо того, чтобы вести с ним вечную войну. Во-первых, я хочу...

— Молчи! — прервал его Хейнес. — Я тоже думал на подобные темы. Но мне ничего не пришло в голову, и это тебе на руку... если не могу увидеть я, не увидят и другие... Если твоя идея чего-то стоит, она слишком грандиозна, чтобы делиться ею — даже со мной. Прибереги ее для себя, сынок.

— Было бы полезно обсудить столь необычную вещь, — возразил Киннисон. — Возможно, я ошибаюсь...

— Пусть это тебя не тревожит, — уверенно ответил адмирал. — Ты знаешь о Боскоме, больше, чем любой другой патрульный. Ты уверен, что твоя идея может сработать. Очень хорошо! Я готов обеспечить твой тыл всеми ресурсами Патруля. Запиши основные положения разработки на пленку кодом ленсменов, чтобы сохранить их в случае твоей смерти, и — действуй! Если можно создать прибор, блокирующий связь, ты его получишь. Руководить работой будет Хочкинс, он возьмет в помощь тех специалистов-ленсменов, которых выберет сам. Никто, кроме них, ничего не узнает; мы позаботимся об этом.

— Спасибо, сэр, — и Киннисон вышел из комнаты.

На несколько недель база превратилась в арену бурной деятельности. Конструировались и испытывались новые устройства — новые защитные экраны, новые генераторы, новые глушители и прочие полезные вещи. Все создавалось, испытывалось, переделывалось и вновь проверялось, пока даже самые придирчивые инженеры не смогли больше найти ни одного недостатка. Затем корабли Патруля со всей Галактики были вызваны на базы секторов для переоборудования.

В результате появилось два типа судов. Первые, специальные разведывательные крейсеры, обладали быстроходностью и суперзащитой — но и только. Корабли второго типа строились заново, поскольку до сих пор ничего подобного не существовало. Они были огромными, неуклюжими и медлительными — склады новейшего наступательного оружия. Они оснащались

эмиттерами такого размера и мощности, какие раньше существовали лишь в стационарном варианте. Не зависели эти летающие крепости и от притока внешней энергии, ибо ее запас в огромных аккумуляторных батареях был гигантским. Одновременно каждый из таких монстров оборудовали генераторами полей, полностью блокировавших возможность приема космических излучений в значительной области пространства.

Это был карающий меч, занесенный Цивилизацией над Боскомом. В теории все выглядело необычайно просто. Сверхскоростные разведчики преследуют врага, надежно локализуют его и связывают транспортными лучами. Поглощая и рассеивая все виды смертоносной энергии противной стороны, они создают невероятно сильное облако помех. Ориентируясь на него, подходят корабли-крепости, отрезают поступление энергии и завершают операцию.

Столь стройный план удалось реализовать далеко не сразу. Но время шло, и подготовительный период подошел к концу; Цивилизация могла начать мощное — и, как надеялись и верили почти все, — последнее наступление на Боском. Час возмездия пробил.

* * *

На космодроме главной базы за монитором боевого крейсера «Британия» сидел Кимбол Киннисон, самый молодой землянин, носивший когда-либо четыре серебряных полосы капитана. Его новый корабль, для которого он сам выбрал имя, был превосходен. Киннисону становилось несколько не по себе, когда он думал о скорости, которую могла развить «Британия». Ее двигатели были настолько мощны, что она нуждалась в щитах и специальных рассеивателях, обеспечивающих отток в космос тепла — при сумасшедшей скорости судна эффект трения в среде мог расплавить его оболочку за какой-нибудь час, хотя движение происходило в межзвездном пространстве!

Адмирал Хейнес, сидя в кабинете, смотрел на хронометр. Шли последние минуты перед стартом, потом секунды...

— Чистого пространства! — его низкий голос дрогнул от волнения. — Пять секунд до старта... четыре... три... две... одна... Старт! — И флот поднялся в воздух.

Первая его цель была практически рядом с домом —

ближайшая база боскомиан располагалась на луне Нептуна, прямо в Солнечной системе. Это пиратское гнездо было настолько хорошо вооружено, что обычные боевые корабли Патруля даже не пытались его уничтожить. Теперь время этой операции настало.

Флот Патруля стремительно лег на курс и преодолел расстояние между планетами, однако боскомиане успели засечь атаку и встретили нападавших огнем. Когда они поняли, что этот бой ничуть не похож на сотни предыдущих, было уже поздно. Они не могли бежать, а связь со штабом немедленно перекрыл сплошной заслон помех. Подошедшие к базе почти вплотную корабли необычной обтекаемой формы казалось вообще не собирались сражаться. Они просто бесследно поглощали каждый квант энергии, излучаемой раскаленными добела эмиттерами противника. Их защитные экраны вспыхивали под огнем батарей Боскома, но не лопались, не исчезали; корабли не ослабляли своей мертвой бульдожьей хватки. А через минуту над базой нависли угловатые и чудовищно мощные истребители. Они поставили блокирующие космическое излучение экраны, затем их гигантские излучатели извергли чудовищный поток энергии.

Внешние экраны боскомиан засветились оранжевым и рухнули под натиском невероятно мощного удара. Затем пал второй слой защитных барьеров, ярко полыхнув облаком фиолетового пламени. Внутренний силовой кокон упорно сопротивлялся, переливаясь всеми цветами спектра; наконец, раздался и он, последний раз блеснув темно-фиолетовым свечением, переходящим в глубокий черный оттенок. Обороняющиеся глядели на свои приборы сначала с недоверчивым изумлением, потом — в невыразимом ужасе; приток энергии извне упал до нуля, их щиты исчезали один за другим, атака же велась с неослабевающей силой. И огненный смерч, который обрушился на них, не собирался иссякать!

Обычные корабли не могли генерировать поток такой сокрушительной мощности, но летающие фабрики энергии были рассчитаны как раз на это. Атака продолжалась с тем же леденящим душу напором. Типовые батареи не предназначались для питания столь мощных эмиттеров, но истребители оснащались далеко не стандартным оборудованием. Их задачей было уничтожение, и они выполняли ее эффективно, равнодушно и безжалостно.

Все выше и выше сдвигался спектр излучения рас-

каленных броневых щитов, последней защиты вражеской базы. Наконец, смешав в невыносимо яркой вспышке синий, фиолетовый и лиловый цвета, металл уступил напору энергетических тисков. Над каменистой поверхностью спутника расплылось облако светящегося газа, и Соларианское отделение Боскома прекратило существование. С мрачным упорством истребители вновь и вновь утюжили скалы, растекавшиеся потоками багровой лавы, кружа над огненным озером; о пощаде никто не помышлял — война шла на полное уничтожение.

Глава 14

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Когда оплот противника, столь бесцеремонно устроившегося буквально у порога Солнечной системы, был уничтожен, флотилии Патруля вышли в свободный поиск и начали прочесывать Галактику. В первые несколько недель они достигли весьма впечатляющих результатов. Крейсеры выследили и захватили сотни вражеских кораблей, которые затем были развеяны на атомы истребителями.

Удалось уничтожить и множество боскомианских баз. Координаты большинства из них давно были известны Патрулю, другие удалось найти, выслеживая мародерствующие корабли пиратов, пытавшиеся спастись от погони. Еще несколько точек указали истребителям следящие лучи и автоматические наблюдательные станции.

Больше половины баз не выдерживали атаки одиночного истребителя. Если возникали проблемы, на помощь тут же приходило еще несколько могучих кораблей, предназначенных для уничтожения и способных расправиться практически с любой крепостью. Одна из космических крепостей Боскома, неизвестная ранее и оказавшаяся на удивление мощной, потребовала концентрации всех истребителей Земли; но, когда они прибыли, база не

устояла. Казалось, схема уничтожения враждебной цивилизации действует безупречно.

Но однажды поисковый крейсер обнаружил незамаскированную базу, и даже поверхностное исследование показало, что она совершенно пуста. Механизмы, оборудование и личный состав были полностью эвакуированы. Флотилии Патруля это показалось подозрительным; корабли расположились поодаль и расстреляли крепость, но никаких признаков активности так и не было обнаружено. Все сооружения рухнули, затем просто скрылись под потоком лавы.

Каждая найденная после этого цитадель оказывалась в таком же состоянии. Одновременно канули в небытие все корабли Боскома, поначалу столь многочисленные. День за днем разведчики бороздили пространство, не находя никаких следов грозной цивилизации; впервые за много лет стал абсолютно чистым эфир, все помехи исчезли.

В один прекрасный день Киннисон решил, что следующий ход за ним. Повинуясь предчувствию, он испросил время на свободный поиск и, получив разрешение, он направился к системе Велантии, где ему впервые удалось взять пеленг на базу Ха'Иссы.

Достигнув исходной точки, ленсмен ориентировал корабль в том направлении, откуда шли перехваченные сигналы, и включил двигатели. Через несколько дней «Британия» достигла границы Галактики и зависла в пустоте, в которой тускло мерцали крапинки далеких звездных скоплений. Позади простиралась великолепная галактическая спираль, сиявшая миллионами звезд, похожая на гигантский сверкающий водоворот. Впрочем, у Киннисона не нашлось времени полюбоваться ею.

На некоторое время крейсер замер в полной недвижимости. Его капитан пытался сообразить, что произошло — курс был верен, и его радары, сканирующие свободный от помех эфир, просто не могли пропустить столь крупный объект, как цитадель Ха'Иссы. Конечно, если она на самом деле располагалась поблизости от траектории полета «Британии». Спустя полчаса Киннисон обдумал четыре гипотезы, и каждая из них более или менее объясняла таинственное исчезновение базы.

Во-первых, ее могли эвакуировать. Это казалось маловероятным; цитадель Ха'Иссы, повидимому, являлась сооружением стационарным и пригодным к перемещению не более, чем главная база Патруля на Земле.

Во-вторых, она могла располагаться в глубине континентального щита, под толстым слоем камня и металла, способного экранировать любое излучение; тогда ее поиск становился исключительно сложной задачей. В-третьих, Ха'Исса мог уже иметь то устройство, о котором Киннисон еще только мечтал — защитный экран от любых следящих лучей, над которым так долго работали Хочкинс и его команда. Это выглядело более вероятным, и Ким решил подвергнуть данную идею самому пристальному рассмотрению и проверке. В-четвертых, не исключалось, что база находится не на краю галактической спирали, а в одном из звездных скоплений, видневшихся прямо по курсу, или в еще более отдаленном. На этом последнем варианте Киннисон и остановился. Конечно, в таком случае Боскому требовались сверхмощные средства связи с любой точкой в Галактике, но их наличие нельзя было исключить.

Последнее предположение имело один существенный недостаток — никто не мог сказать, сколько недель или месяцев потребуется на достижение цели полета. Поразмыслив, молодой ленсмен решил, что необходимо взять еще один пеленг, второе направление на базу Ха'Иссы. Со вздохом он развернул корабль и направился обратно к флоту Патруля.

Когда до его соединения оставались сутки хода, Киннисона вызвали к монитору связи. На мерцающей поверхности экрана возникло лицо адмирала Хейнеса.

— Что вы обнаружили? — спросил он.

— Ничего определенного, сэр. Кое-что, о чем следует поразмыслить, и только. Но я твердо могу сказать, что все это мне не нравится — и в целом, и в каждой детали.

— Мне ситуация нравится не больше, — согласился адмирал. — Похоже, что ваше предсказание насчет тупика начинает сбываться, — он хмуро посмотрел на молодого ленсмена. — Куда вы сейчас направляетесь?

— Обратно к своей флотилии, сэр.

— Не стоит. Оставайтесь там, пока возможно, понаблюдайте... Если не будет ничего интересного, сообщите прямо мне — у нас есть кое-какие предложения. А пока...

Изображение адмирала рассыпалось множеством сверкающих точек, и его слова слились в однообразное гудение. Раздавшийся сигнал тревоги немедленно утонул

в свисте помех, которых так долго не было в эфире. Ким перешел на связь через Линзу.

— Простите, сэр, я взгляну, что там происходит.

— Конечно, сынок.

— Определили, откуда помехи? — крикнул Киннисон офицеру связи. — Они должны быть где-то недалеко!

— Да, сэр, — и радист начал передавать поток цифр.

— Старт! — скомандовал капитан, и первый пилот «Британии» дал полную тягу. — Если этот всплеск — то, что я думаю, через четверть часа мы выловим очередную рыбку.

«Британия» приблизилась к подозрительному району, поставив, в свою очередь, мощный барьер помех, которые не только заглушали всю обычную связь в этой зоне Галактики, но и служили вызовом ближайшим истребителям. Крейсер находился недалеко от пирата и уже через несколько минут добрался до него.

Корабль боскомиан атаковал торговое судно. Ободренные исчезновением пиратов, некоторые компании отваживались посылать лайнеры с особо срочными грузами без конвоя. Подобное легкомыслие и послужило причиной очередной трагедии. Пират захватил судно в клещи транспортных лучей и мог безнаказанно расстреливать его из своих эмиттеров. Торговец сопротивлялся, но уже слабо; было заметно, что его экраны не выдерживают напора противника. Вскоре экипажу, получившему предложение сдаться или быть зажаренным заживо, пришлось открыть люки. Впрочем, капитуляция тоже не сулила команде ничего хорошего.

В следующее мгновение ситуация резко изменилась. Боскомианин внезапно обнаружил, что его смертоносные лучи, легко проходившие сквозь слабую защиту лайнера, бесследно поглощаются защитными барьерами боевого крейсера Патруля. Пиратский корабль мгновенно выбросил мощный поток энергии, но безрезультатно; экраны «Британии» сконструировали в расчете на то, чтобы выстоять против любой атаки любого военного корабля — и они выстояли.

Тем временем подошел тяжеловооруженный истребитель, к счастью оказавшийся неподалеку. В дело были пущены его транспортные лучи, затем — эмиттерные батареи, которые должны были разнести в пыль защиту корабля Боскома. Сверкающие иглы ударили в крейсер пиратов, и налетчик исчез, словно растворившись в космической тьме. Однако, к изумлению экипажей Патруля,

пространство было чистым — ни огненных вихрей расплавившегося металла, ни газового облака, ничего. Все выглядело так, будто судно боскомиан перерезало могучие транспортные лучи словно ниточки. Это произошло настолько быстро, что истребитель получил сильный толчок, как будто бы внезапно включил двигатели.

— Пат, — пробормотал молодой капитан, — чего я и боялся. Не обращая больше внимания на грузовое судно, он вызвал командира истребителя. Корабли находились так близко, что никакие помехи не могли препятствовать визуальной связи, и Ким увидел на своем экране физиономию Клиффорда Мэйтлэнда, своего однокашника, второй номер в списке выпускников.

— Салют, Ким, старый космический бродяга! — радостно завопил Мэйтлэнд. — О, простите, сэр, — продолжал он с притворной почтительностью. — Я не сосчитал сразу ваших нашивок... Целых четыре! Я должен...

— Оставь, Клифф, или я при первом удобном случае спорю все звезды с твоего мундира! — ухмыльнулся Киннисон. — Так тебя сунули на этот бомбовоз, а? Подумать только, доверили малышу такую опасную игрушку! — Он кивнул на обзорный монитор, где еще недавно маячил пиратский корабль. — Ну, что будем делать?

— Все, что изволите приказать, сэр... Инструкций на сей счет не существует.

— Кто я такой, чтобы отдавать приказы? И ни в одной инструкции не предусмотрено, что противник может отсечь транспортные лучи... Ладно, старина, я исчезаю. Сопроводи транспорт к месту назначения, выясни, откуда он прибыл и куда шел — в общем, делай с ним что заблагорассудится. Лучше всего, свяжись через Линзу с базой и запроси инструкций. Или придумай что-нибудь еще. Чистого эфира, Клифф, мне пора.

— Чистого эфира, сыщик!

— Теперь, Хен, — повернулся Киннисон к пилоту, — у нас есть срочное дело на главной базе. Очень срочное! Я надеюсь, что меня понимаешь.

«Британия» ринулась к Земле. Едва они приземлились, Киннисон был приглашен в кабинет к адмиралу Хейнесу. Пожилой ленсмен заметно постарел со времени их последней встречи; лицо его осунулось и носило следы озабоченности, глаза и весь вид свидетельствовали о многих сутках непрерывной работы.

— Ты был прав, Ким, — начал он. — Это тупик,

безнадежный тупик. — Хейнес помолчал, потом встряхнул головой, отгоняя мрачные мысли, и без видимой связи со вступлением продолжил:

— Я вызвал тебя, чтобы сообщить, что Хочкипс сделал защитное устройство, которое способно прикрыть корабль от лучей дальнего обнаружения. Однако с локаторами ближнего действия ситуация хуже; удалось лишь уменьшить радиус их эффективности. От визуального поиска прибор совершенно не защищает.

— Думаю, я смогу воспользоваться им даже в таком виде — большую часть времени мое судно будет вне досягаемости радаров. Большое спасибо. Сколько места занимает эта установка?

— Нисколько. Эту штуковину можно носить в кармане, и она будет работать сама по себе.

— Превосходно! — обрадовался Киннисон. — Лучше может быть только шапка-невидимка! Но мне нужны два таких прибора. И еще, — он с опаской покосился на Хейнеса, — я взял бы космокатер.

В отличие от огромных боевых кораблей Патруля, космокатеры были узкими, длинными и небольшими; от их конструкции требовалось обеспечить наилучшую маневренность, и ничего больше. Их строили не для комфорта. Кроме главных дюз, они оснащались еще тормозными, нижними, верхними и боковыми, так что при маневрировании для них любое направление могло оказаться «низом»; их ориентацию можно было менять с огромной быстротой. Они предназначены и для того, чтобы развивать максимально возможную скорость в свободном полете, и поэтому в условиях инерции оказывались довольно капризны и трудны для управления.

— Меня интересует маневренность, скорость, дальность автономного полета и защита, — перечислял Ким. — Вооружения не требуется. Достаточно одного излучателя, да и тем я, скорее всего, не воспользуюсь...

— Ты пойдешь один? — перебил Хейнес. — Не лучше ли взять один из наших крейсеров? Ту же «Британию» хотя бы? — Он помолчал. — Мне не нравится эта идея лезть в одиночку в глубины космоса.

— Мне тоже не особенно импонирует такая перспектива, но она наиболее разумна. Весь флот, со всеми истребителями, не справится там, где один человек проскользнет незамеченным. Видите ли, сэр...

Адмирал прервал Киннисона, подняв руку.

— Пожалуйста, без объяснений. Видишь ли, я уже не имею права тебе приказывать...

— Сэр?.. — Ким ничего не понял.

Хейнес поднялся. Вид у него был торжественный и немного грустный. Глядя прямо в лицо молодого ленсмена, он спокойно произнес:

— Ваша служба в качестве капитана Флота закончена, Киннисон. Решением Совета вы получили статус свободного ленсмена. Получите документы и кредитную карту, — он протянул ошеломленному Киму небольшой пакет и тихо добавил: — Поздравляю тебя, серый ангел небес... теперь ты независим в своем выборе.

Свободный ленсмен! Цель, к которой стремились все носители Линзы, но добивались лишь немногие избранные. Теперь он был независимым агентом, никому не подчиняющимся и никому не подотчетным, кроме себя самого и своей совести. Свободные ленсмены не являлись представителями какой-либо планеты, а принадлежали всей необъятной Галактике. Киннисон больше не был крошечным винтиком огромной машины Галактического Патруля. Куда бы он ни направился, в любой точке бесконечного пространства Вселенной, он сам был Галактическим Патрулем!

— Да, все так. — Теперь старший ленсмен словно наслаждался растерянным видом младшего — может быть, вспоминал, как воспринял сам такое известие много лет назад. — Ты можешь идти куда угодно, Кимбол Киннисон, и делать что угодно, так долго, как тебе захочется. Ты можешь брать все, что потребуется, и без всяких объяснений — лишь подтверждая свою личность кредитной картой и отпечатком большого пальца.

— Но, сэр... Я не ожидал... Я полагаю... то есть... — Киннисон трижды глубоко вздохнул, прежде чем смог говорить внятно. — Я не готов к такой ответственности, сэр. Почему мне дарована эта честь? Ведь я еще щенок — несмотря на все свои нашивки! Я сделал так мало!

— Так решил Совет, — в голосе Хейнеса слышалась гордость. — Ты станешь абсолютно свободным — насколько вообще возможно для существа из плоти и крови. Со стороны это кажется полным блаженством, Кимбол. Только Серые ленсмены знают, какая это колоссальная ответственность; но любой ленсмен мечтает нести ее на своих плечах.

— Да, сэр, все так, но...

— Эта мысль станет мучить тебя некоторое время —

и это закономерно, иначе тебя бы здесь не было... но не больше, чем ты сам позволишь ей занимать свое воображение. Запомни: по мнению тех, кто разбирается в подобных делах, ты не только заслужил независимый статус, но и доказал, что готов к нему.

Ким попытался возразить, но адмирал жестом остановил его.

— Хватит об этом. Можешь идти! — Похлопав бывшего капитана по плечу, он повернул его, ласково подтолкнув к двери. — Чистого эфира тебе, Серый ленсмен!

— И вам тоже, сэр...

Новоиспеченный свободный ленсмен побрел прочь. Он споткнулся о порог, столкнулся со стенографисткой, спешившей по коридору, и чуть не свернул косяк, вместо того, чтобы выйти через открытую дверь. Он смог взять себя в руки только во время пешей прогулки к своей квартире, но впоследствии ему никогда не удавалось вспомнить, что он делал и с кем встречался по дороге, хотя путь был не близкий. Снова и снова в его мозгу билась одна и та же мысль. Независимый! Независимый! Независимый!

А в адмиральском кабинете сидел с улыбкой на лице пожилой человек, занимавший один из самых высоких официальных постов в Патруле. Он усмехался, невидяще глядя на все еще открытую дверь, сквозь которую, пошатываясь, выходил Киннисон. Отличный парень! И станет настоящим мужчиной. Он женится... Когда-нибудь... Пока он еще не думает об этом; голова его занята приключениями... Но рано или поздно это произойдет! Если потребуется, Патруль присмотрит за ним. Для подобных дел существует много способов, а род Киннисонов слишком хорош, чтобы позволить ему исчезнуть. А спустя лет пятнадцать — если парень будет жив, конечно, — когда он больше не сможет выполнять ту трудную и опасную работу, которой он так страстно искал, ему найдется другое занятие, связанное с Землей. К примеру, он станет отличным комендантом Уэнтсворт Холла, как многие замечательные люди до него...

Но грезы средь белого дня увели адмирала слишком далеко; он встряхнул головой и вновь погрузился в работу.

Киннисон добрался,- наконец, до своей квартиры, ощутив дрожь при мысли, что она больше ему не

принадлежит. Теперь у него не было ни этих комнат, ни места жительства, ни адреса. Где бы он ни находился, в любом уголке космоса, везде и всюду был его дом. Но эта мысль не вызвала у него ужаса или уныния. Его переполняла непреодолимая тяга жить именно так.

Раздался стук в дверь — посыльный доставил объемистый пакет.

— Ваша новая форма, сэр, — объявил он, четко отдав салют.

— Спасибо, — Киннисон ответил на приветствие и, едва ли не раньше, чем успела захлопнуться дверь, сбросил серебряно-черное великолепие флотского облачения, которое было на нем.

Оставшись обнаженным, он неожиданно для себя сделал быстрый, полный скрытого смысла жест. Печать Серого Ангела... Никто еще не надевал — и никогда не наденет — это серое одеяние равнодушно, не ощущая себя заново родившимся и полностью обновленным.

Серое — лишенный излишеств, нейтральный цвет, к которому он всегда стремился... Форма была сшита точно по мерке, и Ким никак не мог оторваться от зеркала, с тайным восторгом созерцая свой новый облик. Круглая, почти без козырька фуражка, прочная и простеганная, чтобы защитить голову внутри шлема скафандра. Тяжелые защитные очки, оберегающие глаза от любых вредных излучений. Короткая куртка, подчеркивающая широкие плечи и тонкую талию. Прекрасно сидящие на нем лосины и высокие сапоги, облегающие длинные сильные ноги.

Он не знал тогда, что носит наипростейшую, наиболее утилитарную форму, какая когда-либо существовала. Для него, как и для всех, кто видел ее, полная и абсолютная простота серого облачения Свободного ленсмена намного превосходила выразительные яркие костюмы других отрядов Патруля. Киннисон по-мальчишески восхищался собой, чувствуя при этом легкое смущение. Ни в тот момент, ни впоследствии, он не мог оценить, какое впечатление производил на самом деле, когда вышел из дома и направился по широкому проспекту к доку «Британии».

Кимбол Киннисон, Серый ленсмен! Серый Ангел космоса, стоящий над раем и адом, олицетворение бесстрастной справедливости! Страж закона, и сам — Закон!

Он прошел от дока «Британии» прямо через всю

базу к стапелю, у которого ожидал его новый космокатер.

Это был превосходный корабль! Аккуратный, подтянутый, элегантный; весь — воплощенная стремительность и сила. Катер выглядел почти живым; небольшой мощный кораблик, готовый при первом прикосновении своего капитана высвободить скрытую в нем невообразимую мощь, которая могла швырнуть его в бесконечные глубины космической пустоты.

Конечно, никто из толпы приятелей и знакомых Кима, сопровождавшей его до стапеля, не поднялся на борт. Они отстали, все еще возбужденно жестикулируя и подбрасывая в воздух пилотки, береты и все, что попадалось под руку. Но когда Киннисон коснулся клавиши старта и взмыл в воздух, он несколько раз сглотнул, пытаясь избавиться от непонятно откуда взявшегося комка в горле.

Глава 15

ЗАПАДНЯ

Случилось так, что в космопорте Нью-Йорк уже много недель лежал срочный груз для Алсакана, и дело было не только в том, что его ждали на этой отдаленной планете. На всей Земле к тому времени не осталось ни одной алсаканской сигары, за исключением нескольких тщательно оберегаемых упаковок, с которыми владельцы не согласились бы расстаться ни за какие деньги.

Как всегда, сей предмет роскоши немедленно взлетал в цене, едва оказывался трудно доступным. Лишь очень богатые люди могли позволить себе алсаканские сигары, и для них цена желаемого не имела значения. Множество весьма обеспеченных бизнесменов искали свой любимый сорт, в унынии прислушиваясь к биржевым сообщениям:

— Спрос: тысяча кредитов за десяток. Предложение: отсутствует.

Держа в уме ползущие вверх цены, торговый маг-

нат Мэтьюз жаждал отправить на Алсакан корабль. Он знал, что всего одно судно с грузом алсаканских сигар, сумевшее приземлиться в любом из космопортов Земли, принесло бы большую прибыль, чем весь его торговый флот за десять лет. Поэтому уже несколько недель он давил на все рычаги и дергал за любые струны, какие мог найти, политические и финансовые, временами даже выходя за рамки закона — в большей степени, чем ему хотелось. Но все было безрезультатно; трассы оставались блокированными кораблями Боскома, которые научились вовремя скрываться от истребителей Патруля.

Даже если бы Мэтьюзу удалось нанять экипаж, готовый пойти на риск, отправлять судно без эскорта казалось немыслимым. Что толку от корабля, затерявшегося в космосе, захваченного пиратами? Конечно, судно принадлежало ему, и он мог делать с ним все, что заблагорассудится, но истребители сопровождения были в распоряжении Галактического Патруля. А Патруль их не давал — даже ради алсаканских сигар.

В ответ на очередное требование Мэтьюза информировали, что сопровождение обеспечивается только грузами класса «предметы первой необходимости»; изредка отправляют грузы не столь важные, но полезные или желательные. Грузы с пометкой «предметы роскоши», как у него, вовсе не подлежали отправке. Его обещали известить, если представится возможность выделить эскорт его «Прометею». Тогда магнат начал осаду.

Политики высокого ранга направляли под его давлением «требования» разной степени дипломатичности. Финансисты больше надеялись соблазнить наградой, потом стали угрожать, затем начали использовать разнообразные способы нажима. Однако просьбы, требования и угрозы пропадали втуне; Патруль нельзя было уговорить или запугать, упросить, подкупить или заставить. Все разговоры на подобные темы, независимо от их источника, просто игнорировались.

Истощив все дипломатические и финансовые ресурсы, Мэтьюз смирился с неизбежным и поставил крест на предполагаемой торговой операции. Но неожиданно Нью-Йоркский космопорт получил с Главной Базы открытое сообщение, которое даже не было зашифровано:

«Разрешить космическому кораблю «Прометей» рейс

на Алсакан, в сопровождении патрульного корабля В 42 ТС 838. Адмирал Хейнес.»

Взрыв бомбы на территории порта не произвел бы большего впечатления, чем эта короткая записка. Никто не мог объяснить, что она значит — ни командир дислоцированной в порту флотилии Патруля, ни капитаны истребителей, ни сам Мэтьюз, сильно обрадованный, но не менее сильно и удивленный. Его «Прометей» уже давно томился в порту, готовый к старту.

Командир флотилии и Мэтьюз встретились в офисе незадолго до условленного времени отправления, когда на базу прибыл Киннисон — вернее, он дал им знать, что находится здесь. Ким пригласил обоих в свой космокатер, а приглашения Серого Ленсмена всегда принимались безоговорочно.

— Полагаю, вам небезынтересно знать, что происходит, — начал он, — и постараюсь дать вам возможно более краткие пояснения. Я просил вас прибыть ко мне, поскольку здесь единственное место, в котором мы можем говорить, не опасаясь разглашения планов Патруля. Итак, «Прометею» позволено идти на Алсакан, потому что пиратов в том секторе больше, чем где бы то ни было, а мы не хотим терять время, охотясь за одним из них по всему космосу. Ваше судно, мистер Мэтьюз, выбрано по трем причинам, и скорее вопреки тем усилиям, которые вы предпринимали для его отправки. Во-первых, никакие срочные грузы в тот район не отправляются. Во-вторых, мы не хотим, чтобы ваша фирма разорилась. Как известно, дела вашей транспортной компании обстоят неважно, и этот рейс имеет для нее громадное значение...

— Вы совершенно правы, сэр! — горячо согласился Мэтьюз. — От того, дойдет ли транспорт до Алсакана и обратно, будет зависеть мое банкротство или удача.

— Тогда вот что нам предстоит сделать. Ваш корабль и истребитель сопровождения вылетят по графику, ровно через четырнадцать минут. Они доберутся до Валерии, где оба будут отозваны — предположим, истребитель получит срочный приказ идти на спасение какого-нибудь терпящего бедствие судна. Истребитель вернется, но ваш капитан захочет, по всей вероятности, продолжать путь. Я полагаю, он скажет, что направляется на Алсакан и никуда...

— Но он... он не посмеет! — взорвался владелец корабля.

— Конечно, посмеет, — жизнерадостно сообщил Киннисон. — Это как раз третья причина, по которой мы выбрали именно ваш корабль — он, несомненно, будет атакован. Вам еще неизвестно, что ваш капитан и не половина экипажа — пираты, и они собираются...

— Что? Пираты! — простонал Мэтьюз. — Сейчас я спущусь туда и...

— Ничего подобного вы не сделаете, мистер Мэтьюз, а просто будете наблюдать, как стартует ваше судно. Ситуация находится под контролем.

— Но мой корабль! Мой груз! — причитал магнат. — Они погибнут, если...

— Позвольте мне закончить, — перебил его ленсмен. — Как только истребитель уйдет, капитан тут же даст знать сообщникам, что транспорт стал легкой добычей. Через минуту после этого с ним случится беда... большая беда, я полагаю. Он умрет, как и все пираты, ибо на корабле будут наши люди. Затем судно приземлится на Валерии, примет на борт команду десантников, возглавляемую Питером Ван Баскирком и направится к Алсакану. Когда пираты атакуют «Прометей» и перейдут на него после весьма непродолжительного сопротивления экипажа, они будут неприятно удивлены... особенно когда рядом обнаружится истребитель, ушедший на «спасательные работы».

— И потом мой корабль действительно спокойно доберется до Алсакана и обратно? — Мэтьюз был совершенно сбит с толку. Он потерял контроль над происходящим, а ситуация менялась так быстро, что он не знал, что и подумать. — Но если мой собственный экипаж состоит из пиратов, некоторые из них могли бы... Но я, конечно, обращусь в полицию, если возникнет необходимость.

— Если не произойдет чего-то совершенно непредвиденного, «Прометей» спокойно совершит этот рейс и вернется с полным грузом — охраняемый в течение всего пути нашим истребителем. Несомненно, вы сможете впоследствии связаться с местной полицией по интересующим вас вопросам.

— Когда произойдет атака, сэр? — спросил командир флотилии.

— Капитан истребителя тоже интересовался этим, когда узнал, что его ждет, — усмехнулся Киннисон. — Он хотел бы оказаться поблизости в этот момент. Однако, к сожалению, это будут решать сами пираты — после

того, как получат сигнал. Они атакуют судно на пути к Алсакану, поскольку груз, который несет «Прометей», гораздо ценнее для Боскома, чем все сигары во вселенной.

— Полагаете, вам удастся таким образом захватить пиратский корабль? — с сомнением в голосе протянул командир.

— Нет, но мы надеемся, что нам удастся настолько уменьшить его экипаж, что он будет вынужден вернуться на базу.

— А! Вам нужна именно база! Ясно.

Ему ничего не было ясно, но ленсмен не собирался более просвещать его.

Ослепительная двойная вспышка обозначила момент старта торговца и истребителя, и Киннисон позволил главе транспортной компании выйти.

— Может, мне тоже лучше удалиться, сэр? — спросил командир.

— Еще пара минут. У меня есть для вас другое сообщение — официальное. Атака на корабль послужит сигналом для начала грандиозной облавы по всему Большому Нью-Йорку — самому крупному пиратскому гнезду на Земле. Ни вы, ни ваши силы не будете непосредственно задействованы в этой операции, но... но вы могли бы обойти приказ.

— Отлично! Давно пора заняться этим.

— Да, но вы же знаете, как трудно вычислить все связи в столь крупной организации. Надо захватить всех разом, не обидев никого из посторонних.

— Кто занимается этим — Главная База?

— Да. Здесь окажется достаточно парней, чтобы провернуть дело за час.

— Прекрасные новости... Чистого эфира, ленсмен! — и командир флотилии покинул катер.

Люк мягко закрылся, выпустив последнего посетителя, сработали замки, и Киннисон поднял свой кораблик в воздух, взяв курс на Валерию. В считанные минуты настигнув стартовавшие ранее суда и подойдя к ним на расстояние меньше светового года, он снизил скорость, чтобы сопровождать их в некотором отдалении.

Любой обычный корабль был бы тут же обнаружен, но Киннисон управлял не обычным кораблем. Его космокатер поддавался только визуальному наблюдению или локации на самом близком расстоянии, так что не приближаясь к другим судам он оставался невидимым и неощутимым.

Итак, Ким следовал за «Прометеем» и истребителем сопровождением. Когда они приблизились к Валерианской системе, пришел вызов. Как и ожидалось, предатель-капитан торгового судна отказался выполнить приказ и послал сообщение в штаб Боскома. Истребитель повернул назад, торговец же держался прежнего курса. Внезапно судно остановилось, и из его люков посыпались некие тела — вероятно, останки боскомианских членов экипажа. Затем корабль вновь включил безинерционный привод и взял курс на Валерию.

Согласно разработанному Киннисоном плану, торговцу следовало приземлиться в режиме свободного полета. Это избавило бы экипаж от расчета траектории посадки и сэкономило время на торможение и последующий разгон при взлете. Правда, такой способ считался опасным. При малейшей неполадке в системе нейтрализатора инерции поле отключалось, а последствия мгновенного восстановления скорости, с которой корабль заходил на посадку могли оказаться весьма и весьма плачевными.

Тем не менее, у патрульных имелся богатый опыт десантирования в специальных скафандрах на безинерционные корабли — как правило, на военные, направлявшиеся для маневров в космос. Конечно, покинув планету, люди и корабль должны были ненадолго возвратиться в инертное состояние, чтобы согласовать собственные скорости, но в любом случае вся процедура требовала существенно меньшего времени, чем при обычной посадке.

Итак, «Прометей» сел в режиме свободного полета, как и катер Киннисона. Ленсмен вышел в скафандре, защищающем от плотной атмосферы Валерии, и, с некоторым трудом двигаясь при непривычно высокой силе тяжести, подошел к Ван Баскирку. Тот сердечно приветствовал давнего друга, пока его бойцы размещались на «Прометее».

— Ну, Ким, — Ван Баскирк, недавно произведенный в лейтенанты, стиснул ладонь ленсмена, — все прошло как по маслу! Не задерживайся надолго — мы вылетаем через десять минут.

— Послушай, Бас, я тут немного подумал... — Киннисон отвел глаза в сторону. — Почему бы и мне...

— Ни в коем случае, — твердо возразил патрульный. — Я знаю, ты хочешь сказать, что непрочь отправиться с нами. Так вот — лучше и не начинай.

— Но я... — сделал еще одну попытку Киннисон.

— Нет, — твердо прервал его валерианец. — Ты остаешься в космокатере. На «Прометее» нет свободных мест, он битком набит товаром и моими ребятами. Ведь ты, полагаю, не захочешь прицепиться снаружи? Это испортило бы все дело! А кроме того, — он широко ухмыльнулся, — в первый и, наверное, в последний раз в своей жизни я могу отдавать приказы Серому Ленсмену. Тебе придется идти следом за нами и держаться подальше от корабля, старина!

— Ах ты, гиппопотам валерианский... Хейнес, да?

— Угу, — кивнул Ван Баскирк. — Почему бы еще я стал отказываться от твоего общества? Не падай духом — ты ведь ничего не теряешь. Все идет по плану, и твоя игра еще впереди.

— Ладно, — с некоторым разочарованием ленсмен кивнул головой. — Тогда я пойду прямо за вами, Бас. Чистого эфира — вернее, я надеюсь, что в это утро он будет полон пиратов. Хотя кто знает... Ничего нельзя загадывать наперед.

И в самом деле, еще многие тысячи парсеков Киннисон следовал за «Прометеем» без всяких приключений.

Некоторое время он гонял свой катер взад и вперед, пытаясь поймать сигналы Боскома. Однако большую часть пути Киннисон проделал в несравненно более комфортабельной каюте истребителя, закрепив катер на бронированном боку чудовищного корабля магнитными защелками. Он ел, спал, болтал с офицерами, читал и упражнялся на тренажерах. Однако случилось так, что долгожданная атака началась, когда он был в космокатере. Таким образом, ему удалось наблюдать все с самого начала.

Пространство наполнил рев помех, налетчик приблизился, пустил в ход транспортные лучи и дал предупреждающий залп. Не слишком сильный — поток энергии едва нагрел защитные экраны. Киннисон включил следящие системы, чтобы изучить обстановку на пиратском корабле.

— Земляне! Да еще — североамериканцы! — воскликнул он вполголоса, поначалу сильно удивившись. Впрочем, Боскому служили многие, а гангстеров и на Земле хватало. Ленсмен прислушался к разговору в рубке пиратского крейсера.

— Этот болван поднял защитные экраны, и мы не можем заглянуть внутрь, — доложил пилот своему

командиру. Тот факт, что они говорили по-английски, не имел для Киннисона никакого значения; с равным успехом он понимал бы их в любом случае — даже если бы достойная пара просто обменивалась мыслями. — Кажется, такой поворот дела не входил в наши планы?

Пилот что-то заподозрил, и если бы атакой руководил сам Ха'Исса или другой высший чин Боскома, она была бы немедленно прекращена. Но его капитан пиратского крейсера оказался начисто лишенным воображения. В ответ на слова пилота он лишь огрызнулся:

— Это ни о чем не говорит! Может, на вахте помощник, а он не из наших. Появится старший и снимет защиту. А коли он не поторопится, я сам сниму ее... Эй, они открывают шлюз! Вперед, парни! Возьмите их!

Две сотни «парней» в боевых скафандрах, вооруженные до зубов, ринулись к шлюзу торговца. Но как только последний из них оказался на транспорте, внешний люк захлопнулся и напряжение защитного поля резко возросло.

— Пробить их экраны! Срочно! Что там творится, черт побери! — рявкнул капитан. Он был не из тех храбрецов вроде Джилдера, которые сами водили своих головорезов в бой; подражая высшему боскомианскому начальству, он предпочитал руководить абардажем из надежно защищенного отсека управления. И только сейчас, когда уже поздно было что-либо предпринимать, к нему в голову начали закрадываться кое-какие подозрения. — Неужели кто-то перебежал нам дорогу? — задумчиво пробормотал он. — Но кто?

— Скоро узнаешь, — буркнул пилот, до предела увеличил мощность следящего луча, и перед глазами пиратов предстала картина жестокой бойни.

Ван Баскирк и его люди работали профессионально. Каждый проход торгового судна защищал как минимум один стационарный излучатель, и под их огнем мгновенно погибли первые отряды нападающих, так и не узнав, какая сила поразила их.

Но это были счастливчики. Другим повезло меньше — они успели сообразить, что на них надвигается смерть. Валерианцы даже не прикоснулись к бластерам; боевые скафандры могли достаточно долго выдерживать излучение ручного оружия, а переносить тяжелые эмиттеры времени не было. Десантники Патруля держали наготове

боевые топоры, и схватка закончилась, едва успев начаться. Оставшиеся в живых пираты в панике отступили, но бежать было некуда. Шлюзы «Прометея» были заперты, и никому из абордажной команды не удалось вырваться с корабля.

Лучи атакующих обшарили торговое судно раз в разгар чудовищной резни, которую было трудно назвать сражением. Глаза капитана налились кровью, затем он смертельно побледнел.

— Патруль! — задохнулся пират. — Валерианцы!

— Так и есть. Наши ребята сейчас там веселятся вовсю, — согласился пилот. — Но ты не знаешь и половины того, что случилось, шеф. К нам вот-вот присосется истребитель!

— Не болтай! — обрезал его капитан. — Какой еще истребитель?

— Объект еще слишком далек, чтобы сказать наверняка, но очень может быть, что это он. Похоже, пора смываться.

Командир так и сделал, хотя в голове у него царил полный кавардак. Он знал, что его защита ни секунды не продержится под огнем этой летающей крепости... и, в случае неприятностей, ему приказали возвращаться на базу...

Пилот рванул рычаг, включив полную тягу.

— Это истребитель, и он может неплохо отделать нас! Куда идем? На базу?

— Да, — и потерпевший поражение капитан включил передатчик, чтобы доложить своему непосредственному начальству о провале столь тщательно спланированной операции.

Глава 16

АЛЬДЕБАРАН

Пиратский крейсер устремился прочь, и Кеннисон последовал за ним, включив автоматическое управление

тягой, автоматический регистратор информации и с дюжину других вспомогательных устройств. Сам он занялся пеленгующей системой, которая требовала постоянной ручной подстройки.

Вскоре ленсмен буквально разрывался пополам. Ему хотелось услышать разговор капитана пиратов с начальством, и не менее страстно он желал отследить луч связи Ха'Иссы и взять второй пеленг на главную штабквартиру боскомиан. Только теперь Ким начал опасаться, что не сумеет выполнить две эти задачи одновременно. Немного подумав, он решил, что, хотя и не может делать полдюжины дел сразу — подобно велантийцам, умевшим изолировать отдельные области своего мозга, — никто не мешает ему попытаться. Он отогнал мысль о том, что, пожалуй, стоило прихватить с собой для такого рода случаев напарника; второй член экипажа мог испортить всю операцию. Ему предстояло сделать все самому — и наилучшим возможным образом.

Тем временем капитан установил связь и стал докладывать. Поворачивая пальцами левой руки верньер пеленгующего локатора, а другую держа на клавиатуре системы слежения, Киннисон успел поймать направление и записать обрывки передачи. Однако он упустил существенную часть разговора — ту, где командир секторальной базы отправил неудачливого капитана на суд к самому Ха'Иссе. Поэтому Киннисона сильно удивило внезапное исчезновение луча, который он так усердно пытался отследить. Потеряв некоторое время на поиск нового связного канала, он услышал только завершение сурового выговора:

— ...это не только ваша ошибка, и я не буду наказывать вас слишком строго. Приземлитесь на Альдебаранской базе, сдайте корабль ее коменданту, и пусть он наложит взыскание. Все!

Киннисон бросился ловить луч Ха'Иссы, но прежде, чем ему удалось синхронизироваться с ним, передача завершилась. Ленсмен глубоко задумался.

Альдебаран! Почти по соседству с Солнечной системой! Как им удалось замаскировать эту базу — так близко к Солнцу и настолько удачно, что ее до сих пор не обнаружили, несмотря на тщательные поиски? Впрочем, сейчас это не имело значения. База существует, и ему известно, где она находится. А это поможет ему справиться с очередным затруднением, о котором Ким подумал лишь сейчас. Он не мог непрерывно бодрство-

вать, следя за кораблем Боскома! Иногда ему требовался сон, а пока он спит, жертва легко могла ускользнуть. Правда, если немного переделать локатор... Ведь теперь, когда ему была известна точка назначения и время, которое требуется, чтобы добраться до Альдебарана, он мог создать дюжину таких блоков управления. Все необходимые детали и инструменты имелись в наличии.

Итак, следуя за пиратским кораблем, Киннисон строил свой автоматический «охотник», как он его назвал. Каждую из первых четырех или пяти условных «ночей» он регулярно терял преследуемое судно, но без особых трудностей находил его, когда просыпался. Впоследствии ленсмен стал непрерывно следить за ним. День за днем его аппарат совершенствовался, пока не стал делать все — разве только не научился разговаривать. Теперь Киннисон посвящал свое время анализу основных проблем, стоявших перед ним.

Во-первых, ему требовалось попасть внутрь пиратской базы. Раз уж разведчики Патруля не нашли ее, эту базу действительно неплохо упрятали. А отыскать что-нибудь в системе Альдебарана, особенно — на первой его планете, было совсем непросто. Киму только однажды довелось попасть туда, но...

Он покраснел, вспомнив, что случилось с ним в тот единственный визит. Он гнался за торговцами наркотиками, преследуя их до Альдебарана II, и столкнулся там с самой пылкой, необыкновенной и чарующе прекрасной девушкой, какую когда-либо видел. Конечно, ему и раньше встречались красивые женщины, но он никогда бы не поверил, что где-то, кроме грез любителей тионита, может существовать настолько восхитительное создание. Она была само совершенство, играя роль робкой и невинной девушки, попавшей в беду; и останься она немного дольше в этом амплуа, Киннисон заглотнул бы наживку.

Но, по всей видимости, она хорошо знала контрабандистов, и гораздо хуже — патрульных, ибо судила о намерениях юного курсанта совершенно неправильно. Едва заметив Кима, она упала к нему в объятия, ожидая продолжения. Киннисон тогда почуял, что дело неладно. Такие женщины, здраво рассудил он, не задирают юбку перед первым встречным. Значит она, скорее всего, связана с той парочкой, за которой он гнался. Оттолкнув девицу и отделавшись лишь несколькими царапинами, Ким успел как раз вовремя, чтобы схватить

ее приятелей; с тех пор он как огня боялся красивых женщин. Ему вдруг захотелось увидеть эту тигрицу с Альдебарана — только один раз. Тогда он был еще слепым щенком, но теперь...

Впрочем, он отвлекся. В первую очередь стоило подумать об Альдебаране I. Бесплодная, безжизненная, пустынная глыба, без воздуха и без воды. Голая, как колено, покрытая действующими вулканами, кратерами, горами и скалами, вся израненная метеоритами. Спрятать на такой планете базу было довольно сложной задачей; с другой стороны, не менее трудно и найти ее. Если база на поверхности, в чем Ким сильно сомневался, она должна быть тщательно укрыта. В любом случае, все подходы к ней наверняка оборудованы следящей аппаратурой, датчиками ультрафиолетового и инфракрасного излучения, не говоря уже о визуальном наблюдении. Вопрос стоял примерно следующим образом: существует ли хоть что-то, способное незаметно проникнуть в этакое гадючье гнездо, не вызвав сигнала тревоги?

Совершенно точно, не его космокатер. Как насчет него самого? Конечно, придется одеть скафандр, двигатель которого излучает вовсю. Правда, он мог бы сесть в неохраняемой местности и идти к базе пешком, не пользуясь никакими источниками энергии. Но все еще оставалась проблема инфракрасных датчиков и визуального наблюдения. Если боскомиане настороже, то задача многократно усложнится; скорее всего, так оно и будет.

Как же пройти сквозь барьеры? Дальнейшее рассмотрение ситуации привело его к определенному решению; тут существовала только одна возможность. Корабль, за которым он следовал, должен приземлиться на базе. Следовательно, он мог попасть туда лишь на борту этого корабля.

Но очутившись во вражеском стане, что он будет — вернее, что он сможет — сделать? Несколько дней Ким разрабатывал и отвергал один план за другим, пока вовсе не выкинул из головы эту проблему. Столь многое зависело от расположения базы, ее персонала, оборудования и распорядка, что он не мог обдумать план действий даже вчерне. Он знал, что требуется сделать, но не имел представления, как именно. Из всех возможностей ему придется прямо на месте выбрать наиболее доступные и реализовать их.

Приняв это решение, он направил на планету следящий луч и подробно изучил ее. Она оказалась как раз такой, какой он запомнил, если не хуже. Голая, испепеленная жаром пустыня, сплошь покрытая вулканическими кратерами с застывшей лавой и пемзой. Остроконечные горные цепи пересекали ее во всех направлениях, каждая состояла из потухших вулканов и огнедышащих пиков. Окруженные горами и скалами равнины, чаши крупных кратеров и плоские долины, похожие одна на другую, были испещрены кратерами помельче и зияющими устьями пещер, как будто вся планета долгие геологические эпохи служила мишенью беспощадной космической бомбардировки.

Он обшарил ее поверхность и ничего не нашел. Он вгрызался в кору планеты лучами своих локаторов, но результат был полностью отрицательным. Конечно, когда он подошел ближе, его приборы зафиксировали железо — и много железа — но это ни о чем не говорило; практически все миры обладают ядром из расплавленного железа. Насколько он мог судить, никакой базы на планете вообще не было, ни на поверхности, ни внутри. Однако он знал, что база существует. Где же она? Бросив взгляд на пульт управления, Ким заметил, что пиратский корабль явно направляется к определенной цели.

Облачившись в скафандр, он пристегнул снаряжение, проверил оружие, придирчиво осмотрел блоки питания. Бросив взгляд на экран, ленсмен с удовлетворением отметил, что его «охотник» функционирует исправно. Добыча и преследователь находились в пределах звездной системы Альдебарана и, чем медленнее двигался пират, тем медленнее шел за ним космокатер.

Наконец корабль, двигавшийся впереди, выключил безинерционный привод, готовясь к приземлению. Этот маневр Киннисон повторять не стал. Он вошел в стратосферу планеты в режиме свободного полета и лег в дрейф на круговой орбите в пятидесяти милях от ее поверхности. Затем перешел в шлюз, подождал немного, чтобы удостовериться, что люк автоматически захлопнулся за ним, и включил двигатель скафандра.

Когда корабль боскомиан оказался прямо под ним, Киннисон ринулся вниз по длинной пологой траектории. Это был весьма рискованный маневр, но он рассчитывал, что офицеры противника будут смотреть вперед и вниз, но никак не назад и вверх. Так оно и было; его

приближение осталось незамеченным. Стыковка и переход на инертный космический корабль, заходивший на посадку, являлись элементарным делом для любого подготовленного патрульного. Ни одна вспышка не побеспокоила его и не выдала постороннему взгляду, когда заработали тормозные дюзы. Подобрав возможно точнее курс и скорость, он приблизился к судну, закрепился на корпусе с помощью магнитов, открыл аварийный шлюз — и оказался внутри корабля.

Ким невозмутимо миновал кормовые проходы и вошел в пустую каюту. Здесь он лег в гамак, пристегнулся ремнями, и запустил разведывательный луч в отсек управления. Там, на капитанском экране, он увидел сильно пересеченную местность, к которой пилот вел корабль по сложной спирали. Тяжелая работенка, подумал Киннисон, и парню предстоит потрудиться, чтобы сесть среди этих остроконечных вершин. Но едва крейсер оказался внутри одного из гигантских кратеров, пилот выровнял его и занял нормальную позицию для приземления.

Слишком быстро спускается, подумал ленсмен, но пилот пиратского корабля знал, что делает. Пять миль судно падало прямо вниз в этой титанической шахте, прежде чем достигло дна и перед ним возникли ворота огромного шлюза. Он открылся, корабль втянуло внутрь, в гигантский ангар, и массивный люк захлопнулся. Киннисон был на базе Альдебаран I.

— Всем внимание! — раздался голос капитана. — Воздух снаружи непригоден для дыхания. Надеть скафандры и проверить запасы кислорода. Здесь приготовлены подходящие для нас отсеки, но снимать скафандры запрещено до особого распоряжения. На выход!

Киннисон решил смешаться с экипажем. Все космические скафандры похожи один на другой, а его Линза вовремя предупредит о любой враждебной или подозрительной мысли. Лучше покинуть корабль; тут он немногое сумеет сделать. Но если предстоит перекличка...

Переклички не было. Похоже, капитан не интересовался подобными мелочами. Люди вышли в широкий коридор, миновали ворота, свернули налево; тут их встретило чудище, форму которого Киннисон определить с ходу не мог. Небольшая пауза, опять переход, поворот направо.

В этот момент Ким решил, что он не будет поворачивать, а останется здесь, поближе к шахте, пока не изучит базу основательнее. Скоро он обнаружил пустое и,

по всей видимости, неиспользуемое помещение, и убедился, что сквозь кристально прозрачное окно может наблюдать все обширное цилиндрическое пространство вулканического колодца.

С помощью следящего луча он видел, как пиратов препроводили в приготовленные для них помещения. Возможно, это были весьма шикарные покои, но на взгляд Киннисона они оказались похожими на тюремные камеры. Он порадовался своей предусмотрительности. Пошарив лучом тут и там, ленсмен наконец обнаружил то, что искал — отсек связи. Комната была хорошо освещена, и то, что он обнаружил внутри, привело его в глубочайшее изумление.

Он ожидал увидеть людей, поскольку Альдебаран II, единственная населенная в этой системе планета, была колонизирована землянами и ее население выглядело столь же человекоподобным, как в Чикаго или Париже. Но тут... Он был неплохо знаком со многими негуманоидными расами, но никогда не слышал о чем-либо подобном. Колеса, настоящие колеса! Перемещаясь с места на место, они катились. На месте втулок было что-то, что могло оказаться глазами... и еще — руки, десятки рук с гибкими пальцами...

— Вогенар! — четкая мысль, которую одно из удивительных созданий адресовало другому, была принята и Линзой Киннисона. — Кто-то посторонний разглядывает нас. Смени меня, пока я выясню, что происходит.

— Думаешь, одно из этих созданий с Земли? Ну, мы быстро научим их, что не следует лезть в чужие дела!

— Нет, это не они. Ментаграмма очень похожа, но гораздо мощнее. Так, сейчас я... — Киннисон, чертыхнувшись, включил мыслеэкран, прислушиваясь к тому, что творится в отсеке связи. — ...настроюсь и выслежу этого любопытного. — Последовало недолгое молчание. — Он исчез! Но на четвертом уровне появилась зона, в которую мне не проникнуть. Вероятно, наш гость включил экран! — Потом последовал приказ отряду охраны: — Возьмите его и бросьте к остальным!

Киннисон уже не слышал этого приказа, но приготовился ко всему; те, кто пришел за ним, обнаружили, что распоряжение было намного легче отдать, чем выполнить.

Ленсмен почти не сомневался, что «деламатер» здесь не поможет — скафандры врагов были снабжены не ме-

нее мощной защитой, чем его собственный. Воздух в комнате вскоре засветился, стены начали крошиться и оседать, но ни Киннисон, ни нападающие не были ранены. И тогда он снова взялся за средневековое оружие, отбросив свой бластер и атакуя стражей с топором в руках. Хотя Киннисону далеко было до Ван Баскирка, по земным меркам он обладал необычайной силой, ловкостью и быстротой. По сравнению с напавшими на него существами он был просто Геркулесом.

Ким наносил удар за ударом, и вскоре комната стала напоминать место бойни; пол был залит кровью, по углам валялись груды изрубленных на куски колесников. Немногие уцелевшие, не рискуя подставлять свои скафандры под несокрушимую сталь, укатили прочь, и Киннисон мог теперь подумать о том, что дальше делать.

Его обнаружили, что являлось безусловным провалом. Пожалуй, лучше убираться, пока враги не подтащили стационарные излучатели. Его защита могла устоять против ручного оружия, но кто мешает им применить что-нибудь помощнее... Но как выйти отсюда? Сквозь стену? Там, где его не ожидают?

Эти размышления заняли доли секунды; в следующий миг он уже был у стены. «Деламатер», установленный на максимальную мощность, превратился в резак, и Ким прошелся лучом по стене, вверх и вниз.

Но он опоздал, совсем чуть-чуть. В комнату вкатилась низкая тележка, на которую был водружен внушительного вида механизм. Киннисон замешкался, увидев его. В ту же секунду часть стены, над которой он трудился, с треском вывалилась наружу. Поток воздуха, ринувшегося из отсека, подхватил ленсмена и швырнул в шахту. Одновременно механизм на тележке угрожающе рявкнул, и Ким почувствовал сильный удар.

Истерзанный и контуженный, с помутившимся от боли сознанием, он падал в гигантский колодец, продолжая инстинктивно тянуться правой рукой к поясу, к рычагу нейтрализатора инерции. До дна оставалось тридцать или сорок футов, когда он щелкнул рычагом. Нейтрализатор не включался. Двигатель тоже был безжизненным. Ким рухнул прямо на оседающую груду камней, падавших одновременно с ним; сверху на него обрушились новые камни и щебень, с лязгом и грохотом отскакивая от брони скафандра.

Волна невыносимой боли накрыла Киннисона, кости его трещали, впиваясь в плоть. Он смутно ощущал,

что приближается милосердный прилив забвения, готовый поглотить его разум и измученное страдающее тело.

Но какая-то часть сознания продолжала бодрствовать даже в тумане беспамятства — нечто не поддающееся определению, делавшее его Кимболом Киннисоном, лучшим ленсменом Галактики. Ким жил, а пока ленсмен жив, он не должен сдаваться. Сдаться означало умереть — прямо здесь, в этой гнусной дыре. Скафандр был пробит, он быстро терял воздух. Конечно, повреждения легко устранить — в мешке за плечами находился тюбик быстро твердеющего пластика. Дотянуться бы до него...

Ким вдруг обнаружил, что левая рука у него совсем не действует; должно быть, ей сильно досталось. Даже легкий вдох причинял острую боль — вероятно, сломана пара ребер. Он мог шевелить правой рукой, хотя она казалась комом глины, приделанным к телу манекена. Собрав все силы, он все же потянулся к мешку и, спустя вечность, наполненную разрывающей болью, на ощупь отыскал тюбик с пластиком.

Потом он заставлял свое разбитое, искалеченное тело изгибаться и корчиться, чтобы здоровой рукой нащупать и закрыть отверстия, сквозь которые со свистом вытекал драгоценный воздух. Ему удалось сделать это. Но, заклеивая последний разрыв, он окончательно потерял силы и распростерся на земле.

Он попытался прикинуть, много ли потерял воздуха, но эта мысль была туманной и словно бы не касающейся его. Возможно, баллоны пусты... Времени прошло не так много, иначе у него вовсе не осталось бы воздуха, ни в баллонах, ни в костюме... Однако вряд ли запас велик. Можно взглянуть на манометр и выяснить это.

Тут Ким обнаружил, что не в силах даже повернуть голову. Откуда-то извне, из темных космических глубин, на него накатывала мягко колеблющаяся чернота, медленно погружая в сон. Сон казался избавлением от боли; его уютная колыбель тихо покачивалась, унося Киннисона все дальше и дальше, в безбрежный океан мира и спокойствия. Зачем страдать, мелькнуло в гаснущем сознании; намного приятнее позволить себе уйти.

Глава 17

ЗЕМЛЯ

И все-таки Киннисон не потерял сознания. Слишком многое предстояло сделать, и он не мог сдаться, уплыть в убаюкивающий мрак беспамятства. Он должен выбраться отсюда, вернуться на свой космокатер и любой ценой добраться до Главной Базы! Скрипя зубами от боли, он собрал все силы. Пока ленсмен жив, он не сдается!

Заставляя шевелиться сырую глину, в которую превратилось его тело, он начал обрабатывать сильно кровоточившие раны. Занимаясь этим, Ким понял, что обожжен — наверно, на тележке был иглоизлучатель высокой мощности. Ожоги он не трогал, не было времени.

Он нашел силовой кабель, пробитый лучом. Сорвать изоляцию было почти невыполнимой задачей, но наконец он справился с этим. Еще дольше пришлось провозиться с сооружением перемычки, без которой не удавалось восстановить контакт. Он упорно трудился, в основном наощупь, время от времени почти теряя сознание из-за терзавших его приступов боли.

Спаять соединение было невозможно. Он обмотал его остатками изоляции, чтобы скрученные жилки не разошлись; наконец, с замиранием сердца, полный самых мрачных опасений, Киннисон включил нейтрализатор. Чудо из чудес, он работал! И двигатель!

Поднимаясь вверх, ленсмен вдруг понял, что с момента схватки, когда его швырнуло в шахту, прошло всего несколько минут. Взбешенные колесники еще не успели герметизировать помещение; они как раз трудились у отверстия, пытаясь справиться с утечкой атмосферы. Киннисон мельком взглянул на них и пронесся выше. Следовало торопиться.

На сей раз обстоятельства складывались в его пользу; атмосферы, тормозившей полет, на Альдебаране I практически не существовало. Вскоре Киннисон находился в

открытом пространстве. Добраться до катера было делом нескольких минут; еще одно усилие, чтобы заставить непослушную правую руку отпереть замок — и люк распахнулся. Он снова очутился внутри своего корабля.

Опять подступил угрожающий дурман беспамятства, но Ким переборол его. Дотащившись до пульта, он задал курс к Солнцу и включил автопилот.

Он быстро слабел и знал это. Но оставалось еще одно дело, которое он должен был завершить, если он не хотел вечно носиться по космосу. Почти перебравшись по ту сторону границы, разделяющей явь и сон, Ким активировал Линзу.

— Хейнес... — Мысль ушла, затуманенная, искаженная, слабая. — Это Киннисон. Я иду... я...

Он отключился. Напрягая несчастное израненное тело, он исчерпал до последней капли те огромные запасы жизненной силы, что таились в могучем существе ленсмена. И, наконец, он погрузился в темноту, теплую и спасительную бесчувственность, которая так долго пыталась овладеть им. А космокатер мчался вперед и вперед, словно колыбель, возвращавшая Земле ее павшего в бою сына.

* * *

Кимбол Киннисон, Серый Ленсмен, сделал все, что требовалось. Его последняя мысль, слабая, оборвавшаяся, нашла того, кому предназначалась.

Адмирал Хейнес сидел за своим рабочим столом, обсуждая вопросы эскортирования грузовых транспортов с группой чиновников и администраторов, когда прибыло это мысленное сообщение. Старый космический волк, переживший после бесчисленных стычек и ранений, мгновенно понял, что случилось и насколько нуждается в помощи его молодой соратник.

Изумив собравшихся, он вдруг вскочил на ноги, схватил микрофон и стал отдавать отрывистые приказы. Всем кораблям семи секторов, независимо от класса и тоннажа, включить радары и прочие поисковые средства. Найти катер — захватить — отключить двигатель. Привести его на базу, посадочная площадка номер десять. Прислать сюда пилота... нет, двух пилотов, самых лучших! Гендерсона и Ватсона, или Шермерхорна, если удастся их отыскать. Потом адмирал связался через Линзу со своим давним другом, хирургом Лейси, главным врачом базы.

— Послушай, старый костоправ, сильно потрепали одного из моих парней. Он идет в свободном режиме — ты знаешь, что это значит. Пришли хорошего врача. Такого, который умеет обращаться с индивидуальным нейтрализатором.

— Я сам пойду. Да, сам, — мысль врача-ленсмена была такой же четкой, как у адмирала. — Когда мы нужны?

— Как только его притащат сюда. Другой информации пока нет.

Затем, отложив все дела, адмирал взял на себя руководство флотилиями, разыскивающими крошечную скорлупку Киннисона.

Наконец его нашли. Хейнес оторвался от мониторов, натянул защитный скафандр и прошел по мощеной дорожке к девятой посадочной площадке. Там его ожидали две фигуры, облаченные в такие же скафандры, — двое высококлассных пилотов. Неподалеку стояли старый врач с помощником. Точнее — с помощницей, ибо Хейнес заметил бронзово-рыжие огненные кудри и стройные ножки. Лица он не разглядел, да и не очень его интересовала эта девица; нейтрализатор, пристегнутый к ее поясу, был куда важнее. Умеет ли она обращаться с ним?

Им предстояла довольно сложная операция. Космокатер должен был приземлиться в режиме свободного полета. Им придется войти в кораблик, поднять его в космос и там перевести в инертное состояние. Киннисона требовалось извлечь из катера, отключить его нейтрализатор, подогнать его скорость к скорости корабля и внести обратно на борт. Тогда и только тогда врачи смогут с ним работать. Потом они должны приземлиться — и поскорее; парню давно пора быть в госпитале.

Во время всех этих эволюций, вплоть до возвращения на Землю, сами спасатели будут оставаться безинерциальными. Обычно такие посетители покидали корабль, переходили в инертный режим и опять возвращались на судно. Но сейчас для всех этих эволюций не оставалось времени. Им надо срочно доставить Киннисона в госпиталь; значит, была только одна возможность — использовать сеть.

Сеть — мембрана из гибкого и прочного пластика, прикрепляемая к потолку, стенам и полу отсека на пружинах; она предназначалась для того, чтобы поглотить и рассеять кинетическую энергию, которой обладает

тело человека, когда его собственная скорость не совпадает с скоростью корабля. Она предохраняет от увечий и переломов — короче, не дает хрупкой человеческой плоти превратиться в пюре. Это довольно опасное устройство, и Хейнес, немного подумав, произнес:

— Может, мы лучше оставим твою ассистентку здесь, Лейси? Или она оденет скафандр?

— Время слишком дорого, — вмешалась сама девушка. — Не беспокойтесь обо мне, адмирал; я уже побывала в сети.

Она повернулась к Хейнесу, и он впервые увидел ее лицо. Настоящая красавица, черт побери! Странно, что она решила стать врачом...

— Это он! — воскликнул один из пилотов. Космокатер, зажатый транспортными лучами, опустился на бетон, и спасатели поспешили внутрь.

Они торопились, но без суматохи и замешательства; каждый точно знал, что надо делать. Пилоты растянули сеть, которая должна была предохранить медиков в момент перехода корабля в инертное состояние; оба врача закрепились на гибкой поверхности мембраны с помощью ремней; Хейнес подхватил на руки беспомощного Кима.

Суденышко вышло в космос, отчаянно рыская, когда пилоты отключили привод Бергенхольма. Из шлюза вылетел адмирал с телом Киннисона на руках — оба в безынерциальном состоянии. Они ринулись прочь от катера, как только Хейнес, в свою очередь, отключил нейтрализаторы их скафандров. Затем последовала яркая двойная вспышка — заработали автономные двигатели, гася скорость.

Вскоре оба ленсмена вновь очутились на борту. Врачи тут же принялись за работу, со спокойствием и точностью, характерными для их профессии. В три приема они освободили Киннисона от скафандра, раздели и было уже ясно, что за исключением нескольких перевязок, они ничем не могут помочь своему пациенту, пока он не окажется на операционном столе. Тем временем пилоты, устроившись перед пультом, бросили кораблик к земле.

Из главных и боковых дюз вырвались добела раскаленные струи пламени. Космокатер бешено завертелся, но его тут же усмирили, умело и жестко, в точно выбранный момент. Не сделав ни одного лишнего оборота, шел отвесно вниз, и Генри Хендерсон, один из

лучших пилотов Главной Базы, собирался приземлить его за пятнадцать минут.

Он посадил катер на девятой площадке, где уже ждала санитарная машина, и Киннисона тотчас доставили в госпиталь. Хейнес вернулся в свой кабинет и попытался работать, но не мог сосредоточиться и отправился туда же. Он ждал в коридоре, и когда врач вышел из операционной, схватил его за пуговицу.

— Как там дела, Лейси? Он будет жить?

— Жить? Конечно, — ответил довольно резко уставший хирург. — Пока не могу сказать ничего определенного — прошла только пара часов. Уходи, Хейнес. Приходи снова в шестнадцать сорок, и ни секундой раньше — тогда я все скажу тебе.

Поскольку тут ничего нельзя было поделать, адмирал вернулся обратно; но он вновь появился в госпитале ровно с последней секундой назначенного срока.

— Как он? — спросил Хейнес без предисловий. — Он действительно будет жить, или ты просто успокаиваешь меня?

— Все обстоит лучше, намного лучше, чем я полагал, — заверил его хирург. — Определенно так! Должно быть, он слегка стукнулся, но больше — ровным счетом ничего серьезного. Ничего даже не придется ампутировать. Он выздоровеет на сто процентов; царапинки не останется!

— Отлично, док! А если поподробней?

— Взгляни, — доктор развернул полный рентгеновский снимок. — Во-первых, уникальнейший скелет! Сейчас, конечно, есть дефекты... вот здесь, и там, справа... но я верю, что в скором времени он снова будет одним из самых замечательных мужских скелетов, какие я когда-либо видел. Этот молодой человек далеко пойдет, Хейнес.

— Несомненно. Иначе разве мы произвели бы его в Серые? Но я пришел не за тем, чтобы обсуждать скелеты. Меня интересуют повреждения.

— Взгляни на снимок и увидишь сам. Сущая ерунда! Множественные и сложные переломы рук и ног... ну, еще пара ребер. Однако позвоночник не затронут. И это все.

— Что значит «и это все»? А как же его раны? Я сам их видел, и это совсем не булавочные уколы!

— Ничего страшного. Несколько колотых ран и две-три резаных, но жизненно важные органы не пострадали. Он не нуждается даже в переливании крови, по-

скольку сам остановил кровотечение почти сразу после ранений. Конечно, есть несколько ожогов, но они поверхностные... В общем, нет ничего, что не поддавалось бы лечению, причем довольно легко.

— Очень хорошо. Так он пробудет у тебя недель шесть?

— Лучше сказать, двенадцать... я думаю — десять по крайней мере. Видишь ли, некоторые из переломов, особенно на левой ноге, и пара ожогов достаточно серьезны... надо с ними повозиться.

— Через две недели он захочет встать, а через шесть — разнесет твой госпиталь по камешкам.

— Да, — хирург улыбнулся, — его нельзя назвать идеальным пациентом. Но, как я не раз тебе повторял, мне нравится иметь пациентов, которым мы не нравимся.

— И еще одно. Я хочу посмотреть личное дело твоей ассистентки... той, рыжей...

— Я так и решил, что ты заинтересуешься, поэтому принес его с собой. Вот, взгляни... Кларисса Мак-Дугал — шотландка, конечно... двадцати лет... Рост — пять футов шесть дюймов. Вес — сто сорок пять с половиной фунтов. Это ее фотографии, обычная и в рентгеновских лучах... Полюбуйся на скелет! Великолепен! Единственный по-настоящему совершенный скелет, который я когда-либо видел у женщины...

— Меня интересует не скелет, — проворчал Хейнес, — а то, что на нем... на что будет смотреть мой парень.

— На сей счет не стоит беспокоиться, — объявил хирург. — Один хороший взгляд на фотографию скажет все... особенно на эту, — он постучал пальцем по рентгеновскому снимку. — Физический облик, умственный, моральный и физиологический потенциал — скелет поведает обо всем.

— Может, тебе и поведает, а мне — нет, — и Хейнес взялся за обычную стереоскопическую фотографию в полный рост и в цвете, почти живой дубликат девушки. Ее пышные волосы не были рыжими — скорее, очень яркими, блестящими, огненными. Оттенок напоминал бронзу с красным и золотым. Ее глаза... янтарные, вот все, что он мог о них подумать, с отблесками топаза и золота. Ее кожа тоже имела отчетливый бронзовый оттенок, и слегка блестела. Прекрасный экземпляр, решил адмирал.

— Гммм... Еще и ямочки... — пробормотал Хей-

нес. — Прямо не девушка, угроза цивилизации... — Он продолжил чтение документов. — Семья... хммм... Испытания... реакции и характеристики... модели поведения... психология... менталитет...

— Это она, Лейси, — подтвердил он наконец. — Держи ее при нем...

— Она! — фыркнул Лейси. — Тут даже нет вопроса! Посмотри на эти волосы, глаза... В точности как у Вирджила Сэмса! Ей под стать только один из миллиона! С таким-то скелетом...

— Конечно, конечно... Но ты понимаешь, гроза аппендиксов, что парень — чистокровный Киннисон!

— Ах вот как... Тогда мы могли бы... — Лейси задумался, потом махнул рукой. — Боюсь, сейчас он не обратит на нее внимания... он ведь только что стал Серым... Года два он не будет видеть ничего, кроме своей работы.

— Это тебе рассказал его скелет, да? — скептически проворчал Хейнес. — Обычно так. Но ты никогда не сможешь поручиться, особенно в госпиталях...

— Обычное заблуждение невежд! — фыркнул Лейси. — Вопреки распространенному мнению, в госпиталях не возникает романов, за исключением, конечно, среди персонала. Пациенты иногда влюбляются в медсестер, но медсестры не склонны отвечать взаимностью, ибо мужчины оказываются в госпитале не в лучшей форме. И чем лучше человек, тем более гнетущее впечатление он производит.

— Не помню, кто сказал... очень давно: «Никакое обобщение не может быть абсолютно истинным», — ввернул адмирал. — Когда Киннисона наконец стукнет, то стукнет сильно, и если он заинтересуется другой девицей, у нас не будет никаких шансов. Как насчет той черноволосой красавицы, твоего второго ассистента?

— Я сказал тебе, что у Клариссы Мак-Дугал самый совершенный скелет, который я когда-либо видел. Брюнетка, конечно, тоже хороша, но...

— Но недостаточно хороша, чтобы составить пару ленсмену, а? — закончил мысль Хейнес. — Тогда убери ее. И все остальные лучшие скелеты, какие у тебя найдутся, тоже убери. Подальше! Переведи их в другой госпиталь — на другой этаж, на худой конец. Любая женщина, в которую он влюбится, полюбит его — вопреки твоим идеям об односторонности госпитальных романов. И я совсем не хочу, чтоб у него появилась

возможность утонуть по уши в чем-то неподходящем. Я прав?

— Ну, трудно сказать... Если бы я как следует изучил твой скелет, то...

— Возьми недельку отпуска и изучи. Я сталкивался со множеством людей за последние шестьдесят пять лет, и готов в любое время поставить свой опыт против твоего знания костей. Полагаю, ты проиграешь — если не станешь жульничать, конечно.

Глава 18

ОБУЧЕНИЕ ВЫСШЕЙ СТУПЕНИ

Киннисон очнулся, вернее, наполовину пришел в себя, с криком, адресованным расплывающейся у него перед глазами фигуре в белом.

— Сестра! — его пронзила острая боль, и он почти лишился сознания, послав через Линзу: — Мой катер! Я должен посадить его! В свободном режиме... Дайте космопорт!

— Ты уже здесь, здесь, ленсмен, — произнес низкий ласковый голос, и над ним склонилась головка с огненно-рыжей гривой. — О космокатере позаботились. Все в порядке. Спи.

— Послушай, красотка! — в полный голос рявкнул пациент, несмотря на терзавшую его боль. — Не пытайся успокоить меня! Ты думаешь, я сумасшедший?.. Слушай и выполняй. Я сказал, что катер в свободном полете. Если ты не знаешь, что это значит, передай кому-нибудь, кто разбирается в таких вещах! Сообщи в космопорт — сообщи Хейнесу — сообщи...

— Мы все сделали, ленсмен... — Хотя голос все еще звучал ласково и обволакивающе мягко, на лице появилась тень раздражения. — Я сказала, что все в порядке. Твой космокатер переведен в инертное состояние, иначе как бы ты попал сюда? Я сама участвовала в этой операции, поэтому знаю, что говорю.

— Хорошо... — Пациент вновь потерял сознание, и Кларисса Мак-Дугал повернулась к врачу, стоявшему сзади. Там, где находилась Кларисса, всегда можно было обнаружить по меньшей мере одного молодого врача. Мужчину, разумеется.

— Мой корабль... — Киннисон вновь очнулся.

— Ненормальный! — вспыхнула девушка. — Хороший же мне достался пациент! Еще не пришел в себя, а уже ищет неприятностей!

Спустя несколько дней Киннисон окончательно пришел в сознание. Через неделю боль почти утихла, и его начало раздражать вынужденное заключение. Еще через три дня он был «по горло сыт этим лечением», и его знакомство с юным доктором, так неудачно начавшееся, становилось еще более неприятным по мере того, как шло время. Назвать ленсмена идеальным пациентом было трудно.

Ему ничего не нравилось. Все врачи были болванами, даже Лейси, собравший его по кусочкам. Все медсестры и практикантки были идиотками, даже — или особенно? — «Мак», которая почти со сверхчеловеческим тактом и терпением ухаживала за ним. Но ведь даже болваны и идиотки, даже последние ослы, должны понимать, что человеку нужна еда!

Привыкший съедать все, что удавалось раздобыть, он, как и его желудок, не мог понять что лежащее неподвижно тело не способно израсходовать те тысячи калорий, которые оно сжигало раньше каждые двадцать четыре часа в напряженной работе. Он постоянно был голоден, и всегда требовал еды.

А едой Ким называл не апельсиновый или виноградный сок, не молоко и ломтик подсушенного хлеба с худосочным яйцом всмятку. Если он вообще ел яйца, то жареными, причем три или четыре сразу, с двумя-тремя толстыми кусками ветчины.

Ему были нужны бобы со свининой. Он мечтал о настоящих ломтях хлеба, толсто намазанных маслом, а не об этих, с позволения сказать, тостах. Он хотел кусок мяса с кровью, с картофелем и густой коричневой подливой. Ему требовалась солонина с капустой. Он жаждал пирога — любого пирога — нарезанного огромными ломтями. Он посещал рестораны десятков миров, заказывая все меню от первой до последней строки — к сожалению, во сне.

Но больше всего он тосковал по бифштексу. Он

думал о нем днями и грезил ночью. Однажды Киннисону приснился особенно красочный сон — сочный кусок мяса, поджаренный на масле и потушенный с грибами. Проснувшись с переполненным слюной ртом, измученный голодом, он вновь оказался перед чашкой слабенького чая, сухим тостом и — о ужас! — на этот раз ему предложили бесцветное, растекшееся, сваренное всмятку яйцо! Это переполнило чашу терпения несчастного.

— Заберите это, — слабо произнес он. Потом дотянулся до столика и смахнул с него завтрак вместе с подносом. Когда все рухнуло на пол, он отвернулся к стене и, вопреки всем усилиям сдержаться, из его глаз выкатились две горячие крупные слезы.

Тяжкое испытание выпало на долю Мак, и оно потребовало всего ее умения, дипломатии и выдержки. В конце концов ей удалось заставить своего непослушного пациента съесть предписанный ему завтрак. Покончив с этим, она вышла в коридор, где столкнулась с вездесущим молодым врачом.

— Как твой ленсмен? — спросил он в тиши и спокойствии диетической кухни.

— Не называй его моим! — взорвалась девушка. Ее переполняли долго сдерживаемые и самые разнообразные чувства, которые, конечно, нельзя было излить на такое жалкое, беспомощное создание, каким был ее знаменитый пациент. — Бифштекс! Я почти хочу, чтобы ему дали наконец бифштекс, и чтобы он подавился им — конечно, так оно и будет! Он хуже ребенка! В жизни не видела такого мерзкого капризного типа! Хотела бы я знать, как он вообще ухитрился выбиться в ленсмены, сварливый грубиян!

— Не принимай все близко к сердцу, Мак, — посоветовал молодой врач. Он очень надеялся, что отношения между красивым молодым ленсменом и ослепительной рыжеволосой красавицей ненамного сердечнее, чем она рассказывает. — Киннисон тут не задержится. Но я никогда не видел, чтобы пациенту удалось вывести тебя из равновесия.

— Вероятно, ты никогда не видел и таких пациентов, как он. Надеюсь, он больше не разобьется...

— Вот как?

— Написать тебе расписку? — сладким голосом спросила она. — Но если он стукнется обо что-нибудь,

то я надеюсь, что его отправят в другой госпиталь, — и Кларисса вылетела из кухни.

Она думала, что когда ленсмен сможет есть желанное мясо, ее беды закончатся. Как она ошибалась! Киннисон был нервным, угрюмым, постоянно погруженным в невеселые размышления, временами раздражительным и агрессивным. Удивляться не приходилось. Он был прикован к кровати, а сознание его постоянно сверлила мысль о поражении. Это была не просто неудача. Нет, он вел себя как последний дурак! Он недооценил врага, и в результате его тупости Патруль наткнулся на препятствие. Он был сердит и раздражен.

— Послушай, Мак, — начал он однажды, — принеси мне какую-нибудь одежду и позволь прогуляться. Мне необходимы упражнения.

— Нет, Ким, нет пока, — произнесла она мягко, с понимающей улыбкой на лице. — Но совсем-совсем скоро, когда твоя нога будет немного меньше походить на китайскую головоломку, ты попрощаешься с госпиталем.

— Превосходная перспектива! — зарычал ленсмен. — Но неужели ни ты, ни эти ваши пучеглазые вороны не могут понять, что ко мне не вернутся силы, если вы продержите меня в кровати весь остаток жизни? И нечего разговаривать со мной, как с младенцем! Я вполне в форме, и ты можешь забыть про свою профессиональную улыбку сиделки!

— Очень хорошо — я тоже так думаю! — резко ответила она, чувствуя, что терпение иссякло. — Хоть кто-то скажет тебе правду. Я всегда полагала, что у ленсмена должны быть мозги, но ты оказался самым законченным идиотом из всех, кого я видела на этой койке. Сначала ты не хотел есть то, что положено, теперь ты хочешь встать — с незажившими переломами и кучей ожогов — и перепортить все, что для тебя успели сделать. Почему же ты недоволен, когда тебя считают младенцем?

— Я знаю, что больничные сиделки не очень сообразительны, но у тебя, похоже, вовсе нет головы на плечах... — Киннисон взглянул на нее с сильной неприязнью; отповедь Клариссы его совершенно не убедила. — Я же не говорю о том, чтобы вернуться к работе. Речь идет о легких упражнениях, и я сам знаю, что мне нужно.

— Ты будешь удивлен, узнав, как много ты не знаешь, — и Кларисса вышла, вздернув подбородок. Через

пять минут она, однако, вернулась; на ее лице светилась улыбка.

— Прости, Ким, я не должна была выходить из себя. Я знаю, что ты вспыльчив и можешь иногда побушевать. Я тоже, если бы я была...

— Покончим с этим, Мак, — сказал он, испытывая неловкость. — Я не понимаю, мы все время должны цапаться с тобой.

— Отлично, ленсмен, — ответила она, совершенно успокоившись. — Я тоже. Ты не тот человек, который станет оставаться в кровати, если его к ней не привязать. Но если парень прибывает назад в виде отбивной котлеты, он должен лежать, нравится ему это или нет, — Кларисса улыбнулась. — Теперь перевернись на живот, я сделаю тебе спиртовое растирание. И обещаю, что совсем скоро мы будем вывозить тебя в кресле погулять...

Это продолжалось неделями. Киннисон знал, что его поведение было скверным, отвратительным. Но он просто не мог ничего поделать; таким образом находили выход его горечь и тревога. Временами он, как свирепый тигр, у которого болят зубы, кусал и царапал все, что попадало под руку.

Наконец был сделан последний снимок, удалена последняя повязка, и его, казалось, могли выписать. Однако тягостное «заключение», как он его называл, продолжалось до тех пор, пока он в самом деле не выздоровел. Хейнес проследил за этим. Адмирал встречался с Кимом, но вел только самые короткие беседы и отказывался говорить о делах. Но как только Киннисон был выписан, он сразу отыскал Хейнеса.

— Сначала скажу я, — предупредил старый ленсмен, едва Ким перешагнул порог его кабинета. — Никаких упреков, никаких претензий и никакой самокритики. Я очень рад, Кимбол, что ты в порядке. Ты был очень плох... Теперь пойдем дальше.

— Вы уже все сказали за меня, — Киннисон кисло улыбнулся. — Два слова — чистый провал. Нет, позвольте мне добавить еще два — пока что.

Что за человек! — воскликнул Хейнес. — Но мы не согласны с версией провала. Ты не добился успеха,— это будет точнее. Кроме того, могу добавить, что я получал забавные отчеты о твоем поведении в госпитале.

— Да? — Киннисон был так изумлен, что потерял дар речи.

— Ты, правда, едва не разнес его до основания... как раз то, чего от тебя ждали.

— Но, сэр, я произвел такой...

— Именно. Как Лейси частенько говаривал, ему нравится иметь пациентов, которым там не нравится. Поразмышляй над этим — возможно, с возрастом ты лучше поймешь смысл.

— Хорошо, сэр. Я чувствую, что был не совсем прав, но если вы и остальные все еще думают...

— Мы действительно думаем именно так. Не унывай, парень! — и адмирал неожиданно подмигнул младшему коллеге.

— Я много размышлял, — смущенно произнес Кинисон, — и прежде, чем я снова подставлю им шею, хотел бы...

— Ты — Серый Ленсмен, — прервал его Хейнес, — и тебе не обязательно что-либо докладывать.

— Да, сэр... но я полагаю, так будет лучше. Я собираюсь пойти на Аризию и получить там пару советов, как избавиться от дурной головы и раскисших мозгов. Мне кажется, я понимаю, как лучше всего использовать Линзу, но у меня не хватает для этого силенок. Видите ли, я... — он замолк; он не мог заставить себя оправдываться. Но старый ленсмен читал его мысли как по книге.

— Иди, сынок. Чистого тебе пространства!

— Когда я строил свои планы, я полагал, что вступаю в сражение с людьми — потому что там, на корабле, были люди, и люди населяют вторую планету Альдебарана. Но когда со мной запросто справились эти парни с колесами, стало ясно, что у меня не хватает сил. Я бежал, как побитая собака, и счастье еще, что мне удалось вернуться. Этого бы не случилось, если... — он снова замолчал.

— Если что? Нет никаких причин для уныния, сынок, — уверенно возразил Хейнес. — Ты неправ, совсем неправ. Ты не совершил ошибок, ни в суждениях, ни в действиях. Ты обвиняешь себя в том, будто полагал, что они — люди. Предположим, ты бы решил, что там сами аризиане. Что тогда? После подробного анализа — и зная, как обернулось дело, — Совет не обнаружил, каким образом ты мог бы изменить результат.

Хейнес явно хотел его успокоить, понял Ким. Но даже проницательному старому адмиралу не приходило

в голову, что он не нуждался в этом; он был в форме. Ленсмен всегда в форме.

— Как бы то ни было, они побили меня, и это плохо, — открыто признал Киннисон. — Поэтому я снова иду на Аризию, чтобы учиться дальше, если мне позволят. Возможно, я уйду надолго, потому что даже Ментору надо потрудиться, чтобы запихнуть мне в голову пару-другую новых идей.

— Неужели он тебе не говорил, что ты никогда не должен возвращаться?

— Нет, сэр, — Киннисон озорно улыбнулся. — Должно быть, он просто забыл об этом. Наверное, единственный прокол за все время существования Аризии, но он дает мне шанс.

— Хммм... — Хейнес тщательно обдумал ошеломляющую информацию. Он намного лучше молодого ленсмена представлял мощь аризианского разума и не верил, что их Ментор мог что-то забыть, даже самую малую и незначительную деталь. — Такого еще никогда не случалось, — произнес адмирал. — Это удивительный народ... непостижимый и не желающий никому зла. Они могут отвергнуть тебя, но это самое худшее, что с тобой случится... Иди, Ким, иди...

Они пожали друг другу руки, и вскоре космокатер стартовал. Киннисону казалось, что он точно знает, чего хотел бы просить у непостижимых аризиан; он использовал каждый час бодрствования, чтобы упражнять мозг и тело, готовя их к предстоящим испытаниям. Время пролетело незаметно. Он подошел к окружавшему Аризию барьеру, двигаясь со скоростью черепахи, мгновенно остановился, коснувшись его, и послал мысленный запрос.

— Кимбол Киннисон с Сола Три вызывает Ментора. Будет ли мне позволено подойти к планете? — Его тон не был ни самоуверенным, ни заискивающим. Он просто задал вопрос и рассчитывал получить столь же прямой ответ.

— Мы ждем тебя, Кимбол Киннисон с Земли, — прозвучал в мозгу ленсмена глубокий размеренный голос. — Не касайся пульта управления. Твой корабль посадят.

Он так и сделал; и космокатер понесся вперед, чтобы приземлиться на прекрасной посадочной площадке в обычном космопорте. Он вошел в пассажирский зал, и там столкнулся с уродливым и нелепым созданием,

которое не так давно измеряло его параметры для изготовления Линзы. Киннисон молча посмотрел прямо в немигающие глаза существа.

— А, ты прогрессируешь... Начинаешь понимать, что зримое не всегда истинно. Во время нашей прошлой встречи ты считал само собой разумеющимся, что все, что ты видишь, должно существовать на самом деле, и не интересовался тем, каков мой истинный облик.

— Теперь мне это по-настоящему интересно, — ответил Киннисон, — и если мне позволят, я останусь здесь до тех пор, пока не смогу увидеть вас такими, какие вы есть.

— Может быть, такими? — и странная фигура мгновенно обернулась пожилым седобородым джентльменом ученого вида.

— Нет. Есть большая разница между тем, чтобы смотреть самому или видеть то, что вы мне показываете. Я уже понимаю — вы можете показать мне что угодно... даже появиться передо мной в образе точной моей копии или любого другого существа или объекта.

— Что ж, ты делаешь успехи... Теперь имеет смысл отметить, что твой нынешний визит ожидался.

— Но это невозможно! Я долго не мог решиться на это путешествие... и только пару недель назад...

— Оно было неизбежным. Еще подбирая тебе Линзу, мы были уверены, что ты вернешься, если останешься жив. Некто, называемый Ха'Иссой...

— Ха'Исса! Тогда вы знаете, где... — Киннисон замолк, не договорив. Он не должен просить помощи в этом деле — он ведет свой собственный бой и сам ищет победы или смерти. Если они расскажут ему, спасибо; но просить он не станет. Аризианин, однако, не собирался давать ему подсказку.

— Ты прав, — невозмутимо заметил он. — Для приобретения опыта важно, чтобы ты сам добыл эту информацию. — Потом он продолжил свою мысль.

— Итак, недавно мы объяснили Ха'Иссе, что твоей цивилизации дан инструмент, Линза, с помощью которого она может обезопасить себя и всю Галактику. Предоставив ее вам, мы не сделали больше ничего, не обеспечили никаких реальных выгод или постоянных благ, пока сами ленсмены не начали осознавать истинную взаимосвязь между разумом и Линзой. Это понимание было неизбежным, и оно пришло. Еще очень давно мы знали, что в свое время некоторые ваши умы станут

настолько сильными, что смогут открыть эту неизвестную до поры связь. Сделавший подобное открытие просто обязан немедленно вернуться на Аризию, источник Линз, за новыми инструкциями, которых раньше он не мог бы воспринять. И ты вернулся.

Ментор помолчал — видимо, для того, чтобы Ким успел осмыслить его слова. Потом он продолжил:

— Проходили столетия, и ваш разум становился все более мощным, более развитым. И вот, наконец, ты пришел сюда за новым знанием. Ибо твой мозг обладал в потенции возможностями и силой, о которых ты сам не ведал раньше, и которые обязательно должны были вернуть тебя на Аризию. Таких, как ты, несколько. Среди нас даже возник спор, кто из вас станет первым учеником на следующей ступени.

— Кто же этот другой? Можно ли мне узнать?

— Твой друг Ворсел, велантиец.

— У него мощный мозг — намного сильнее моего, — отозвался ленсмен, говоря об этом как о чем-то само собой разумеющемся.

— В одних отношениях — да. В других и исключительно важных — нет.

— Почему? — воскликнул Киннисон. — Разве я в чем-то превосхожу его?

— Я не уверен, что смогу объяснить так, чтобы ты понял. Его мозг лучше тренирован, более развит, обладает от рождения большей ментальной силой. Он легче управляем, отзывчив, лучше приспосабливается, чем твой разум. Но твой мозг, хотя и не столь развитый, обладает огромным потенциалом и разнообразными скрытыми возможностями. Кроме того, у тебя есть цель и движущая сила, желание что-то делать, неудержимое мысленное стремление к новому, которым никогда не обладала раса Ворсела. Поскольку я предсказывал, что ты вернешься первым, мне в самом деле очень приятно, что ты развиваешься в соответствии с моими предсказаниями.

— Да, мне пришлось испытать кое-что, и получить немало чувствительных ударов. Но мне казалось, что я скорее деградирую, чем продвигаюсь вперед.

— Так всегда бывает с теми, кто движется по пути в неведомое... А теперь — первый урок. Приготовься!

Аризианин внезапно нанес мысленный удар, от которого сознание Киннисона смешалось, погрузившись в бешеный водоворот головокружительных спутанных образов.

— Сопротивляйся! — пришла жесткая команда.

— Сопротивляйся! Как? — воззвал корчащийся от боли, вспотевший ленсмен. — Ты можешь с тем же успехом приказать мухе сопротивляться космическому крейсеру!

— Используй свою волю — свою силу — свою приспособляемость. Заставь свой разум столкнуться с моим и отбить атаку. Ни я, и никто другой не может подсказать тебе, как сделать это, — размеренно, будто читая лекцию, вещал Ментор, ни на миг не ослабляя напора на сознание ученика. — Каждый мозг должен найти собственный метод. Сейчас воздействие очень мягкое, приспособленное к твоим возможностям. Я постепенно буду увеличивать его силу, но так, чтобы не дойти до точки необратимого разрушения личности. Упражнениями займемся позже; вначале мы построим защиту. Сопротивляйся!

Ментальное давление медленно нарастало до предельной границы, и ленсмен мрачно и настойчиво боролся с ним. Стиснув зубы, напрягая мускулы, судорожно вцепившись пальцами в подлокотники кресла, он сопротивлялся, собирая все силы...

Неожиданно пытка окончилась, и Киннисон обмяк, истерзанный морально и физически. Бледный, дрожащий, он был потрясен до глубины души. Он стыдился своей слабости и испытывал смущение и горькое разочарование; ему показали, сколь малого он стоит. Но тут от аризнанина пришла спокойная ободряющая мысль.

— Тебе нечего стыдиться. Напротив, ты должен испытывать гордость, ибо твой старт совершенно удивителен — даже для меня, твоего опекуна. Начало обучения может быть воспринято как безжалостное истязание, однако это единственный способ обрести то, что ты ищешь.

— В таком случае, продолжай, — объявил ленсмен. — Я выдержу это.

Занятия в «школе высшей ступени» продолжалось, и ученик становился все сильнее, пока наконец смог без ущерба для себя выдерживать удары, которые поначалу мгновенно убили бы его. Столкновения делались все короче, все ожесточенней, требуя огромной концентрации ментальной энергии; ни один человеческий мозг не мог выдержать такого губительного напряжения более чем полчаса подряд.

В свое время жесткие испытания сменились настоя-

щим обучением. Эти уроки не были ни болезненными, ни неприятными. Ученые старшей расы осторожно проникали в мозг своего младшего коллеги, демонстрируя изумленному владельцу такие огромные провалы, о которых он и не подозревал. Некоторые из них были частично или совсем заполнены, и требовалась лишь коррекция и налаживание связей; другие оказались почти пусты. Их наполняли, пробуждая к активной деятельности с помощью Линзы.

— Похоже на очистку загрязненной водной системы с Линзой в качестве насоса и фильтра! — воскликнул однажды Киннисон.

— Да. Ты начинаешь кое в чем разбираться, — согласился аризианин. — И ты, конечно, заметил, что я не даю тебе подробных инструкций и не указываю на возможности Линзы. Ты сам должен управлять насосом и фильтром. И тебе предстоит немало неожиданного, когда ты увидишь, что и как будет откачивать твоя Линза. Наша единственная задача — наилучшим образом подготовить твой мозг к работе с Линзой, и она еще не завершена. Продолжим!

После неопределенного периода обучения, показавшегося Киннисону неделями, пришло время, когда он смог блокировать образы, формируемые Наставником. Ощутив это, Ким немедленно решил испытать себя. Ленсмен сконцентрировал ментальное поле и направил обратно к учителю. Снова началась борьба, не становившаяся менее напряженной оттого, что они были в дружеских отношениях. Пространство вихрилось и кипело от напряжения ментальных сил; наконец, ленсмен сокрушил мысленные экраны своего соперника. Погрузившись в его разум, он пожелал увидеть аризианина таким, каким тот был в действительности. И тотчас же пожилой ученый джентльмен превратился в... МОЗГ! Конечно, там были какие-то придатки и конечности, сопутствующие органы для питания, передвижения и тому подобного; но, в сущности, аризианин представлял собой огромный мозг.

Напряжение спало, противоборство завершилось, и Киннисон начал извиняться.

— Не думай об этом, — в сознание Киннисона проникла неощутимая улыбка Ментора. — Любой мозг, обладающий достаточной мощностью, чтобы нейтрализовать созданный мной барьер, способен излучать и собственные заряды энергии. Однако не пытайся исполь-

зовать такую силу на более слабых умах. Ты мгновенно убьешь их.

Киннисон хотел что-то ответить, но аризианин продолжал:

— Я знал и знаю, сын мой, что предупреждение излишне. Если бы ты не мог оценить свою силу и не сумел управлять ею, у тебя ее не было бы. Теперь ты получил то, что искал. Иди вперед!

— Но это лишь одна ступень, только начало! — запротестовал Киннисон.

— А, ты понял и это? Воистину, юный, ты шагаешь далеко и быстро. Но ты еще не готов к большему, и существует банальная истина, что восприятие сил, к которым мозг не подготовлен, разрушает его. Когда ты пришел сюда, ты точно знал, чего ищешь. Знаешь ли ты с той же определенностью, что еще тебе нужно от нас?

— Нет.

— И не будешь знать еще долгие годы... возможно, не узнаешь никогда. Может случиться, что твои потомки будут готовы к тому, что ты сейчас лишь смутно ощущаешь. Я снова говорю тебе, юный, иди и владей тем, что получил.

Киннисон ушел.

Глава 19

СУДЬЯ, ПРИСЯЖНЫЕ И ПАЛАЧ

Киннисон потратил немало времени, прежде чем окончательно понял, чего хочет от аризиан, и каким образом намерен использовать новые возможности. Главная идея сформировалась на базе многих источников. Частично основой послужили его собственные знания об обычном гипнозе. Кроме того, он проанализировал способность Владык Дельгона контролировать на расстоянии чужой мозг, вспомнил Ворсела, который, работая в унисон с мозгом самого Кима, творил с Линзой удивительные вещи. Существенную роль сыграли сами ари-

зиане, обладавшие способностью сливать свои разумы с другими — на любом расстоянии и с потрясающей эффективностью. Шаг за шагом ленсмен с Земли строил свои планы, еще не обладая необходимой для их реализации силой. Теперь он обрел ее, и был готов идти.

Куда? Его первым побуждением было вернуться на Альдебаран I и разгромить крепость колесников, столь легко одержавших над ним верх в первой схватке. Однако благоразумие уберегло его от столь поспешного шага.

— Лучше пока держаться подальше от них, Ким, старина, — откровенно сказал он себе. — Они сильны и опытны, а ты еще не знаешь, как использовать доставшееся тебе оружие. Выберем для начала что-нибудь попроще!

Покинув Аризию, ленсмен подсознательно ощущал, что у него изменилось зрение. Он видел вещи намного яснее, чем когда-либо раньше, резче и с многочисленными подробностями. Теперь это понимание проникло в его мозг, и он бросил взгляд на осветительные панели рубки. Они не горели; за исключением крошечных контрольных лампочек на пульте управления, в корабле царила полная тьма! Ким с удивлением вспомнил, что, войдя в катер, он не включал свет; он просто не подумал о нем.

Именно это стало первым сюрпризом, обещанным аризианами. Похоже, он владел чувством восприятия ригелиан. Или колесников? Возможно, он обладал обоими? Или у них было одно и то же чувство? Теперь уже совершенно сознательно ленсмен сконцентрировал восприятие на одном из приборов. Сначала на его циферблате, отметив, что стрелка стоит точно на зеленой риске, указывавшей на нормальный режим. Потом он проник глубже. Мгновенно исчезла панель прибора — отодвинулась за поле зрения, как ему показалось. Он увидел катушки, стержни и прочие внутренние части, потом заглянул дальше, изучая структуру и размер частиц плотного тяжелого вещества, из которого состоял корпус аппарата. Возможности его зрения определялись, похоже, только желанием видеть!

— Превосходно, но... но что же с моими глазами? — вопросил он, обращаясь к равнодушной Вселенной. Неожиданно его поразила страшная мысль. — Неужели они в процессе обучения ослепили меня?

Он включил все лампы и обнаружил, что его зрение

не пострадало и остается нормальным во всех отношениях. Путем тщательных и придирчивых исследований он выяснил, что в дополнение к обычному зрению получил и сверхчувственное экстрасенсорное — или даже несколько таких видений окружающего мира. Он мог переходить от одного к другому, или использовать их одновременно, по своему желанию! Столь ошеломляющее открытие требовалось обдумать.

Лучше он никуда не пойдет и ничего не будет делать, пока не узнает чего-нибудь еще о своих новых возможностях. Было очевидно, что он даже не подозревает, чем овладел, не говоря уже о том, как пользоваться этим богатством. Киннисон поразмыслил и решил, что ему стоит удалиться куда-нибудь, где можно немного поэкспериментировать — без опасения потерять голову, если что-то сорвется в решающий момент. Где здесь поблизости база Патруля? Большая, хорошо защищенная... Посмотрим... Похоже, ближайшая секторальная база — Рэйделикс. Вот на нее и надо попробовать проникнуть. Интересно, удастся ли не поднять при этом тревоги.

Он направился к выбранной планете. Вскоре за иллюминаторами его корабля возникла светлая, зеленая, напоминавшая Землю планета. Поскольку оба мира оказались схожи климатом, атмосферой и массой, население здесь было более или менее гуманоидным по общим характеристикам, как физически, так и умственно. В чем-то обитатели Рэйделикса были даже более разумными, чем земляне, и их патрульная база являлась в самом деле очень сильной. Разведывательные лучи здесь не принесли бы пользы, ибо базы Патруля полностью экранировались; неплохая возможность проверить, как действует его новое чувство восприятия. Судя по объяснениям Трегонси, оно должно работать именно в этом диапазоне.

Так и было. Когда Киннисон сконцентрировал внимание на базе, он ее увидел. Продвинувшись вперед со скоростью мысли, он вошел на ее территорию, беспрепятственно миновав экраны и металлические стены, не подняв тревоги. Он видел людей за их обычными занятиями и слышал — или, скорее, воспринимал, их разговоры, повседневный гул работы. По его телу пробежала короткая дрожь при мысли об изумительных возможностях, которыми он обладает.

Если бы он мог заставить одного из этих парней

сделать что-нибудь... да так, чтобы тот не догадался об эксперименте... Скажем, этот офицер-вычислитель... Заставим его включить компьютер и рассчитать траекторию посадки... Достаточно просто войти с ним в контакт и попросить об этом, но тут требовалось нечто совершенно иное.

Киннисон довольно легко проник в мозг вычислителя и передал свое задание. Однако реакция офицера оказалась неожиданной; он вскочил, обвел всех диким взором и снова сел.

— Что случилось? — спросил один из его товарищей. — Что-то забыл?

— Нет... — человек все еще не пришел в себя. — Я собирался рассчитать финишную кривую для небольшого корабля... катера... Я не хотел этого... Могу поклясться, что кто-то велел мне сделать это!

— Никаких приказов не поступало, — проворчал второй. — Тебе лучше оставаться по ночам дома, тогда в голову не будут лезть вздорные идеи.

Сработало не так хорошо, как хотелось бы, отметил Киннисон. Парень должен был выполнить задание и ничего об этом не вспомнить. Но, вообще говоря, он и не надеялся, что справится с таким делом на большом расстоянии; его мозгу было далеко до аризианского. Придется следовать первоначальному плану и поработать вначале на ближней дистанции.

Ожидая, пока база окажется на ночной стороне планеты, он проверил, на месте ли маскировка, а затем пошел на посадку, приземлившись недалеко от крепости. Здесь ленсмен оставил корабль и добрался к цели серией длинных безинерционных прыжков. Они становились все короче и ниже; наконец он полностью отключил энергию и пошел, пока не увидел перед собой поднимающуюся прямо из почвы и уходящую в небеса слабо мерцающую силовую завесу. Киннисон знал, что перед ним граница охраняемой территории, тригтер, любое прикосновение к которому давало толчок целой цепи событий; и остановить их он был не в силах.

Со стороны база не производила особого впечатления. Несколько квадратных миль пространства, размеченного низкими широкими строениями и торчащими тут и там куполами. Больших зданий виднелось совсем немного. Как будто, все — но Киннисон не заблуждался. Он знал, что сама база уходит на тысячи футов под землю, небольшие домики напичканы детекторами и дат-

чиками, а купола — простая бутафория. Если их откатить, откроются излучатели, по мощности не уступающие вооружению Главной Базы на Земле.

Далеко справа, между двумя высокими металлическими мачтами, находились ворота, ближайший вход в крепость. Киннисон сознательно избегал их. В его планы пока не входило подвергать себя опасности обнаружения всевидящими фотоэлементами. Пользуясь новым восприятием, ленсмен обнаружил кабели, ведущие к датчикам, и проследил их сквозь бетон, сталь и камень до находящейся глубоко под землей централи управления. Затем он проник в сознание человека у пульта и дерзко прошел сквозь ворота. Теперь он действительно раздвоился: часть его мозга управляла телом, проносящимся по воздуху мимо высоких мачт, а другая находилась далеко внизу, в централи, наблюдая, как нечто странное проникает на базу.

Ленсмен проскользнул в открывшийся перед ним наклонный туннель и скоро присмотрел удобный склад. Войдя туда, он осторожно снял контроль с мозга наблюдателя, уничтожив попутно все воспоминания о происшедшем. Затем Киннисон с тревогой стал ждать реакции. Он был почти уверен, что провел операцию достаточно корректно, но ему требовалась абсолютная надежность. От результатов проверки зависело больше, чем жизнь. Однако наблюдатель спокойно оставался на посту, и внимательное ознакомление с его мыслями показало, что дежурный не имел легкого подозрения о столь неординарных событиях.

Теперь Киннисон нуждался еще в одной проверке. Предстояло выяснить, сколько умов он может контролировать одновременно. Ленсмен решил, что лучше сделать это открыто, не подвергая никого из патрульных опасности выглядеть дураком. Поэтому, повторив в обратной последовательности всю процедуру проникновения на базу, Киннисон вернулся на катер, поднял его в космос и заснул. Когда цитадель уже заливал утренний свет, он отключил нейтрализатор инерции и смело направил вниз свое суденышко.

— База Рэйделикс! Свободный ленсмен Киннисон с Земли просит разрешения приземлиться. Я хочу беседовать с вашим командиром, ленсменом Геронодом.

Космокатер просветили лучами, энергетическая завеса исчезла, и Киннисон сел, приветствуемый самым сердечным и уважительным образом. Командир базы

догадывался, что посетитель прибыл сюда не на прогулку — Серые Ленсмены не совершают увеселительных поездок. Он провел гостя в свой кабинет и включил защиту.

— Мое сообщение было несколько неполным, — сказал Киннисон, — но этот визит не нуждается в излишней рекламе. Я собираюсь кое-что испытать, и хотел просить вас и трех ваших лучших офицеров — из самых неуступчивых, если можно так выразиться — поработать со мной несколько минут. Нет возражений?

— Конечно.

Вызвали троих офицеров, и Киннисон объяснил:

— Долгое время я работал над прибором, позволяющим контролировать мозг, и мне нужно проверить, как он функционирует. Я положу на стол эти книги, по одной напротив каждого из вас. Теперь я попытаюсь заставить двоих или троих из вас — лучше всех четверых, если сумею, — наклониться, взять книгу и держать ее. Ваша задача: не брать книги и положить ее назад, как только вы сможете, если вы все же подчинитесь мне. Понятно?

— Да! — все трое кивнули.

Командир спросил:

— Надеюсь, здесь нет опасности для мозга?

— Абсолютно никакой — и никаких постэффектов. Я много раз испытывал прибор на себе.

— Какая нужна аппаратура?

— У меня есть все необходимое. Помните одно — вам нужно сопротивляться изо всех сил.

— Начинайте! — Геронд усмехнулся. — Эти парни довольно упрямы, и если вы сможете заставить хотя бы одного из них поднять книгу после этого предупреждения, я первый признаю, что вы кое-чего добились.

Однако, несмотря на то, что офицеры сопротивлялись изо всех сил, они подняли со стола книги, роняя их, едва контроль Киннисона над их мозгом на мгновение ослабевал. Он мог управлять двумя из них, причем любыми, но не справлялся одновременно со всей троицей. Удовлетворенный, ленсмен прекратил эксперимент. Пока командир базы разливал по стаканам прохладительное для его вспотевших и запыхавшихся участников, один из офицеров спросил:

— Киннисон, как вы это делали? — и, спохватившись, добавил: — О, прошу прощения... Вероятно, я не должен был спрашивать о таких вещах.

— Извините, — неловко отозвался гость с Земли, — аппарат еще не готов. Вы узнаете обо всем, как только станет возможно, но не сейчас.

— Конечно, — согласился офицер, вытирая лоб. — Я понял, что говорю не то, что следует, едва только начал.

— Большое спасибо, друзья, — Киннисон со звоном поставил на стол пустой стакан. — Теперь я могу составить превосходный отчет об этой штучке. И еще одно. Я проводил эксперимент дальнего действия на одном из ваших вычислителей, этой ночью...

— Пульт двенадцать? Он еще хотел рассчитать какую-то траекторию?

— Да. Не можете ли вы передать мои извинения — вместе с этим чеком на пятьдесят кредитов? Не хотелось бы, чтобы коллеги слишком уж подкалывали его...

— Да, конечно... И вот что еще, — у местного ленсмена возникла какая-то идея. — Можете ли вы заставить человека с помощью этого прибора говорить правду? И если так, не согласитесь ли вы помочь нам?

— Думаю, что да. Можно попробовать. А в чем дело. — Киннисон знал, что он сможет, но не хотел выглядеть чересчур самоуверенным.

— Произошло убийство, — произнес Геронд, и остальные понимающе переглянулись и вздохнули. — Исключительно зверское убийство женщины... вернее, молодой девушки. Подозреваемых двое. У каждого безупречное алиби, поддерживаемое достойнейшими свидетелями, но вы знаете, чего стоит алиби. Оба рассказывают очень правдоподобные истории, даже на детекторе лжи, но не позволяют ни мне, ни другому ленсмену, войти в контакт со своим мозгом. — Геронд помолчал.

— Вот оно что... — Киннисон покачал головой. — Множество невинных людей просто не выносят контакта с Линзой, вызывающего у них острые приступы боли.

— Рад, что и вы так думаете. Один из них лжет, причем весьма искусно, или же оба невиновны, а эта пара — единственные, кто может быть причастен к преступлению. Задерживать их дольше мы не имеем права, а отпустить немыслимо. Если бы вы прояснили ситуацию, то оказали бы большую услугу Патрулю целого сектора.

— Я могу помочь вам, — объявил Киннисон. — Но для этого необходимы некоторые приготовления. Потре-

буются гипнопульт Бербанка — знаете, такая коробочка с пятью лампочками, оранжевой, синей, зеленой, малиновой и красной, — а также самые большие наушники, какие достанете, и толстая черная повязка на глаза. Как скоро удастся все организовать?

— Сегодня же днем.

Было объявлено, что состоится суд. Задолго до назначенного часа самый вместительный зал крупнейшего города этого мира был заполнен до отказа. Время настало. Спокойный, с непроницаемым лицом, Киннисон, облаченный в свое серое одеяние, шагнул к столу судьи и сел перед странным прибором, стоявшем на нем. В мертвой тишине приблизились двое патрульных офицеров. Первый надел на него наушники, второй тщательно закутал его голову в черную ткань. Всем было ясно, что ленсмен ничего не мог видеть.

— Я прибыл из далекого мира. Меня попросили испытать двух подозреваемых в убийстве, — провозгласил Ким. — Мне не известны ни подробности преступления, ни подозреваемые; я знаю только, что они и их свидетели находятся в этих стенах. Теперь я выберу тех, кого следует подвергнуть проверке.

Прибор тихо загудел, и разноцветные яркие лучи скользнули по собравшимся; глубокий проникновенный голос продолжал:

— Теперь я знаю, кто подозревается в преступлении. Сейчас они встанут, пройдут вперед и сядут там, где я укажу.

Они выполнили это. Присутствующим стало ясно, что подозреваемые находятся под чьим-то внушающим благоговейный ужас влиянием.

— Свидетели могут быть свободны. Единственное, что важно — истина, а свидетели, создания смертные, извращают истину чаще, чем способствуют ее утверждению. Я приступаю.

Опять вспыхнули таинственные изменчивые лучи света; сначала они сконцентрировались причудливыми переливами на одном из заключенных, затем переместились ко второму. Тем временем Киннисон проникал в сознание обвиняемых, исследуя его глубины. Тишина в огромном зале словно перешла в полное безмолвие космоса. Толпа, затаив дыхание, следила за беспрецедентным испытанием.

— Я полностью изучил их. Все вы знаете, что любой ленсмен Галактического Патруля может в случае необ-

ходимости исполнять роль судьи, присяжных и палача. Но сегодня нам предстоит не суд — в том смысле, как вы его понимаете; я сказал, что свидетели не потребуются, и мог бы добавить, что излишни и судья, и присяжные. Все, что нужно, это установить истину, поскольку она всемогуща. Поэтому здесь не будет и палача — истина выступит в этой роли.

Один из этих людей виновен, второй невиновен. Из сознания виновного я извлеку не только это преступление, но все чудовищные злодеяния, которые он когда-либо совершал. Я материализую их, причем так, что образы будут видны только ему; ни один невинный даже не заподозрит, что происходит. Преступник, однако, воспримет отвратительное видение во всех подробностях и прекратит дальнейшее существование.

Один из подозреваемых не проявил тревоги — Киннисон успел подготовить его; другой уже трясся в неуправляемых припадках ужаса. Вдруг он вскочил с кресла судорожно впившись в лицо ногтями, и исступленно закричал:

— Я сделал это! Помогите! Пощады! Уберите ее! Ооо...! — и он упал замертво.

Ни звука не раздалось в зале, когда все было кончено. Ошеломленные зрители один за другим выходили, едва переводя дыхание, уже оказавшись в безопасности на улице.

Состояние офицеров с базы Рэйделикса было немногим лучше. Не было сказано ни слова, пока все пятеро не вернулись в кабинет Геронда, и только тогда Киннисон, все еще бледный, со стиснутыми челюстями, заговорил. Патрульные понимали, что он нашел виновного и казнил его каким-то исключительно жестоким, неслыханным образом. Он знал, что они теперь верят, что этот человек был закоренелым преступником. Тем не менее, ленсмен произнес:

— Он был виновен. Виновен, как все дьяволы ада. Я никогда не делал такого раньше, и это угнетает меня. Но переложить такую работу на плечи товарищей я не мог. Я никому не пожелал бы видеть то, что видел я, но без этого невозможно понять, как чудовищна была жизнь этого порождения ада.

— Спасибо, Киннисон, — просто сказал Геронд, потом медленно повторил: — Киннисон. Киннисон с Земли! Я запомню твое имя — на случай, если нам снова потребуется помощь. Но после того, что сейчас произошло,

я думаю, мы будем надолго избавлены от подобных расследований. Ты, возможно, не знал, что за тобой наблюдали жители четырех планет?

— Великие боги, нет! Неужели?

— Именно так. И нескоро что-то подобное произойдет в нашей системе еще раз. Спасибо тебе, Серый Ленсмен.

— Позаботьтесь демонтировать прибор — этот пульт Бербанка... и так тщательно, чтобы ни одна живая душа не нашла и винтика... — Киннисон едва заметно усмехнулся. — Еще одно, и я исчезаю. Не случалось ли вам обнаружить где-нибудь поблизости сильную базу Боскома? Не хочу показаться привередливым, но лучше, если ее населяют гуманоидные существа с теплой кровью, дышащие кислородом — так, чтобы мне не пришлось все время носить скафандр.

Геронд изумленно уставился на него, кивнул головой и произнес:

— Есть такая. Мы не смогли даже приблизиться к ней! Гарнизон — выходцы с твоей родной планеты, с Земли... Мы доложили о ней на Главную Базу восемьдесят три дня назад, как только обнаружили. И ты прибыл прямо оттуда... — Он умолк. Совершенно немыслимо догадаться о намерениях Серого Ленсмена!

— Нет, я не видел вашего рапорта, — Киннисон пожал плечами. Я был тогда в госпитале и сражался со своей сиделкой из-за бифштекса, — он ухмыльнулся при этих воспоминаниях. — Могу я получить координаты?

Ким получил их — вместе со скудной информацией, какую успели собрать относительно боскомианской цитадели. Ни Геронд, ни его офицеры не спросили, зачем ему эти сведения. Они могли удивиться его безрассудно смелому решению идти одному к крепости, чья мощь держала на почтительном расстоянии корабли Патруля. Но если они и были поражены, то ничем не выдали этого. Перед ними стоял Серый Ленсмен, личность выдающаяся даже по меркам этой группы избранных, слабейшие члены которой обладали силой древних титанов. Если б он стал расспрашивать их, они бы ответили; но Киннисон молча изучил все, что стало известно о базе Боскома, а затем произнес:

— Мне пора. Чистого эфира, друзья! — и ушел.

Глава 20

МАК СТАНОВИТСЯ ЯБЛОКОМ РАЗДОРА

Космокатер нес Серого Ленсмена к Бойсии II, где находилась боскомианская база. Разведчики Патруля долгое время не могли определить ее местонахождение, что говорило о том, насколько искусно замаскирована эта цитадель. Ее обслуживали земляне, и к тому же она находилась почти точно на курсе, которым шел корабль, чей экипаж когда-то уничтожили Ван Баскирк и его валерианцы. Киннисон решил, что тут не могло быть много баз Боскома с земным персоналом. Вполне возможно, что он вскоре столкнется со своими невольными спутниками по первому походу.

Система Бойсии находилась в сотне парсек от Рэйделикса, и через пару часов ленсмен уже рассматривал еще одну планету, столь же сильно походившую на Землю. На ней ослепительной снежной белизной сияли полярные шапки, голубоватую атмосферу пронизывали солнечные лучи, медленно перемещались вслед за ветром облака. Континенты, с горами и равнинами, озерами и реками, океаны, чье однообразие нарушалось большими и малыми островами, дополняли обманчиво спокойную картину мира, где обосновалась враждебная Цивилизации культура...

Но Киннисон не был планетографом, и покинул Землю не настолько давно, чтобы вид красивой, так напоминающей его дом планеты, мог вызвать у него ностальгию. Он искал пиратскую базу. Прижав космокатер пониже к земле, Ким начал поиск с ее ночной стороны.

Поначалу он обнаружил очень мало следов человека или человеческой деятельности. Гуманоидная жизнь здесь похоже находилась еще на первобытной ступени развития. За исключением немногих племен, обитавших в норах и скалистых пещерах, прочее население было

кочевым, странствующим, и на планете не существовало пока никаких строений, жилищ или городов. Тут было множество животных самых разнообразных видов, но Киннисон не являлся и биологом. Ему хотелось найти боскомиан — единственную форму жизни, которую он так и не мог обнаружить!

Но ленсмены не отступают. База на Бойсии существовала, и он должен обнаружить ее рано или поздно. Он нашел бы ее, даже если б пришлось перевернуть всю кору планеты, земли и воды, одну кубическую милю за другой!

В конце концов Киннисон ее разыскал — исключительно благодаря своему бульдожьему упорству. База располагалась прямо под горной цепью, защищенная многими сотнями ярдов камня, пронизанного железорудными жилами.

Ее входы было нелегко заметить, так точно повторял их камуфляж форму, цвет и текстуру скал, в которых они размещались. Но теперь Киннисон видел их достаточно ясно. Он снова оставил катер на расчетной орбите и спустился на планету в скафандре; он быстро продвигался вперед, пока не достиг мерцающей силовой завесы.

С небольшими вариациями его метод проникновения на территорию базы повторял тот, которым он воспользовался на Рэйделиксе. Теперь, однако, он работал с уверенностью и точностью, которых у него в первый раз не было; его практика дала определенные знания и навык. Его миссия судьи, во время которой он коснулся сознания почти каждого в огромной толпе, тоже многому его научила. И, сверх того, зловещий финал этого заседания, отвратительный и переворачивающий душу, дал ему поистине бесценный опыт, необходимый для нанесения последнего удара.

Он знал, что ему придется на некоторое время остаться внутри базы, поэтому тщательно выбрал место укрытия. Конечно, можно просто стереть информацию о встрече с ним у любого, кто бы не наткнулся на его катер; но это могло произойти в критический момент, поэтому он предпочел устроить свою резиденцию в абсолютно уединенном месте. Ким выбрал пустующую квартиру на офицерском уровне — все базы имели такие помещения, предназначенные для приема посетителей. Получить ключи было совсем простым делом; и, оказав-

шись внутри строгой, но комфортабельно обставленной комнаты, он с облегчением снял скафандр.

Погрузившись в глубокое удобное кресло, обитое кожей, он прикрыл глаза и позволил своему восприятию бродить по окрестностям. Он изучал их, используя обретенные недавно возможности, час за часом, день за днем. Когда он бывал голоден, повара пиратов кормили его, не ведая об этом; когда он чувствовал усталость, то спал, оставляя на страже свою вечно бдительную Линзу.

Наконец Ким изучил все, что требовалось и был готов действовать. Он не входил в контакт с мозгом командира базы, а выбрал вместо него офицера, отвечавшего за связь с Ха'Иссой. Именно Ха'Исса, представитель Боскома, уже много месяцев оставался главной целью ленсмена.

Но с этой игрой не следовало торопиться. Планетарные базы, как бы значительны они ни были, не вызывают главную — за исключением крайней необходимости, а такого случая не подворачивалось. Не выходил на связь и сам Ха'Исса, поскольку не случалось ничего неординарного — по крайней мере, по его мнению.

И вот в один прекрасный день на базу пришел триумфальный рапорт. Приписанный к ней крейсер завладел поистине ценной добычей — полностью оборудованным госпитальным судном самого Патруля! Выслушав этот доклад, Киннисон почувствовал, что сердце его ушло в пятки. Как, во имя всех девяти кругов ада Валерии, пираты смогли захватить такой корабль? Неужели не было сопровождения?

Тем не менее, взяв под контроль главного офицера-связиста, он принял доклад и сердечно поздравил удачливого капитана и его экипаж.

— Отличная работа! Сам Ха'Исса услышит об этом, — заключил он свои похвалы. — Но как вам удалось? Помог один из наших новых кораблей?

— Да, сэр, — был ответ. — Он сопровождал нас за пределами зоны обнаружения, затем подошел и обстрелял их патрульных. Это позволило нам взять судно. Мы зацепили его транспортным лучом, и вот мы здесь.

Они действительно были здесь. Палаты госпиталя обагряла кровь. Пациенты, доктора, стажеры, офицеры и члены экипажа были уничтожены — с обычной безжалостностью, проявляемой сторонниками Боскома. Из всего персонала корабля в живых оставались лишь девушки — медсестры и молодые врачи-практиканты. При

определенных условиях им вовсе не пришлось бы умирать.

Их согнали вместе, маленькую кучку несчастных, в заваленную трупами комнату, но даже сейчас одна из них стремилась вырваться. Она яростно сражалась, кулаками и ногами, ногтями и зубами. Ни один пират не мог схватить ее, и потребовались усилия двух крепких мужчин, чтобы обуздать эту бушевавшую фурию. Они заломили ей руки за спину, и девушка вызывающе вскинула голову. Взлетел каскад бронзово-рыжих волос, и Киннисон узнал ее. Кларисса Мак-Дугал! Он вспомнил один разговор, еще на Земле, — ее как будто собирались перевести на обслуживание космических линий. Ленсмен мгновенно решил, что надо делать.

— Прекратить, свиньи! — зарычал он, используя свою ипостась офицера-связиста. — Куда это вы направились, с этой красоткой?

— В каюту капитана, сэр. — Бандиты ненадолго застыли в изумлении, когда рев из динамика наполнил отсек, но отвечали весьма решительно.

— Отпустите ее! — Потом, когда девушка присоединилась к теснящейся в углу группе, он продолжал: — Передайте капитану приказ выйти сюда и собрать всех офицеров и экипаж. Я хочу говорить со всеми одновременно.

У него была минута-другая, чтобы все обдумать, и он торопливо, но тщательно рассмотрел проблему. Необходимо что-то предпринять, но главное, чтобы все его действия соответствовали пиратским понятиям об этике. Один промах, и его ждет новый Альдебаран. Он полагал, что знает, как этого избежать. Кроме того, надо известить девушек, что есть надежда на спасение. Иначе... иначе произойдет неизбежное. В медперсонал Патруля набирали не девиц из воскресной школы; они никому не позволят приблизиться к себе — пока живы.

Но и этот вопрос имел решение. Он был раздражителен и груб с практиканткой Мак-Дугал, и частенько пользовался в беседах с ней самыми нелицеприятными выражениями, но он знал, что под этой бронзово-рыжей гривой таится быстрый и холодный ум. Когда все собрались, ленсмен уже не сомневался, что сумеет связаться с ней. Он заговорил, и в его голосе не было и следа неуверенности.

— Слушайте, вы! Вы все! — заревел он. — Первый раз за долгие месяцы попался такой улов, и вы имеете

наглость делить его собой прежде, чем выбрали старшие офицеры! Клянусь, я лично убью любого, кто тронет хотя бы одну из этих девок до посадки на базе! — Киннисон заставил главного связиста включить изображение и гневно уставился на капитана с огромного корабельного монитора. Он уже видел его раньше — входящим в подземелье колесников.

— Вы превосходный добытчик, друг мой, — голос Кима обрел ядовито-вкрадчивые интонации... — но к несчастью ваш вкус совпадает с моим. Видите ли, капитан, я тоже непрочь раздобыть какую-нибудь красотку... например ту, рыжую. У меня к ним идиосинкразия. Только рыжие идиотки способны дать мужчине яйцо всмятку вместо бифштекса... — он увидел, как вздрогнула Кларисса. — Так вот, этой рыжей стерве придется немного пострадать — за всех рыжих стерв, которых я встретил в жизни. Она — моя личная и неприкосновенная собственность, ясно? Присмотрите, чтоб ее доставили сюда — точно в том состоянии, как сейчас.

Капитан не решался прервать старшего офицера, но тут его прорвало.

— Черт возьми, Блэйксли, садист проклятый! — неистовствовал он. — Она моя, по всем правилам! Я захватил ее, я увидел ее первым, и она тут, у меня...

— Хватит болтать ерунду, капитан! — Киннисон тщательно изобразил на лице своего подопечного самую гнусную ухмылку. — Вам известно, что случится, если вы коснетесь добычи до дележки на базе!

— Но все так делают! — запротестовал капитан.

— Кроме тех, кого поймал за этим занятием вышестоящий начальник. Вам не повезло, старина, — вкрадчиво заметил ленсмен.

— Но я протестую! Я захватил ее...

— Заткнись! — холодно оборвал его Киннисон. — Возьми что угодно и дели, с кем хочешь, но помни — ты предупрежден. Доставишь ее ко мне в целости и сохранности, будешь жив. Иначе...

Он перевел взгляд на группу девушек.

— Ты, рыжая, сюда!

Сестра Мак-Дугал, пошептавшись с остальными, вышла вперед с высоко поднятой головой и вызывающе блестевшими глазами. Она была не только врачом, но и превосходной актрисой.

— Ну, рыжая идиотка, взгляни-ка на меня! Только не надо сейчас слез... слезы будут потом. Я всего лишь

хочу быть уверенным, что ты узнаешь меня, когда увидишь.

— Я узнаю тебя, не беспокойся, узнаю всегда... ты... ты... дьявольское отродье! — воскликнула она, информируя ленсмена, что его сообщение получено и понято. — Я не только узнаю тебя — я выцарапаю тебе глаза при встрече!

— Мы проведем интересный вечерок, — хищно оскалился Киннисон-связист и отключился.

— Что это значит, Мак? Почему он угрожал тебе? — спросила одна из сестер, как только девушки остались одни.

— Я еще не знаю, — прошептала Кларисса. — Надо только передать всем по цепочке, что появилась надежда. Где-то здесь мой Серый Ленсмен. Не понимаю, откуда он взялся, но он точно здесь...

Еще при первом упоминании о яйцах всмятку и бифштексе, раньше, чем она осознала смысл этого пароля, она вспомнила о Киннисоне, своем самом упрямом и непослушном пациенте. Из всех знакомых ей мужчин он был единственным, который относился к ней, как к предмету больничной обстановки. Как нередко делают женщины, особенно хорошенькие, Кларисса любила разглагольствовать о проблемах слабого пола и равноправия. Она отрицала все особые привилегии женщин и часто с жаром доказывала, что не нуждается ни в каких уступках со стороны любого из мужчин — и тех, которые живут ныне, и тех, кто еще не родился. Тем не менее, она была женщиной — и женщиной вдвойне, ибо обладала редкой красотой; ее задевала мысль о том, что нашелся человек, который в упор не замечал этого.

Когда из динамика прозвучало слово «идиотка», Кларисса Мак-Дугал уже была уверена — не подвергая сей факт изучению или сомнению — что с ней говорит Киннисон, Серый Ленсмен. Это казалось невозможным и необъяснимым, но, к счастью, женщины редко пользуются логикой. И, как истинная женщина, она со спокойной определенностью знала, что пока Серый Ленсмен жив, он всегда останется хозяином положения. Она поделилась этой радостной мыслью, и другие девушки восприняли ее без всяких вопросов и возражений.

Время шло. К моменту посадки захваченного госпитального судна Киннисон был готов довести до конца свою игру. Кроме старшего офицера связи он контролировал теперь еще одного наблюдателя весьма высокого

ранга. Управлять их сознаниями было несложно для интеллекта, который мог навязать свою волю двум или трем тренированным и предупрежденным офицерам Галактического Патруля.

— Мак, хорошая девочка, — он вошел в мысленный контакт с Клариссой и послал ей сообщение. — Рад, что тебе понравился мой маленький розыгрыш. Тебе надо кое-что сделать, все будет в полном порядке. Сможешь?

— Я все смогу! — горячо согласилась она. — Я не знаю, как ты это делаешь и где прячешься, но вопросы подождут. Скажи мне, что от меня нужно?

— Проникнись страстным влечением к коменданту базы, — начал Ким инструктаж. — Мерзкая личность, но тот тип, под маской которого я работаю, еще хуже. Его имя Блейксли, и ты его ненавидишь, поняла? Постарайся разжечь между ними соперничество... пусть дело дойдет до драки. Я могу убить многих из них, но не успею прикончить всех и достаточно быстро.

— Этот комендант... он просто рухнет! — радостно пообещала девушка, сверкнув глазами. — Вот увидишь!

И он действительно рухнул. На базе долгими месяцами не видели женщин, и сейчас комендант не ожидал ничего, кроме отчаянного сопротивления и попыток к самоубийству — как и в других случаях, когда жертвами пиратов становились сотрудницы Патруля. Он чуть не сошел с ума от радости, когда самая прекрасная девушка из всех, которых он знал за свою нечестивую жизнь, бросилась ему в объятия. И она жаждала защиты!

— Я ненавижу его! — рыдала она, припав к обширной груди коменданта и направляя на него всю мощь своих излучателей — огромных и прекрасных глаз. — Ты не будешь мучить меня, я знаю, ты меня полюбишь! — ее волосы разметались по его плечу, их пьянящий аромат щекотал ноздри. Бандит размяк, как воск.

— Конечно, я не стану тебя мучить, детка, — ласково пробормотал он. — Черт побери! Да я женюсь на тебе, моя маленькая кошечка! Я так и сделаю, клянусь всеми богами космоса!

В этот момент рыжеволосая красавица и комендант, нежно обнявшись, вошли в отсек управления.

— Это он! — вскрикнула Кларисса, указывая на старшего офицера связи. Она бросила на Блейксли презрительный взгляд. — Теперь я скажу тебе кое-что, ты, грязная крыса! Тут нашелся один настоящий мужчина,

и он не позволит тебе дотронуться до меня... Вот так! — Она издала ликующий вопль и понежней прижалась к своему защитнику.

— Действительно? — Киннисон изобразил кривую усмешку. — Боюсь, ты ошибаешься, рыжая. Ты назначена мне и будешь моей, нравится тебе это или нет. Вы опоздали, комендант, — он небрежно покосился на дородную фигуру своего начальника, — я увидел ее первым. Так что лучше вам не облизываться на чужой кусок.

Кларисса еще теснее прижалась к своему избраннику; рослый пират побагровел.

— Что значит — опоздал? — рявкнул он. — Я здесь босс, и я забираю ее у тебя, понял, Блейксли? Только открой пасть еще раз, и я помогу тебе закрыть ее излучателем!

— Только трус будет ссылаться в таком деле на свой пост, — произнес Киннисон с металлом в голосе, тщательно выбирая слова. — Не лучше ли решить его, как положено мужчинам?

Настало время удара. Киннисон знал, что если комендант уцелеет, несчастные пленницы поплатятся своими жизнями, а его план окажется под угрозой. Конечно, сам он мог уйти в любой момент, но при таких обстоятельствах это было невозможно. Нет, ему придется довести командира до бешенства! Мак поможет. Она и сейчас, не дожидаясь новых указаний, весьма талантливо разжигала вражду между двумя главарями пиратов.

— Ты не должен спускать ему с рук такие шутки, дорогой, — страстно прошептала она в мясистое ухо пирата. — Не вызывай никого... прикончи его сам! Пристрели этого мерзавца!

— Когда босс — такая трусливая надутая свинья, трудно ждать, что он станет биться один на один, — продолжал оскорбительно дерзкий голос связиста. — Ты, разжиревший мешок с потрохами, безмозглый выродок! Не забыл еще, где у бластера приклад?

Взбешенный комендант, взревев от ярости, бросился к опечатанному сейфу с оружием.

— Сожги его! — пронзительно крикнула рыжеволосая девушка, и было непонятно, к кому она обращается. Разъяренный комендант дергал дверцу сейфа, и не обратил внимания на ее последний, самый громкий вопль: — Ким, убей его! Скорее! Не жди, пока он доберется до излучателя!

Но Серый Ленсмен бездействовал. Почти весь гарнизон цитадели застыл в изумлении, парализованный сварой между командирами, а подчиненный Киннисону офицер-наблюдатель уже несколько минут настойчиво вызывал Ха'Иссу. Важнейшей частью плана являлось то, чтобы сам Ха'Исса мог наблюдать кульминацию и развязку этой сцены. Поэтому Блейксли стоял неподвижно, пока его взбешенный начальник рылся в стальном шкафу, выбирая самый мощный бластер.

Глава 21

ВТОРОЙ ПЕЛЕНГ

Заботами Киннисона старший связист был неплохо вооружен. И в тот миг, когда прозвучал сигнал Ха'Иссы, а комендант обернулся, вскинув бластер, сверкнул луч «деламатера» Блейксли. Раздалось негромкое шипенье, и на том месте, где только что стоял комендант, закружилось бесформенное облачко пыли. Тем временем подчиненный ленсмену наблюдатель спокойно занимался определением пеленга на главную базу боскомиан.

К удивлению Киннисона, Ха'Исса молчал — видимо, ему требовалось время, чтобы разобраться в ситуации. Но вот в посту управления появилось пятеро вооруженных мужчин, и приемник ожил.

— Охрана! Расстрелять Блейксли! — раздался холодный голос Ха'Иссы.

Пираты добросовестно попытались выполнить приказ. Однако им противостоял мощный мозг Серого Ленсмена, управлявший тренированным телом офицера связи. Реакция у Киннисона была отменной; стражи не успели двинуться с места, как были уже мертвы. Киннисон повернулся к монитору:

— Ты видел, Ха'Исса, — спокойно обратился он к представителю Боскома, — что я с ними сделал. И больше этот номер у тебя не выйдет! Я по горло сыт приказами, что идут неведомо откуда и дьявол знает от

кого! Я не собираюсь больше подчиняться бесплотному голосу, выдающему себя за представителя Боскома!

— Операторы связи! — не обращая внимание на тираду Киннисона, скомандовал Ха'Исса. — Объявить общий сбор, с оружием!

— Бесполезно, — вкрадчиво пояснил ленсмен, — все каналы заблокированы. Я — единственный человек, с кем ты можешь говорить — пока мне это не надоело.

— Полагаешь, что ты в безопасности? Что тебе сойдет с рук такой наглый мятеж? — голос Ха'Иссы был сух и спокоен.

— Конечно. Скорее всего, Ха'Иссы, представителя Боскома, вообще не существует. Один голос, который так нетрудно подделать! Не заняться ли мне этим? И тогда я стану Ха'Иссой, главным шефом! — Ким ухмыльнулся.

Ум Хельмута лихорадочно заработал, оценивая ситуацию. Наконец он произнес:

— Так ты хочешь увидеть меня? Ладно, пусть так! Но после этого никакая сила в Галактике...

— Брось угрожать, шеф, — фыркнул Киннисон. — Думаю, ты прикончил бы меня на месте, если б знал, как это сделать. Что касается предложения повидаться, то я не испытываю никакого желания глядеть на твою мерзкую рожу.

— Тем не менее, ты увидишь меня, — на мониторе возникло зеленоватое лицо, и Ха'Исса направил на Блейксли взгляд, способный вывести из равновесия любого. Но только не Серого Ленсмена!

— Неплохо! Чем-то напоминает человека, — издевательски воскликнул Ким, стараясь еще больше разъярить беспомощного сейчас представителя Боскома. — Но у меня много дел, шеф. Как ты думаешь, что здесь произойдет в ближайшем будущем? — И вспышка «деламатера» навсегда погасила монитор дальней связи. Наблюдатель Киннисона уже взял пеленг на крепость Ха'Иссы, так что ленсмен не видел причин затягивать беседу.

Затем по отсекам базы разнесся сигнал общего вызова и краткий приказ:

— Всему персоналу, включая экипажи кораблей и пленных, собраться в главном зале. И поживее! Запоздавшим придется пожалеть о своей нерасторопности!

Зал примыкал к централи управления; их разделяла массивная стальная переборка, сейчас поднятая. Стоя у пульта, Киннисон осматривал прибывающих пиратов.

Обычно на территории базы с бластерами ходила лишь охрана, но, возможно, несколько корабельных офицеров предпочли не расставаться со своими «деламатерами»... Он считал. Четыре, пять, шесть... Капитан и пилот крейсера, захватившего госпитальное судно... Кримски, заместитель коменданта... трое охранников. Ножи, дубинки и прочее в счет не шли. Ким повернулся к пульту и, нажав пару клавиш, перекрыл двери зала.

— Пленниц ко мне, — скомандовал он. — Под конвоем! — Затем были перечислены имена вооруженных бластерами пиратов.

Когда женщины, сопровождаемые шестью стражами, оказались в помещении централи, Киннисон снова протянул руку к пульту, и стальная стена мягко встала на место.

— Что здесь происходит? — с недоумением спросил Кримски. — Где комендант? И почему разбит монитор дальней связи? — Его взгляд метнулся к панелям управления.

— Спокойно, — велел Киннисон. — Встать у стены, руки за голову. Кто шевельнется, будет сожжен на месте. Покойный комендант передал свои полномочия мне, — он усмехнулся и повел стволом «деламатера», словно перечеркивая всю группу мужчин. — Теперь я хочу поговорить с вашей шестеркой.

— Но при чем тут они? — Кримски кивнул на охранников. — Разве офицеры не могут разобраться сами?

— Вы шестеро и я — единственные, кто волей случая оказался вооружен. Больше никто из запертых в зале лучевого оружия не имеет. Они совершенно беспомощны, пока кто-нибудь из нас не позволит им выйти.

— Но Ха'Исса! Он сожжет тебя!

— Полагаю, это будет непросто... мой план придуман не вчера. Итак, кто пойдет со мной?

— Что ты собираешься делать?

— Вернуть этих женщин на одну из баз Патруля и сдаться. Мне надоело сидеть годами под землей. Женщины целы, так что я рассчитываю на снисхождение... даже на награду.

— Вон оно что... — протянул капитан крейсера. — Вот почему ты не позволил прикоснуться к ним...

— Именно так. Мне нужны пленницы и надежные спутники, которые не предадут при первой возможности.

— Я с тобой, — объявил пилот. — Мне до тошноты надоела прежняя работа. Если ты обещаешь что-нибудь

не столь суровое, как пожизненное заключение, можешь на меня рассчитывать.

— Хорошо, парень. Мне понадобится твоя помощь, когда мы выйдем в открытый космос.

— Отдать «деламатер»? — пилот протянул Киннисону оружие.

— Оставь его себе... Кто еще?

К пилоту присоединился один из охранников; остальные четверо отрицательно покачали головами.

— Ладно, — резко сказал Киннисон. — Повернуться лицом к стене! Побыстрее!

Он тщательно обыскал их, отобрав все оружие. Покончив с этим, ленсмен вновь поднял перегородку и приказал им присоединиться к ошеломленной толпе в зале. Теперь настало время объяснить ситуацию остальному гарнизону, запертому в этом отсеке словно в мышеловке. Ким справился быстро и четко; затем те, кто предпочитал сдаться, начали подходить к нему поодиночке.

Он быстро проверял их, касаясь сознания каждого. Многие были возвращены к основной группе, ибо в мыслях таили намерение предать либо обладали глубоко укоренившейся склонностью к преступлению. Оставшиеся в централи искренне жаждали навсегда расстаться с Боскомом. В большинстве своем они оказались скорее жертвами обстоятельств, нежели преступными натурами. Все, кто прошел проверку, получали оружие и собирались тесной группой неподалеку от женщин.

Набрав экипаж, ленсмен пробежался по клавишам панели управления, открывая ближайший проход к госпитальному судну, затем повернулся к пиратам.

— Кримски, как старший офицер, вы теперь командуете базой, — произнес он. — И я должен сообщить вам следующее. Во-первых, я не рекомендую вам покидать зал — попытка отправиться за нами на корабль будет весьма вредной для здоровья. Второе — ни один из ваших крейсеров не способен подняться в воздух; двигатели повреждены. И третье — ровно через два часа тридцать минут произойдет землетрясение, которое оставит от базы одни обломки.

— Землетрясение! Не стоит блефовать, Блейксли, вулканами вы не управляете!

— Ну, может, не совсем обычное землетрясение, но что-то вроде этого... Подождите — и убедитесь

сами. — Опустив перегородку, Ким махнул рукой своему отряду и скомандовал: — Вперед!

Люди поспешили к выходу. Кларисса подождала, пока с ней не поравнялся Блейксли, и шепотом спросила:

— Ким, где ты?

— В следующем коридоре я присоединюсь к вам. Скорее, Мак, поторопись!

Когда они миновали очередной проход, из темноты выступила рослая фигура в сером, тащившая довольно тяжелый предмет. Затем Киннисон поставил свою ношу на пол, что-то подкрутил и бросился прочь. В ту же секунду в спину ему ударил горячий воздух. Подхватив под руки Клариссу и Блейксли, он потащил их вперед.

— Господи, как я рада тебя видеть, Ким, — задыхаясь, воскликнула девушка. — Послушай, что ты оставил там, на полу?

— Ничего особенного, просто термоизлучатель. Совершенно безопасная вещь. Он только заплавит тоннель позади нас, чтобы никто не мог подобраться к кораблю.

— Так насчет землетрясения все неправда? — в голосе девушки проскользнула тень разочарования.

— Едва ли, — заверил ее ленсмен. — В свое время оно обязательно произойдет.

— Каким образом?

— Ну, я полагаю, что три литиево-водородные бомбы, размещенные в подходящем месте, дадут примерно такой же эффект... — он улыбнулся и подтолкнул Клариссу к шлюзу.

Оказавшись на борту, Киннисон проследовал в кают-компанию, предоставив руководство Блейксли. Офицер поделил экипаж на вахты, распределил обязанности, распорядился проверить все системы корабля и дал старт. Корабль взмыл вверх. Когда катер ленсмена, прихваченный по дороге, очутился в ангаре, Блейксли передал управление Крэнделу, пилоту, и направился к Киннисону.

Только теперь Ким снял контроль над сознанием офицера, оставив нетронутой память обо всем происшедшем. Блейксли удалось справиться с этим потрясением, и он спокойно протянул руку:

— Рад познакомиться, ленсмен. Спасибо. Если бы я мог решиться сам...

— Я знаю, — улыбнувшись, прервал его Киннисон. — Вот одна из причин, по которой я выбрал именно

вас — человека, чье подсознание не сопротивлялось ни секунды... Ладно, — он подтолкнул Блейксли к выходу, — пора приниматься за дело. Для всех, кто находится на борту, вы — командир; и так до самой Земли. Сейчас прикажите всем, кроме Крэндела, покинуть отсек управления.

Ким появился в рубке минут через десять — и как раз вовремя; оба офицера застыли перед пультом, напряженно всматриваясь в экраны.

— Похоже, Ха'Исса спустил на нас своих собак, — Крэндел коснулся верньеров настройки. — Вы только посмотрите!

— Их уже четверо! — воскликнул Блейксли. — А там еще! И еще! Наших эмиттеров не хватит, чтобы разжечь сигару, а экраны не остановят и детской хлопушки! Мы можем лишь бежать, но вряд ли так быстро, как они... — офицер в упор взглянул на Киннисона. — Что нам делать? Как вылезти из этой петли?

— Держаться от них подальше, не входить в зону радаров ближнего обнаружения. Гарантирую, что они не смогут заметить нас. Вот все, что от вас требуется... И курс — прямо на Землю.

Киннисон покинул рубку и разыскал Клариссу.

— Мак, вот очень важный приборчик, — он вытащил из кармана своей серой куртки защитное устройство Хочкинса и протянул его девушке. — Держи его у себя в каюте, пока корабль не окажется на Земле. Потом передай лично в руки Хейнесу, и никому больше не показывай. Скажешь, что от меня, он знает.

— Но почему ты не оставляешь его у себя? Ведь ты идешь с нами? — голос девушки дрогнул.

— Скорее всего, не до самой Земли. Я должен совершить еще одно путешествие.

— Но я хочу поговорить с тобой! — воскликнула она. — У меня миллион вопросов!

— Это займет слишком много времени, — усмехнулся Серый Ленсмен, — а время — как раз то, чего нам не хватает. — И он отправился в штурманский отсек.

Здесь Киннисон провел долгие часы, работая с компьютером и галактическим компасом. Наконец, расчеты были завершены. Он стоял перед мерцавшей огоньками сферой, вглядываясь в два тонких луча света, протянувшихся сквозь трехмерную модель Галактики. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что открылось его взгляду, и тихонько присвистнул

сквозь зубы. Два направления на Главную Базу Боскома не пересекались в пределах Галактики! Ким рассчитал вероятные координаты базы и стер из памяти бортового компьютера результат. Затем он отправился за картами и долго перебирал их, а когда нашел нужную, опять присвистнул:

— Ого! Звездное скопление АС 257-4736, — констатировал он. — На самой галактической окраине... Неудивительно, что отследить луч было так трудно! Этот Ха'Исса может обанкротиться на одних счетах за электроэнергию...

Насмотревшись, Киннисон тщательно свернул карту, спрятал ее в карман, перемешал остальные и вернулся в рубку.

— Что новенького, парни? — спросил он.

— Все отлично, — ответил Блейксли. — Мы прошли мимо них как тени, и теперь эфир чист. На экране ни одного корабля, и нет никаких признаков тревоги.

— Превосходно! Теперь у вас не будет затруднений до самой Главной Базы. Рад, что все обошлось... — Он помолчал. — Теперь я должен уйти. Для вас обоих это означает более длинные вахты, но тут уж ничем нельзя помочь.

— Дело не в вахтах, а в том...

— И об этом волноваться не стоит. Вашему экипажу можно доверять — всем до последнего человека. Ни один из них не присоединился к пиратам добровольно, и никто не принимал активного участия в разбое.

— Вы читаете мысли, сэр? — осведомился Крэндел.

— Что-то вроде этого, — усмехнулся Киннисон, а Блейксли подхватил:

— И не только мысли, если хочешь знать. Еще и гипноз — в лечебных целях, разумеется. Ты думаешь, я сам проделывал все те фокусы на базе? — обратился он к пилоту. — Как бы не так! Ленсмен заставил меня!

— Хммм... — Крэндел по-новому взглянул на Киннисона, в его глазах читалось уважение и что-то похожее на страх. — Я знал, что свободные ленсмены много чего умеют, но такое!.. — он покачал головой и добавил: — Я вот чего боюсь. Придем мы на базу Патруля без вас, и любой, кто примет наше судно, тут же отправит экипаж без суда и следствия в камеру смертников. Мисс Мак-Дугал, конечно, заступится, но кто ее станет слушать?

— Еще как станут, — заверил пилота Ким. — Но я

предвидел ваши сомнения и подготовил одну запись, — он протянул Блейксли аккуратно упакованную кассету. — Здесь документальное подтверждение вашей истории — с моими рекомендациями, разумеется. Передайте ее адмиралу Хейнесу, как только приземлитесь. Надеюсь, моего слова достаточно, чтобы вы были спокойны за свою судьбу.

— Вашего слова? Вполне. Его хватит, чтобы поднять четырнадцать доверху груженых торговых судов с северного полюса Валерии. Что еще?

— Мне надо снарядить катер — припасы, кислород и все такое. Путешествие будет долгим, так что я прошу помочь мне.

Вскоре космокатер Кима готов к походу. Помахав на прощание рукой, ленсмен нырнул в люк крошечного корабля и отправился к своей неведомой цели. Крэндел пошел спать, а Блейксли приступил к долгому дежурству у пульта управления. Примерно час спустя в рубку заглянула Кларисса Мак-Дугал.

— Ким? — неуверенно произнесла она.

— Нет, мисс, это Блейксли. Простите...

— О, очень рада вас видеть... А где же ленсмен? Спит?

— Он ушел, мисс.

— Ушел! Не сказав ни слова? Куда?

— Он не говорил.

— Конечно, я понимаю... — Кларисса вышла, еле слышно прошептав: — Ушел! Ну что за человек... Ушел — и ни слова!

На глазах у нее были слезы.

Глава 22

ПОДГОТОВКА

Пока что Киннисон направлялся не к базе Ха'Иссы, и для того существовали по крайней мере две причины. Во-первых, требовалось проверить, сумеет ли он управлять негуманоидным разумом. Во-вторых, оставался лич-

ный долг колесникам, каковой ему не терпелось уплатить самому, не вызывая на подмогу силы Патруля. Он полагал, что теперь справится с ними — и самое быстрое в Галактике суденышко на полной скорости мчалось к Альдебарану I.

Выйдя на стационарную орбиту, Киннисон без труда отыскал спуск в шахту, откуда вынужден был бежать совсем недавно. Воспользовавшись своим новым чувством восприятия, он проследил кабели наружных датчиков до самого центра управления. Затем ленсмен осторожно проник в сознание колесника, несшего вахту. Это было не сложнее, чем овладеть мозгом человека; возможно, процесс контакта вообще не зависел от формы тела, а лишь от уровня развития и мощности интеллекта. Ленсмену не составило труда попасть на базу и расположиться в уже известном ему по первому визиту помещении. Попутно он с интересом осмотрел стену, пролом в которой был заделан так искусно, что едва удалось отыскать его следы.

У колесников, несомненно, имелись взрывчатые вещества, и Киннисона интересовало, где хранится эта взрывчатка. Он легко получил ответ, войдя в мысленный контакт с персоналом базы и обнаружив нужное ему лицо. Ленсмен осторожно выскользнул из сознания колесника, стерев все следы воздействия, и отправился исследовать склад. Он был весьма разочарован, обнаружив там лишь несколько ящиков патронов. Снова обратившись к сознанию своего невольного информатора, Ким выяснил, что мощные бомбы хранятся в отдаленном кратере — специально чтобы исключить вероятность взрыва.

— Все не так просто, как хотелось бы, — отметил про себя Киннисон, — но, кажется, можно кое-что придумать.

Реализация его идеи заняла пару часов или около того. Киму пришлось контролировать двух колесников сразу, но он обнаружил, что теперь ему не приходится особо напрягаться. Итак, ответственный за снабжение офицер приказал отправить тележку за грузом бомб, о чем не ведали прочие начальники гарнизона; единственный колесник, дежуривший за пультом, который мог бы заподозрить неладное, тоже подчинялся ленсмену. Тележка ушла к дальнему складу, забрала груз и повернула обратно. Когда Киннисон уже вернулся на катер, она добралась до края шахты и рухнула вниз.

Все было проделано так аккуратно, что ни одно существо на базе ничего не заподозрило, пока не стало слишком поздно что-либо предпринимать.

Киннисон не знал, да и не имел охоты выяснять, что происходит в момент гибели разумного существа, с которым он находится в мысленном контакте. За мгновение до взрыва он прервал ментальную связь, превратившись из участника в пассивного наблюдателя событий. Подземный взрыв не произвел на него особого впечатления: гора слегка дрогнула и осела, из недр ее вырвались вспышки пламени, клубы дыма, камни и обломки.

Тем не менее, когда дым рассеялся, никаких следов шахты не существовало; монолитная скала тянулась от подошвы до самого верха вулкана. Киннисон исследовал всю планету, убедившись, что чистка проведена на совесть. Он не нашел ничего; уничтоженная цитадель не имела отдельных форпостов.

После завершения операции ленсмен направил космокатер к звездному скоплению АС 257-4736.

* * *

В своем тайном убежище на границе Галактики метался разъяренный Ха'Исса, представитель Боскома. У него были причины для гнева. Четырежды он пытался схватить и уничтожить проклятого ленсмена, и четырежды тот проскальзывал у него меж пальцев как шарик ртути.

Воистину этот человек был дьяволом во плоти! Он вырвал у Боскома тайну нового двигателя. Покинув свое обреченное на смерть судно, он захватил пиратский корабль, преследовавший его, и преспокойно сел на Велантии. Там он соорудил капкан, в который попались шесть боевых кораблей Боскома. На одном из них он возвратился на Землю с бесценной информацией, лишившей Боском его главного преимущества перед Патрулем. Теперь обе стороны были равны в техническом отношении — если не считать ленсмена и его Линзы.

Ха'Исса с ужасом вспоминал об Аризии, но желание добыть секрет Линзы не покидало его. Линзу не получить силой, аризиане хранят свою тайну, но ведь есть и другие способы...

Размышления Ха'Иссы прервал срочный вызов с Бойсии II. На глазах представителя Боскома развернулась

сцена мятежа Блейксли, внезапно завершившаяся уничтожением передатчика. Посинев от ярости, он распорядился выслать корабли на перехват. Но вдруг его словно громом поразило: этот Блейксли, ничтожество, даже подняв дерзкий бунт, никогда не смог бы настолько удачно завершить его! Ему не хватило бы хладнокровия, силы... наконец — просто ума! О чем говорил этот факт?

Приступ гнева прошел, и Ха'Исса вернулся в обычное состояние, в котором более всего напоминал бесчувственную холодную вычислительную машину. Новая мысль позволяла совершенно по-другому взглянуть на происшедшее. Человек совершил нечто, чего совершить не мог... Так что же? Снова этот проклятый ленсмен?! Единственный из всех, кто по-настоящему знал, что делать с Линзой?

Ха'Исса щелкнул переключателем:

— Вулмарк, вызывай все суда базы Бойсии. Оставайся на связи, пока кто-нибудь не ответит. Выясни, кто командует ими, и переключай командиров на мой пульт.

Через несколько минут его помощник доложил обо всем, что произошло, закончив сообщение о катастрофе, грозящей базе. На связи был Кримски, новый комендант. Не включая изображение, Ха'Исса спросил:

— Ваши космокатера целы?

— Да, сэр. Два в полной готовности.

— Команду с одного из них переведи на другой, и отправь на ближайшую базу. Пусть захватят с собой наиболее ценное оборудование — все, что смогут погрузить. Предупреди их, чтобы оставались там. — Представитель Боскома помолчал. — Я думаю, что предотвратить разрушение базы уже не удастся, — теперь он заговорил быстрее, напряженней. — Ты, Кримски, возьмешь оставшийся катер. Подбери информацию о тех, кто ушел с Блейксли. В полете получишь координаты точки, где тебя встретит связной корабль. Передашь ему все записи.

Прошел час, другой, Ха'Исса вновь вызвал Вулмарка.

— Блейксли и госпитальное судно исчезли, я полагаю?

— Исчезли, мой господин, — немного удивленно подтвердил подчиненный. Он ожидал разноса, но лицо и тон шефа оставались неожиданно спокойными.

— Кажется, ты так и не понял, кем организован этот бунт? — произнес Ха'Исса.

— Блейксли, кем же еще?

— Вначале я тоже так думал... На что и рассчитывал наш истинный противник.

— Никто, кроме Блейксли, не мог этого сделать. Я же своими глазами видел его!

Ха'Исса молча слушал помощника, излагавшего уже известные ему подробности. Наконец он прервал Вулмарка.

— И тебе, и мне известно, что Блейксли на такое не способен. Он всего лишь пешка... марионетка!

— Господин, мы схватим его и побеседуем. Он не уйдет.

— Он уже ушел, и мы никогда больше не услышим о нем. Нет, Вулмарк. Мы имели дело вовсе не с ним.

— Но с кем же? — помощник начал опасаться, что недавние потрясения несколько повредили здоровью его шефа.

— Неужели непонятно? С ленсменом, конечно — с тем самым, который переиграл нас в секторе Велантии.

— Но как же так?!

— Вот этого я сам еще не понял. Но связь очевидна. Подумай сам! Внезапно в голову Блейксли пришли мысли, совершенно ему не свойственные — раз. Линзы производятся на Аризии, и аризиане — единственные, кто по-настоящему владеет ментальной силой — два. Все это звенья одной цепи.

Вулмарк почтительно кивнул и неуверенно поддакнул:

— Конечно, господин, вы совершенно правы, но я все еще не вижу, каким образом...

— Тогда молчи и слушай! — резко оборвал помощника Ха'Исса. — Рассуждать уже некогда! Итак, наши коммуникационные лучи почти не обладают расходимостью и исключительно точно нацелены, но они реально существуют. Их можно перехватить, а значит, и отследить... Вот почему я жду ленсмена в гости, и довольно скоро, — его глаза сверкнули. — У меня, правда, припасен сюрприз для него, — Ха'Исса извлек из сейфа небольшую коробочку. — Это мыслеэкран, а вот — полный комплект документации к нему. Организуй срочное производство таких аппаратов. Их надо много, придется снабдить буквально каждого на планете. Обеспечь инструктаж населения и персонала базы. Предупреди, что все должны иметь при себе генератор ментальной защиты; запрещается отключать их даже во время смены батарей.

Отдав распоряжение, Ха'Исса несколько успокоился и продолжал уже более уверенно:

— Наши эксперты полагают, что в ближайшем будущем удастся прикрыть планету общим экраном большой мощности, но нельзя пренебрегать и индивидуальной защитой. Это все. Выполняй!

Отпустив Вулмарка, Ха'Исса пригласил психолога: прибыли материалы о людях, покинувших ряды Боскома вместе с Блейксли. Вдвоем они еще раз тщательно проверили первоначальный вывод и были вынуждены подтвердить его. Этот ленсмен мог читать мысли!

Логика подсказывала, что единственной целью спектакля на Бойсии являлось получение пеленга главной цитадели Боскома; все остальное служило маскировкой. И. ленсмен вновь одержал блестящую победу! Его, Великого Ха'Иссу, оставили в дураках! Челюсти главы пиратов сжались, лицо окаменело. Нет, подумал он, игра еще не закончена. В его силах сделать свою базу столь же недоступной для ментальной атаки, насколько она неуязвима физически.

И Ха'Исса шаг за шагом, спокойно и быстро начал проводить свои планы в жизнь. Сознание, что опасность угрожает лично ему, его тайному убежищу, только подхлестнуло его энергию. Одно совещание сменялось другим, лихорадочно работали целые армии специалистов, их труды тут же воплощались в конструкциях. Силы Главной Базы Боскома сконцентрировались на отражении всех мыслимых видов ментальной угрозы.

* * *

Киннисон приближался к звездному скоплению. Каким бы ничтожным оно не выглядело на картах, все же в нем сияли сотни звезд — и лишь великие боги космоса могли сосчитать, сколько планет. Киннисон готов был обшарить их одну за другой, пока не наткнется на базу Ха'Иссы. Но ему повезло.

Едва катер вошел в скопление, как один из мониторов засветился, поймав чей-то следящий луч. Ленсмен настроил на тот же пеленг самый мощный из своих радаров, с наиболее высоким разрешением. На экране возникли восемнадцать сфер — центров излучения, окружавших девятнадцатый, существенно более мощный.

Несомненно, он обнаружил главную базу врага. Но как к ней подойти? Киннисон прикинул, что восемнад-

цать кораблей прикрытия достаточно удалены друг от друга, и провел катер между ними — словно мелкая рыбешка проскользнула в ячейки сети, приготовленной для более достойной добычи. Он вывел суденышко на самую низкую орбиту, почти прижав его к земле, и отключил генераторы; теперь обнаружить катер стало почти невозможно. Ленсмен откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и мысленно «вошел» внутрь укреплений противника.

Поначалу ему не удавалось найти ни единого живого существа. Он просматривал сотни квадратных миль, натыкаясь лишь на механизмы, склады, хранилища, излучатели и прочее вооружение. Обнаружив купол Ха'Иссы, Ким получил первое серьезное предупреждение. Он не мог ни с кем войти в ментальный контакт, не мог затронуть сознание ни одного из сотен существ, находившихся там. Каждого защищал мыслеэкран — ничуть не хуже того, которым пользовался он сам!

Катер снова и снова кружил около планеты, пока Киннисон обдумывал неожиданное препятствие. Похоже, Ха'Исса ждал его! Оставалось неясным, где допущен промах, позволивший Боскому предвидеть не только предстоящий удар, но и оружие, которым он будет нанесен. Если он не сделал ошибки, то ментальное экранирование могло быть предпринято врагом на всякий случай. Тогда у него оставался шанс — ведь батареи защитных генераторов когда-нибудь придется заменять.

Но надежда оказалась тщетной. Источники энергии мыслеэкранов заменялись прежде, чем эффективность защиты снижалась до критического уровня. Больше того, сначала к прибору подключалась свежая батарея, и только затем отсоединяли старую.

— Он догадался, — признал наконец Киннисон, тщетно пытаясь пробить защиту в течение нескольких периодов действия источников энергии. — Значит, голыми руками его не возьмешь. Но, черт возьми, как он догадался?!

День за днем ленсмен изучал расположение базы, ее системы защиты и повседневный режим. Постепенно у него начал вырисовываться план. Одно время он исследовал казармы, проверяя их особенно часто, но спустя несколько дней прекратил активные действия.

— Ким, не спеши, — посоветовал он сам себе. — Ха'Исса быстро соображает, недаром он раскусил эту историю с Бойсией. Попробуем еще раз... — Он направил

ментальный луч, который неожиданно наткнулся на преграду. Заработала гигантская установка, окружившая мыслеэкраном всю планету.

— Это и к лучшему, — продолжал рассуждать Киннисон. — Если я отступлю сейчас, они расслабятся и в следующий раз допустят какой-нибудь промах. Что было бы совсем не лишним! — заключил он и направил катер к невероятно далекой Земле. Несколько раз за долгий перелет Ким порывался связаться с Хейнесом и доложить о результатах разведки, но он каждый раз останавливал себя. Вопрос был серьезным, и даже обдумывать его было лучше в наглухо экранированном помещении.

Шло время, и вскоре Киннисон приземлился на космодроме Главной Базы и направился к адмиралу Хейнесу.

— Рад видеть тебя, сынок, — сердечно приветствовал его старый ленсмен. — Ты пришел — значит, тебе есть, что сказать?

— Да, сэр. Более того, я предлагаю начать серьезное дело. Мне удалось разыскать центр Боскома и составить подробный план их базы. И, кажется, я выяснил, что такое Боском...

Хейнес, прервав его, поднял руку.

— Ты говорил с Ментором? — Киннисон кивнул, впервые заметив, что старый космический волк потерял привычное спокойствие. Адмирал на миг склонил голову и тихо произнес: — Он дал тебе... дал то, чего недоставало?

— Конечно! — Ким кратко поведал историю своих приключений.

— Я думаю, что Ха'Исса и есть Боском, — завершил он, раскладывая перед адмиралом чертежи вражеской базы. — Только он говорит «от имени Боскома», и нет никаких признаков его связи с кем-то из вышестоящих. Взяв Ха'Иссу, мы тем самым покончим и с Боскомом.

— Но нам предстоит изрядно потрудиться, — Киннисон обвел рукой огромный стол, сейчас заваленный его картами. — Центр выглядит абсолютно неприступным, и обычная лобовая атака принесет им не больше вреда, чем комариный укус. Ни один из наших кораблей даже близко не подойдет, если его обнаружат.

— Ну, — с недоумением пожал плечами адмирал, — если это невозможно...

— Минуту, сэр. Обычным путем — невозможно. Но у нас будут неплохие шансы справиться с ними, если подготовить кое-что заранее, — и молодой ленсмен изложил план, который разрабатывал не один день. — Мы подточим их изнутри, как червяк яблоко, — сказал он в заключение, — это единственная возможность. Наши корабли придется снарядить особыми средствами защиты... вообще — всем, чем мы располагаем.

— И надо будет точно согласовать время?

— Именно так — до секунды. Я не смогу связаться с вами, когда окажусь под колпаком мыслеэкрана. Сколько времени потребуется для подготовки флота?

— Семь недель... восемь, в крайнем случае.

— Возьмем еще две недели запаса... Итак, через десять недель, считая от сегодняшнего дня, ровно в двадцать — ноль-ноль, на боскомианскую базу должен обрушиться удар наших истребителей. Вот подробная схема... двадцать шесть основных точек. Вы атакуете эти объекты и, если удастся их уничтожить, остальное будет легко. Вы нанесете удары по линиям, связывающим их с центральным куполом, — рука Киннисона скользила по схеме, иллюстрируя план операции. — Выжигайте на своем пути все! Справиться надо за пятнадцать минут, не больше и не меньше. Если в двадцать — пятнадцать центральный купол не будет прикрыт экраном, сожгите и его — боюсь, правда, что потребуется слишком много энергии... Потом вам и остальным адмиралам придется самим решать, что делать дальше.

— Но где же будешь ты в это время? Где ты укроешься, если центральный купол останется без защиты?

— Я погибну, сэр... И это станет началом самой кошмарной из всех войн, которые когда-либо сотрясали Галактику.

Глава 23

ТИАНИТ

Проверка космокатера заняла у Киннисона пару

часов. Но еще около двух дней он занимался подготовкой специального оборудования. Только на подгонку и испытание нового, невиданного прежде скафандра ушло больше суток. Когда он был готов, сильно заинтересованный адмирал спустился вместе с Кимом в бункер, выстланный броневыми плитами и наполненный песком. В углу просторного помещения стоял облаченный в скафандр манекен; в пятидесяти футах от него располагалось орудие, возле которого в полной боевой готовности застыл расчет. Одетые в спецкостюмы бойцы вскочили, приветствуя ленсмена и адмирала.

— Вы испытали патроны, доставленные с Альдебарана I? — спросил Киннисон у командира расчета, склонившегося над панелью управления за экраном.

— Да, сэр. Они на двадцать пять процентов мощнее наших, как вы и указывали.

— Отлично. Ну, посмотрим! — Орудие начало изрыгать нескончаемый поток снарядов. Киннисон заставлял манекен шагать, наклоняться, приседать, подставляя под смертоносный ливень поочередно все плоскости, сочленения и детали скафандра. Наконец грохот смолк.

— Тысяча выстрелов в минуту, сэр, — доложил офицер.

Киннисон быстро, но тщательно осмотрел костюм, коротко заметив:

— Пробоин нет, даже царапины не видно. — Он влез в скафандр. — Давайте две тысячи, до моего приказа. Огонь!

Орудие снова завело сотрясающую воздух песню. На этот раз напор был так силен, что ленсмен не устоял на ногах. Он опрокинулся навзничь, и огонь тотчас стих.

— Продолжайте! — крикнул Киннисон. — Не перестанут же они стрелять только потому, что я упал?!

— Но уже тысяча девятьсот, — возразил офицер.

— Продолжайте, пока я не прикажу остановиться, — настаивал на своем ленсмен. — Надо же мне выяснить, как эта штука ведет себя под огнем! — И поток раскаленного металла вновь обрушился на сопротивляющуюся сталь.

Этот ливень вновь опрокинул Киннисона, перевернул несколько раз и распластал по задней стене полигона. Снова и снова ленсмен вставал на ноги, чтобы опять оказаться на земле. Боевой расчет вошел во вкус, направляя свинцовый дождь на разные части сверкающего до-

спеха и варьируя атаку от ровного сокрушительного натиска до серий коротких, чрезвычайно мощных ударов. Наконец, несмотря на все усилия стрелков, Киннисон наловчился управлять скафандром.

Он включил двигатели и повернулся лицом к струям раскаленного металла. Воздух был прошит пулями; они метались во все стороны, рикошетируя от поверхности скафандра. Тут и там вверх взлетали песок и обломки бетона; медленно оседая, они наполняли атмосферу полигона пылью. Орудие работало на пределе возможностей, но Киннисон выстоял. Он стоял в шести футах от ревущего монстра, когда огонь стих.

— Двадцать тысяч, сэр, — доложил офицер. — Нам придется сменить стволы, прежде чем мы сможем выдать больше.

— Этого достаточно, — махнул рукой Киннисон. — Можете вылезать отсюда.

Он снял скафандр, стянул тяжелые наушники, помотал головой и сообщил Хейнесу:

— Все отлично, кроме шума. Хорошо, что у меня есть Линза — я оглох, похоже, дня на три.

— Как амортизаторы и уплотнители? Ты не ушибся? Пару раз тебя серьезно тряхнуло.

— Все в порядке, ни одного синяка. Давайте осмотрим скафандр.

Его поверхность была усеяна пятнами — там, где металл пуль наплавился прямо на блестящую броню, но повреждения отсутствовали. Ни пробоин, ни единой царапины!

— Отлично, ребята, спасибо, — Киннисон отпустил стрелков. Тем страшно хотелось узнать, как человек мог видеть сквозь металлический шлем в несколько дюймов толщиной, в котором не имелось ни одного отверстия. Но они были патрульными, и их лица не выразили никакого любопытства.

— Тебе изготовили скафандр или персональный танк? — осведомился Хейнес. — Эти испытания стоили мне десяти лет жизни. Но теперь я доволен, что ты сам проверил его. Он спасет тебя где угодно.

— Такие вещи лучше испытывать среди друзей, чем среди врагов, — рассмеялся Киннисон. — Конечно, он тяжел — почти тонна. Но я и не собираюсь в нем прогуливаться; я буду только летать. Как вы полагаете, сэр, не лучше ли мне вылететь заранее, раз уж все готово? Я точно не знаю, сколько времени у меня займет Тренко.

— Пожалуй, ты прав, — кивнул адмирал, и Киннисон ушел.

Какой человек! Хейнес долго смотрел вслед мощной фигуре ленсмена, пока тот не скрылся вдали. Потом он неторопливо направился в свой офис, по дороге о чем-то размышляя.

Кларисса Мак-Дугал была сильно расстроена, даже рассержена, когда Киннисон исчез, не найдя времени поговорить с ней или хотя бы попрощаться. Иначе воспринял это Хейнес. Старый боец прекрасно понимал, что такова природа Серых Ленсменов — особенно, пока они молоды. Он знал, а Клариссе это только предстояло узнать, что Кимбол Киннисон больше не принадлежит Земле.

Он был Стражем Галактики и к своим обязанностям относится очень серьезно. Чтобы довести дело до успешного конца, он мог использовать помощников, мужчин или женщин, корабли и целые флоты, смертоносное вооружение и многое другое. Он мог сделать своим рабочим инструментом Главную Базу — что, собственно говоря, и произошло. Использовав же любое из своих орудий, он без долгих слов откладывал его в сторону. При этом Киннисону и в голову не приходило, что он лишает себя многих радостей жизни.

Так размышлял адмирал, приближаясь к своему кабинету. Он улыбался. Он знал — как узнает в свое время и Киннисон — что Вселенная огромна, время бесконечно, и что Порядок Вещей, если рассматривать вечность и бесконечность, есть нечто всеобъемлющее. С этой загадочной мыслью закаленный ветеран космоса уселся за рабочий стол и возобновил прерванную работу.

Но Киннисон — возможно, в силу своего возраста, — был пока что далек от философских обобщений, и перелет до Тренко показался ему чрезвычайно долгим. Как ни желал он поскорее проверить план военных действий, он обнаружил, что одной силой разума не удается заставить катер двигаться быстрее. Не помогало и то, что он бегал из угла в угол отсека управления. Ким занялся было гимнастикой, но и она не принесла успокоения. Умственная тренировка оказалась невозможной; думать он мог только о базе Ха'Иссы.

Как ни странно, в один прекрасный день он все же достиг Тренко и без труда отыскал на ней космопорт Патруля. К счастью, время было полуденное, и ему не

пришлось долго ждать затишья. Ким направил катер вниз, послав предварительно сообщение:

— Вызываю ленсмена космопорта Тренко — Трегонси или его сменщика. Ленсмен Киннисон, Сол III, просит разрешения на посадку.

— Трегонси слушает, — пришел ответ. — Приветствую тебя, Киннисон. Ты на правильном курсе. Похоже, ты усовершенствовал аппаратуру, раз ориентируешься в этой круговерти?

— Вовсе нет. Мне ее подарили.

Посадочная площадка приняла космокатер. Как только закончилась дезинфекция, Киннисон покинул корабль и торопливо направился к Трегонси; ригелианин занимал важное место в его планах. Поскольку он также был ленсменом, ему можно было безоговорочно доверять. Киннисон кратко описал ситуацию, сообщив, что намерен предпринять. В заключение он попросил:

— Как видишь, мне нужно пятьдесят килограммов тионита, и я боюсь, что во всей обитаемой Галактике столько не наберется. Я прошу тебя о помощи — надо собрать сырье и приготовить конечный продукт.

Киннисон произнес это так спокойно, как будто забыл, что в обязанности Трегонси входило уничтожить каждого, кто попытается вывести с Тренко хотя бы один лист. Но ригелианин даже не удивился — ведь перед ним стоял Серый Ленсмен.

— Это не сложно, — секунду подумав, ответил он. — У нас есть несколько установок для получения тионита, конфискованных у звильников. Персонал базы прекрасно знаком с технологией очистки и переработки сырья.

Через несколько часов космопорт Тренко являл собой удивительное зрелище. Все силы местной базы Галактического Патруля усердно занимались нарушением как раз того закона, который они призваны были охранять.

Было три часа пополудни, самый спокойный час на Тренко. Ураган стих почти до «полного штиля». Здесь это означало, что сильный мужчина, пожалуй, мог вполне спокойно устоять против ветра. Если он был так же проворен, как и силен, он мог даже прогуляться. Киннисон надел легкий скафандр и скоро уже трудился во всю, собирая широкие листья — богатейший источник сырья для тионита.

Он работал всего несколько минут, когда к нему подползло плоское существо. Убедившись, что скафандр абсолютно несъедобен, оно отодвинулось в сторонку и

стало наблюдать. Киннисон тут же решил, что представилась прекрасная возможность для практики. Он достаточно экспериментировал на Земле, проникая в сознание разных представителей животного мира, и сейчас почти не затратил усилий на эту операцию. Тренк оказался даже более разумным, чем собака. Его быстро удалось приспособить к работе, и вскоре странное существо собирало листья с таким усердием, как будто трудилось для спасения собственной жизни. Оно было идеально приспособлено к условиям сумасшедшей планеты и заготовило сырья намного больше, чем все остальные сборщики.

— Ты отлично потрудился, Спайк, — немного погодя заметил Киннисон, решив, что его помощнику пора получить имя. — Пойдем-ка, поищем, чем тебя можно отблагодарить.

Единственной потребностью Спайка была еда. Уловив это, Киннисон притащил из катера банку лососины, пакет сыра, плитку шоколада, несколько кусков сахара и картофель, и стал по очереди предлагать тренку свои дары. Лососина и сыр были оценены достаточно высоко, а шоколад показался удивительно приятным деликатесом. Однако по-настоящему божественной пищей был сахар. Сознание Киннисона затопила волна наслаждения, пока лакомство таяло во рту тренка. Конечно, он ел и картошку — любое животное здесь ело что угодно и когда угодно — но это была всего лишь пища, а не божественный нектар.

Теперь Киннисон знал, что делать. Когда его новый приятель немного отдалился, ленсмен бросил ему кусок сахара. Тот на лету поймал его, съел и пришел в неописуемый восторг.

— Еще! Еще! — мысленно скулил он, пытаясь дотянуться до руки Кима.

— Ты заработаешь еще, если захочешь, — объяснил Киннисон. — Нарви листьев и принеси их сюда. Тогда будет еще.

Идея оказалась совершенно новой для местного жителя, но он воспринял ее с энтузиазмом. Когда Ким мысленно объяснил, что требуется, Спайк начал уже вполне сознательно трудиться — и так же охотно, как прежде. К началу дождей работало уже несколько тренков, и весь персонал базы едва успевал перерабатывать быстро поступавшее сырье. Космопорт уже закрылся под своим непроницаемым колпаком, а они все еще толпились

снаружи, не обращая внимания на дождь, держа охапки листьев и требуя вознаграждения.

Киннисон потратил некоторое время, разъясняя им, что рабочий день закончен, и они могут прийти снова завтра утром. Правда, удалялись аборигены весьма неохотно. И на другой день, когда еще не успела просохнуть грязь, тренки опять явились «на работу». Оба ленсмена были поражены. Как этим примитивным существам удалось отыскать космопорт? Или они дежурили поблизости всю ночь?

— Не знаю, — ответил Киннисон на молчаливый вопрос коллеги, — но попробую выяснить. — Он тщательно изучил сознания двух или трех тренков. — Нет, они не следили за нами, — покачал он головой. — Они не так глупы, как я вначале полагал. У них есть чувство восприятия, напоминающее твое, Трегонси, или еще более развитое... Интересно, нельзя ли тебе приспособить их в помощники?

— Пожалуй, только тем способом, каким это делаешь ты. Я пытался разговаривать с ними, но они никогда не проявляли желания сотрудничать.

— Просто ты никогда не предлагал им сахар, — рассмеялся Киннисон. — А может, у тебя нет сахара? Ведь на многих планетах его не едят.

— Ригель IV — как раз такая планета. Страх намного вкуснее и более соответствует нашему обмену веществ. Сахар у нас всего лишь химикат, но мы, конечно, сможем получить его в нужных количествах. Однако есть еще один секрет — ты можешь сказать им, что делать, и они действительно понимают тебя. Я этого не умею.

— Я быстро обучу тебя, это простое мысленное упражнение. Кроме того, я оставлю достаточно сахара, чтобы ты мог работать с ними, пока не создашь свой запас.

За несколько минут, пока Киннисон с Трегонси обсуждали возможности их новых союзников, грязь высохла, и вокруг вновь раскинулся пышный ковер бурно развивающейся растительности. Меньше, чем через час, некоторые виды уже были готовы к сбору.

— Ранние растения наиболее богаты тионитом, — заметил ригелианин, — но звильникам едва удавалось собрать одну-две горсти из-за ветра. Если ты дашь мне немного сахара, мы посмотрим, смогу ли я работать с твоими помощниками.

Киннисон так и сделал. Тренки работали на Трегонси так же усердно, как на него — и той же ненасытностью пожирали сахар.

— Достаточно, — решил ригелианин. — Ты получишь свои пятьдесят килограмм, и даже больше.

Он расплатился с помощниками, наказав им вернуться, когда солнце будет стоять прямо над головой, чтобы получить еще работу и еще сахар. Им уже не пришлось повторять или отгонять их от базы. Тренки быстро учились.

Далеко за полдень последний килограмм синего с малиновым оттенком порошка упаковали в непроницаемый мешок. Переработка закончилась. Оставшиеся листья, полуфабрикат и загрязненный воздух удалили из станции мощной струей сжатого воздуха. Комнату и всех, кто участвовал в процессе, опрыскали антитионитом. Лишь после этого все сняли маски и воздушные фильтры. Космопорт Тренко снова стал постом Патруля, а не фабрикой звильников.

— Спасибо, Трегонси... спасибо тебе и твоим парням... — Киннисон запнулся. — Мне кажется, что я должен...

— Нет, — сказал ригелианин. — Наше время принадлежит тебе без всякой платы, а ты не взял у нас ничего, кроме времени.

— Конечно... так, на сто миллионов тионита...

— Это не считается. К тому же ты помог нам больше, чем мы тебе.

— Может, и правда, вам будет от них какая-то польза от местных зверюшек... Только эта мысль меня успокаивает! — И ленсмен покинул невероятную планету Тренко.

Глава 24

«МЫ ПОДТОЧИМ ЕЕ ИЗНУТРИ»

Киннисон подошел к звездному скоплению АС 257-

4736 без приключений и, как и в первый раз, легко пробрался сквозь заслон охранных крейсеров. Правда, теперь он не рискнул оставить катер на орбите около планеты Ха'Иссы; он собирался отсутствовать долго и не хотел, чтобы его суденышко засекли радары ближнего обнаружения. Ленсмен рассчитал эллиптическую орбиту вокруг местного солнца, особо не заботясь о точности вычислений. Катер он сможет найти с помощью следящего луча, а если даже он пропадет — не велика потеря. Ким вывел кораблик на дальний от вражеской базы участок траектории, и влез в свой новый скафандр.

Он знал, что планета окружена мыслеэкраном, и подозревал, что существуют и другие слои защиты. Отключив энергию, Киннисон опустился на ночной стороне, противоположной сейчас базе Боскома. Конечно, вспышки его двигателя были тщательно замаскированы, но рисковать без крайней необходимости он не хотел.

От места приземления ленсмен длинными прыжками направился к выбранному заранее убежищу, большой пещере, экранированной пластами железной руды. Спрятавшись глубоко под землей, он принялся отыскивать в эфире признаки того, что его обнаружили. Но все было тихо.

Просматривая один диапазон за другим, он неожиданно понял, что Ха'Исса усилил защиту. Теперь каждый обитатель крепости не только носил генератор мыслеэкрана, но и был постоянно вооружен. Неужели он экранировал даже собак? Ничего страшного, Киму подходило любое животное. На худой конец, даже ящерица. Тем не менее, он обшарил давно примеченные им казармы и облегченно вздохнул: собаки там все еще были, и никто не додумался защитить их мыслеэкраном. Даже в подозрительный ум Ха'Иссы не закралось предположение, что собака может стать источником ментальной угрозы.

Приняв особые предосторожности, Киннисон переместил тионит в специальный контейнер, в котором его и предстояло использовать. Следующий день ушел на наблюдение за персоналом, охраной, расположением постов и последовательностью сдачи дежурства. Потом ленсмен прекратил всякую деятельность. Впереди была еще неделя, прежде чем ему потребуется сделать следующий шаг. Но теперь ожидание не раздражало его; Киннисон готов был сидеть так же терпеливо, как кот у мышиной норки.

Наконец пришло время действовать. Он подчинил себе сознание собаки, которая тотчас вспрыгнула на койку, где спал один из стражей. Находясь на дежурстве, он был неуязвим, но здесь, в казарме, снять мыслеэкран оказалось до смешного просто. Собака бесшумно подобралась к проводу и перегрызла его; мыслеэкран отключился, и Киннисон мгновенно проник в мозг спящего. Когда этот охранник заступил на дежурство, первое его действие заключалось в том, чтобы помочь Кимболу Киннисону, Серому Ленсмену, пробраться на Главную Базу Боскома! Ким влетел быстро и над самой землей, пока его подопечный старательно заслонял спиной монитор. Через три минуты он уже входил в ворота основного купола. Эти двери также открылись — и захлопнулись за ним. Он выпустил стража из ментальных клещей и осмотрелся. Все в порядке!

Потом Киннисон повторил операцию с отключением мыслеэкранов во всех казармах, кроме одной. Он никого не убивал — у него не было излишков ментальной энергии; он просто поворачивал некий переключатель в мозгу. Возможно, некоторые останутся в живых, чтобы ответить на срочный вызов Ха'Иссы, но таких будет немного — и проживут они недолго.

Он просматривал одно здание за другим, приближаясь к тому, где размещался главный воздушный фильтр. Теперь пусть приходят! Даже если его обнаружат, они не успеют ничего сделать. Флот Патруля уже здесь, и готов распылить на атомы всю эту планету!

Так и было. Со всей Галактики подтягивались корабли — крейсера и тяжелые истребители Большого Флота. Каждая база Патруля снарядила все суда, которые могли перемещаться и нести излучатель. Каждым кораблем командовал ленсмен или опытный боевой офицер. У каждого командира было два прибора, защищавших от дальнего радарного обнаружения — один в кармане, другой — в личном сейфе. Любого из них было достаточно, чтобы укрыть от следящих лучей противника весь корабль.

Ни один пост пиратов не заметил приближения армады. Они дежурили здесь месяц за месяцем, и мониторы всегда оставались чисты; никто не ожидал, что нынешнее дежурство будет чем-то отличаться от множества предыдущих.

А Большой Флот Патруля уже вышел на боевые позиции, и каждый крейсер, каждый истребитель навел

свои эмиттеры на заранее выбранную цель. Пилоты, капитаны и навигаторы переговаривались вполголоса, будто опасаясь, что громко сказанное слово может выдать противнику присутствие тысяч и тысяч готовых к бою кораблей. Стрелки замерли наготове у пультов, нетерпеливо ожидая, когда можно будет пустить в ход смертоносные орудия.

Где-то далеко внизу Киннисон, стоя рядом с системой воздухочистки боскомианской базы, расстегнул застежки скафандра и выскользнул из него. Ему потребовалась всего секунда, чтобы пробить отверстие в основном трубопроводе. Последовательность операций он неоднократно прокрутил в голове, готовясь к этому решающему моменту. Поместить в воздуховод контейнер с тионитом. Смочить реагентом, который через шестьдесят секунд полностью растворит стенки контейнера, не затронув его содержимого и металлического трубопровода. Залепить пленкой отверстие в трубопроводе и одеть скафандр. Все это заняло немногим более одной минуты; до условленного времени оставалось еще одиннадцать. Пока все шло неплохо.

В ближайшей казарме одна из собак отключила мыслеэкран у спящего пирата. Он проснулся и, вместо того, чтобы отправиться на дежурство, взял кусачки и перерезал питающие провода у мыслеэкранов своих коллег. Когда он закончил работу, вся эта обесточенная команда дружно поспешила внутрь куполов, к боевым постам и пунктам наблюдения — срезать провода у остальных членов гарнизона. Затем, по команде Кима, лишенные защиты пираты открывали щитки своих скафандров, глубоко вдыхая отравленный наркотиком воздух.

Этот наркотик, просочившийся в купола Ха'Иссы, был едва ли ни самым адским из всех изобретений человечества. Микроскопические дозы его вызывали пьянящее ощущение всемогущества и вседозволенности; жертва получала иллюзорную способность удовлетворить любое свое желание, вплоть до самых фантастических. Чем больше была доза, тем дольше продолжалось это состояние эйфории, экстаза, за которым неизбежно наступала смерть.

Никто не поднял тревоги; не было ни криков, ни сопротивления. Боскомиане, вдохнув тионит, застывали в той позе, в какой их застигло наркотическое помешательство; они дышали все глубже и глубже, и на их лицах появлялось выражение блаженства. В этот момент

было уже поздно что-либо предпринимать. Половина постов лишилась операторов прежде, чем Ха'Исса распознал опасность.

Он подал сигнал общего вызова, транслировав его во все помещения базы, по всем казармам. Но смертоносное облако пришло туда еще раньше, и на его приказ откликнулась едва ли четверть прежнего гарнизона. Те, кто смог, явились в купола, но их встретили здесь подопечные Киннисона с бластерами в руках. Ха'Исса не успел еще выявить невольных сторонников ленсмена, как лишился большей части своего персонала.

— Убейте их! — ревел он, яростно жестикулируя с огромных экранов, находившихся в каждом помещении, на каждом посту. И, выполняя эту всеобъемлющую инструкцию, его люди начали методично уничтожать друг друга.

* * *

Большой Флот Галактического Патруля был готов к сокрушительной атаке; боевые корабли нависли над каждой точкой планеты, экипажи замерли на постах, командиры находились в прямой связи с адмиралом Хейнесом.

Старый ленсмен сам вел последний отсчет; наблюдая за стрелкой хронометра, он собирался отдать приказ об атаке в момент ноль. Рядом с ним сидел фон Хогендорф, коммодор и комендант Уэнтворт Холла. Оба ветерана думали, что навсегда расстались с ареной космических битв; но когда они приняли решение руководить этой операцией, остановить их не мог никто. Они были уверены, что идут навстречу смерти, хотя и не знали, чьей именно. Если Ха'Иссы — превосходно! Если суждено погибнуть молодому Киннисону — что ж, они умрут вместе с ним. Да будет так!

— Всем убрать руки подальше от кнопок и дожидаться приказа, — в голосе Хейнеса не было и следа страшного напряжения, с которым он отсчитывал последние секунды. — У вас будет время приготовиться. Еще пятнадцать секунд... Ждать... ждать, парни... Начинаю отсчет... — Голос его стал глуше. — Пять, четыре, три, два, один... Огонь! — выкрикнул он.

На все цели обрушился огненный вал из сотен тысяч излучателей. Никто не думал о том, чтобы поберечь установки. Им предстояло непрерывно работать ровно пятнадцать минут — и стрелки выжали все ресурсы из своих батарей за этот короткий промежуток времени.

Защитные экраны Ха'Иссы автоматически включились на полную мощность, но не смогли противостоять наступающей армаде. Если бы у пультов находились дежурные, способные подключить резерв — практически неисчерпаемые источники космической энергии, флот Галактического Патруля оказался бы бессилен. Но Боском уже не располагал надежными защитниками; вскоре барьеры двадцати шести объектов пали, и огонь атакующих кораблей начал медленно перемещаться к центральному куполу.

* * *

Напрасно ревели сирены тревоги и вспыхивали красные лампочки на пульте Ха'Иссы: некому было направить энергетический поток к всесокрушающим излучателям и нацелить их на корабли Патруля, зловеще нависшие над куполами базы. Сам Ха'Исса пребывал в надежно экранированном отсеке, но он был мозгом цитадели, а не стрелком и не оператором защитных полей. Он видел могучий вражеский флот, он сознавал, чем эти корабли угрожают планете, но поставить предохранительные барьеры или активизировать эмиттеры не мог. Оставшись без подчиненных, представитель Боскома был беспомощен; он лишь в бессильной ярости скрипел зубами, наблюдая за разрушением главного оплота своей мощи.

В немом изумлении Киннисон смотрел на него, поражаясь выдержке врага. Летело время, прошло пять минут из намеченных пятнадцати, но Ха'Исса не собирался трогаться с места и покидать центральный купол, самое защищенное место базы. Ленсмен понял, что его не выманить оттуда; значит, ему придется штурмовать эту внутреннюю крепость, всех возможностей которой он не знал до сих пор. Что ж, новый скафандр предназначался именно для такого случая.

И Киннисон ринулся в центральный зал, к мерцавшему алыми огнями пульту, к врагу, встречи с которым он искал так долго. Ему не удалось застать Ха'Иссу врасплох; перешагнув порог, он оказался под ливнем металла и смертоносных лучей. Здесь были автоматические орудия, эмиттеры и бог знает что еще, но экраны Кима по мощности почти не уступали защите боевого крейсера, и он умел держаться на ногах под пулями в своей персональной мини-крепости.

Молодой ленсмен медленно двинулся вперед, к огромному пульту Ха'Иссы, над которым неподвижно висела светящаяся сфера. Роль этого устройства была ему неясна; но вдруг он ощутил трепет ментального поля и догадался, что враг снижает защитный потенциал, пытаясь передать шару мысленный приказ или какое-то сообщение. Киннисон мгновенно блокировал эту ментальную волну — раньше, чем она достигла цели, — и яростно атаковал, заставив Ха'Иссу восстановить свой защитный барьер. Мысль, могучая тренированная мысль была самым могучим его оружием; мысль, которой он мог сломить или уничтожить противника.

Он бросил взгляд на поднявшуюся навстречу фигуру, тоже закованную в сверкающий скафандр. Если Ха'исса не рискнет скрестить с ним в поединке свой разум, тогда... Что ж, тогда есть излучатель — и не менее мощный, чем те, которые пытаются сейчас пробить его защитные поля!

Киннисон поднял правую руку, и закрепленный на предплечье ствол нацелился в грудь представителя Боскома. Ха'Исса, казалось, не обратил на это внимания; он смотрел на сиявшую в вышине сферу, и вновь почти неощутимый трепет всколыхнул эфир.

Ему нужна была связь! И он отчаянно рисковал, пытаясь установить ее!

Ибо Серый Ленсмен был здесь — и был наготове. Кимбол Киннисон не собирался упускать шанса на победу.

Мыслеэкран Ха'Иссы дрогнул; казалось, в нем приоткрывается щель, почти микроскопическое отверстие, способное пропустить луч контакта. Светящийся шар вдруг вспыхнул, наливаясь злым багровым пламенем, готовый метнуть в дерзкого пришельца огненные молнии или еще более страшную волну телепатического внушения. Возможно, он был оружием; возможно — средством связи, но в тот миг Киннисон не имел времени разгадывать подобные секреты.

Он ударил — и успел первым.

Он вложил в этот ментальный приказ всю силу Линзы и всю свою волю. Он чувствовал, как отчаянно сопротивляется враг, но медленно и неотвратимо, дюйм за дюймом, теснил его к потоку раскаленного металла, который разбивался о защитное поле его скафандра. Автоматические орудия продолжали стрельбу, и запас снарядов у них казался бесконечным.

Ким услышал, как вскрикнул Ха'Исса, когда первые пули, прошив бронированный наплечник, впились в бренную плоть представителя Боскома. Ленсмен сделал шаг в сторону — один небольшой шаг, но дуло орудия послушно последовало за ним; тупой механизм не ведал, что сжатый ментальными тисками хозяин, существо, которое он должен защищать, сейчас закроет своим телом неуязвимую цель.

Раскаленный поток перерезал Ха'Иссу пополам.

Серый Ленсмен Ким Киннисон несколькими выстрелами сбил нацеленные на него стволы и повернулся к телу врага. Он разглядывал его секунду-другую — точнее, изучал, пользуясь своим новым чувством восприятия, ибо его стальной шлем был глухим и непрозрачным.

Потом он отступил от изуродованного трупа и покачал головой. Скафандр Ха'Иссы не шел ни в какое сравнение с его собственным. И его явно как следует не испытывали под пулями.

Глава 1

БИТВА

Среди мириадов населенных миров, плывших сквозь мрак галактической бездны, был один, небольшой и незаметный — древний, изрытый кратерами шар размером с Марс. На этой планете таилась цитадель, чем-то похожая на сооружение Ха'Иссы, хотя и превосходившая его размерами; она отличалась и более мощным вооружением. Ее гарнизон ничем не напоминал людей — разве что высоким интеллектом и неимоверной работоспособностью.

Под высокими сводами центрального зала светилось несколько шаров — точных копий того, который Киннисон обнаружил под куполом Ха'Иссы. Рядом с одной из сиявших сфер, свернувшись кольцом, скорчилось на полу странное существо с тонкими длинными щупальцами. Скудный язык Земли не позволяет описать его во всех подробностях, однако попробуем: хотя у него были щупальца, оно не походило на осьминога; несмотря на крылья, чешую и остроконечные конические зубы, вряд ли человек обнаружил бы в нем сходство с птицей, змеей или акулой. Пожалуй, этим и придется ограничиться. Внимание монстра было приковано к шару, транслирующему мыслепередачу Хельмута. Он видел усеянные трупами коридоры и он наблюдал за сокрушительной атакой Патруля; он мог даже заметить ленсмена — того самого, который расправился с защитниками этой далекой базы и сейчас пытался захватить их предводителя.

— Ты совершил немало ошибок, Ха'Исса, — мысли существа, пристально взиравшего на шар, были холодны, как лед. — База была обречена с того самого момента, когда ленсмену удалось сбежать. Ты упустил его — и еще имеешь наглость в чем-то упрекать меня! Бред! У меня хватает собственных забот, и я не собираюсь

решать твои проблемы. База потеряна; твое же спасение касается только тебя.

— Но, Айх-Лан, — в ментальной передаче Ха'Иссы явно ощущалась паника, — ты же уверял меня, что база надежна!

— Извини, но я никогда не забывал добавить при этом — в разумных пределах.

— Если мне удастся спастись и уничтожить ленсмена, — в его мыслях мелькнул проблеск надежды, — что я должен делать?

— Направляйся к ближайшему коммуникатору. Собери все силы. Половина из них должна задержать флот Патруля, другая — превратить Землю в груду мертвых камней.

— Инструкции приняты. Заканчиваю связь.

— Выполни все. В этой галактике не должно быть захваченных Патрулем баз. Готовься, ленсмен приближается. И помни — я, Айх-Лан, глаза и уши Боскома, слежу за тобой. Конец связи.

* * *

Ленсмен бросился вперед. Еще до того, как он ворвался во внутренние помещения цитадели, его барьерный экран ослепительно вспыхнул от лучевого удара — автоматически управляемые эмиттеры обрушили на него поток энергии. На пороге главного купола к излучению добавился град раскаленного металла; в действие вступили скорострельные орудия. Однако силовой щит Кима мало чем уступал экрану боевого крейсера, и он, не обращая внимания на последнее сопротивление врага, ринулся дальше к пульту Ха'Иссы и к сиявшему над ним шару. Он чувствовал, как слабеет ментальная защита представителя Боскома. И он знал, что если противник попытается ослабить барьер еще больше, чтобы установить связь с каким-то неведомым далеким центром, его ждет неминуемая смерть.

Ха'Исса сделал это. Вероятно, ему отчаянно требовалось передать сообщение — может быть, мольбу о помощи. Но он не успел. Киннисон обрушил на него ментальный удар, объединив свое новое знание с мощью Линзы; теперь тело врага подчинялось ленсмену, и Ха'Исса, не в силах вырваться из этих телепатических тисков, покорно шагнул под смертоносный поток металла.

Когда главарь пиратов, перерезанный пополам, рух-

нул на пол, Ким бросил быстрый взгляд на застывшее синеватое лицо, выпрямился и подошел к контрольной панели. Картина, открывшаяся ленсмену, бросила его в холодный пот: над россыпью разноцветных огоньков, над лампочками и индикаторами, над кнопками и рычагами тускло отсвечивал колпак защитного поля. Это означало, что только одно существо — то самое, на которое была запрограммирована система, — могло управлять ею. Ха'Исса! А он, неподвижный и холодный, лежал у стены и был уже абсолютно недосягаем.

До начала атаки флота на цитадель оставалось пятнадцать секунд. И если он, Кимбол Киннисон, не сумеет немедленно отключить систему защиты, произойдет катастрофа: Патруль понесет огромные потери, а если, несмотря на это, флот все же прорвется к базе, то гибель ждет самого ленсмена. Времени на размышления не оставалось. Он не мог отсрочить операцию: пока работала защита, связи с кораблями не было. Оставалось одно — любой ценой отключить приборы...

Мысли вихрем проносились в мозгу Кима, пока он не нашел единственно правильное решение. Подняв свой «деламатер», он направил струю пламени прямо на пульт. Энергии, которую изрыгал мощный бластер, вполне хватило бы, чтоб расплавить металлическую плиту, и защитное поле, не рассчитанное на такие перегрузки, не устояло. Огненные язычки заметались по пульту, заплясали в воздухе, наполняя его треском, пощелкиваньем, хлопками; повалил густой ядовитый дым, пламя взревело, потом раздался взрыв, и осколки стекла брызнули во все стороны. Взвыла сирена. Защита боскомиан перестала существовать. Лишенные питания средства обороны, эмиттеры, барьерные экраны — ничто больше не представляло опасности.

Только теперь Киннисон смог связаться со своими.

— Адмирал Хейнес! — послал он импульс сквозь Линзу. — Вызывает Киннисон!

— Хейнес слушает, — последовал немедленный ответ. — Поздравляю, сынок, и...

— С этим потом. Дело еще не закончено. Пусть все корабли отойдут от планеты и закроются так, чтобы не видеть, не слышать и не ощущать ее. Сделайте так, чтобы ни одна наша мысль не просочилась к базе.

Прошло несколько секунд.

— Готово!

— Не приближайтесь сюда, я сам прилечу к вам.

А теперь, сэр, — личная просьба: хоть я не имею прав командовать адмиралом Патруля, но будет лучше, если вы сконцентрируетесь на мне и не будете думать ни о чем лишнем в течение нескольких минут.

— Ладно. И я не обижусь, если ты чуть-чуть мной покомандуешь.

— Спасибо. Вы сняли гору с моих плеч.

Теперь ничья посторонняя мысль, в том числе и его собственная, не могла коснуться центрального купола, и Киннисон успокоился. Для того, чтобы установить контакт со сверкающей сферой, требовалась определенная ментальная подготовка.

— Сколько у нас наберется операторов защитных полей и пеленгационных установок? — уже без напряжения спросил Ким. — Я имею в виду специалистов экстра-класса?

— Десять на вахте, но если понадобится, соберем человек шестьдесят, — ответил адмирал после недолгой паузы.

— На расстоянии двух диаметров планеты надо расставить сорок восемь кораблей — так, чтобы их барьерные экраны закрыли всю поверхность. Из оставшихся двенадцати человек трое должны следить за линией, соединяющей этот мир с туманностью Ландмарка. Последние девять пусть возьмут под наблюдение всю остальную звездную сферу... и пусть их поля не перекрывают друг друга, а лишь соприкасаются. До тех пор, пока я к вам не прибуду, не предпринимай ничего. Выводите корабли с операторами на позиции, а я отправляюсь к вам.

Причалив к флагману, Киннисон прежде всего отправился в оружейный отсек. Освободившись там от всех защитных приспособлений и дав подробные инструкции по уходу за ними, с чувством выполненного долга он направился в рубку управления. Как хорошо было хоть на время избавиться от тяжелого боевого скафандра, с которым он так долго не расставался! Больше всего на свете ему хотелось сейчас принять душ, и это было не просто желанием, а насущной необходимостью. Но прежде следовало разобраться с делами.

Из тех, кто собрался в рубке управления, только двое были знакомы с Киннисоном лично, но знали о нем все, и когда высокая, одетая в серое фигура, появилась в дверях, раздались дружные приветствия.

— Рад видеть вас, — улыбаясь, кивнул Киннисон. —

Салют, адмирал! Здравствуйте, командор Хогендорф!

Его приветствие было таким сердечным и непринужденным, как будто они не виделись всего несколько дней, а не десять бесконечных недель, как будто он провел это время не в отчаянной борьбе за жизнь, а наслаждался отдыхом на веселом пикнике.

Старый фон Хогендорф встретил своего ученика, не скрывая бурной радости, но Хейнес не был расположен к преждевременному ликованию.

— Давайте сначала покончим с делами, — потребовал адмирал. — Ну, что ты там натворил? Что значит весь этот спектакль с полями и экранами в главных ролях? Рассказывай по порядку.

— Слушаюсь, адмирал, — и в нескольких словах Серый Ленсмен поведал обо всем произошедшем на вражеской базе.

— Итак, — заключил он, — теперь вы должны понять, что на самом деле я ничего не знаю. Все мои заключения основаны лишь на интуиции и предвидении. Может быть, ничего и не случится, и все предосторожности были напрасны... Но ведь хуже от этого не станет, правда? Ну, а если что-то и произойдет, то — клянусь всевидящим Клоно! — мы будем готовы.

— Если твои подозрения верны, то Боском — межгалактическая организация, охватывающая гораздо более широкую область космоса, чем наш Патруль... — задумчиво произнес Хейнес.

— Я ни в чем не уверен, сэр... Экранирование было таким сильным, что мне пришлось напрягаться, чтобы уловить обрывки фраз... Однако слова «в этой Галактике» меня серьезно настораживают.

— Ну, на подобные темы мы еще поразмышляем, а сейчас командуй — ребята тебя заждались.

— Хорошо! Во-первых, надо отойти еще дальше от планеты, чтобы застраховаться от неожиданностей. Включить экраны! Операторам следить за полями! При малейших изменениях, при появлении самых слабых импульсов немедленно установить сканеры на максимальную мощность! Ясно?

— Так точно, — хором отозвались ленсмены, и Киннисон сел за панель управления.

Сняв мысленную блокировку, он направил ментальное излучение в неприятельскую крепость, и оно вошло в неощутимый мягкий контакт со сверкающей сферой, висевшей над пультом в центральном зале.

Последовавшая реакция была молниеносной. Обычный человек вообще не заметил бы ничего, и даже тренированный мозг ленсмена успел поймать лишь всплеск энергии. Однако Ким ощутил кое-что еще: на неимоверно короткое мгновение он соприкоснулся с могучей и зловещей ментальной силой, управляющей бесчисленными локаторами и субпространственными полями, рассеянными по всей Вселенной.

Как и ожидал Киннисон, шар оказался гораздо опаснее, чем можно было предполагать. Он понял, что безобидное на вид транслирующее устройство мгновенно превращалось в источник смертельно опасных вибраций, едва чужая мысль касалась его поверхности.

Прошло несколько секунд — и там, далеко на планете, в сердце цитадели сияющая сфера взорвалась, высвободив невероятное количество энергии. Мало того, излучение коснулось детонаторов, установленных в хранилищах дуодека — вещества, в котором была сконцентрирована энергия миллиардов атомных бомб!

— Мой бог! — только и сказал Хейнес, когда сначала база, а потом и вся планета превратились в сгусток огненной плазмы.

Однако наблюдатели Патруля не могли полагаться только на зрение: сканеры работали на ультра-скоростях, коммуникаторы кораблей были в полной готовности — и вскоре стало ясно, что ни одно судно не пострадало.

На экранах флагмана с замедленной скоростью воспроизводились все стадии происшедшей катастрофы, тщательно отснятой следящими камерами.

Два пожилых ленсмена и один юный наблюдали замедленную съемку, произведенную с трех разных позиций: с далекой дистанции, с близкого расстояния от поверхности и изнутри базы.

Сначала шар медленно разлетелся на мелкие брызги, затем вспыхнули предохранители у нескольких детонаторов — и вся база исчезла в ослепительном пламени, исчезла мгновенно, без всякого перехода, потому что взрыв дуодека происходит со скоростью, близкой к скорости света, и любая масса превращается в ничто за неимоверно малую долю секунды. Ни давление, ни температуру в эпицентре взрыва измерить никому еще не удалось, так как ни одно вещество не способно выдержать чудовищный ураган энергии; но считают, что эти характеристики мало отличаются от подобных величин в глубинах звезд.

После первой вспышки процесс ненадолго стих, однако как только волна детонации достигла ядра планеты, она буквально взорвалась изнутри. Силы взрыва и гравитации боролись друг с другом, пока наконец обломки и осколки некогда обитаемого мира не сбились вокруг сгустка раскаленной плазмы, долго еще продолжая свой хаотичный танец. Космическая катастрофа подошла к концу. Газы постепенно остынут, потоки расплавленного металла и лавы навеки замрут, и — кто знает? — сколько долгих веков пройдет, прежде чем на голой изуродованной планете зародится новая жизнь, если она вообще сумеет приспособиться к искалеченному миру.

— М-да... — выдохнул Хейнес, — вот это действительно в з р ы в! А я-то собирался использовать боскомианскую базу в качестве нашего опорного пункта...

Без всяких комментариев Киннисон связался с группой операторов:

— Есть следы?

— Да, в трех районах зарегистрированы вспышки активности. Там замечены не только излучения, вызванные катастрофой, но и всплески энергии, свидетельствующие о мощных направленных потоках.

Все три точки находились на одной линии, ведущей в межгалактическое пространство. Тщательно изучив ее направление, Киннисон, опустив голову, погрузился в раздумья.

— Хотелось бы выяснить кое-какие вопросы. — Старый комендант Уэнтворт Холла прервал молчание. — Был ли Ха'Исса главой загадочного Боскома? Достаточно ли у нас доказательств этого факта? И что теперь делать? Что делать — после того, как мы расправимся с оставшимися боскомианскими кораблями?

— На все три вопроса у меня один ответ: не знаю! — Лицо Киннисона осунулось и казалось постаревшим. — Вам известно то же, что и мне. Все, о чем я знал или просто догадывался, я уже рассказал. Я не уверен, что Ха'Исса и глава Боскома — одно и то же лицо. Более того, странный шар-транслятор убеждает в обратном... Но сказать, что мы теперь знаем больше, чем раньше, первого; а о том, что нам делать после расправы с боскомианами, надо спросить у адмирала Хейнеса. Кстати, пока мы обсуждаем эту проблему, они начали атаку! Смотрите! — Киннисон показал на ближайший экран.

Пока Киннисон разговаривал с фон Хогендорфом, адмирал Хейнес не сидел сложа руки. Следуя его при-

казам, флот разделился на восемнадцать отрядов и направился к восемнадцати уцелевшим боскомианским крейсерам. К удивлению адмирала справиться с ними оказалось не так-то просто.

После гибели базы и взрыва, уничтожившего всю планету, боскомиане были лишены централизованного управления, и капитанам кораблей пришлось действовать на свой страх и риск. Спасаться бегством, как они прекрасно понимали, было нелепо: самый маленький из истребителей Патруля догнал бы и уничтожил их в какие-нибудь пять минут. Но сторонники Боскома вовсе не были трусами и не собирались сдаваться без боя, предпочитая быструю смерть заключению в тюрьмах Патруля, из которых не существовало выхода. Для них не могло быть и речи о мягком приговоре или о прощении; война между Боскомом и Патрулем не напоминала борьбу за территории и сферы влияния между двумя государствами одной цивилизации. В межгалактической битве сошлись две диаметрально противоположные и абсолютно несовместимые культуры; выигравший выживал, а побежденный был обречен на смерть. Только так; другого выхода не было. В этой космической дуэли ни одна из сторон не просила ни пощады, ни снисхождения. Безжалостность ко всем без исключения, жестокость, исступленная ненависть и холодный расчет — все эти качества требовались от разумных существ, если они хотели выжить.

Боскомиане были обречены. Никто, в том числе и они сами, в этом не сомневался. Но они не метались подобно крысам на тонущем корабле, а стояли насмерть, стараясь продать свои жизни как можно дороже. Хотя враги превосходили их числом и мощью, не оставив им ни времени, ни возможности подготовиться к битве, экипажи восемнадцати крейсеров с решимостью отчаяния замерли на боевых постах в ожидании атаки; более того, безумная гордыня заставила их нанести удар первыми.

Тяжелые крейсеры Патруля уверенно строились в боевой порядок. Они имели на вооружении мощнейшие эмиттеры и транспортные лучи, которые позволяли притягивать или отталкивать любые корабли противника. Кроме того, они были оснащены защитными экранами, которые теоретически не могли пробить никакие снаряды, никакое излучение. Тактика истребителей была простой: сначала зажать врага, окружив его со всех сторон, а

затем расстрелять неподвижную мишень из подходящего оружия. За счет слаженного манипулирования защитными полями они легко уклонялись от любой опасности, будь то лучевое оружие или материальный снаряд.

Когда-то, чтобы удержать противника, требовалось два-три крейсера, но техника развивалась и, с появлением установок, позволяющих рассекать притягивающие лучи, Патрулю пришлось радикально изменить тактику. Сейчас даже одного истребителя было достаточно для удержания вражеского судна любого класса и, зная о своем численном превосходстве, флот Патруля без колебаний приблизился к боскомианам на дистанцию поражения. Но корабли, защищавшие главную базу Ха'Иссы, таили кое-какие неприятные сюрпризы.

Вспышка! Вспышка! Вспышка! Три ослепительные точки, возникшие в носовой части трех летающих боскомианских крепостей, превратились в три тонких луча невероятной мощности, пронзивших экраны истребителей с такой же легкостью, как стальная игла пронзает бумагу. Каждый луч прошел сквозь первый и второй защитные барьеры, превратив атакованный крейсер в выжженный изнутри цилиндр. Еще три вражеских судна испустили смертоносные лучи — и Патруль потерял еще три корабля. Потом трижды вспыхивали смертоносные иглы — с тем же результатом. Девять могучих кораблей Цивилизации погибли, пока оставшиеся не поняли, что происходит, и не отошли на безопасное расстояние.

Большинство офицеров флагманского корабля изумленно смотрели на экраны, застыв, как в столбняке, но два ленсмена отреагировали мгновенно.

— Торндайк! — взревел адмирал. — Что они там делают? И, разрази их гром, как?

А Киннисон, ничего не говоря, бросился к компьютеру и начал быстро просматривать результаты анализов.

— Они перевели всю энергию генераторов на создание сверхтонких лучей, — коротко доложил Торндайк, — но, похоже, исчерпали все свои ресурсы.

— Плазменные лучи, очень горячие. Температура просто фантастическая, — сообщил Киннисон. — Затрудняюсь даже назвать порядок: ни один прибор не выдержал.

— Но как же они сами... — начал было фон Хогендорф.

— Они ударили — погибли, — спокойно объяснил

Торндайк. — Одно судно и одна команда — за наш крейсер... С их точки зрения, это неплохая цена!

— Больше у них этот номер не пройдет! — объявил Хейнес.

Адмирал всегда держал слово. У Патруля было достаточно сил, чтобы, окружив противника, уничтожить его с такой дистанции, которая превышала радиус действия смертоносного излучения.

Круг кораблей Патруля начал сжиматься; они двигались уверенно и неторопливо, словно поддразнивая противника, провоцируя его на бессмысленную трату энергии и наблюдая, как боскомиане постепенно лишаются рассудка и ярости. Патруль не спешил. И не собирался щадить врага.

Глава вторая

ДВОЙНОЙ КАНАЛ

Большую часть времени, пока они летели к Земле, Киннисон провел в своей каюте, погрузившись в размышления и отвлекаясь от них лишь для того, чтобы в очередной раз сказать себе, как мало он понимает в сложившейся ситуации, чувствуя, как глубинный смысл событий ускользает от него... И даже прибыв на Главную Базу он не мог отвлечься от этих мыслей; постоянно, неделя за неделей, он перебирал в памяти калейдоскоп событий и фактов. Он жил как в трансе и ничего не мог поделать с собой, пока в один прекрасный день старому хирургу Лейси не удалось вывести его из состояния мрачной задумчивости.

— Ну, хватит, дружок, хватит! — пророкотал он, ослепительно улыбаясь. — Такие упорные размышления заставляют так быстро деградировать нейроны, что скоро ты начнешь лаять и вилять хвостом. Выражаясь на математическом языке, интеграл от плюса к минусу стремится к нулю.

— Что? О чем это вы? — переспросил изумленно ленсмен.

— Подумаешь, немного ошибся в математике, но зато как звучит, а?! — Лейси источал благодушие. — По крайней мере, я привлек твое внимание, не так ли? Что мне и требовалось. Объясню проще: если долго бежишь по кругу, то можешь наткнуться на собственную спину. Пойдем-ка со мной, я знаю одно неплохое местечко поблизости.

— Местечко? Где? Куда нам надо идти?

— К Великому Шару, построенному в честь Великого Флота. Старый доктор Лейси прописал тебе полную смену обстановки. И не пререкайся со мной, идем немедленно!

Центральный городской Дворец Отдыха, выстроенный в форме сферы, поражал изысканностью и красотой. Тысячи полихромных ламп изливали потоки света на удобные кресла и столики, заполненные людьми, но ярче всего была освещена гигантская танцевальная площадка. Множество прекраснейших женщин в одеждах из тканей, доставленных со всех концов разных уголков Галактики, поражавших воображение богатством красок и переливами цветов, наполняли зал нежностью и очарованием. Мужчины — а их тоже было немало, представителей самых разнообразных служб Патруля, одетых в яркую форму с нашивками и эмблемами, — отдыхали здесь от своей изматывающей работы.

— Сначала ты танцуешь с мисс Форестер, Ким, — объявил хирург, подводя ленсмена к высокой пышной блондинке в манарханском гламорете — последнем крике межзвездной моды.

Рядом с переливающимся голубизной платьем девушки скромная серая форма Киннисона выглядела линялой тряпкой, но, несмотря на это, сотни глаз были прикованы именно к нему, а не к партнерше: не так уж часто Серые Ленсмены заходили сюда потанцевать и поразвлечься — тем более такие высокие и красивые, как Ким. Крупная партнерша Киннисона казалась маленькой и хрупкой в его мощных руках, ее движения стали скованными и неловкими от смущения. В очередном па она, споткнувшись, больно наступила ему на ногу, а он, тоже растерянный, вместо того, чтобы как-нибудь ловко выйти из положения, опустил свой тяжелый кованый башмак на ее изящную туфельку.

— Простите меня, пожалуйста, — совсем смутился ленсмен. — В последний раз, насколько я помню, мне

приходилось танцевать лет пять назад, и я забыл, как это делается.

— Брать на себя вину очень благородно, но я сама во всем виновата, — ответила девушка, опустив глаза и покраснев до кончиков ушей. — Вообще-то я хорошо танцую, но... вы ведь Серый Ленсмен!

— Что? — переспросил он с откровенным изумлением, и она впервые взглянула ему в глаза. — Какое это имеет отношение к прекрасной девушке и моим неловким попыткам не наступать ей на ноги?

— Самое прямое, — уверила она, однако теперь ее тело несколько расслабилось, и они, наконец, отдались во власть чудесной медленной музыки. — Дело в том, что многие из собравшихся здесь вообще никогда не видели вблизи Серого Ленсмена, ну а танцевать с одним из них... поверьте, это просто потрясающе! И я должна признаться, что собираюсь извлечь из этого пользу. Кстати, как вас положено называть? Нельзя же говорить вам «мистер», как обычному человеку?

— Можете обращаться ко мне как угодно — предложил Киннисон и добавил: — Почему бы нам не бросить это дело и не перекусить? Ну, например, марсианский бутерброд и файалин?

— Ну уж нет! — воскликнула она. — Я не собираюсь терять свой единственный шанс. Мы будем танцевать, и я хочу насладиться каждой секундой. А потом я помещу вот эту танцевальную карточку — если, конечно, вы ее подпишете, — в особый футляр и сохраню для потомков... Чтобы все знали, как в дни моей юности я танцевала с настоящим Серым Ленсменом! — девушка улыбнулась. — Можно ли мне расспросить вас о космосе? Только боюсь, что мои вопросы покажутся вам глупыми...

— Простыми — может быть, но глупыми — никогда, уверяю вас, — галантно возразил Киннисон, гордый своими светскими манерами.

— О, вы слишком снисходительны! Но пусть мне в оправдание послужит то, что я, как большинство женщин здесь, никогда не бывала в далеких мирах, в настоящем глубоком космосе. Я летала только дважды, и оба раза в пределах системы: один раз на Марс, а второй — на Венеру. Ну, а кое-кто не выбрался за всю свою жизнь даже на Луну, так что я, можно сказать, счастливица. Честно говоря, мне трудно понять, как вы, звездные странники, ориентируетесь в пространстве и времени — такие скорости, такие расстояния...

Ну, а ваши Линзы — это вообще нечто недоступное разуму обычного человека! Ни один средний ум не может постигнуть величин таких порядков... О, не поймите меня превратно!

— Вы хотите знать, человек ли я? — расхохотался немного обиженный Киннисон. — Могу вас успокоить: я, как и вы, состою из плоти и крови и тоже не могу постигнуть кое-какие величины. Но ведь мне это и не нужно, достаточно с ними работать! — он пристально взглянул на свою партнершу и произнес: — Ну вот, теперь-то я вас наконец узнал — вы Глэдис Форрестер, и мы с вами плывем в одной лодке.

— Со мной? То есть как? — изумилась она.

— Не каждый в состоянии представить себе, что такое миллион. Но помнится, я слышал, что ваш отец, человек богатый, дал вам именно миллион кредитов, чтобы вы научились управлять финансами единственно правильным путем — пройдя через ошибки и обретя опыт. Сначала вы многое потеряли, верно? Но в конце концов вам удалось вернуть все с прибылью, несмотря на попытки всяких предприимчивых парней прибрать к рукам и вас, и ваши деньги. Так вот, не представляя такой величины, как миллион, вы, тем не менее, прекрасно с ним справляетесь.

— Но это совершенно разные вещи, — запротестовала девушка.

— Нет, очень, очень похожие, — улыбнулся Ким. — Конечно, объяснить иначе, чем подбирая аналогии, я не сумею, но возьмем вот такой пример: для того, чтобы вести машину, вам не надо проводить ментальную визуализацию всего континента... Кстати, вы предпочитаете летать или ездить по земле?

— Конечно, летать, но иногда, под настроение...

— Впрочем, это не важно. Пусть вы движетесь со скоростью тысяча миль в час, аудио доносит до вас голоса, а видео — изображения, передаваемые десятью-пятнадцатью станциями за тридцать-сорок тысяч миль от вас. На ультраволнах вы можете принимать передачи даже с Луны или других планет...

— Особенно хорошо слышно Луну, — перебила девушка. — Программы у них...

— Позвольте, я продолжу. Замените мили на парсеки, и все станет ясно. Наши ультраволновые коммуникаторы работают на огромные расстояния, особенно на подпространственных частотах...

— А что такое подпространство? — воскликнула Глэдис.

— Ну, вот этого никто и не знает. Нельзя даже с уверенностью сказать, что такое обычное пространство, или эфир, как его еще называют. Мы не можем также дать определение гравитации, но используем ее вовсю. Никто, кроме того, не знает особенностей течения времени в космосе. Мы вообще ничего не знаем, правда!

— Вам, я вижу, доставляет удовольствие надо мной потешаться! Но мне все равно нравится вас слушать. — Она чуть прижалась к нему. — Расскажите еще что-нибудь о коммуникаторах.

— Ультразвуковые волны намного быстрее радиоволн, которые распространяются в космосе исключительно медленно. Разница в скорости их распространения примерно такая же, как, например, между скоростями вашей машины и космического корабля. Да, ультразвуковые лучи удивительное изобретение! Они в девятнадцать биллионов раз быстрее света.

— Девятнадцать биллионов! — воскликнула изумленная слушательница. — А вы говорите, что человеку сложно представить себе жалкий миллион.

— Дело не в том, чтобы понимать или представлять какое-то понятие или определение, — необходимо это просто знать и уметь пользоваться им. Все, что вам требуется запомнить, умещается в одном предложении: корабли так же движутся среди звезд, как обычные машины по земле, а парсеки — всего лишь космические мили. Так что поменьше слушайте трепачей с горящими глазами, которые твердят о необозримых пространствах.

— Благодарю за разъяснения, теперь мне многое стало гораздо понятней. Ну, а как насчет танцевальной карточки? Вы дадите мне свой автограф? О, пожалуйста!

— Конечно.

Музыка стихла, и Киннисон послушно подписал протянутую карточку. В царящей вокруг беззаботной атмосфере Ким почувствовал себя лишним, а разговор с партнершей оставил в нем ощущение чего-то вязкого и тягучего, облепившего его как мокрая вата. Непроизвольно вытирая ладони о брюки, ленсмен с тоской оглядывал зал в поисках Лейси.

Тем временем среди девушек разгорелся нешуточный спор за право следующего танца с героем космоса, и вскоре Киннисон обнаружил, что отплясывает с изящной

миниатюрной брюнеткой, одетой в нечто напоминающее электрический разряд, — если несколько клочков полупрозрачной ткани можно назвать одеждой.

— О, мистер Киннисон! — сразу зашлась в экстазе его новая партнерша. — Я всегда считала, что герои вроде вас редко появляются среди простых смертных! Как вы переносите эту ужасную космическую пустоту? О, я просто не могу и вообразить такого! О! Бесконечность! Одиночество!

— Вы когда-нибудь летали, мисс? — спросил несколько ошарашенный молодой ленсмен, слишком отвыкший от цивилизованного общества и успевший забыть о таких существах — «бабочках», порожденных высшим светом.

— О, конечно! — Юная леди продолжала столь бурно выражать свои чувства, что на них стали неодобрительно оглядываться.

— Наверно, до самой Луны? — почтительно поинтересовался Ким.

— Не будьте таким насмешником! Я была даже на Марсе! И — подумать только! — во время полета я чуть не потеряла сознание... так переволновалась, что...

Киннисон устал. Музыка чередовалась с короткими паузами, одна партнерша сменяла другую, бесконечные глупые вопросы рождали нелепые ответы. Ким не мог, как раньше, с головой окунуться в бурное веселье, его мозг упрямо возвращался к мучившим его проблемам, не желая становиться органом по производству острот и комплиментов. Ленсмен, все более раздражаясь, уже всерьез подумывал, не сбежать ли ему, как вдруг за группой мужчин увидел стройную девушку с густыми каштановыми волосами, отливающими медью. Киму не нужно было подходить ближе или ждать, когда она повернется к нему лицом; жаркий толчок крови подсказал ему, что это она — его заботливая сиделка и хороший друг, с которой он расстался на Бойсии.

— Мак! — сконцентрировавшись, мысленно позвал он. — Ради небес, голубых и черных, выручай! Сколько танцев ты уже обещала поклонникам?

— Ни одного! Я никогда ничего не обещаю наперед! — Подскочив, как от укола булавкой, она замерла, в панике оглядывая толпу огромными золотистыми глазами. Ей уже не раз приходилось воспринимать переданные Линзами сообщения, но на этот раз произошло нечто иное, совершенно новое и необычное! Она могла

прочесть все мысли вызвавшего ее ленсмена так же просто, как сам он умел проникать в мозг любого разумного существа. В отчаянной попытке блокировать свой разум от посторонней воли, Кларисса зажмурилась и крепко сжала кулаки.

— Отлично, Мак, — мягко прозвучал голос у нее в голове. — Если бы ты заранее распределила танцы, мне пришлось бы ждать до завтра. Можно пригласить тебя на следующий?

— Конечно, Ким.

— Спасибо! И обещаю не использовать Линзу до конца вечера.

Она облегченно вздохнула, а Киннисон прервал телепатическую связь так же легко, как мы прекращаем телефонный разговор.

— Я бы с радостью потанцевал с вами, — повернулся он к стайке жадно смотревших на него девиц, — но следующий танец уже занят. Может быть, чуть позже...

— Прошу прощения, — спустя минуту вежливо обратился Ким к мужчинам, толпившимся возле рыжеволосой красавицы, — но этот танец обещан мне... Не так ли, мисс Мак-Дугал?

Она кивнула и, одарив своих обиженных поклонников ослепительной улыбкой, шагнула навстречу Киннисону.

— Помолись своему космическому богу, Ким, — улыбнулась она. — Иначе с этим танцем ты не справишься, а мне будет очень жаль туфельки...

— А говорила, что ничего не обещает наперед, — хихикнул один из мужчин, так безжалостно оставленных Клариссой. — Тоже мне дипломат!

— Не будь ослом — насмешливо возразил другой. — Она ничего не обещала н а м, а он... он — Серый Ленсмен!

Они были очень красивой парой: могучий молодой мужчина и высокая тоненькая девушка в легком платье из зеленого шелка и крошечных серых туфельках. С мягкой грацией они кружились по залу, и временами Киннисону казалось, что его партнерша не ходит по земле, а буквально скользит по воздуху.

— С тобой приятно танцевать, Мак, — выдавил он наконец. — Но, знаешь, я все равно отвык и никак не могу настроиться на нужный лад. Сам не понимаю почему, но меня все бесит и раздражает. Я, наверно, совершенно одичал за время скитаний в космосе.

— Одичал? Как бы не так! — Она, смеясь, покачала головой. — Ты прекрасно понимаешь, в чем дело, но стесняешься говорить откровенно.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Что? — скорчив забавную рожицу, передразнила она. — Ты совершенно чужой в этой дурацкой толпе и, конечно, не можешь настроиться на их дурацкое веселье. Но должна признаться, что и мне, хотя я и не совершала таких подвигов, как ты, и не заглядывала так далеко в пространство, тоже трудно веселиться вместе с ними. Только одна из десяти резвящихся здесь кокеток хоть раз попадала в стратосферу, лишь одна из тысячи бывала на Юпитере или вообще когда-нибудь задумывалась о чем-то, кроме тряпок или успеха у мужчин. Они знают о жизни ленсменов столько же, сколько я — о неевклидовой геометрии или гиперпространстве.

— Кисонька! — расхохотался Ким. — Похоже, ты на многих здесь точишь коготки! Какие нелепые придирки!

— И вовсе не придирки, а чистая правда. — Она немного подумала и добавила: — Или, быть может, немного придирок и много правды... но все равно — они именно такие. По-моему, никто во всей Вселенной не знает, что ты на самом деле делаешь, и только двое смутно догадываются. Кстати, доктор Лейси в их число не входит, — неожиданно закончила она.

Несмотря на удивление, Киннисон продолжал двигаться в такт музыке.

— Знаешь, ты так же не вписываешься в эту картину, как и я, — спокойно сказал он. — Как ты относишься к перспективе потихоньку удрать отсюда?

— С удовольствием, Ким.

С трудом пробившись сквозь толпу, они вышли к лифтам и спустились на землю. Ни единого слова не было сказано до тех пор, пока они не расположились на низенькой скамеечке под могучим раскидистым деревом. Свет ламп почти не проникал к ним, а звуки музыки были едва слышны.

— Так зачем же ты пришла сюда сегодня, Мак? Настоящая причина! — резко потребовал Ким.

— Я... мы... ты... Понимаешь... — Тонкая ткань шарфа не согревала ее обнаженные плечи, и она забавно поежилась, прежде чем продолжить: — Дело в том, что я вполне способна предсказать твои поступки. Доктор Лейси недооценил твою тягу к свободе и, если бы не я,

ты бы уже снова вернулся к себе, чтобы ломать голову над очередной загадкой. Вместе мы можем отвлечься от проблем и немного отдохнуть... если тебе этого хочется, конечно.

— Так вот в чем дело... — разочарованно протянул Киннисон. — Ты знала об идее старика Лейси и решила ее немного подправить...

Воцарилось напряженное молчание, но мисс Мак-Дугал скорее откусила бы себе розовый язычок, чем призналась, что она пришла танцевать только потому, что надеялась увидеть некоего Серого Ленсмена. Она упрямо наклонила головку.

— Ну, конечно. Без Лейси ты бы никуда не пошел, а он считает, что тебе совершенно необходимо отвлечься, иначе твои мозги просто закипят и начнут испаряться.

— И ты с ним согласна?

— Ни капельки! Старик зря раскудахтался, я ему так и сказала. Как бы он ни старался, до тех пор, пока у тебя есть дело, ты его не бросишь, чем бы тебя ни отвлекали.

— Верно! Клянусь Клоно! — Повернувшись, он взглянул прямо в ее широко раскрытые и почему-то блестящие, словно от слез, глаза.

— Не смотри на меня так! — она почти кричала. — Я не выдержу! Я чувствую себя нагой! Я знаю, что сейчас Линза не работает. Если бы ты воспользовался ею, я бы просто умерла, но и без нее ты свободно читаешь мысли!

Если бы девушка знала, что все удивительные телепатические силы ленсмена отключены, она бы очень обрадовалась, ибо ее мозг был переполнен мыслями, о которых Ким не должен был ни в коем случае догадаться. А сам ленсмен прекрасно понимал, что, пожелай он применить хотя бы сотую часть своих способностей, она уже давно была бы полностью в его власти — и ментально, и физически. Ему и в голову не приходило поступить подобным образом, но слова девушки заставили Кима насторожиться. Она что-то знала о нем! Он должен понять, что ей известно и откуда, даже если придется применить силу. Потом он заставит ее все забыть.

— Что ты знаешь о моих способностях, Мак? И как ты получила эти сведения? — Его голос звучал

очень мягко, без нажима, но по спине девушки пробежали мурашки.

— Многое, Ким. — Она слегка дрожала, несмотря на теплый вечер. — Я узнала все из твоего собственного разума. Когда ты вызвал меня — там, наверху, в зале... я... я восприняла не обычный вызов — короткую, резкую мысль, а нечто другое. Я как будто оказалась внутри твоего мозга... не могу объяснить... Я знала все, о чем ты думаешь, все, чего ты хочешь, все, что знаешь. По-моему, это называется двойным каналом — во всяком случае, я слышала, как именно такой термин употребляли ленсмены. Никогда не думала, что сама испытаю что-то подобное... Я поняла лишь крохотную долю открывшегося мне — слишком много всего обрушилось на мою бедную голову. Я не подозревала, что смертный может иметь такой мозг, Ким! Но самое страшное — я воспринимала какие-то импульсы, которые почти вывели меня из равновесия. А ведь ты об этом даже не догадался, не почувствовал! Но знай: я ни за что на свете не забуду того, что мне открылось! — выпалила она.

— Да, это совершенно меняет дело. — К удивлению девушки Киннисон говорил совершенно спокойно, даже задумчиво. — Значит, я сам создал двойной канал, даже не заметив этого... А я-то, дурак, думал, что тебе на глаза попались какие-то секретные документы... Похоже, я тебя недооценивал, малышка!

Отметим, что дело заключалось совсем не в Киннисоне, но в то время только Ментор Аризии знал о действительных возможностях мозга Клариссы Мак-Дугал. Сама же она ни о чем не подозревала.

— Да, это случилось дважды, а один раз — просто оскорбительным образом! — уточнила девушка. — Зато во второй раз твои слова показались мне комплиментом.

— Ты вселила в меня уверенность, что я просто дикарь... мало того — грубиян и недалекий тип.

— Не болтай глупостей, ведь и я когда-то относилась к тебе несколько жестоко. Но что нам делать теперь?

— Ну что ж, я виноват сам, так что делать нечего, придется оставить все как есть, — наконец решил Киннисон.

— Оставить! Я буду беречь каждое мгновение, каждую мысль, и никто не отберет у меня мое знание, — горячо отозвалась девушка.

— Да, конечно, — спохватился Ким. Мак не знала

очень многого, и не было нужды просвещать ее дальше. — Понимаешь, я сам очень мало представляю свои возможности, и если и открыл тебе канал, то значит, для этого были какие-то особые причины. — Поразмыслив, он продолжал: — Пожалуй, что-то в подсознании требовало общения, новых мыслей и идей, которые подскажут мне правильное решение наших проблем, высветят новый объект для атаки и так далее. Хейнес и я слишком похожи, так что синхронизация между нами невозможна, а вот ты — совсем другое дело.

— Ты мне настолько доверяешь? — дрогнувшим голосом спросила Кларисса.

— Конечно! — без колебаний заявил Ким. — Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы сомневаться в твоем молчании.

Так, без всякой примеси романтики, Серый Ленсмен Кимбол Киннисон понял и принял тот факт, что между ним и этой девушкой не может быть никакой недоговоренности и никакого недоверия.

Им было легко разговаривать, хотя речь шла не о мелочах, не о личных впечатлениях от встреч, не о дальнейшей их судьбе, а о всей Вселенной и разгорающемся конфликте двух культур — Боскома и Лиги Миров. Для постороннего наблюдателя они выглядели двумя влюбленными, но их уединение охраняли Линза и ментальный щит Киннисона. Время от времени к ним приближались другие парочки, но испытав на себе легкое воздействие воли ленсмена, тут же поворачивались и быстро уходили прочь, даже не успев осознать, что же не понравилось им в огромном ветвистом дереве, казавшемся на первый взгляд таким надежным укрытием.

Долгая беседа подошла к концу, и Киннисон помог девушке подняться. Его плечи расправились, а в глазах замерцал огонек, как у человека, наконец-то решившего, что ему делать.

— Кстати, Ким, — спросила девушка по дороге к Дворцу, — а кто такой Клоно, именем которого ты все время клянешься? Какой-нибудь космический бог вроде Ношабкеминга на Валерии?

— Чем-то похож, но гораздо солиднее, — рассмеялся Ким. — Да, он похож на Ношабкеминга, на богов Греции и Рима, на трех парок и еще многих других. Сначала, мне кажется, он появился на Корвине, а затем был признан всей Галактикой. У него есть зубы, рога, когти, копыта, хвост и еще не знаю что, а потому

клясться его именем довольно удобно... удобней, чем всеми остальными...

— Но зачем вообще клясться и ругаться? — полюбопытствовала она. — Это ведь глупо!

— Женщины плачут, — заметил он. — Мужчины ругаются, чтобы не плакать, а женщины плачут, чтобы не ругаться. Психология объясняет и то, и другое: предохранительные клапаны выпускают пар, когда грозит опасность взорваться. Так что хвостатый Клоно по-своему полезен, — добавил он, помолчав.

Глава 3

БОГ ИЗ МАШИНЫ

В библиотеке адмирала, в его богатом комфортабельном доме, защищенном от всех форм вторжения и слежки с той же тщательностью, как и его личный кабинет, сидели, переглядываясь с видом конспираторов, два старых ленсмена. Впрочем, они и в самом деле были настоящими заговорщиками. Прервав беседу, один из них поднялся и, достав бутылку файолина, наполнил маленькие сверкающие бокалы. Раздался мелодичный звон, бокалы соприкоснулись.

— За любовь! — провозгласил Хейнес.

— Ну разве это не великолепно? — ответствовал Лейси.

— Божественно! — в один голос воскликнули старики, дружно проглатывая напиток.

— Но ты, старина, даже не интересуешься тем, что я увидел! — подвел итог Лейси.

— А зачем? Я так нашпиговал парк шпионской аппаратурой, что знаю даже, как они дышат и какой у них пульс.

— С тебя станется! Ну и тип! Хотя, будь у меня такой набор шпионской техники, я бы тоже не устоял перед соблазном. Ну ладно, выкладывай все, старый ворон, — Лейси снова усмехнулся, однако привычная маска

спокойствия не могла скрыть его жгучего интереса.

— Мне вообще-то нечего сказать. Ты хорошо потрудился, да, согласен, но не вижу причин поднимать шум.

— Забавно. Эта рыжеволосая молния считает, что у всех вокруг размягчение мозгов, и только у ее ленсмена одни сплошные достоинства... причем она, не скрывая, сообщает об этом всем в лицо.

— Ну, это ты зря. Не настолько уж она огнеопасна.

— Как бы не так! Она абсолютно неуправляема.

— Не спеши, пройдет время — она повзрослеет и поймет, что мы растим ее с момента рождения для весьма определенной цели.

— Может быть, Кларисса когда-нибудь нас и поймет. Игра стоит свеч... Слава Богу, что я уже не молод... ведь они так страдают, эти молодые идиоты!

— Заметь, к а к они страдают: не совсем так, как положено в их возрасте.

— Ты видел, чем все кончилось, а я нет. Как они расстались? — спросил Лейси.

— Вроде бы хорошо, но лучше было бы немного иначе. — Хейнес крутил рюмку, наблюдая, как файолин переливается всеми цветами радуги. Подумав, он заключил: — Приманка сработала, и она все о нем теперь знает. Как бы она не натворила дел!

— Не думаю. Держать себя в руках она вполне способна, и ошибок не будет. Но, пожалуй, надо разлучить их ненадолго.

— Отлично придумано. Пошли госпитальное судно куда-нибудь подальше недели на две-три. Сумеешь?

— Нет проблем. Три недельки она полетает. А вот его мы, к сожалению, отправить подальше не можем.

— Можем. Гарантирую: через две недели он тоже улетит. — Под вопросительным взглядом приятеля Хейнес сделал большой глоток и продолжал: — Не упади, старина. Он отправляется в туманность Ландмарка.

— Не может быть! На это требуются тысячелетия! К тому же, туда уходили и до него, но никто — ни один! — не вернулся! Ты пошлешь парня на верную гибель — и зачем? Неужели для того, чтобы ненадолго разлучить молодую парочку, которую мы свели своими собственными руками, нужно отправлять одного из них прямиком в ад? Да еще и на целую вечность?!

— Ну, если он поймет, что так надолго, он вернется обратно. Не забывай, в межгалактическом пространстве

концентрация плотного вещества так ничтожна — всего один атом на несколько кубических миль — что можно изменить кое-какие штуки в генераторах и добиться фантастических скоростей. Да и отправляем мы его отнюдь не безоружного... О нем хорошо позаботятся!

— Насколько хорошо?

— Он получит все лучшее, чем мы располагаем.

— Не нравится мне это, ох, не нравится... Лучше я назначу девчонку начальником сектора... пусть получит повышение и отправляется куда-нибудь подальше.

— Хмм... по-моему, кто-то только что назвал будущего начальника сектора «рыжеволосой молнией». Или мне приснилось?

— Так оно и есть... но при том она — превосходный врач и, должен заметить, одна из прекраснейших женщин, какие мне встречались в жизни.

— Отлично, Лейси, дай ей повышение. Она того стоит. Будь иначе, не заварилась бы вся эта каша. Они — самая красивая пара, которую когда-либо взрастила старушка-Земля.

— Вот именно. Какие у них потрясающие скелеты!

* * *

В то самое время, когда два пожилых ленсмена обменивались своими умозаключениями, юная стройная женщина с буйной копной рыжевато-бронзовых волос и золотисто-карими глазами смотрела на свое отражение в зеркале, с трудом сдерживая слезы.

— Ты безмозглая, уродливая, капризная, самоуверенная дура! — бушевала она, испепеляя взглядом свое отражение. — Даже у микроцефала, даже в тупой башке имбециальной овцы больше разума, чем у тебя! Надо же умудриться — из всех мужчин необъятной галактики выбрать именно Серого Ленсмена, который воспринимает тебя как вещь, как предмет обстановки! Кимбол Кинисон!.. Ооо!..

Резким движением она сорвала браслет с запястья и швырнула его на пол. Тонкий пластик, не выдержав удара, разлетелся на тысячу ослепительных осколков. Выражение лица девушки неуловимо изменилось и, порывисто вздохнув, она прошептала:

— Он же Серый Ленсмен, он не имеет права влюбляться, пока на нем такая ответственность... Он не может позволить себе стать таким, как все люди... Может быть,

достаточно просто любить его, не требуя ничего взамен?

Она выпрямилась и улыбнулась при мысли о такой жертве, но жалкая попытка примириться с действительностью тешила ее недолго. Уголки рта поползли вниз, и девушка зарылась лицом в подушки, содрогаясь от рыданий.

— Ким! Ким! — всхлипывала она. — Ну зачем я вообще родилась на свет божий?

* * *

Три недели спустя, в глубоком космосе, Кимбол Киннисон сидел, погруженный в необычные и весьма далекие от профессиональных занятий размышления. В его удобной и практичной каюте было не продохнуть от сигаретного дыма, что, впрочем, совершенно не смущало ленсмена. И думал он не о Боскоме.

Все мысли его крутились вокруг Мак. Когда он подумал о ней во время танца, то непроизвольно, первый раз в своей жизни, не сумел сузить посылаемый луч — так, чтобы тот содержал одну-единственную мысль. Почему? Объяснение, данное им, не было правдивым. И почему он так обрадовался их встрече? Почему в его мозгу — в этой холодной отлаженной машине — вдруг вспыхнул тогда ее ослепительный образ: глаза, улыбка, буйные волосы, прекрасное тело? Мак, конечно, очаровательная девушка, но вряд ли может конкурировать с красоткой, которую он как-то раз встретил на Альдебаране II... и даже с этой блондинкой... как ее?.. Форрестер...

Ответ напрашивался только один, но даже самому себе ленсмен не хотел признаться в истинной причине своих тяжких раздумий. Он не имел права л ю б и т ь кого бы то ни было; это никоим образом не вписывалось в его образ жизни. Дело прежде всего! Для того, чтобы сделать из него ленсмена, Патруль затратил миллионы кредитов, а значит, надо их отрабатывать, причем не просто отрабатывать, а так, чтобы деньги принесли прибыль. Ни один ленсмен никогда не женился в молодые годы — тем более Серый Ленсмен, которому даже помышлять не стоит о подобной глупости. Нельзя сидеть на месте, пусть даже рядом с любимой женой, в то время как товарищи будут где-то подвергаться смертельной опасности! Кроме того, девять из десяти ленсменов погибают, не успев закончить службу, а единственный ос-

тавшийся в живых возвращается на Землю, напичканный протезами и пересаженными органами...

С другой стороны, за последние столетия ни одна женщина не пожелала связать свою судьбу с активно работающим ленсменом, прекрасно понимая, что тем самым обрекла бы себя на ад: годы разрывающей сердце тоски, вечное ожидание и страх, а конец всему — раннее вдовство. Безнадежно! Эта Рыжая слишком хороший человек для столь страшной жизни. Он не может ее погубить.

Стоп! С чего он вдруг решил, что такая потрясающая женщина испытывает к нему нежные чувства? Ким вспомнил, что он вытворял, находясь на ее попечении в госпитале. Единственно возможный контакт между ними — только отношения строгого врача и капризного пациента. Однако Киннисон мог поклясться копытами Клоно, что она не задумываясь выйдет за него замуж, стоит только позвать.

Так и будет. Женщины иногда влюбляются, не думая о последствиях, и даже не ожидая ответных чувств. Он ведь ни разу не дал ей понять, как она нужна ему, однако в ней уже зазвучал какой-то внутренний отклик, немой призыв. Нет! Такая женщина достойна лучшей участи! Космический бродяга не для нее. Нежная, милая — ей нужен покой, а не вечный страх за будущее, ей нужна нормальная любовь нормального мужчины. Да, пока он может держать себя в руках, он не испортит ей жизнь. Больше им не следует видеть друг друга! И если они еще когда-нибудь встретятся, он удерет подальше со всей возможной скоростью.

Нахмурив брови, Киннисон поднялся, прошелся по прокуренной каюте, не в силах отделаться от навязчивых мыслей, решительно швырнул недокуренную сигарету и отправился в рубку управления.

Его «Неустрашимый» считался одним из лучших кораблей Патруля. Оснащенный всеми средствами защиты и нападения, обладающий огромными запасами энергии, он совмещал в себе научную лабораторию и мощную боевую машину. Команда была под стать кораблю. В нее входили десять ленсменов (беспрецендентный случай в истории космических полетов!) и группа ученых, чьи интересы охватывали практически все направления научных работ. Был тут и лейтенант Ван Баскирк со штурмовой группой валерианских десантников, Ворсел с Велантии и его трое соотечественников, Трегонси —

ленсмен-ригелианин с дюжиной друзей, инженер Верн Торндайк со своими гениями-изобретателями. Экипаж дополняли три лучших пилота Патруля: Хендерсон, Шермерол и Ватсон.

Помимо персонала, подобранного самим Киннисоном, на судне находились лица, на участии которых в полете настоял адмирал Хейнес. Киннисон, узнав об этом распоряжении адмирала, пытался протестовать:

— Но, сэр, подумайте, какой урон будет нанесен Главной Базе, если мы не вернемся!

— Ты вернешься, Киннисон, у тебя нет другого выхода, — спокойно возразил Хейнес. — Я посылаю с тобой наших лучших людей именно для того, чтобы ты вернулся.

И вот «Неустрашимый» несся сквозь космическую бездну, уходя все дальше и дальше от Земли.

Серый Ленсмен сидел в удобном кресле в рубке управления. Казалось, он спит: глаза были закрыты, а мышцы расслаблены, но его сверхчувственное восприятие улавливало все, вплоть до движения атомов в окружающем корабль вакууме. Эта способность Киннисона делала ненужными обычные экраны и видеолучи; для внутреннего видения не существовало никаких преград.

В межгалактическом пространстве не было ни планет, ни солнц — ничего привычного для звездных путешественников. Космос был пуст. И эта безграничная непостижимая пустота внушала людям суеверный ужас. Пульсировали, вращаясь, галактики; медленно, как бы нехотя, поворачивалась Вселенная; и на этом величественном фоне прочерчивал свой путь крохотный кораблик. Родная галактика осталась позади, почти неразличимая в туманной звездной дымке, а впереди, справа, слева, сверху, снизу мерцали новые звездные острова, никогда не виданные ни одним из существ, подписавших Галактическое Соглашение. Некоторые из гигантских сияющих скоплений пересекали пространство тонкими причудливыми нитями, сплетающимися в невероятные узоры; другие казались ослепительными мерцающими дисками; третьи завивались в фантастические спирали. Бесконечное разнообразие форм, неповторимая игра света — все наводило на размышление о силах, породивших такое величие. Какие масштабы и какая красота! Какое чудовищное, невероятное спокойствие!

И хотя Киннисон не впервые оказался в дальнем космосе, он, как всегда, был поражен и глубоко взвол-

нован открывшейся ему картиной множества миров. Какое право имеет он, ничтожный атом мироздания, посягать на это великолепие, созданное всемогущим и всесильным Творцом?

Ким резко встал с кресла, пытаясь стряхнуть с себя непривычное настроение. Такие мысли никого не доводили до добра... а его, к тому же, ждут дела. В конце концов, разве не человек покоряет космос? Человек важнее и сильнее космической пустоты, которую он начал завоевывать.

Да, но те, кто служит Боскому, ее уже завоевали: кем бы они ни были, кому бы они ни подчинялись, они уже действовали в обеих галактиках — больше сомнений у Кима не оставалось. Покидая Землю, Киннисон смутно надеялся, что главная крепость Боскома скрыта в его родной галактике, что вычисленная линия приведет к крошечному астероиду или планетке, не занесенной на звездные карты. Но сейчас стало ясно: не было ни ошибки в расчетах, ни таинственной планетки. Путь лежал к другому звездному материку.

Среди рас, объединенных в Лигу Миров, первенство пока держало земное человечество. Люди первыми проявляли инициативу, первыми приходили на помощь, первыми творили новые чудеса техники. Ну и конечно, за исключением аризиан, люди обладали самым развитым интеллектом.

Столь философский характер размышлений внезапно пробудил в Киннисоне воспоминания о словах его аризианского наставника. Тот сказал, что благодаря Линзам деятельность Патруля в н а ш е й Галактике будет успешной. Значит ли это, что Линзы могут работать только здесь? Тогда, выходит, Патруль не может выйти за пределы своего звездного скопления? Или все-таки аризиане подозревали, что Боском — межгалактическая организация? Скорее всего, именно так. Ким не раз слышал, что могучий тренированный разум способен охватить сверхчувственным восприятием всю Вселенную. Кстати, мысль об этом заставила его серьезно усомниться в совершенстве собственного мозга.

Отбросив сомнения, Киннисон связался с учеными и наблюдателями, чтобы уточнить ситуацию. Скорость корабля была более ста тысяч парсеков в час, и весь путь, даже с учетом торможения при возвращении, займет около десяти дней. Основным фактором, долгое время ограничивавшим дальность полетов, была нехватка

топлива. Существующие источники не могли выработать такого огромного количества энергии, какое требовалось кораблям, чтобы развить необходимые скорости. Но сам космос пришел на помощь людям: в межгалактической бездне происходило превращение пространства в материю. Используя этот принцип, люди создали уникальный источник питания, и теперь генераторы корабля позволяли развивать ему фантастическую скорость.

Не углубляясь в технические детали и опуская подробности беспрецендентного полета «Неустрашимого» во Вторую Галактику, скажем лишь, что его замечательная команда была занята по горло; специалисты постоянно что-то наблюдали, классифицировали, записывали и анализировали, приближаясь к цели со всей доступной скоростью. Детекторы обшаривали каждый дюйм пространства, за каждым экраном день и ночь сидели наблюдатели, а сам корабль оставался невидимым для посторонних глаз благодаря защитным приборам Хочкинса.

«Неустрашимый» достиг, наконец, Второй Галактики, и экипаж заволновался. Как их встретит новый мир? Похож ли он на привычную для них Первую Галактику или совсем другой? Что они найдут в нем? Может быть, его уже завоевала страшная империя Боскома? Или здесь идет борьба за свободу?

— Насколько я понимаю, мы ни на йоту не отклонились от расчетного курса, и это хорошо, — заметил Ворсел. — Вероятность же того, что Боском контролирует всю галактику, исключительно велика — и это плохо. Думаю, нам все-таки следует исходить именно из этого. Правда, кое-кто здесь может еще им сопротивляться, но, боюсь, наши потенциальные союзники вряд ли обладают космическим флотом, а потому мало надежды, что они смогут присоединиться к силам Патруля.

— Может быть, ты и прав, — согласился Киннисон. — Мы проведем разведку очень осторожно, и если Боском контролирует эту Галактику, его следы будет нетрудно найти.

Прогнозы Киннисона оправдались. Наблюдатели вскоре обнаружили солнце с несколькими планетами и, несмотря на то, что до них было немало световых лет, в системе удалось засечь несколько кораблей.

С помощью сверхчувственного восприятия Трегонси и Киннисон обследовали одну из планет и нашли,

что ее цивилизация во многом напоминает боскомианскую; однако ее непосредственной связи с Боскомом им установить не удалось.

Они изучали планету за планетой в этой системе, однако безрезультатно. Но вот однажды на одном из экранов появились некие следы активности. Между движущимися кораблями и далекой базой протянулась ниточка связи, которую уловил один из радаров «Неустрашимого». Ким немедленно включил записывающую аппаратуру и, пока его товарищи определяли пеленг и расстояние, мягко вклинился в чужой мозг.

— ...немедленно сменить корабль П-4К730. Айх-Лан, глаз и ухо Боскома, объявляет конец связи.

— Следи за этим кораблем, Хен, — резко приказал Ким пилоту. — Не подходи близко, но и не упускай его из виду.

Он начал отдавать один приказ за другим, и спустя несколько минут вся команда была на своих постах.

— Начинается финальное представление! — раздался в рубке гулкий голос Ван Баскирка. — Похоже, мы нащупали Боском, поскольку наконец-то нашли его истинного представителя!

— Может, так, а может, и иначе, — задумчиво протянул Серый Ленсмен. — Во всяком случае, теперь нам ясно, что Ха'Исса не являлся главой Боскома... — он покачал головой. — Ну, дай Бог нам терпения...

Расчетная траектория привела Киннисона к желтоватой звезде, вокруг которой мирно вращались восемь планет обычных форм и размеров. К одной из них и направлялся ничего не подозревающий корабль, а за ним следовало судно Патруля. Вскоре наблюдатели «Неустрашимого» поняли, что в этом мире идет война. Одно из поселений, скорее напоминающее военную базу невероятных размеров и накрытое гигантским силовым куполом, со всех сторон атаковали армады боевых крейсеров.

Киннисон решил вмешаться. Направив ментальный луч в осажденный город, он выбрал одного из старейших защитников и, без долгих раздумий, вступил с ним в контакт. Эти существа оказались похожими на людей; да и вообще планета во многом напоминала Землю: массой, климатом, гравитацией. И, кажется, не только этим: у них были общие враги.

— Да, мы сражаемся с Боскомом, — пришел холодный ответ, в котором сквозили одновременно подозри-

тельность и надежда. — Нам нужна помощь, и как можно скорее. Можете ли вы...

— Мы обнаружены! — В ушах Киннисона взорвался тревожный рев сирены. — Капитан, нас атакуют!

«Неустрашимый», войдя в зону сражения, мгновенно возник на экранах вражеских кораблей. Атака последовала немедленно — жестокая и яростная; уже через две секунды после включения сирены защитные экраны крейсера Киннисона начали вспыхивать под ударами дюжины судов боскомиан.

Глава 4

МЕДОН

На какое-то время все замерли, устремив глаза на датчики и дисплеи, но причин для особых волнений, к счастью, не было. Создатели «Неустрашимого» отлично знали свое дело. Наружный, самый слабый экран легко выдержал атаку и, значит, ничто не могло помешать планам ленсменов.

— Всем пристегнуться! — скомандовал командир экспедиции. — Генри, переходи на инерционный полет и сравняй наши скорости.

Главный пилот Генри Хендерсон отключил двигатели; затем пальцы его стали летать над пультом так быстро и виртуозно, будто он превратился в органиста — только вместо величественных и божественных звуков на свет извлекалась симфония энергии и силовых полей. Их губительная мощь была готова в любое мгновение обрушиться неудержимым водопадом, уничтожающим на своем пути любую материю.

Хендерсон был виртуозом. Огромный корабль, послушный направляющей его воле, развернулся и замер на виду у противника. Ни звука не раздалось в рубке; никто не произнес слов похвалы мастеру за блестяще выполненный маневр — это стало уже привычным. Впрочем, сам Хендерсон, казалось, тоже остался равнодуш-

ным к очередному проявлению своего удивительного мастерства. Ведь это, в конце концов, было его работой.

— Не пора ли приняться за них, капитан? — Старшина боевых операторов ленсмен Шатвей не задал, правда, свой вопрос вслух, но вся его напряженная поза, глаза, впившиеся в экран, говорили гораздо красноречивее слов. Он очень волновался.

— Пока нет, Шатти, — тоже мысленно ответил Ким. — Надо подождать, пока они не окружат нас и не приблизятся — тогда можно будет расправиться со всеми сразу. Потому что, если не уничтожить их всех, если хотя бы один уцелеет и сообщит о нас и о нашем вооружении — вот тогда нам несдобровать.

Сосредоточившись, Киннисон вновь послал мысленный импульс одному из защитников осажденного города, возобновляя беседу, будто она и не прерывалась:

— Думаю, мы сумеем вам помочь, но прежде надо кое о чем договориться. Не могли бы вы вывести свои корабли из боя? И лучше убрать их подальше.

— Конечно, могли бы, но боскомиане успеют сжечь полпланеты, если оставить ее без прикрытия. На какое время нам нужно уйти?

— Очень ненадолго: или мы справимся быстро, или не справимся вообще. Они не успеют причинить планете слишком много вреда, если вообще что-нибудь успеют сделать.

Едва обороняющийся флот отошел, Киннисон повернулся к Шатвею. — Давай, Шатти! Открой свои закрома и пали из чего угодно.

Чего только не было в этих закромах! И спустя минуту на боскомианские корабли обрушился огненный шквал. Но это еще было не все! «Неустрашимый» мало чем напоминал обычные суда: он был огромен — гораздо больше серийного истребителя; и весь, от носового отсека до самой кормы хвоста, был буквально нашпигован энергией. Вместо трех-четырех генераторов защитных полей, положенных тяжелому крейсеру, «Неустрашимый» имел около двух сотен. Небывалые размеры, делающие его похожим на маленькую планетку, набор новейших и удивительнейших приспособлений, поистине уникальная команда — все это делало корабль Киннисона грозой космоса.

Однако, несмотря на удар чудовищной силы, боскомианские корабли не слишком пострадали; у некоторых отключились экраны внешней защиты, а у других

отказала и вторая линия обороны. Но именно это и входило в планы Кима: с одной стороны, показать врагу, что у него есть мощные орудия нападения, а с другой — убедить, что они не так уж опасны при ударе по нескольким мишеням одновременно.

За несколько минут суда боскомиан перестроились, чтобы взять в кольцо пришельца; видимо, их адмирал был уверен, что встретился с каким-то новым кораблем осажденной планеты, пока еще неизвестной конструкции. Вступить в бой один на один они не рискнули, но вместе надеялись легко раздавить противника. Они атаковали сплоченными силами, и наружное защитное поле патрульного судна начало постепенно слабеть и тускнеть; белый, голубой и фиолетовый цвета сменяли друг друга, и наконец барьерный экран окончательно померк. Второе, внутреннее поле продержалось дольше, но все же и оно отказало, и вся тяжесть атаки легла на третий щит, последний. Ответные удары «Неустрашимого» слабели, практически не причиняя противнику вреда. Победа явно клонилась на сторону боскомиан.

— Готовься, Шатвей, уже скоро, — предупредил Киннисон. — Начнем, как только они сообщат своим, что взяли нас в переплет и готовы прикончить в любую минуту. Чем мы располагаем?

— Можно задействовать восемь новых генераторов одновременно. — Манера и голос старшины операторов неуловимо изменились: вместо взволнованного, застывшего в напряженном ожидании человека, у пульта стоял теперь спокойный, уверенный в себе офицер Патруля. — Локаторы показывают, что нас окружает двадцать одно неприятельское судно. С учетом времени реакции и скорости переключения вся операция займет девятнадцать сотых секунды.

— Вызываю службу связи... Нельсон, если предположить, что какое-то судно уцелеет, успеет ли оно в течение этого времени отправить в свой центр сообщение и испортить нам все дело?

— Не думаю, сэр, — почтительно ответил старший связист. — Операторы у передатчиков обычно не следят за ходом боя, их дело — слать полученную от командования информацию. Если с базой поддерживается непрерывная связь, связист, возможно, успеет передать, что их уничтожают, но никакой информации об используемом оружии у него не будет.

Киннисон склонился к микрофону внутренней связи:

— Всем постам! Принимая во внимание возможность передачи врагом точной информации о нашем вооружении и учитывая, что вокруг собрался весь атакующий флот, приказываю: ОГОНЬ!

Исторической объективности ради следует отметить, что принцип действия концентрированных разрушающих лучей был открыт боскомианами и применен в последнем сражении над руинами цитадели Ха'Иссы. Со времени гибели их последней летающей крепости прошло несколько месяцев, и в результате напряженной работы Патруль получил в свои руки новое мощное оружие. Сейчас игольчатый луч уже не был смертелен для самой команды, огражденной от него толщей цилиндрического кожуха и энергетическими полями, однако после каждого выстрела приходилось менять генераторы. Если бы в том знаменательном сражении боскомиане сообразили, какую услугу оказывают Патрулю своей подсказкой, они, вероятно, выбрали бы другую форму самоубийства.

По команде Киннисона восемь сверкающих лучей одновременно пронзили пространство. Они прошли сквозь экраны, барьеры, щиты, сквозь стены и переборки, как нож сквозь масло; и прежде, чем боскомиане успели осознать происходящее, лучевые потоки буквально разрезали их корабли на части.

Едва погасли первые восемь лучей, как тут же вспыхнули следующие. Через несколько мгновений «Неустрашимый» оказался единственным целым судном в обозримом пространстве космоса.

— Это настоящее чудо! Потрясающе! — захлестнули Киннисона мысли далекого защитника крепости. — Мы вызываем обратно свои корабли. Наш космодром открыт для вас, и мы будем рады обсудить с вами планы на будущее.

— Мы приземлимся вслед за вашим флотом, — кратко ответил Киннисон. — Ждем вашего сигнала.

Вскоре последовало приглашение, и ленсмен кивнул пилотам. «Неустрашимый», пройдя сквозь атмосферу, выпустил мощные, похожие на столбы, опоры, и мягко опустился на поверхность планеты.

— Их посадочные площадки для нас маловаты, — не без гордости прокомментировал Шермерол, второй пилот. — Надеюсь, мы никого не раздавили?

— Они сказали, «садитесь, где угодно», — засмеялся ленсмен. — Хвала Клоно, у них плотное покрытие на астродроме, иначе мы проделали бы дырку ярдов двадцать глубиной. Для этой планетки мы явно великоваты.

— Что за чудовище свалилось к нам? Кто они? Откуда? — уловил Ким сумятицу мыслей аборигенов, пораженных размером и весом корабля своих нежданных спасителей. Затем сквозь этот ментальный гул отчетливо пробился импульс, посланный существом, с которым Киннисон уже вступал в мысленный контакт.

— Мы будем рады встретиться с вами, как только вы определите, пригодна ли для вас наша атмосфера.

Анализы не заняли много времени. Конечно, атмосфера несколько отличалась от земной, велантийской или ригелианской, но ведь и внутри «Неустрашимого» состав воздуха был подобран так, чтобы удовлетворить всех членов его пестрой команды.

— На встречу пойдут трое — Ворсел, Трегонси и я сам, — объявил свое решение Ким. — Остальные должны смотреть в оба: пусть у нас общие враги, это еще не значит, что мы с ними станем друзьями.

Спустя некоторое время массивный люк шлюзового отсека открылся, и три ленсмена вступили на незнакомую землю. Они выглядели спокойными и уверенными, но с помощью своего сверхчувственного восприятия напряженно следили за мыслями хозяев планеты, пораженных удивительной внешностью пришельцев. Ленсмены пересекли огромное поле, окруженное густыми зарослями каких-то колючек, похожих на зеленые кактусы, — только не зеленого, а изумрудного и сиреневого цветов. На самой границе посадочной площадки землян встречала небольшая группа гуманоидов. В ожидании гостей они стояли неподвижно — удивительные существа чужой галактики, одетые в серебристые комбинезоны, которые подчеркивали непропорционально длинные конечности и хрупкое изящество тел. Их головы на тонких шеях, увенчанные копнами рыжих волос, казались похожими на яркие пушистые одуванчики и производили неожиданно радостное впечатление. Из группы встречающих вперед выступил мужчина и, прижав левую руку к горлу, склонил голову в приветственном жесте. Его губы зашевелились, и в такт их движению в сознании патрульных зазвучали слова:

— Мы поняли, что вы способны читать мысли, и очень рады этому: нам легко будет понять друг друга. Однако, если вы пожелаете, лучшие специалисты займутся изучением вашего языка и начнут обучать вас нашему.

— Благодарю. Это совершенно необходимо, если на-

ши культуры будут поддерживать контакт, — отозвался ленсмен.

— Но прежде всего мы приносим вам величайшую благодарность за своевременно оказанную помощь. Вы спасли нас, и никто из живущих на Медоне не забудет этого. — В чувствах медонца отчетливо проступали гордость и искреннейшая благодарность; он все больше и больше нравился ленсменам. — Вся планета к вашим услугам, и Мудрейший уже ждет вас в своей резиденции.

— Прекрасно. Мы готовы к встрече с ним.

Их ждал удивительный экипаж, похожий на кубик с гусеницами. Внутри он оказался исключительно комфортабельным и просторным, так что даже Ворсел разместил свое огромное тело со всеми удобствами. Сквозь прозрачные стены ленсмены любовались картинами незнакомого мира: изящными домиками, увенчанными спиральными крышами, густыми зарослями вдоль дороги, стайками детишек в серебристых одеяниях. Но от их зорких глаз не укрылось и множество приземистых строений, служивших, видимо, убежищами и ангарами для кораблей. Когда экипаж проезжал мимо одного из таких строений, Ворсел мысленно сконцентрировался на том, что находится внутри, и вдруг вздрогнул всем телом. В ответ на безмолвный вопрос коллег он передал им мысленный образ странного механизма.

— Соединения в этом устройстве обладают абсолютной проводимостью, — изумленно передал велантиец. — Насколько мне известно, наши ученые давно бьются над этой проблемой, а здесь нет ни одного механизма с обычными для нас проводниками!

— Пожалуй, надо повнимательнее изучить их технику, они вполне могут нас кое-чему научить, — ответил довольный Киннисон. — Ворсел, тебе стоит покопаться поглубже, вдруг найдется еще что-нибудь стоящее!

Странный экипаж медленно развернулся и подкатил к высокому зданию, увенчанному серебристым куполом. На пороге их ожидали десять высоких рыжебородых существ, одетых в такие же серебристые комбинезоны, как и первые встреченные ленсменами медонцы. Обменявшись приветственными жестами, стороны застыли, разглядывая друг друга с вполне понятным интересом.

— Войдите в Зал Совета, наши гости и спасители, — произнес один из хозяев, — и пусть мудрость поможет нам найти общий язык.

Ленсменам все больше нравилась и планета, и ее обитатели: их спокойное достоинство и внешний вид, в сочетании с красотой и гармоничностью природы производили впечатление искреннего дружелюбия и глубокой мудрости.

«Беседа» представителей разных миров велась по привычной для цивилизованных рас схеме, и патрульные еще раз убедились в гуманности и высоком интеллекте медонцев. Встреча закончилась подписанием договора. Когда же соглашение было достигнуто, медонцы поделились с гостями своей главной бедой.

— Большинство миров нашей Галактики захвачено Боскомом, — с горечью произнес Мудрейший. — И вот, понимая, что наша очередь близится, мы превратили планету в гигантский космический корабль и покинули свое солнце. Многие годы мы блуждаем по Галактике, преследуемые врагом, нигде не находя себе места. Не поможете ли вы нам обрести убежище, где наши дети могли бы спокойно жить, познавая мудрость и красоту?

— С удовольствием, — не задумываясь, откликнулся Трегонси. — В нашей Галактике хватает необитаемых звездных систем, и вы можете поселиться рядом с нами.

— Но расстояние... Оно слишком огромно, — усомнился правитель.

— Мы поможем вам, — пообещал Ким, и беседа вновь вернулась к теме борьбы с Боскомом.

* * *

Вечером, наблюдая потрясающий заход медонского солнца, Ким сказал друзьям:

— Я возвращаюсь на Землю — и немедленно. Трегонси, ты должен изучить их психологию и обычаи. Ворсел, твое дело — техника. Не стесняйся залезать к ним в мозги, если дело того потребует.

На следующий день Киннисон стартовал к Земле, никому не сообщив о причине столь скоропалительного решения. Впрочем, никто и никогда не спрашивает Серых Ленсменов, почему они поступают так, а не иначе.

Глава 5

РАДАМЕКС

Появление Киннисона повергло базу в состояние шока и, когда он шагал по коридорам, вслед ему летел почтительный шепот.

— Забавное оборудование! Где ты такое достал? — поинтересовался Хейнес, не скрывая комического ужаса при виде Серого Ленсмена; длинная густая борода — вернее, две аккуратные половинки, наброшенные на плечи, — и некое подобие бакенбардов придавали Киму неописуемо забавный вид. — Такой растительности в Галактике не видели последние лет сто!

— Далась вам всем моя борода! — ухмыльнулся Киннисон. — Это всего лишь маскировка, так как на время я собираюсь стать Честером О. Фордисом, а он всего лишь космический торговец, и ему плевать на веяния моды. Придется потерпеть. А поскольку без грима не обойтись, пусть уж волосы на мне будут натуральными.

— Ладно, эти детали мы обсудим потом, а сейчас я хотел бы знать, что вы там опять натворили, — смягчился адмирал.

Выслушав лаконичный рапорт Киннисона, Хейнес принес ему свои поздравления:

— Отличная работа, сынок! Весьма, весьма неплохо. Мои парни немедленно примутся за дело, как только координаты Медона окажутся в их распоряжении. А теперь скажи старику правду: почему ты был так уверен в обитаемости Второй Галактики?

— Причина проста: слишком уж она отличается от остальных. Ни в одной из соседних звездных систем нет такого количества планет, как в туманности Ландмарка. — Ким посмотрел на адмирала, словно спрашивая, нужны ли дальнейшие объяснения, и продолжал: — Я рассуждал примерно так: поскольку Патруль не смог обнаружить основную базу боскомиан в нашей Галакти-

ке — хотя ее искали сотни лет опытные разведчики — значит, ее здесь нет. Надо проверять все соседние галактики, в первую очередь — ближайшие. Вот и все. Среди них туманность Ландмарка стоит на первом месте. Ведь где выгоднее устраивать базу: в пространстве с одной-двумя разумными расами или там, где их миллионы и где можно создать целую империю?

— Ну, а почему ты решил, что планеты Второй Галактики населены? Ведь никакими данными об этом мы не располагаем!

— Но существует гипотеза об общем происхождении нашей и Второй Галактики! Известно, что галактики могут сталкиваться, порождая планеты, и что планеты — дети пространства и энергии. Вероятность подобного столкновения ничтожно мала, и неспроста именно эти две галактики так богаты планетами. Общность происхождения влечет за собой и общность условий, а значит, там тоже может существовать разумная жизнь.

— Неплохо для работяги-ленсмена, — Хейнес довольно улыбнулся. — Теперь, когда мы знаем, что туманность Ландмарка обитаема, можно не задаваться вопросом, что же случилось с нашими прежними экспедициями... — он помолчал и неожиданно поинтересовался: — А как ты думаешь, не обуславливает ли общность происхождения и одинаковую реакцию на тионит?

— Что же может так укрепить власть Боскома? Очевидно, тионитовое кольцо охватывает обе галактики, и чем больше живых существ пристрастится к наркотику, тем выгоднее Боскому. — Ким умолк и, подумав, спросил: — Давно ли начали пропадать кадеты-ленсмены, которых мы посылаем на Аризию? Известно, что с ними случилось?

— Вообще-то давно... — начал Хейнес и вдруг спохватился: — Постой, откуда ты об этом знаешь?

— Чисто логическое рассуждение, сэр. И оно приводит к очевидному выводу: если враги до сих пор не поняли, как работают наши коммуникаторы, значит, Линзы способны самоуничтожаться, убивая при этом и своих носителей. Аризия слишком предусмотрительна, чтобы выдавать такие секреты, — Ким многозначительно приподнял брови. — Мне кажется, что помимо тионитового кольца должно существовать и кольцо Линз... то есть и в нашей, и во Второй Галактике должны быть существа, обладающие способностями ленсменов.

— Насколько я понял, по-твоему Линзы уничтожают

своих хозяев, если те попадают в руки врагов.. чтобы, ослабев, ленсмены не смогли выдать тайну их происхождения. Так?

— Вот именно, — Киннисон кивнул головой. — К счастью, мы застрахованы от измены и случайного предательства, однако это не повод для того, чтобы сидеть без дела, — он поднялся и неожиданно спросил: — Итак, куда мне отправляться теперь?

Хейнес изумленно поднял брови:

— Сынок, ты забываешь, что давно уже стал Серым Ленсменом, и никто не может тебе приказывать.

— Я не жду приказа, я прошу совета. После гибели Ха'Иссы нарушились многие связи, и боскомианам приходится пошевеливаться, чтобы их восстановить. Любая же активность не может остаться незамеченной. Вот я и спрашиваю, где сейчас главная суета.

— Радемекс. Там обнаружены запасы тионита — крупнейшие за последние десять лет. Недавно я послал туда группу ребят. Думаешь, стоит их вернуть?

— Ни в коем случае, пусть работают. Я буду действовать один, а когда потребуется, мы объединим усилия.

— Отлично! Мне бы не хотелось обижать парней, отстраняя их от работы, тем более, что они успели неплохо себя зарекомендовать. Вы быстро найдете общий язык!

Ким поднялся, уже готовый распрощаться с хозяином, когда тот, ловко развернувшись в кресле, нажал крошечную кнопку на крышке стола. Его поверхность бесшумно раздвинулась, и из глубины поднялся поднос с двумя бокалами и плоской бутылкой файолина.

— За удачу, сынок! — усмехнулся старый ленсмен, протягивая бокал молодому.

Уже выходя из комнаты, Ким услыхал, как адмирал Хейнес, удовлетворенно крякнув, произнес:

— Райское блаженство! Доброй дороги тебе, Серый.

* * *

И снова звезды, снова беспредельность космоса. Опять корабль Патруля стремительно нес Киннисона к намеченной цели, однако сам ленсмен на этот раз не торопился.

День за днем Ким изучал язык Радемекса, знакомился с традициями его обитателей, отращивал свою

бороду, пользуясь сложнейшими приспособлениями, чтобы придать ей экзотическую форму в соответствии с голографическим изображением Честера О. Фордиса, а главное, переместил браслет с Линзой с запястья на плечо и тщательно облучил незагоревший участок кожи, стараясь, чтобы он не выделялся по цвету.

Его одолевала сразу куча проблем: начиная от тайны Боскома и кончая тонкостями отращивания бороды, а если в голову и забредали иногда мысли о некой молодой рыжеволосой леди с золотистыми глазами, он старался немедленно выкинуть их или упрятать поглубже, пока, в конце концов, не убедил себя в том, что она ему совершенно безразлична.

Ким не направился сразу к Радемексу, так как любому разумному созданию было ясно, что частное лицо не в состоянии приобрести корабль такого типа. Поэтому сначала Киннисон приземлился на базе Патруля, за четыре звездные системы от Радемекса. Там Кимбола Киннисона сменил Честер О. Фордис — космический торговец, разбогатевший на поставках файолина и теперь собравшийся покутить и поразвлечься. Буйная шевелюра и густая борода в стиле прошлого века изобличали в нем провинциала, далекого от галактической моды, а факт посещения им салона-люкс в лайнере, направлявшемся на Радемекс, говорил об избытке кредитов в бумажнике.

Итак, мистер Фордис приземлился в Ардите — столице планеты Радемекс — и занял лучший номер в отеле «Сплендид» на сорок седьмом этаже, а затем под звуки фанфар и хруст кредиток вступил в местный высший свет. Получилось так, что большую часть своих развлечений он делил с послом Земли, но вообще-то общительный торговец легко свел знакомство с самыми разными личностями: от шеф-повара отеля до адмирала Джеронда — старшего офицера радемекской базы Патруля, — и все это естественно и ненавязчиво, ни у кого не вызывая подозрений.

Как-то на одном из утомительных светских приемов мистер Джеронд случайно остановился поболтать с экзотическим мистером Фордисом о прелестях радемекских женщин. Поведение мистера Фордиса выглядело несколько странным, но, поскольку все привыкли к его причудам, на это никто не обратил внимания.

— Джеронд! — позвал мистер Фордис, почти не шевеля губами. Со стороны казалось, что он просто рас-

куривает сигарету. — Не смотрите на меня пристально и не выказывайте удивления. В течение следующих десяти минут болтайте всякую чепуху, а потом свяжитесь со мной через Линзу и скажите, встречались ли мы раньше. — И, бросив взгляд на часы — огромное, украшенное дурацкими побрякушками сооружение в стиле богатых провинциалов, он отошел прочь, бормоча под нос что-то об изящных ножках.

Прошло десять минут, и Ким уловил мысли Джеронда — довольно непривычное для опытного ленсмена ощущение чувствовать нацеленный на себя луч, не употребляя для контакта свой собственный.

— Насколько я понимаю, раньше мы не встречались, — передал адмирал. — Вы явно не из наших агентов, и если вы — человек Хейнеса, с которым меня уже сводила судьба, то могу только поздравить вас с удачной маскировкой. Сейчас с уверенностью могу сказать лишь одно: вы — землянин, человек белой расы.

— Не поможет ли это вам опознать меня? — послал мысль сквозь свою Линзу Киннисон.

— Могу предположить, что вы — Киннисон, но узнать вас в таком виде просто невозможно. Вы постарели, возмужали... И, в конце концов, где это видано, чтобы Серый Ленсмен работал как обыкновенный агент?

— Постарел и возмужал — это верно: частично искусственным, частично естественным путем. А что касается этой работы, то далеко не всякий ленсмен с ней справится. Тут нужна масса всякого оборудования и специальное обучение.

— Ну, оборудования-то у вас хватает, не сомневаюсь. А что касается обучения, так я тоже его прошел... Я могу обнаруживать своих коллег на огромных расстояниях, но вас засечь не смог.

— Итак, вы считаете, что меня невозможно узнать? — настаивал Ким.

— Абсолютно. Вы здесь по делу с тионитом? — Джеронд прекрасно знал: ничто, кроме наркотиков, не могло заставить человека такого ранга заниматься обыкновенной работой. — Кстати, что у вас с запястьем? Я его внимательно изучил — похоже, вы не носили Линзы уже несколько месяцев, ведь следы браслетов очень заметны, а у вас загорелые руки.

— Я их облучал ультрафиолетом — хорошая работа, верно? Но давайте о деле: мне может понадобиться ваша помощь — мы охотимся на одного зверя.

— Все, что в наших силах. Этой планетой заправляют воротилы наркобизнеса, и мы далеко не так сильны, как хотелось бы, но на помощь придем всегда.

— Я прекрасно осведомлен об этом, — успокоил коллегу Ким, — и обратился непосредственно к вам для того, чтобы избежать утечки информации. По этой причине я буду общаться только с ленсменами. Надеюсь, пока меня никто ни в чем не заподозрил?

— Ошибаетесь! Кое-кто из моих парней обратил внимание на любопытного гостя, вьющегося вокруг самых красивых женщин.

— Глазастые у вас парни! Но предупредите их: я выполняю особое задание и буду действовать так, как считаю нужным. Если уж меня пристукнут, я хочу умереть спокойно, зная, что это дело рук Боскома, а не моих дорогих коллег. Сумеете быстро связаться с ними?

— Да, и с удовольствием. Считайте, что дело сделано. Еще есть просьбы?

— Мне нужен скоростной корабль с крепкими и хорошо обученными парнями на случай каких-либо неожиданностей. Скоро сюда прибудут валерианские десантники, но помощь может понадобиться раньше; не исключена драка, а если повезет, то даже восстание.

— Нет проблем. У меня есть отлично тренированные парни, и они будут в полной боевой готовности. Чтобы расшевелить эту кучу дерьма, я не пожалею лучших! Еще что-нибудь?

— Последний вопрос. Вы знакомы с графиней Авондриш, с которой я только что танцевал? На нее есть досье?

— Конечно! Не в обиду вам будь сказано, смотритесь вы рядом с ней тюфяк тюфяком.

— Вот как? А вы знаете, что эта изящная куколка работает на Боском, и весьма результативно?

— Вы с ума сошли! Не может быть! Она не агент Боскома! — Густые волосы Джеронда зашевелились, и Ким впервые в жизни понял, что такое шевелюра, вставшая дыбом. — Я знаю ее с детства, мы жили в соседних поместьях! Она дочь члена Совета Планеты, жена одного из самых толковых офицеров!

— Конечно, у нее безупречная репутация — это вполне в стиле Боскома.

— Докажите! — потребовал адмирал, покраснев от волнения. — Докажите или снимайте обвинение!

Довольно забавно выглядел глава службы Патруля Радемекса, склонившийся над бокалом файолина со вздыбленными волосами и каплями пота на высоком лбу. Так как никаких внешних причин для подобных эмоций не было, публика решила, что ленсмен погрузился в какие-то свои проблемы, а значит, мешать ему не следует. Только один человек в зале знал истинную причину столь необычного состояния Джеронда, но он никому ничего объяснять не собирался.

— Если она невиновна, то зачем ей ментальный экран? Вы ведь ее сами не проверяли?

Спрашивать было бесполезно. Джеронд принадлежал к тем немногим, кто слишком бережно относился к личной жизни других. Землянин продолжал:

— По-вашему, это предосудительно? Но я лично все проверил, в таком деле недопустимо ссылаться на моральные устои и нормы поведения, и мне плевать на приличия. Я подозреваю в с е х, кто не носит Линзы.

— Ментальный экран... — протянул Джеронд. — Но как ей удается обойтись без громоздких генераторов?..

— У нее модель последнего поколения, почти такая же мощная, как и моя собственная, — объяснил Ким, с уважением наблюдая, как быстро ленсмен перешел от растерянности к делу.

— Что мне следует предпринять? — Как бы ни был Джеронд потрясен, он оставался л е н с м е н о м!

— Пока ничего... Разве что узнайте, кто из ее знакомых и друзей имеет пристрастие к тиониту, особенно же — кто приобрел эту привычку в последнее время. Но учтите: если вы начнете действовать слишком активно, они быстро свернут дело и исчезнут, так что позондируйте ее окружение, но не трогайте ее саму. И не волнуйтесь, эта дама слишком мелкая сошка, чтобы подвергать ее наказанию, но зато она может привести нас к своему шефу.

— Надеюсь, она только пешка. — В мыслях Джеронда проступила горечь. — Я ненавижу Боском и все, что с ним связано, но не могу представить ее в тюрьме. — Ленсмен умолк. — Я ее любил... Но я — ленсмен...

День за днем Киннисон был занят тем, что внедрялся в чужие головы, но делал это так аккуратно, что никто не замечал осторожного вторжения. Он обследовал мужчин и женщин из самых разных слоев общества: официанток, послов, пекарей, банкиров, адептов религий и многих других. Он шел от города к городу, и только

сотая доля его мозга отвечала за действия Честера О. Фордиса, а основные усилия были направлены на подслушивание, подглядывание и выслеживание. В грязных тавернах, где собирались жалкие отбросы общества, и в роскошных светских гостиных, среди друзей и среди врагов — всюду Ким терпеливо изучал и классифицировал любые сведения, какие удавалось раздобыть...

Вернувшись, наконец, в Ардит, Киннисон первым делом направился в дом графини Авондриш. Ее мужа дома не оказалось — он, конечно случайно, задержался в этот вечер на работе. Слуга безропотно доставил позднего гостя к спальне хозяйки, однако если бы его потом спросили о подробностях той ночи, он бы сказал, что провел ее в своей постели и без всяких приключений. Дверь была заперта изнутри, но разве мог хоть какой-то механизм устоять перед опытными руками, да еще вооруженными хитрыми инструментами?

Дверь открылась. Как и всякий поклонник тионита, графиня спала очень чутко, но прежде, чем первый звук успел сорваться с ее губ, крепкая рука зажала ей рот, а вторая резким движением сорвала с шеи маленькую коробочку — генератор ментального экрана. Все дальнейшее произошло очень быстро...

Мистер Фордис направился обратно в отель, а ленсмен Киннисон мысленно вызвал ленсмена Джеронда.

— Позаботьтесь о том, чтобы пара охотников или полицейских оказалась возле дома графини Авондриш завтра в восемь утра. У графини слегка помутился рассудок.

— Что случилось? Что она сделает?

— Ничего особенного: покричит, выскочит из дома полураздетая и попытается искусать любого, кто к ней прикоснется. Предупредите своих, что она будет драться, кусаться и царапаться. В комнате полиция обнаружит множество следов вандализма и разрушения — их следует тщательно запротоколировать и забыть, а на руке графини найдут след от укола неизвестного наркотика. Все объяснят действием наркотика, а женщина будет здорова, как и прежде, уже через месяц.

— Неплохая работа. А что с ней будет дальше? — Джеронд не скрывал заинтересованности.

— Для нее на этом все и закончится, я отпущу ее целой и невредимой, не требуя наказания, потому что она мне очень помогла. К тиониту она больше не

прикоснется к ней, я наложил запрет, который продержится всю ее жизнь.

— Благодарю вас, Серый Ленсмен. Чем еще я могу вам помочь?

— Мне нужно, чтобы вы посетили бал у посла Земли — послезавтра, если сможете.

— Я и сам собирался там быть — по крайней мере, занес это мероприятие в список обязательных. И я там буду, — твердо пообещал Джеронд. Потом спросил: — Вы узнали, кто хозяин? Мужчина или женщина?

— Понятия не имею. Я получил только ментальный облик этого человека и условный знак, который он подаст.

Ленсмену с Радемекса, привыкшему свято чтить субординацию, даже в голову не пришло спрашивать, что это за знак. Если надо, Серый Ленсмен сообщит, если нет — любые вопросы будут напрасны.

* * *

Праздник удался на славу, было шумно и весело, зал гудел от разговоров, звучала прекрасная музыка. Внезапно внимание Джеронда привлекла появившаяся в зале женщина — самая прекрасная из когда-либо встречавшихся ему. Однако восторг его длился недолго: глубочайшее отвращение, заполнившее мозг Киннисона, передалось адмиралу.

— Невероятно!.. Вы хотите сказать... — Джеронд не находил слов.

— Это она! — резко ответил Ким. — Похожа на нежного ангела, но поверьте мне, сатана по сравнению с ней сущий ягненок! Это одна из самых скользких ядовитых гадин и, бьюсь об заклад, пришла она сюда далеко не случайно. Это порождение тионита, демон, за которым давно идет охота. Что еще? Ах да, она уроженка Альдебарана, и ее имя Десса Десплэйнз. Это вам говорит что-нибудь?

— Абсолютно ничего, Киннисон.

— Она по горло увязла в тионитном бизнесе. Когда-то у меня была возможность свернуть ей шею, но я, к сожалению, ею не воспользовался.

— У нас есть реестры с приметами всех торговцев наркотиком, хоть раз посещавших Радемес, но она там не числится.

— Похоже, их система конспирации гораздо лучше,

чем мы предполагали. Однако ее появление меняет мои планы: она узнает меня с первого же взгляда. Вызовите своих ребят из отдела по борьбе с наркотиками и выясните, что им о ней известно. Сообщите: здесь Десса Десплэйнз, звильник высшего класса.

После короткого совещания со своей командой Джеронд вновь связался с Киннисоном.

— Что? Они тоже о ней не слышали? Переходите на тройной канал, Джеронд! Ленсмен Винстед, говорит Киннисон, Серый Ленсмен из Солнечной системы. Вы уверены, что никогда не встречались с этой женщиной? Он передал изображение очаровательного создания, грациозно шествующего через зал. — Никто ее не знает? Значит, именно поэтому ее и послали сюда: никем не узнанная, она спокойно выполнит задание и вновь растворится в неизвестности. Приказываю захватить ее немедленно!

— Вы будете свидетельствовать против нее в суде?

— Да, если понадобится... но, думаю, мы обойдемся без этого. Стоит ей понять, что она раскрыта, как на наши головы обрушатся все силы ада... И я не уверен, что эта гадина уцелеет в перестрелке... — Похоже, Киннисон собирался что-то предпринять.

На этом переговоры прекратились, но Киннисон продолжал внимательно следить за действиями красавицы. Ласковая улыбка, изящные томные движения, нежная кожа и огромные сияющие глаза привлекали к ней внимание множества мужчин, но лишь один Ким заметил крошечный перстенек на ее мизинце — сверхмощный передатчик, способный посылать сигналы на расстояние в несколько тысяч миль. Никто, кроме Серого Ленсмена, не смог бы захватить ее так, чтобы она не успела передать сигнал тревоги. Киннисону не хотелось этого, но выхода не было. Джеронд, перехвативший обрывки мыслей Кима, с любопытством скосил на него глаза.

— Запомните, — сухо передал Ким, — встреча с этой женщиной доставила мне когда-то массу хлопот, и я покончу с проблемой раз и навсегда. Кто-нибудь из ваших людей говорит на альдебаранском?

— Никогда не интересовался... но, по-моему, нет.

Неторопливо огладив бороду, Ким подошел к прекрасной гостье и, слегка склонившись, взял ее за руку в приветственном жесте.

— Мадам Десплэйнз, конечно, не вспомнит жалкого Честера О. Фордиса, на веки сраженного ее красотой.

Я всего лишь одно из ничтожнейших существ во Вселенной, но, увидев однажды мадам на балу в Высоком Алтамонте, я запомнил ее навсегда! — В голосе говорящего звучал неподдельный восторг.

— О, какой галантный кавалер! — Звонкий смех красавицы заставил затрепетать многие сердца. — Простите, меня, мистер Фордис, но я так часто встречаю новых людей...

Не успела она договорить, как ее глаза, встретившись с глазами нежного поклонника, широко распахнулись, полные удивления, но тут же лицо исказила гримаса ненависти, к которой примешивался страх.

— Ты хорошо меня помнишь, чертова кошка, — с удовольствием отметил ленсмен, переходя на язык Альдебарана. — Я и не сомневался!

Пока шла дуэль взглядов, Ким успел незаметно и ловко снять с ее пальца кольцо и бросить его на пол.

— Ах ты, вонючий перероеток, шут гороховый, да я тебя узнаю в любом обличье, — прошипела женщина, неожиданно резким движением вырывая ладонь из руки Кима. Однако он оказался проворнее и успел пресечь ее движение уже у самого корсажа, одновременно наступив на упавшее кольцо.

Спустя мгновенье они являли собой чудесную иллюстрацию к описанию встречи старых друзей: мужчина, положа руки на плечи изящной девушке (никто не заметил, что пальцы его правой руки сомкнулись на ее правом запястье, а левая рука мертвой хваткой сжимала левое предплечье), медленно вел ее перед собой к выходу из зала.

— Прекрати! — разъярилась она. — Что за представление ты устраиваешь?

— Заткнись, — галантно приказал ленсмен. — Тебя в последний раз обнимает мужчина, так что радуйся, пока можешь.

Губы Киннисона были растянуты в улыбке, способной отпугнуть любого, кто осмелился бы нарушить его ухаживания за красавицей, так что никто не помешал им спокойно покинуть развеселившуюся компанию.

— Туземцы посчитают, что на Альдебаране среди старых друзей принято так ходить. А если ты еще раз попытаешься дотронуться до второго передатчика, сломаю руки. Если, конечно, мне вдруг не захочется сразу вышибить тебе мозги.

Они вышли на широкую террасу, увитую серо-зеле-

ными растениями, и спустились в сад. Выбрав тихую отдаленную беседку, ленсмен устроился там на широкой скамье, крепко прижимая к себе пленницу. Собрав все свое обаяние, женщина обратилась к нему нежным воркующим голоском.

— Поговорим спокойно, мой ленсмен, — начала она.

Губы ее чуть приоткрылись, тень от густых ресниц легла на щеки, стройное тело расслабилось, поуютнее пристраиваясь рядом. Она была прекрасна. Она волновала. Но Серый Ленсмен прекрасно знал, какая бездна подлости, какие пороки таятся под обворожительной внешностью, и остался совершенно равнодушным.

— Береги дыхание, детка, — хмуро посоветовал он. — Для меня ты просто еще один звильник, и не больше. Ты — не женщина, а жулик и вор, всего лишь жулик и вор. Мало того, ты еще и убийца! Кстати, назвать звильника жуликом — значит, нанести оскорбление всем прошлым и будущим членам этого сословия.

Киннисон знал, что совершенно прав, но когда он вспоминал о том, что ему предстоит, в нем поднималось безотчетное чувство отвращения. Он молил своего хвостатого бога о милости:

«Великий Клоно, поверни колесо судеб так, чтобы мне не пришлось убивать эту женщину!»

Но он был готов выполнить долг.

— У тебя есть возможность смягчить свою участь, — перешел Киннисон к делу. — Ты еще можешь доказать, что в твоей испорченной головке сохранилась хоть одна порядочная мысль.

— Какая, мой ленсмен? Скажи — я все для тебя сделаю!

— Сама, без моей помощи, убери ментальный экран и свяжись со своим боссом.

Женщина задумалась. Этот парень не идиот и явно что-то знает. Он должен умереть, и немедленно. Как же послать сигнал?..

В этот момент Киннисон почувствовал приближение людей Джеронда. Резким движением рванув платье на груди женщины, он сдернул наклеенный прямо на тело генератор ментальной защиты. Жест его был молниеносным, но все-таки он не успел: засечь линию связи не удалось, и единственное, что он успел увидеть, — уродливого толстого мужчину в роскошно меблированной комнате какого-то салуна. Затем разум женщины захлестнула тьма, и она медленно завалилась набок.

Так и застали их работники отдела по борьбе с наркотиками: неподвижно распростертое на скамье женское тело и стоящий над ним мужчина, погруженный в глубокое раздумье.

Глава 6

В ЛОГОВЕ ВРАГА

— Самоубийство? Или вы... — Джеронд деликатно умолк.

Викстед, шеф отдела по борьбе с наркобизнесом, промолчал, внимательно следя за Серым Ленсменом.

— Ни то, ни другое, — Киннисон по-прежнему оставался задумчивым. — Не скрою, мне пришлось бы убить ее, но меня опередили...

— Что значит «ни то, ни другое»? — Викстед приподнял брови. — Она мертва, не так ли? Что же произошло? — В его голосе слышалось плохо скрытое раздражение.

— Эта куколка не стала бы самоубийцей ни при каких обстоятельствах, она слишком любила жизнь и себя. Что же произошло? Скорее всего, ампула с каким-то ядом. Когда я устранил экран, кто-то понял, что дело проиграно, и заставил ее стиснуть зубы. Мне кажется, здесь сработал условный рефлекс: в ее мозг был послан сигнал, и послал его кто-то опасный и, к сожалению, пока нам неизвестный.

Джеронд, не отрывавший взгляда от тела девушки, внезапно вскрикнул:

— Она жива! Дышит, но очень слабо! Она медленно умирает, надо попробовать ее спасти! Что делать, Киннисон?

— Клянусь Клоно, я сам ничего не понимаю! — землянин был откровенно изумлен. — Или она такой ценный агент, что ее не хотят потерять, или крошка обманула своих хозяев, подменив ампулу со смертельным ядом на какую-то безобидную штучку... Сделаем так:

вы отправите ее в больницу и поставите такую охрану, что даже целая армия наемных убийц не сможет до нее добраться. Ясно?

— Хорошо. Но если она умрет?

— Тогда не сводите с нее глаз до вскрытия. И запомните: вскрытие я буду проводить сам, и никого постороннего не допущу. Но прежде надо убедиться, что она действительно жива. Если она вдруг очнется, найдите меня в любое время дня или ночи. А теперь забирайте ее!

Киму не пришлось долго ждать: рано утром на следующий день его разбудил настойчивый сигнал коммуникатора.

— Она пришла в себя и назадавала кучу вопросов, но я ничего не ответил... вообще не разговаривал с ней, — сообщил Джеронд. — Боюсь, с этой девицей происходит нечто странное.

— Я так и думал. Не предпринимайте ничего до моего появления, — попросил Ким и поспешил в больницу.

— Доброе утро, Десса, — приветствовал женщину Киннисон по-альдебарански. — Надеюсь, ты чувствуешь себя лучше.

Ее реакция оказалась неожиданной.

— Вы меня знаете? — вскричала она, бросаясь в его объятия, но не так, как раньше, не пытаясь обворожить с помощью дарованного ей природой, — нет, сейчас к Киму прижималась невинная испуганная девушка, видевшая в нем своего единственного защитника.

— Что происходит? — всхлипывала она. — Где я? Кто эти люди? Ее широко раскрытые глаза, наполненные слезами, доверчиво встретили внимательный взгляд ленсмена и, погрузившись в их бездонную глубину, Киннисон понял, что она не лжет. Она действительно была просто испуганной девушкой, попавшей в непонятную обстановку; и нигде, даже в самых потаенных уголках сознания, не сохранилось ни одного воспоминания о прошлом. Это было невероятно, но с фактами не поспоришь: все события ее жизни, начиная с пятнадцати лет, исчезли из памяти, как будто никогда и не существовали.

— Ты долго и тяжело болела, Десса, — мягко произнес Ким, провожая ее в соседнюю комнату и подводя к огромному зеркалу. — Ты больше не ребенок, посмотри на себя.

— Это не я! — запротестовала девушка. — Она красивая!

— Ты, именно ты, — спокойно возразил ленсмен. — Ты перенесла тяжелый шок, но память постепенно вернется. А теперь — марш в постель!

Она покорно вернулась в палату и легла, но не заснула, а погрузилась в странный транс. Примерно в такое же состояние впал и Киннисон, лежащий на соседней кровати. Неподвижный, полностью расслабленный, он, как художник, лепил мысленные образы и заполнял ими пустоты в памяти Дессы, заново создавая ее прошлое.

— Спи, Десса, — наконец сказал он. — Спи. Проснешься завтра в восемь часов — бодрой и счастливой.

— Силен, Серый Ленсмен! — присвистнул Джеронд, когда Киннисон рассказал ему всю историю. — Но ведь правду-то вы ей не открыли?

— То, что я вложил в ее голову, весьма далеко от правды: теперь она будет думать, что была замужем и успела овдоветь; ну, а все остальное — мешанина из фактов и дат, которая позволит ей ориентироваться в этой чертовой жизни. Там, наверняка, полно всяких несоответствий, но их легко будет списать на последствия шока.

— А кто был ее мужем? — поинтересовался Джеронд.

— Это ее личное дело, — холодно ответил Киннисон. — Может быть, когда-нибудь она захочет рассказать вам о нем. В одном я убежден: для Боскома она потеряна навсегда. Если человек, который попытается ее снова завербовать, вырвется от нее живым, я с уважением пожму ему руку — если, конечно, она у него будет двигаться.

Неожиданная история с Дессой Десплэйнз серьезно осложнила задачу Киннисона. Ни одного человека с защитным экраном Ким больше не обнаружил, но в существовании множества агентов сомневаться не приходилось, и не исключено, что кто-нибудь из боскомиан свяжет действия любопытного провинциала с загадочными бедами, постигшими графиню Авондриш и звильника Дессу Десплэйнз.

С большой помпой мистер Честер О. Фордис отбыл с Радемекса, а спустя несколько дней на планете появилось довольно странное существо. Фигурой оно напоминало гуманоида, но физиономию его скрывал непро-

ницаемый для взгляда шлем, и воображению обывателей лицо это представлялось совершенно несуразным и даже несколько зловещим. Никому и в голову не пришло, что под нелепой маской скрывается Серый Ленсмен, внимательный и хладнокровный. Ким продолжал свое расследование, путешествуя из города в город. Лица мелькали перед ним, не вызывая никаких чувств, кроме ощущения пустоты в желудке и легкой тошноты. О своем главном противнике он знал немного — лишь то, что успел уловить в последней вспышке сознания Дессы: враг неимоверно толст и уродлив и владеет роскошной обителью где-то на планете. Да, это слишком слабый ориентир для поисков, тем более что внешность мужчины могла быть искажена отвращением, которое, скорее всего, испытывала Десса к своему шефу. Вряд ли на планете отыщется настолько уродливое существо, ведь рademексы в целом очень привлекательная раса. Киннисон перевел кучу бумаги, пытаясь сделать рисунок более или менее похожим на тот образ, который сложился в его голове, когда он вспоминал лицо врага, однако все его попытки оказались тщетными.

«Ну, хватит! — решительно сказал он себе. — Пора браться за дело иначе, надо сменить маску и род занятий. Хорошо еще, что противник — мужчина; еще одна схватка с женщиной — и я сойду с ума...»

Успокоив себя подобным образом, Ким продолжал прочесывать планету, тщательно избегая контактов с другими ленсменами, чтобы не вызвать подозрений, но все поиски были напрасны. Он вернулся обратно в Ардит. Зайдя однажды в дорогой ресторан, Киннисон, по привычке коснувшись мозга обслуживающего его официанта, вдруг наткнулся там на яркие воспоминания о человеке необъятных размеров с крошечными глазками, утопающими в складках жира, и пухлыми пальцами, быстро перебирающими разложенные на столе пакетики с тионитом. Посмеявшись над иронией судьбы, заставившей его проделать уйму работы, когда разгадка пряталась под самым носом, Киннисон вышел из ресторана с твердым намерением проникнуть в логово врага.

* * *

Задача была не из легких. Техника, которую он так удачно использовал на Бойсии II и на других базах, уже не годилась: здесь было слишком многолюдно

и невозможно укрыться от любопытных глаз, а для того, чтобы работать дистанционно, надо было родиться аризианином. Значит, пора входить в другой образ.

Он стал одним из звездных докеров, скитающихся по рудникам сотен планет, грубияном и пьяницей. Киннисон даже не играл роль — он на самом деле превратился в бродягу Кима. Его некогда ухоженные красивые руки, привыкшие иметь дело с клавиатурой компьютера, огрубели, потрескались и не успевали заживать после участия в бесконечных драках. Ким жадно ел что придется и жадно пил невообразимое пойло — смесь дешевого алкоголя с какими-то наркотиками. Опьянев, он становился драчлив и криклив, как и его опустившиеся собутыльники.

Он существовал на мизерную зарплату докера; восемь кредитов в неделю уходило на уплату компании за жилье, остальное проживалось и проигрывалось шулерам в кабаке Бомингера — так звали смешливого толстяка, хозяина салуна.

Ленсмен прекрасно видел, что игра велась нечестно, и везде — от карточных столов до новейших игровых автоматов — скрывались хитрые приспособления, обеспечивающие своим хозяевам приличные барыши. Однако, попробуй он запротестовать, его бы тут же вышибли за дверь и перестали давать в долг, а к концу недели он обычно оставался без гроша в кармане и бесцельно слонялся по салуну, надеясь на бесплатный стаканчик выпивки или ожидая, что кто-нибудь предложит сыграть в карты. Заканчивались такие дни всегда одинаково: один из вышибал пинками выгонял его на улицу, несмотря на слабые протесты и униженные мольбы.

Играя, работая, пьянствуя или попрошайничая, Ким, однако, тщательно изучал и самого Болингера, и его многообразную деятельность. Толстяк не расставался с ментальным экраном, не ослабляя его ни на мгновение, а пробить его Киннисон не мог; но и без того он сумел немало узнать.

Благодаря своим способностям, он обнаруживал тайники и склады, подслушивал разговоры, просматривал пленки. Одним словом, Киннисон узнал о Бомингере все, но это знание ни на йоту не приблизило его к главной цели — Большой Босс ни разу не дал о себе знать.

Погружаясь ночь за ночью в загадочный мир торговцев тионитом, Киннисон узнал много нового о своих знакомых, принадлежащих к высшему свету; ниточка из

вонючего салуна вела к самым шикарным кафе и ресторанам города. В подвалах под изящными зданиями шла собственная, многим не известная жизнь: в узких загородках на голом полу лежали вповалку мужчины, женщины, подростки с белыми мертвенными лицами, плотно закрытыми глазами и напряженными мышцами. Тионит давал им эмоции и чувства, наслаждения, приключения, счастье — все, чего недоставало в реальной жизни, но потом за это приходилось расплачиваться мучительной болью и стыдом. Так тянулись дни, а затем, сдавшись, жертва возвращалась и требовала большей дозы, пока, в конце концов, человек, содрогаясь, не пересекал незримую черту, отделяющую жизнь от смерти.

Рядом с любителями тионита хохотали курильщики хадива; кто-то жевал бентлам, кто-то смеялся, кто-то плакал — словом, в потайных местах респектабельных заведений каждый мог найти все, что ему нравится, любой из известных в Галактике наркотиков. И поставщиком их был Бомингер.

Наблюдая жизнь злачных мест, Киннисон не забывал делиться информацией со своими коллегами из отдела по борьбе с наркотиками. И хотя до поры до времени Ким хранил свою Линзу в углублении подошвы грубого башмака докера, это не мешало ему легко поддерживать связь.

— Сколько вы еще намерены заниматься этим? — спрашивал его Викстед.

— До тех пор, пока я не доберусь до них или они не доберутся до меня, — твердо отвечал Ким.

— Вы думаете, есть вероятность, что вас раскроют? — напрягся его незримый собеседник.

— Еще какая! И возрастает с каждым днем: появляются все новые лица, одно подозрительнее другого, и в один прекрасный день я могу оступиться.

— Не хороните себя раньше срока. В случае чего у меня хватит людей, чтобы перекрыть все каналы и прийти к вам на помощь.

— Хвала Клоно, я еще держусь сам! Любая суета сорвет мне большую игру, а мелочь ни вам, ни мне не нужна.

— То есть, мы должны ждать вашей команды и смотреть в оба?

— Вот именно. Теперь уже скоро.

Структура боскомианской организации была уже вполне ясна, но ее глава по-прежнему никак не прояв-

лял себя, и со стороны могло показаться, будто им является Бомингер. Однако Ким готов был дать голову на отсечение, что толстяк — всего лишь мелкая сошка, только исполнитель чьих-то указаний; слишком мало у него интеллекта, не тот размах.

В том, что когда-нибудь связь между Бомингером и главой Боскома будет установлена, Ким не сомневался; как не сомневался и в том, что она будет ментальной. Большой Босс слишком умен, чтобы доверять каким-то передаточным средствам, а уж о письменных приказах и вообще не могло быть речи. Послание будет, конечно, мысленным, и для того чтобы его принять, Бомингеру придется снять экран, — вот тогда-то Ким и начнет действовать. Именно тогда! Конечно, это будет непросто: судя по мерам предосторожности, постоянно предпринимаемым толстяком, он не отключит экран, пока не убедится в своей абсолютной безопасности.

За все время наблюдения экран не отключался ни разу — Ким мог в этом поклясться. Этого не могло произойти даже во время сна Киннисона: он спал очень чутко, предварительно настроив подсознание и Линзу на толстяка, и любое изменение в его энергетике немедленно разбудило бы Серого Ленсмена.

* * *

Как и предполагал Киннисон, развязка наступила скоро, но случилось это не ночью, как он думал, и не в тихие дневные часы — сигнал пришел около одиннадцати вечера, когда ежедневный пьяный разгул был в полном разгаре. И ситуация не возникла мгновенно, а развивалась медленно, сопровождаясь постепенным ростом ментальной напряженности, что не могло остаться незамеченным для такого опытного наблюдателя, как ленсмен.

Грязный салун начал заполняться новыми посетителями. Большинство выглядели, вроде бы, как обычно, но самые молодые из них не могли скрыть волнения. Потеснив завсегдатаев, пришедшие устроились у стойки бара и за столиками так, что все входы и выходы оказались под наблюдением. Ким предусмотрительно пересел за столик у стены, подальше от двери, ведущей во внутренние помещения, и спокойно наблюдал, как одновременно вспыхнули несколько драк и жестоко избитые посетители салуна вылетели за дверь — Бомингер не хотел, чтобы личности, вызывавшие у него хоть малей-

шее подозрение, присутствовали при сеансе связи с боссом.

В салун, сразу вызвав всплеск возбужденного перешептывания вошли пятеро мужчин с ментальными экранами; и вот тогда Ким понял — пора.

— Джеронд! Викстед! Тройной канал! Началось! Я в салуне. Повсюду агенты, но хуже всего — здесь пятеро человек с ментальными экранами. Нервное напряжение очень высоко.

— Через четыре минуты салун будет окружен, — немедленно ответил Джеронд.

— Не спугните их, они блокировали все подходы к салуну и очень остерегаются всех, кто обладает сверхчувственным восприятием. Только что на моих глазах убили человека из Ардита.

— Надеюсь, вы вне подозрений? — взволнованно спросил Викстед.

— Пока да. Сижу себе в уголочке и наливаюсь в одиночку.

— Без оружия?

— Без.

— Плюньте на все и уходите. Это осиное гнездо мы разорим без вас.

— Угу! И перечеркнем всю работу! Нет, я могу позаботиться о себе сам. Мой канал будет для вас открыт — любуйтесь на спектакль... Вот оно, началось! Ко мне направляется один из типов с экраном...

В это мгновение Бомингер отключил свою защиту, и Ким, резким ударом заблокировав его мозг, завладел им, подчинив себе все эмоции и мысли. Послушный воле Киннисона, толстяк сначала полно и откровенно доложил о делах, а затем выслушал инструкции. Больше всего босса тревожило, нет ли поблизости кого-нибудь с прибором для усиления мыслей и не найден ли т о т ленсмен. (Ким откровенно хмыкнул при этом свидетельстве своей популярности.)

— Все спокойно, — заверил хозяина Бомингер, и они продолжали обмен информацией.

И вот в этот напряженный момент, когда все силы ленсмена были брошены на то, чтобы держать под контролем сознание Бомингера и не упустить ничего из долгожданного сеанса связи, к его столику подошел один из таинственной пятерки и откровенно уставился на Киннисона.

— Чего тебе надо? — проворчал Ким, который, буду-

чи не в состоянии расходовать силы на актерскую игру, мгновенно выбрал самую простую роль — пьяного животного. — Ты, вонючий ублюдок, хочешь знать, не взломал ли я крышку этой вонючей машинки?

Взмахнув рукой со стаканом, он сбросил тяжеленное устройство для игры в крак прямо на ногу подошедшему.

— Спокойнее, спокойнее, дружище, — сказал боскомианин, — с трудом подавив гримасу боли, — не ломай оборудование, а то...

— А кто тебе сказал, что я твой дружище? — не сбавлял тона Ким. Он даже попытался было приподняться, но тут же тяжело плюхнулся обратно.

— Ну, не волнуйся, не волнуйся, не нравится — не буду тебя так называть, — продолжал успокаивать его боскомианин. — Хочешь, куплю тебе выпивку? Пойдем к стойке...

— Пока не доиграю, с места не сдвинусь, — с пьяной уверенностью заявил Ким, качнувшись вперед и делая вид, что хочет подобрать сброшенную машинку, в то же время резким ментальным импульсом вызывая ленсменов:

— Вы готовы? Давайте скорее сюда! Похоже, мне все-таки придется выпить, а там наверняка подмешаны наркотики.

— Выпьем! — продолжал уговаривать его подошедший. — Тогда и сыграешь, тем более я плачу!

— Да кто ты такой, чтобы за меня платить?! — Яростное рычание Кима привлекло внимание завсегдатаев салуна, прекрасно знавших взрывной характер работяги-докера. — Я тебя просил, радемекский ублюдок?! Я сам могу себе все купить, весь этот вонючий кабак! Всю вашу вонючую планету! Ты (последовала нецензурная межгалактическая брань), убирайся, пока я не закусил твоей вонючей задницей!

Столь выразительная речь не могла не произвести впечатления. Ни одно существо в Галактике не оставило бы безнаказанным такой поток оскорблений — радемекс должен был драться. Это устраивало ленсмена: в общей свалке — а в том, что она станет общей, он не сомневался, — можно будет многое успеть.

— Если ты немедленно со мной не выпьешь, я тебе все кости переломаю, — с неожиданным спокойствием сказал его противник, холодно глядя на разошедшегося землянина. — Я не привык навязывать свою ком-

панию всяким ницим, и если я что-то предлагаю, то со мной соглашаются или... Выбирай: или ты пьешь сам, или пара моих друзей сначала попрыгают по твоему телу. Бармен, тащи сюда пару стаканов лаксло!

Выбора не было. И хотя особых подозрений Ким пока не вызывал, дальнейшее упорство могло насторожить боскомиан. Совершенно очевидно, что в напитке содержится наркотик, но вот какой?! Скорее всего, порошок правды, а против него не устоять никому. При допросе — а он непременно последует — ленсмен выдаст все, что знает, с такой же легкостью, с какой отвечают на вопросы о собственном здоровье. Ну уж нет! Лаксло — очень неплохая штучка, но, к сожалению, пить его не придется.

В тот самый момент, когда бармен поставил на столик два стакана, беседа Бомингера с боссом оборвалась и, получив полную свободу действий, Киннисон не преминул ею воспользоваться. Бомингер умер мгновенно, даже не осознав, что с ним произошло, — его мозг просто отключился; а Линза Киннисона ослепительно вспыхнула, посылая сигнал друзьям.

В мгновение ока с грязным пьяницей произошла разительная метаморфоза: из грубого пьяного животного с тупым взглядом он превратился в хладнокровную и опасную боевую машину, готовую к молниеносным действиям.

— Пей, скотина, или сдохни! — заорал рademекс, еще не успевший осознать происшедшую грозную перемену, и выхватил из-за пояса «деламатер». — Ты...

Натолкнувшись на острый холодный взгляд докера, бандит буквально оцепенел от неожиданности, и это его погубило.

За те несколько секунд, которые прошли с момента смерти толстяка, Киннисон успел сделать две вещи: во-первых, он послал сильный ментальный импульс охранникам, расположившимся возле бара и вдоль стен, и те, выхватив свои бластеры, принялись беспорядочно палить друг в друга, сами не понимая почему; во-вторых, выплеснул содержимое обоих стаканов прямо в глаза боскомианину.

Дальнейшее напоминало хорошо отрепетированную сцену: на полу в беспорядке лежали трупы перебивших друг друга охранников, а в углу застыли приготовившийся к прыжку ленсмен и пятеро мужчин с ментальными экранами. Нырнув под нацеленную в него руку, Ким

ударил противника в солнечное сплетение, а затем обрушил на его голову могучий кулак. Снисхождение к врагу не входило в число его достоинств, и он хладнокровно наступил на горло поверженного противника. Слабый хрип еще не успел затихнуть, когда двое других перешли в атаку, а третий аккуратно начал целиться из «деламатера». Ленсмен уже приготовился к самому худшему, как вдруг двери вылетели под мощными ударами. Это были космические десантники — «Валерианские волкодавы», с которыми никто не связывался по собственной воле, потому что справиться с ними невозможно. Судьба звильников решилась быстро и бесповоротно: боевые бластеры валериан дернулись несколько раз — и в салуне наступила тишина.

— Прости, Киннисон, пришлось задержаться с наружной охраной, они выставили чуть ли не сотню людей, — прогремел знакомый голос, и лейтенант Питер Ван Баскирк, так и не научившийся сдерживать свои чувства, направился через весь салун к Серому Ленсмену, перешагивая через трупы и улыбаясь от уха до уха:

— Сколько же мы не виделись! Вот так встреча!

— Спасибо, друзья, — поблагодарил Киннисон Джеронда, Викстеда и Ван Баскирка. — Ну что, всех взяли?

— На сто процентов! Вы будете давать показания?

— Ни в коем случае. Теперь мне придется улететь.

— Куда?! — изумленно воскликнули все трое разом, но было уже поздно — Серый Ленсмен исчез.

Глава 7

ПРИМАНКА

Киннисон, однако, не покинул планету. Уже собираясь стартовать, он сообразил — и мысль эта заставила его чертыхнуться, — что сделано только полдела. Если у сторонников Боскома достало способностей создать сложнейшую организацию, то у них хватит ума и проконтролировать важный сеанс связи. Разгром базы, воз-

главляемой Ха'Иссой, заставил боскомиан принять дополнительные меры предосторожности, в том числе усилить и слежку — друг за другом и за родственниками; но особенно друг за другом. Те пятеро с ментальными экранами явились, конечно, без ведома Бомингера, который даже не подозревал об их существовании — Ким только теперь сообразил, что в мыслях толстяка не промелькнуло ничего похожего на ожидание важных гостей. Это были агенты, присланные или начальством Бомингера, или его конкурентами по бизнесу. А если была слежка, то применялись и следящие лучи. И Патруль, и боскомиане пользовались лучами, и часто было выгоднее не обращать на них внимания, чем блокировать чужой взгляд, так как включение ментального экрана мог засечь любой ленсмен.

Итак, сеанс связи Бомингера с боссом просматривался и прослушивался как в самом салуне, так и в какой-то отдаленной точке. «Но, разрази меня Клоно, где эта точка?!» — без конца спрашивал себя Ким.

Допустим, он прав, и боскомиане действительно накрыли салун сетью следящих лучей. Что тогда? Тогда они знают, что он ленсмен — т о т с а м ы й л е н с м е н. Неожиданное превращение пьянчуги-докера в опытного и опасного бойца, необъяснимая перестрелка охранников между собой и, главное, странная смерть Бомингера, не могли быть не замечены наблюдателями врага. Он не просто засветился, а буквально написал у себя на лбу: «Я — Ким Киннисон, Серый Ленсмен». Следящие лучи уже обшарили его с головы до ног. Теперь противник знает, где спрятана его Линза, — так же хорошо, как и он сам. И единственная возможность исправить ошибку — заставить противника немедленно действовать. Пусть они думают, что сели на хвост своей жертве, что взять ее не составляет труда.

Второй центр наблюдения может оказаться в любой точке планеты — и в Ардите, и в другом полушарии... Но как же их спровоцировать? К а к?

Линзы — вот где ответ. Линзы — не мертвое кристаллическое вещество, и хотя нельзя назвать их живыми в обычном смысле этого слова, в них все-таки кроется какая-то жизнь, подчиняющаяся своим законам и правилам.

— Клянусь клыками Клоно, — воскликнул ленсмен, осененный блестящей идеей, — это стоит попробовать!

С помощью Линзы он вызвал Джеронда:

— Адмирал, пришлите в мою конуру прибор для блокировки следящих лучей.

— Но это же выдаст вас с головой! А в городке докеров трудно обеспечить вам надежную защиту!

Но никто лучше Киннисона не умел настоять на своем:

— Я и так уже давно раскрыт, и спасти меня могут только быстрые и нестандартные действия.

— Ладно, но я оцеплю район... пошлю туда валериан, — упрямо заявил Джеронд, прерывая связь.

Едва прибор прибыл, Ким немедленно принялся воплощать свою идею. И вскоре уже стоял в центре сферы, не позволяющей ни одному лучу коснуться заключенного внутри существа. Теперь наплевать, что он находится под подозрением! Вскрыв подошву башмака, Ким вынул Линзу и, бережно завернув в носовой платок, положил ее в метре от себя. Каждый нерв его могучего тела вибрировал от напряженности, и только громадным усилием воли Ким заставил себя сосредоточиться; затем, как будто Линза по-прежнему была при нем, ленсмен направил мысль Викстеду.

— Как вы слышите меня? — тихо спросил Ким. — Чисто?

— Как обычно, — последовал немедленный ответ. — А в чем дело?

— Нет, ничего, просто проверяю. — В планы Киннисона не входили детальные объяснения.

Прервав связь с коллегой, Ким решился провести эксперимент, до которого, как он знал, еще никто не додумался: предельно сконцентрировавшись, хотя и чувствуя себя незащищенным без Линзы, он направил поток своих мыслей сквозь всю Галактику — к таинственной Аризии. Каково же было удивление ленсмена, когда надежды его оправдались: послание было мгновенно воспринято Ментором — гигантским, повергающим в изумление аризианским мозгом, взявшим на себя задачу обучения и воспитания ленсменов.

— Так, появился Кимбол Киннисон, — отозвался Ментор. — Вижу, ты уже постиг, юный, что Линзы не столь уж необходимы, как вы думали раньше?

— Я... мы... — мысли Кима заметались, как вспугнутые зайцы. Окончательно смутившись, он попытался было прервать контакт, но ментальные тиски Ментора крепко держали его.

— Не спеши! Ты мыслишь всплесками, рваными

фразами, а это совершенно недопустимо. И, во искупление своей вины, попробуй, юный, объяснить мне все случившееся. Но объясни сам, а не задавай вопросы! Я прекрасно понимаю: тебе только что открылась первая частица космической истины, и незрелый разум переживает шок. Только это извиняет слабость твоих мыслей и страх. Еще раз повторяю: чтобы остаться в живых, надо думать точно, быстро, уверенно. Страх — смерть; особенно когда ты мыслишь на таком уровне, как сейчас.

— Да, я понял, — покорно, как школьник, получивший выговор от учителя, ответил Киннисон. — Но мне необходимо было провести эксперимент. Я пришел к выводу, что Линзы нужны на начальной стадии обучения, как, например, хрустальный шар при сеансах гипноза; но тренированный разум может работать без всякой помощи. Однако в глубине души я убежден, что Линзы обладают и какими-то другими свойствами, до сих пор не обнаруженными и не понятыми ленсменами... — он глубоко вздохнул. — Отныне, хотя я могу обходиться без Линзы, я не буду ничего предпринимать без нее. Ведь она окажется просто незаменимой, если я вдруг поднимусь на новую ступень восприятия, верно?

— Да, ты развиваешься хорошими темпами, — в беззвучном голосе Ментора чувствовалось удовлетворение. — Кроме того, мне приятно отметить, что ты не просишь помощи в своих делах.

— В своих делах я привык разбираться сам, — не удержался Ким. — Мне бы только хотелось, чтобы Ворсел подробно узнал обо всех недавних событиях, когда вернется на Аризию для повторного обучения.

— Он уже узнал...

— Как?! Он уже был у вас?

— Его разум развит лучше, чем твой, и восприятие у него на несколько порядков выше... хотя в твоем мозгу еще много неиспользованных резервов и скрытых возможностей.

Связь прекратилась. Киннисон взял Линзу и привычно защелкнул на запястье сверкающий браслет, ощущая его приятную тяжесть; затем, не отключая экранирующей сферы, вызвал базу и попросил приехать за ним. И все время, пока он ехал в бронированном экипаже под охраной десяти валериан, Ким ни на секунду не отключил барьерный экран. Пройдя в отведенную для него комнату, он снял Линзу и, аккуратно завернув ее в ткань, положил вместе с несколькими пленками в

контейнер, непроницаемый ни для каких лучей; затем, еще раз проверив систему защиты, вызвал командующего базой.

— Джеронд, передаю особо важные сведения, — предупредил он. — В этом контейнере содержится вся информация о Боскоме, какую мне удалось собрать. Если я не вернусь сам, перешлите его на Главную Базу лично адмиралу Хейнесу. Скорость пересылки не важна, главное — сохранность контейнера.

— Понял. Я отправлю его специальным рейсом.

— Спасибо, хотя все-таки надеюсь вернуться за ним сам. А сейчас — нельзя ли воспользоваться вашим коммуникатором? Мне надо договориться кое о чем со здешним зоосадом.

— Конечно, конечно, говорите, — Джеронд уже привык к непредсказуемым поступкам Серого Ленсмена и не удивлялся ничему.

— Зоосад? — уточнил Киннисон, когда на экране возникло старческое благообразное лицо. — Говорит ленсмен Киннисон с Земли... Серый Ленсмен... Не найдется ли у вас нескольких оглонов?

— Найдется. Мы держим четырех одиночек в одном вольере и несколько пар в соседнем.

— Отлично. Пришлите, пожалуйста, четыре экземпляра на базу Патруля. Адмирал Джеронд оформит все необходимые документы.

— Но... это слишком неожиданно... — начал директор, однако, встретив твердый взгляд Джеронда, быстро закончил: — Мы выполним просьбу Серого Ленсмена.

Когда экран коммуникатора погас, Джеронд, вопросительно приподняв бровь, усмехнулся:

— У меня на базе давно никого не разрывали на части и не заглатывали живьем. Вы, кажется, решили немного позабавиться?

Реплика адмирала отнюдь не прозвучала нелепо: оглоны, громадные твари, походившие на чудовищный гибрид орла и тигра, считались самыми кровожадными и опасными существами на Радемексе. На одну унцию их мускулистых тел приходилось больше ярости и жестокости, чем во всех остальных животных планеты, взятых вместе. Да и выглядели они жутковато: могучие орлиные крылья и когтистые лапы усиливали и без того устрашающее впечатление от тигриной головы с торчащими из оскаленной пасти десятидюймовыми клыками.

— Я не собираюсь кормить оглонов вашими ленсме-

нами, дружище, — в свою очередь улыбнулся Ким. — Они понадобятся мне для очень серьезного дела.

— Кто же спорит! Делайте что хотите, — Джеронд пожал плечами.

— Похоже, вы думаете, что я окончательно спятил.

Глядя в открытое улыбающееся лицо Кима, Джеронд в очередной раз задумался об удивительном самоконтроле этого человека, который мог искренне веселиться перед самым тяжелейшим испытанием.

— Не нравится мне это, — сказал адмирал. — Скорее всего, мы взяли всех боскомианских звильников и теперь занимаемся перестраховкой. Стоит ли рисковать понапрасну? Ведь нет никакой уверенности, что вы сможете контролировать оглонов.

— Джеронд, неужели вы еще не поняли, — сразу посерьезнел Ким, — что Боском и его приверженцы — не просто бандиты, подонки или отбросы нашего общества. Они создали свою цивилизацию — холодную, опасную, чуждую всему остальному миру. Пусть я буду перестраховщиком, чем оставлю здесь хоть одно осиное гнездо... Это значит, дать им шанс завоевать всю планету. И хочу еще раз напомнить: как только я покину базу, моя жизнь и все наше дело окажутся в ваших руках.

Пока ленсмены беседовали, сотрудники Джеронда, следуя полученным приказам, уже начали действовать. По территории базы оживленно сновало множество людей, и среди них промелькнули несколько человек, чем-то похожих на Киннисона. И хотя одеты они были по-другому, хотя некоторые носили бороды, а другие были гладко выбриты, сходство их с Серым Ленсменом не вызывало сомнений.

— Запомните, Джеронд, — сказал Ким, заканчивая разговор, — скорее всего, они базируются здесь, в Ардите, хотя могут оказаться в любой точке планеты. И, что бы ни случилось, держите меня под наблюдением с помощью следящих лучей, не отключайте их ни при каких обстоятельствах — это поможет выследить противника. Оглоны должны быть наготове. Поместите их не далее чем в миле от указанного места, чтобы они долетели до меня секунд за тридцать. Подключите к операции всех свободных ленсменов, всю технику, но, ради Линзы, не делайте ничего без моего сигнала.

— Хорошо, Серый. Удачи вам!

Покинув базу, Ким спустился в подземку и отправился в квартал докеров. Это была беспрецедентная наг-

лость, но именно в ней крылся залог успеха. Добравшись до места и поднявшись наверх, он засунул руки в карманы и, насвистывая, неторопливой и небрежной походкой двинулся в путь по темным улочкам. Однако сверхчувственное восприятие ленсмена работало в полную силу, позволяя замечать все происходящее, и каждый мускул его был готов к действию.

* * *

В то же самое время в огромной, заставленной аппаратурой комнате сидело, внимательно глядя на экран, странное существо. Здание окружали несколько сотен охранников, и существо, надежно защищенное от внешнего мира, внимательно изучало докера, который только что покинул подземку и теперь спокойно шагал по темным улицам. Существо находилось в полном недоумении:

— Это т о т с а м ы й л е н с м е н! — наконец взорвался тайный наблюдатель. — С Линзой или без — это о н! Кто еще может вернуться назад, выпустив против себя все силы ада?

— Ну так убей его, — посоветовал сидящий рядом тощий человек. — Все же готово, верно?

— Но это невозможно! — продолжал бушевать его шеф. — Ленсмен должен носить Линзу, а Линза не может стать невидимой! У него ничего нет! К тому же, ленсмен, который нам нужен, не стал бы вести себя так вызывающе... он хитер и осторожен...

— Тогда оставь этого типа в покое и проследи за кем-нибудь другим, — безразличным тоном сказал тощий.

— Но больше я не вижу ничего подходящего, — в отчаянии вздохнул первый, разрываясь между долгом и логикой. — Наверняка это тот самый ленсмен, хотя следов маскировки под Фордиса нет в помине...

— А может, настоящий ленсмен сидит сейчас на базе и попивает файолин, спокойно ожидая, когда мы схватим этого подменыша и позволим ему самому беспрепятственно уйти, — резонно предположил тощий.

— Заткнись! И без тебя тошно! — Первый из собеседников протянул руку к кнопке, но, передумав, отдернул ее.

— Ну, тогда вызови начальство и скажи, что не можешь справиться. Вряд ли тебя за это похвалят.

— Угу... Мне сразу прикажут убираться вон и освободить местечко для кого-нибудь получше... не для тебя ли, тварь? И не мечтай об этом!

— Ну, ну, — прошипел тощий. — Можешь болтать сколько угодно, но давно пора хоть что-нибудь решить.

— Я уже решил. Не хочется тебя огорчать, но я все уже продумал.

Решение было — проще некуда: подозрительного типа надо доставить в тайное убежище, допросить и узнать истину.

Боскомианин, нажав клавишу передатчика, скомандовал:

— Не убивать! Доставить живым! А если вы его не убережете, я прикончу вас сам. Исполнять!

Серый Ленсмен неторопливо шел по улице, улыбаясь и насвистывая, как человек, находящийся в полной гармонии с миром, хотя отлично знал, что его нагоняют двое, ожидающие только удобного момента, чтобы всадить в него хорошую дозу наркотика.

Ким и бровью не повел, когда в его шею вонзилась игла крошечной капсулы; затем что-то тяжелое ударило ленсмена в затылок.

«Перестраховщики...» — мелькнуло в его угасающем сознании.

Глава 8

ОГЛОНЫ

Киннисон почувствовал мерное покачивание пола и понял, что находится в кабине подземки.

Открыв глаза, он увидел двух склонившихся над ним быкоподобных рademексов. Набрякшие веки, квадратные челюсти, жирные загривки, а главное, на редкость выразительные улыбки заставили Кима содрогнуться при мысли об интеллекте его похитителей. Единственное, что отличало их друг от друга, была рыжая шевелюра, принадлежавшая более мелкому типу.

— Не волнуйся, парень, — сказал рыжий, поднося к глазам Кима громадный кулак. — Только пикни или попробуй использовать Линзу — и я вышибу тебе мозги.

— Да дьявол вас побери, что происходит?! — завопил докер, придя в себя. — Ты, рыжая образина...

— Заткнись, — велел второй, слегка ткнув Кима в висок. — Слишком много шума от тебя, это меня раздражает.

— В чем дело, парни? — уступая доводам, уже тише спросил докер. — Ну зачем я вам понадобился? Я ничего не сделал...

— Мне плевать, сделал ты что-нибудь или нет, — спокойно разъяснил рыжий. Нам приказано, чтобы ты не орал и не мог использовать Линзу. И в том и другом случае я сразу вышибу тебе мозги.

— Какая еще Линза? Это вашему боссу стоит вышибить мозги! — снова забушевал Ким, прекрасно понимая, что все происходящее в кабине прослушивается. — Да будь я ленсменом, разве позволил бы я двум вонючим ублюдкам надавать себе по башке? Пошевели своими мозгами, тупица, если они у тебя есть!

— Заткнись! В последний раз прошу по-хорошему.

— Ну нет у меня никакой Линзы, — простонал Ким. — Обыщите, в конце концов! Убедитесь сами, что вам стоит?

— Не мое это дело, — твердо сказал рыжий. — Я делаю, что велят, а потом пользуюсь стерилизатором для рук. Утихни, подонок.

Выражение его лица было столь убедительным, что Киннисон действительно предпочел заткнуться.

Кабинка подземки мерно покачивалась, сидевший в соседнем отделении ленсмен, сотрудник Джеронда, внимательно следил за происходящим с помощью Линзы.

В небе над городом мелькали флаеры с автоматическим управлением; где-то высоко, невидимый снизу, нес вахту боевой крейсер, а еще выше скоростной корабль-разведчик держал под наблюдением половину планеты. Все силы Патруля находились в полной боевой готовности.

Поезд остановился на частной станции подземки недалеко от столицы. Автоматы, отцепив кабину, направили ее в небольшой тоннель, где пленника уже ждали двое стражей. Не теряя времени даром, они подхватили Кима под руки и поволокли на поверхность. Киннисон прекрасно понимая, что частное владение, куда его доста-

вили, защищено всеми доступными средствами и что следящие лучи непрерывно обшаривают окрестности в поисках носителей Линз; если хоть один ленсмен появится в поле их действия, ему, Киму, придется туго. Однако в запасе у него оставались оглоны. Воздействовать на примитивный мозг чудовищ ничего не стоило, и Ким, одним ментальным ударом подчинив их себе, вызвал «птичек» на помощь. Ничто не могло удержать летающих хищников, когда они, рассекая воздух огромными кожистыми крыльями, помчались на зов «хозяина».

Киннисона приволокли в центральный холл и поставили на колени перед тремя рademексами.

— Ну, ублюдок, — начал хрупкий высокий мужчина, — как...

Закончить ему не удалось: чудовищные животные, невредимыми преодолев все пояса защиты, уже неслись по коридорам, сея панику и смерть на своем пути. Никто и глазом не успел моргнуть, как монстры ворвались в центральный холл. Трое из них, рассредоточившись, лишили воротил тионитового бизнеса возможности двигаться, крепко прижав их к креслам когтистыми лапами, а четвертое животное, быстро расправившись со стражами Кима, начало перегрызать наручники на его руках, изредка отвлекаясь, чтобы похлебать крови из лужи на полу.

Едва увидев оглонов, влетающих в холл, Киннисон подал сигнал тревоги, и район был мгновенно оцеплен силами Патруля. Все средства транспорта устремились к поместью, обрушиваясь, как снег на голову, на посадочные площадки усадьбы, и вот уже «Валерианские волкодавы» начали охоту за уцелевшими штурмовиками боскомиан.

Операция закончилась быстро и результативно. Под вопли оглонов и яростный вой сирен уцелевших противников погрузили на транспорт и отправили в подвалы базы Патруля. Следом увезли в зоосад разъяренных чудищ, не желавших оставлять Киннисона.

Придя в себя после мощных похлопываний по спине и «нежных» валерианских подбрасываний в воздух, ленсмен, счастливый, хотя и основательно помятый, тоже отправился на базу.

— Поздравляю! Преклоняюсь! И падаю ниц! — только и сказал Винстед, когда командный состав рademекского Патруля собрался на прощальный ужин. — Как вы думаете, кто-нибудь еще уцелел?

— В районе Ардита не осталось никого, я совершенно уверен, — заверил его Киннисон. — На планете не больше двух центров, иначе вероятность засветиться была бы слишком велика. В следующий раз...

— Следующего раза не будет, — перебил землянина Винстед. — Мы вытянем из пленных все до капли и вычистим планету.

— Ладно, уж кто-кто, а вы не бросаете слов на ветер, так что я покидаю Радемекс со спокойной душой.

— Похоже, весь космос — ваши владения. Доброго пути, Ким.

— Спасибо, и удачи вам, Винстед.

И Серый Ленсмен наконец покинул Радемекс.

* * *

Во время полета Киннисон занимался анализом своих действий. До сих пор ему удавалось держаться на шаг впереди противника, предугадывать его ходы и упреждать события, но долго так продолжаться не могло. Пора придумать что-то новое, неожиданное, идущее вразрез со всеми канонами. Если бы Ментор Аризии знал, куда заведут Кима его буйные идеи, он был бы серьезно обеспокоен.

«Чем выше, тем меньше числом» — в который уже раз вспомнил Серый Ленсмен. Бомингер, конечно, не гений, но идиотом его тоже не назовешь; а вот стоящий над ним, тот, кому подчинялся толстяк, наверняка отличается немалым интеллектом. Что же говорить о руководителе следующего, более высокого ранга? Наверно, он должен обладать как минимум аризианским разумом...

Шло время, и наконец Серый Ленсмен вновь появился на Главной Базе — нарядный, в парадной форме, сверкая знаками отличия; на его правом запястье ослепительно сияла Линза.

— Немедленно пошлите его ко мне! Немедленно! — рокотал во всех динамиках голос Хейнеса. — Не смейте задерживать Киннисона болтовней!

Сопровождаемый понимающими улыбками, Ким вошел в огромный кабинет и замер в глубоком изумлении: за круглым столом собралась весьма своеобразная компания: хирург Лейси, адмирал Хейнес и, наконец, огромный позенианин.

— Входи, Ким, — пригласил Хейнес. — Лейси горит желанием проверить твой скелет... А это — доктор Филипс, — он кивнул на второго гостя. — Знакомьтесь, доктор — Ким Киннисон, Серый Ленсмен. Конечно, доктора зовут совсем не Филипс, — пояснил адмирал, — но мы прозвали его так, чтобы не сломать языки, выговаривая его настоящее имя.

Позенианин, такой же высокий, как и Ким, но намного массивнее и тяжелее, не был гуманоидом, хотя его фигура чем-то и напоминала человеческую. Вместо двух ног у него было четыре руки, каждая из которых оканчивалась двумя ладонями с двумя пальцами. Но самое сильное впечатление производила его голова: по бокам лысого, покрытого зеленоватой кожей черепа топорщились, постоянно находясь в движении, огромные уши, делая почти незаметными маленькие глазки; два плоских носа полностью терялись рядом с зубастым ртом. И эта чудовищная голова неподвижно сидела на толстой, словно отлитой из зеленого камня, шее.

— Выглядишь ты весьма неплохо, — довольно улыбнулся Лейси, обращаясь к Киннисону. — Конечно, надо сделать несколько снимков и анализы, но на вид ты здоров, как бык. Филипс, полюбуйтесь на него — великолепный экземпляр!

Пока руки позенианина ощупывали и оглаживали его тело, Ким пытался понять, к чему этот консилиум.

Лейси продолжал:

— Позениане великолепные диагносты: у них очень сильно развито сверхчувственное восприятие, и они видят пациента насквозь без всякого вскрытия. В ближайшее столетие всем врачам придется овладеть подобным искусством... Впрочем, я отвлекся. Филипс хотел бы изучать особенности человеческой неврологии, в частности — пролиферацию дендритов...

— Ай-ай-ай! — простонал Хейнес. — Я тысячу раз просил тебя говорить человеческим языком! Киму тоже невмоготу слышать такое!

— Ничего, я еще держусь, — с серьезной миной успокоил адмирала Киннисон. — Что возьмешь с этих некрофилов? Они давно забыли про нормальную речь.

— Мне нравится твой подход к делу, сынок, — засмеялся Лейси, прикрепляя к рукам Кима странные сверкающие штучки. — Но если мы не способны говорить по-человечески, то пусть люди учатся говорить по-нашему, иначе как довести до сведения тупицы Хейнеса

и ему подобных, что самые высокоорганизованные нервные клетки — клетки мозга — не способны к регенерации, а это снижает выживаемость во множестве миров.

— Говорите об этом где хотите, но только не в моем кабинете, — адмирал Хейнес мог выдержать все, кроме бесед на медицинские темы. — Оставьте в покое моего малыша-ленсмена и не пытайтесь отрастить ему дендриты. По-моему, вы достаточно изучили его тело и вполне можете удалиться к себе, чтобы с чувством переварить высосанную информацию.

— Пойдем, Филипс. Пусть эти недоучки обсуждают свои делишки, а наше дело — творить чудеса ради их же потомков.

Издевательски хихикая, Лейси и его жутковатый приятель удалились.

— Вот мой подробный рапорт, — Киннисон положил пакет на маленький столик перед адмиралом. — Я многое обсуждал с вами лично, но здесь приведен анализ всех событий и сделаны выводы.

— Хорошо, я посмотрю и сообщу свое мнение, хотя одно лишь открытие Медона искупает все твои прошлые и будущие грехи. Я слышал, что медонцы скоро поставят «Неустрашимому» памятник в натуральную величину.

— А куда вы денете сам Медон? Пристроите где-нибудь недалеко от Солнечной системы?

— Угу, почти угадал... Медонцы станут нашими ближайшими соседями — мы поселим их у солнц Альфа Центавра. Заодно удобно будет присматривать за новыми друзьями. А что ты скажешь о Второй Галактике?

— Ничего хорошего: Боском всех держит под пятой. Но даже если там и есть независимые планеты, у нас не хватит ни сил, ни энергии на их поиски. На данный момент мы сделали все, что могли, и нам придется подождать, пока не накопим сил для большой войны. Согласны?

— На сто процентов!

— Иного я и не ожидал! — Киннисон сделал гордую мину, и адмирал оглушительно расхохотался. — А пока ваши люди занимаются созданием новых кораблей, снабжая их медонскими двигателями, я пойду дальше и прослежу всю цепочку наркобизнеса.

— В каком-то смысле наркотики опаснее для цивилизации, чем целый космический флот, — заметил адмирал.

— Совершенно верно. Но меня беспокоит еще одно:

кажется, из всех ленсменов до сих пор только я и Ворсел получили повторно вызовы на Аризию и способны бороться с Боскомом без посторонней помощи.

— К сожалению, так. Правда, еще двое слышали зов, но им не хватило способностей.

— Да, человеческий ум недостаточно развит для восприятия аризианских истин... они прожигают подсознание, ломая привычные нормы и правила... Но наш мозг — хитрая штучка и может совершить удивительный прогресс за несколько мгновений...

— Последнее время тебя, Ким, что-то тянет пофилософствовать... — Хейнес усмехнулся. — Лучше скажи, что ты узнал про организацию звильников.

— Исключительно стройная система. Синдикат наркотиков очень разветвлен, в бизнесе заняты миллионы торговцев и всяческих распространителей; над ними стоят фигуры покрупнее — хозяева разного ранга; еще выше — планетарный босс, непосредственно подчиняющийся хозяину региона. И на всех уровнях, возле каждого мелкого босса, крутятся люди его шефа, которые следят за ним, проверяют и контролируют. Бомингера пасли трое, а может быть, и больше. Я выследил шефа Бомингера — Прелина с планеты Колон. Кстати, Ха'Исса тоже был колонианином.

— Чувствую, Колон милая планетка... Не хотел бы я жить по соседству с ней!

— Пожалуй, это все; больше я ничего не знаю об их организации. Вполне вероятно, что региональный босс подчиняется галактическому, который может оказаться самим главой Боскома — или, на худой конец, одним из его непосредственных подчиненных.

— И ты надеешься дойти до вершины пирамиды?

— Другого выхода нет. Если своевременно отрубить голову, тело умрет без особых мучений. Убрав Прелина, мы разворошим весь муравейник и тогда легко переловим всю рыбку.

— Я могу привести миллион возражений, но ты все равно ничего не захочешь слушать, — Хейнес пожал плечами. — Делай, что хочешь, парень, а я попробую тебе помочь.

— Спасибо, — Ким встал, собираясь покинуть кабинет.

— И главное, — остановил его адмирал, — побереги себя!

— Да я только этим и занимаюсь, — хмыкнул Киннисон. — Мое второе имя — осторожность.

— Угу, я заметил. Есть какие-нибудь просьбы или пожелания?

— Да. — Лицо ленсмена стало напряженным. — Мне нужен корабль, не содержащий ни унции железа, построенный с учетом новейших медонских технологий, — корабль, который нельзя засечь никакими радарами.

— На создание такой игрушки уйдут годы, сынок, — Хейнес поднял брови. — Если, конечно, не привлечь к делу лучших специалистов.

— Я не решался говорить об этом, пока мы не покончили с бандой Бомингера, — продолжал Серый Ленсмен. — Я понимаю, какая прорва средств уйдет на создание корабля... Но теперь, вычистив Радемекс, я отработал какую-то часть стоимости...

— При чем здесь это? — заметил адмирал. — Я когда-нибудь объяснял тебе, откуда Патруль берет средства?

— Нет.

— И не буду объяснять. Тебе достаточно знать, что только от Земли мы получаем около ста миллиардов кредитов ежегодно. Есть еще вопросы или угрызения совести?

— Уже нет. Значит можно рассчитывать на участие в работе лучших ученых Галактики?

— Конечно. И мы начнем немедленно. Я дам тебе отличную помощницу с высоким индексом интеллекта, с ней вместе вы подберете нужную команду. — Хейнес, нажав на кнопку, отдал приказ.

Через несколько секунд в комнату вошла изящная блондинка.

— Мисс Хостер, с этой минуты вы будете душой и телом принадлежать ленсмену Киннисону. Все его приказы подлежат немедленному исполнению. А теперь — отправляйтесь.

* * *

Огромная научная библиотека занимала весь пятый подвальный этаж здания. Стеллажи с кассетами высились от пола до потолка, и любой непосвященный в два счета заблудился бы в их бесконечных лабиринтах.

— Мне нужны специалисты в области математики, физики, астрономии — и вообще гении, — объяснял

Ким, следуя за своей очаровательной спутницей, а та молча и почтительно кивала. — Надо собрать группу человек в пятьдесят...

Девушка села к компьютеру и занялась работой, а Ким почтительно следил, как быстро и ловко она оперирует громадными объемами информации. Вскоре список лежал перед Киннисоном.

— Кроме того, есть еще двое с индексом интеллекта выше гениальности, то есть больше семисот пятидесяти. Их обычно называют суперами, — сказала девушка, протягивая ленсмену карточку.

— Ну-ну, — начал было Ким, но то, что он прочел, заставило его умолкнуть и задуматься.

КЛАСС XIX: В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ НЕ ИЗУЧАЕТСЯ ИЗ-ЗА НЕДОСТАТКА АДЕКВАТНЫХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. РАЗУМЫ ВЫШЕ УРОВНЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ, ПОКАЗАТЕЛИ СТАБИЛЬНЫ...

Он перевернул карточку и прочел имена:

ВОРСЕЛ, ВЕЛАНТИЯ, — 800

КИМБОЛ КИННИСОН, ЗЕМЛЯ, — 875.

Глава 9

АЙХИ И АРИЗИАНЕ

Адмирал был совершенно прав, полагая, что Боском уже предпринимал некоторые шаги в ответ на действия ленсмена с планеты Земля.

И действительно, пока Киннисон работал в библиотеке, на планете Ярневан, угрюмой цитадели Боскома, неимоверно далеко от Земли, во Второй Галактике, состоялось совещание, весьма сильно затрагивающее интересы Лиги Миров.

Председательствовало на встрече существо, известное в истории как Айх-Лан, или, точнее, Лан Айхов.

— Заседание Боскома объявляю открытым, — обратилось это создание к восьмерым подобным ему монст-

рам. Все участники встречи удобно расположились возле длинного и широкого, похожего на скамью стола, сделанного из чего-то похожего на камень.

— Девять дней назад каждый из нас начал поиск и анализ новых фактов, касающихся деятельности пока еще гипотетического ленсмена, который, по уверениям Ха'Иссы, является реальной причиной наших недавних неудач в Первой Галактике, — продолжал председатель. — На правах Первого в Боскоме позволю себе осветить сложившуюся к настоящему моменту расстановку сил. Как вам известно, с падением главной базы наше положение в данном регионе стало исключительно неустойчивым. Мы направили туда корабли-координаторы для исследования возможности реорганизации нашей деятельности, но лишь некоторые из них достигли контролируемых планет, да и они не смогли прояснить обстановку. С кораблями же, добравшимися до баз Патруля или столкнувшимися с его крейсерами, быстро терялась связь, а их автоматическая записывающая аппаратура выходила из строя, не успев передать никаких вразумительных данных, за исключением факта полного уничтожения наших судов. Мы пытались воспользоваться каскадной системой, когда корабли, оснащенные приборами, которые позволяют определять природу любого возникшего излучения, идут один за другим на достаточно большом расстоянии, однако противник создавал зоны помех огромной мощности. На этом мы потеряли еще шесть кораблей, не получив необходимой информации. Таковы факты. Как видите, они полностью негативны. Теоретический анализ, выводы и прогнозы, как обычно, последуют позже. Послушаем доклад Айх-Мила, Второго в Боскоме.

— Моя информация также совершенно негативна, — начал Второй. — Вскоре после того, как наши операции на планете Радемекс стали приносить первые плоды, туда прибыла группа земных агентов по борьбе с наркомафией, в состав которой мог входить, а мог и не входить тот самый ленсмен...

— Придерживайтесь фактов, — сухо порекомендовал Айх-Лан.

— Спустя некоторое время один из мелких агентов — женщина, которой полагалось держать свой ментальный экран постоянно включенным, — вышла из строя вследствие умственного расстройства. Еще одна женщина, агент более высокого уровня, бывшая до сих

пор весьма и весьма полезной, внезапно прервала связь. Несколькими днями позже перестали поступать донесения от Бомингера — резидента планеты — и от местного наблюдателя; они оба, кстати, не только не имели связи с действующими агентами, но даже не знали об их существовании. Данные, полученные из других источников — от торговцев и экипажей кораблей, которым, я полагаю, можно в данном случае доверять, — свидетельствуют о полном уничтожении нашей агентурной сети на Радемексе. На других планетах не было отмечено ничего необычного.

— Айх-Нор, Третий в Боскоме.

— Также негативные сведения. Поставщики информации, работающие непосредственно на базах Патруля, молчат. Прервалась связь буквально со всеми испытанными агентами. Все попытки восстановить ее оказываются безуспешными.

— Айх-Снэп, Четвертый в Боскоме.

— Полностью негативно. Планета Медон исчезла бесследно. Около двух десятков кораблей, направленных к ней незадолго до ее исчезновения, также бесследно пропали.

Доклады прочих участников совещания не сильно отличались от приведенных. Щупальца могущественного Первого буквально летали над клавишами установленного перед ним компьютера — одного из самых совершенных во Вселенной.

— Проинтегрируем наши предположения относительно причин происходящего, теоретические предпосылки и возможные последствия, — наконец предложил Первый.

Присутствующие поочередно ввели в машину требуемые данные. Компьютер, помигивая, ненадолго притих, потом зажужжал и выдал довольно длинный текст. Айх-Лан, внимательно просмотрев его, объявил:

— Пункт первый. С вероятностью девяносто девять целых и девяносто девять сотых процента, то есть практически наверняка, можно считать достоверным следующее. — Он обвел взглядом членов совещания. — Во-первых, за всеми происшествиями стоит некий ленсмен с Земли; во-вторых, он обладает ментальной силой, до сих пор неизвестной никому из его расы; в-третьих, именно он в большой степени ответствен за создание нового грозного оружия Патруля. Пункт второй. С вероятностью девяносто девять процентов он и его органи-

зация перешли от обороны к активному наступлению. Пункт третий. На девяносто семь процентов не Земля является источником препятствий, вставших перед нами, хотя Галактический Патруль создан именно на этой планете. Причина всего — Аризия. Доклад Ха'Иссы можно считать — по крайней мере, частично, — верным. Четвертое. С вероятностью девяносто пять и пять десятых процента ленсмены причастны к исчезновению планеты Медон. Можно предполагать, хотя степень вероятности неизвестна, что здесь замешан тот же самый землянин. — Айх-Лан слегка шевельнул щупальцами, давая понять, что закончил чтение результатов. Младшие по рангу почтительно ожидали. Первый в Боскоме продолжал:

— Не буду напоминать, что исчезновение целой планеты, по сути дела, намного серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Установление причин этого стало сейчас делом жизненной важности. Очень просто, как это делал Ха'Исса, отдавать приказы, которые невозможно исполнить, вроде «прочешите Тренко дюйм за дюймом». Прочесать Галактику в поисках Медона намного сложнее, но мы обязаны предпринять все, что возможно.

Члены высшего Совета Айхов одобрительно зашумели и задвигались. Председатель, сделав нетерпеливый жест, продолжал чуть громче:

— В общем, наше положение достаточно серьезно. Это первый крупный шаг назад, который вынуждена сделать культура Боскома с момента начала ее восхождения. Вы знакомы с историей нашего возвышения, когда айхи шаг за шагом овладевали городами, расами, планетами, звездными системами, Галактикой. Вам известно, как мы распространив наше влияние и на галактику Земли, сумели пойти дальше и наша власть простерлась над всеми населенными мирами Макрокосма. Вы помните наше кредо: выживает и правит сильнейший. Пытающаяся противостоять нам цивилизация, которая берет начало на Земле, но поддерживается Аризией, слишком слаба и мягкосердечна, чтобы бороться с ментальной и материальной мощью нашей культуры. — Каждое положение доклада председателя находило отклик в душах внимавших ему участников совещания. — Мириады планет, находящихся под нашим строгим, но справедливым правлением, отдают часть своей мощи айхам. Вся эта сила, сконцентрированная

миллионами жителей нашей планеты, воплощена в нас — в нас девятерых, которые, собственно, и являются Боскомом.

Пламенная речь обычно столь хладнокровного существа, казалось, полностью заворожила слушателей, готовых слиться в едином порыве, поддерживая первого из властителей звездной империи айхов.

— Сила — вот наша цель! Наши предки полагали, что достаточно владеть одной планетой. Позднее для полного удовлетворения амбиций хватало господства над Галактикой. Мы, Боском, понимаем, что власть ограничивают лишь пределы материальной Вселенной. Каждый сущий мир обязан платить дань Боскому! — Он резко дернул щупальцами. — Итак, что предложат члены Совета?

— Добраться до Аризии! — Компьютер не потребовался — настолько единодушно был настроен Совет.

— Я обязан предупредить вас, — вмешался Восьмой. — Да, мы древняя и могучая раса. Но на Аризии, я уверен, существует некоторая неизвестная нам сущность — некий «Икс», который мы не в состоянии оценить. Не следует забывать, что Ха'Исса, хотя и не был рожден на Ярневане, является, тем не менее, достаточно развитым существом. Однако с ним расправились так безжалостно, что он не смог представить не то что полный, а хотя бы вразумительный отчет о происшедшем. Помня об этом, я предлагаю не совершать посадку на планету, а уничтожить ее с разумной дистанции.

— Несомненно, здравое предложение, — одобрил Первый. — Что касается Ха'Иссы, он и в самом деле проявил исключительные для дышащего кислородом существа способности, однако ментально он слаб, как все ему подобные. Полагает ли наш уважаемый психолог, холодный взгляд обратился к Восьмому, — что какое-то существо или мозг, пусть даже с планеты Плур, мог бы подчинить ваше сознание, не пользуясь физической силой или приборами, как следует из доклада Ха'Иссы? Я сознательно ставлю под сомнение истинность переданных им фактов. Более того, я близок к тому, чтобы заменить его айхом, как ни неприятно такое назначение для любого из нашей расы.

— Конечно, — согласился Восьмой, — я не думаю, будто во Вселенной существует мозг, способный подчинить мой разум. Кроме того, не надо забывать баналь-

ную истину: ментальное воздействие любой мощности не в состоянии повлиять на сильную, настроенную на противодействие, волю. Поэтому я против использования нашими агентами мыслеэкранов. Такие экраны увеличивают опасность обнаружения и не приносят реальной пользы, тем более что противник, очевидно, в первую очередь использует физические средства воздействия, после чего экраны, конечно, становятся бесполезными.

— Не уверен, что полностью согласен с вами, — вставил Девятый. — Мы располагаем неоспоримым свидетельством использования ментальных сил незнакомого нам типа. И, несмотря на общее мнение, будто доклад Ха'Иссы не стоит энергии, потраченной на его передачу, я обеспокоен. У нас, мне кажется, достаточно фактов, говорящих о том, что ментальная энергия аризиан может действовать, минуя материальных посредников. — Противореча своему коллеге, Девятый постарался возможно более аккуратно сформулировать возражение. — В таком случае следует применять жесткое экранирование, каковое единственно способно защитить нас от этой силы.

— Неплохо звучит, но абсолютно невыполнимо, — парировал психолог. — Если вы располагаете хотя бы одним фактом, подтверждающим эффективность экранов, я немедленно соглашусь с вами. Но есть ли у вас такой факт? Экранирование не спасло Ха'Иссу и его базу. Ничто не указывает, что экранирование хотя бы на миг задержало операции ленсмена на Рademексе. Вы говорите о «жестком» экранировании, но этот термин не имеет смысла. Если мы склонны, как мне кажется, постулировать способность одного создания контролировать другое без физического контакта — а в противном случае нам просто не о чем говорить — то нам придется согласиться, что ленсмен может воспользоваться любым неэкранированным мозгом. К слову сказать, Ха'Исса пришел к выводу — к сожалению, несколько запоздавшему, — что ленсмен обезвредил его крепость, воспользовавшись мозгом собаки.

— Ерунда! — фыркнул Седьмой. — Прикажите убить всех собак? Или снабдить их экранами?

— Вполне возможно, — не моргнув глазом, ответил психолог. — Но тогда, если вы хотите быть последовательным, надо избавиться от всего живого — от всего, что способно бегать, ползать или летать. Однако всю жизнь, до последнего червя и насекомого, уничтожить

не удастся. В то же время никто не рискнет провести четкую границу, сказав: «Здесь начинается разум».

— Очень интересная, но совершенно бесполезная дискуссия, — прервал его Айх-Лан, предвосхищая очередную ядовитую реплику. — Важнее, мне кажется, обсудить, что мы будем делать. Вернее, кто это будет делать, поскольку сама по себе проблема допускает единственное решение: атомная бомба достаточной мощности, чтобы уничтожить все следы жизни на пресловутой планете. Отправим ли мы кого-то или полетит один из нас? Переоценив противника, мы ничем не рискуем — ну, примем излишние меры предосторожности, вот и все; недооценка же может оказаться губительной для всей культуры. Мне представляется, что в данном случае решение должен принять наш психолог. Если вы предпочитаете иной способ, я могу интегрировать ваши предложения.

Обращения к машине не потребовалось — решено было согласиться со всем, что предложит Айх-Амп, Восьмой на Боскоме.

— Я полагаю, — размеренно произнес этот достойный специалист, — что отправиться туда следует мне. Ситуация крайне серьезна. Я, как и наш коллега Девятый, убежден, что в версии происшедшего, изложенной Ха'Иссой, велика доля истины. Мой мозг — единственный, в мощи которого я абсолютно уверен, единственный, о котором я точно знаю: он не уступит никакой ментальной силе, независимо от метода воздействия. Со мной может отправиться любой из жителей Ярневана, но только после тщательной проверки.

— Вы решили именно так, как я и предполагал, — с удовлетворением заметил Первый. — Я иду с вами. Мой мозг тоже выдержит.

— Безусловно; и в данном случае испытания не требуется, — согласился психолог.

— И я! И я! — послышалось со всех сторон.

— Нет, — решительно отказал Первый. — Двоих вполне достаточно для управления всеми механизмами и вооружением. Если пойдет кто-то еще, мы неоправданно рискуем — более слабый партнер ослабит и нас. Взять с собой слабое существо — значит, сильно уменьшить шансы на успех. А из нас двоих каждый будет в безопасности: я — поскольку неоднократно доказал свое право на титул Первого в Совете правителей и господ главной расы во Вселенной, Айх-Амп — благода-

ря выдающимся знаниям в области всего, что связано с любым разумом. Наш корабль готов. Мы уходим.

Айхов нельзя упрекнуть в трусости. Это была раса тиранов, диктаторов — жестоких, неумолимых и бессердечных, холодных, как камни их угрюмой планеты, и беспощадных, как луч бластера, но в то же время логичных и твердых. Любое дело осилит тот, кто способен справиться с ним, кто выполняет его спокойно и беспристрастно, как хорошо отлаженная машина. В сущности, айхи и являлись такими машинами. Никто не спорил, вопрос был решен: к Аризии отправились Первый и Восьмой.

* * *

Черным безмолвным призраком корабль промчался по усеянным звездами окраинам Второй Галактики, и пронзив глубины межгалактического пространства, ворвался в галактику Земли, где ринулся прямо к звездной системе, которой избегал любой разум — к таинственной Аризии.

Даже двое могущественных боскомиан не рискнули приблизиться к грозной планете. Они остановились так далеко, как только позволяла система наведения смертоносной бомбы, однако корабль айхов все же коснулся ментального экрана. Едва Айх-Лан протянул щупальце к спусковому механизму, сосредоточив на нем все внимание семерки Боскома, оставшейся на родной планете, но оттуда неотрывно наблюдавшей за происходящим, как в его мозг проникла острая, как игла, и разящая, как закаленный клинок, мысль.

— Остановись! — прозвучала команда, и Айх-Лан замер, как и его спутник.

Оба напряглись, не в силах шевельнуться. Семь членов Совета смотрели с непередаваемым изумлением: индикаторы приборов оставались неподвижными, поскольку не были способны воспринимать мысли, и наблюдателям казалось, будто ровным счетом ничего не происходит; однако они понимали, что случилось нечто ужасное, необъяснимое, что решительно воспрепятствовавшее тщательно разработанному Советом плану. Однако помочь они не могли; им оставалось лишь наблюдать и ждать.

— Итак, Лан и Амп с Ярневана, — прозвучало в головах беспомощных визитеров. — Действительно,

Старшие были правы; мой мозг еще недостаточно развит, чтобы охватить причинность связей во Вселенной. Я чувствую сейчас, как несовершенно было мое представление о Макрокосмосе, однако вы неплохо укладываетесь в расширенную схему, и я благодарен вам за новый опыт, который, через много циклов времени, поможет мне в строительстве мироздания...

Пожалуй, надо позволить вам вернуться целыми и невредимыми на свою планету, хотя вы и знаете о предупреждении, которое получил Ха'Исса, ваш соратник, — знаете, что платой за нарушение границ Аризии служат ваши жизни. Но уничтожение не способствует росту сознания. Вы вольны уйти. Я лишь повторю то, что сказал вашему подчиненному: не возвращайтесь сами и не пытайтесь кого-нибудь направить сюда.

Едва ли аризианин заметно напрягал силы: хотя тела двух захватчиков были практически парализованы, их умы оставались ясными. Психолог, быстро осознав это, холодно произнес:

— Ты сейчас имеешь дело не с Ха'иссой и не с другим слабым, безмозглым, теплокровным существом. С тобой говорит айх! — и, напрягая волю, он двинулся к пульту управления.

— Что толку? — аризианин направил на мозг Восьмого обжигающее поле, генерирующее волны пронизывающей боли. Взяв под контроль мозг психолога, он заставил его приблизиться к панели связи, на мониторе которой застыла, как громом пораженная, семерка Боскома.

— Включите всепланетное вещание, — скомандовал аризианин, пользуясь органами речи Айх-Ампа, — чтобы каждый представитель расы айхов мог слышать мое обращение.

После краткой паузы глубокий, размеренный голос продолжал:

— Я, Эуконидор с Аризии, говорю с вами через посредство беспомощной груды плоти, которая была когда-то вашим главным психологом, Айх-Ампом, Восьмым в Высшем Совете, называемом вами Боскомом. Я был склонен пощадить жизни двух простейших существ, которых вы видите, но решил, что это бесполезно. Их умы, как у всех вас, кто слушает меня, извращены и неспособны рассуждать. Мой поступок был бы истолкован неверно, оставив впечатление, что я не умертвил их в силу своей слабости. Это заставило бы вас пред-

принимать все новые попытки, пока вы сами не были бы уничтожены. Убедить вас в чем-то можно, лишь продемонстрировав превосходящую ваши возможности силу.

Аризианин на миг умолк, пытаясь дотянуться сверхчувственным восприятием до далекой враждебной планеты и оценить, насколько полно воспринимается его речь. Не вполне удовлетворенный, он все же продолжал:

— Сила — вот единственное, чему вы поклоняетесь, единственное, чем хотите обладать, и все средства для вас хороши: подкуп, предательство, преступления.

Вы считаете себя жестокими и беспощадными, но ваши умы слишком неопытны, чтобы постичь истинные глубины жестокости и падения, они не доступны вашему воображению.

Почему вы поклоняетесь силе? Любому мыслящему созданию должно быть ясно, что такая страсть по своей природе никогда не может быть удовлетворена, поскольку она возвращается снова и снова, питая сама себя. Существует лишь одна сила, одновременно неограниченная и все же конечная, которую невозможно удовлетворить, но которая сама приносит удовлетворение. Это сила созидания. Но вы, отсталые существа, избравшие неверный путь развития, не можете понять этого. Чтобы убедиться в истинности моих слов, надо научиться концентрироваться на единичном факте или малом объекте, а вы стремитесь только расширять поле своего внимания, только захватывать и подчинять.

Вы хвастаетесь тем, что ваша планета стара. Что из того? Мы, аризиане, заселяли поочередно множество планет, переходя на новую каждый раз, когда прежняя, состарившись, умирала, — и так продолжалось до тех пор, пока мы не стали независимы от случайного образования этих небесных тел. Нет, наш народ возник не на той планете, что образовалась во время недавнего взаимодействия двух галактик, а на той, что сформировалась в столь древние времена, что число лет, протекшее с тех пор будет для вас просто бессмысленным звуком. Мы уже достигли возраста, невообразимого для ваших умов, когда ваши отдаленные предки только начали извиваться в грязи вашего родного мира.

Знают ли об этом обитатели Первой Галактики? — я прочел этот вопрос в ваших разумах. Нет. Никто, за исключением очень немногих, наиболее развитых, не имеет даже приблизительного представления об истине. Открыть хотя бы часть ее означает нанести их цивили-

зации непоправимый вред. Будучи искателями Истины в лучшем смысле этого слова, они все же удивительно юны, а их жизненный путь пока невообразимо короток. Факт, что существует такая культура, как наша, пока недоступен их сознанию и может повредить их разум. В вашем случае дело обстоит по-другому. Вы просто закроете свой разум перед тем, что произошло, объявив, что такое невозможно; следовательно, ничего и не было. Тем не менее, впредь вы будете держаться подальше от Аризии.

Подведем итог. Вы считаете себя долгоживущими. Знайте же, черви, что ваша жизнь — в тысячу ваших лет — лишь миг. Я, Эуконидор, уже прожил много таких периодов, но я еще очень молод — простой наблюдатель, которого не привлекают пока к серьезным размышлениям.

Я слишком долго говорил — и лишь по одной причине: мне неприятно видеть, как впустую растрачивается энергия расы, направляемая на достижение собственного материального благополучия. Мне хотелось бы наставить ваши умы на правильный путь, хотя такая вероятность ничтожно мала. Большинство из вас, полагаю, в своей близорукой гордыне уже выкинули из головы мои слова, отвергнув попытки изменить ваш образ мыслей, но меня не оставляет надежда, что некоторые все же последуют этим Путем Истины.

Однако, — в голосе Эуконидора послышались металлические нотки, — мое предупреждение касается к а ж д о г о из жителей планеты Ярневан. Аризия не хочет и не допустит вторжения. В качестве урока я покажу вам, как покончат с собой эти двое, рискнувшие нарушить границу.

Мощный голос замер. Щупальца Айх-Лана двинулись к панели управления и огромный снаряд вырвался на волю. Но вместо того, чтобы направиться к далекой Аризии, он описал круг и всей своей мощью обрушился на гигантский крейсер айхов. Раздался ужасающий взрыв, от которого содрогнулся космос, немыслимо яркая вспышка озарила пространство, и корабль почти мгновенно испарился.

Спустя некоторое время на месте происшествия вновь воцарилось спокойствие; исчезла лишь крохотная песчинка — крейсер Боскома.

Глава 10

АННИГИЛЯЦИОННАЯ СФЕРА

Прошло больше недели, прежде чем Киннисон закончил работать с каталогом библиотеки и коммуникатором дальней связи. Ему удалось заручиться помощью пятидесяти трех наиболее выдающихся мыслителей и ученых всех планет Лиги Миров. Вся Галактика с готовностью откликнулась на призыв: Вандемар и Аласкан, Шиклодор и Рademекс, звездные системы Ригеля, Сириуса и Антареса и так далее — предложение превысило спрос. Лишь Земля имела более одного делегата, и это диктовалось жесткой необходимостью.

Землю представляли Кимбол Киннисон и Остин Кардинг. Сэр Остин Кардинг, человек, чей феноменальный мозг создал новую математику, позволявшую рассчитывать отрицательные энергетические уровни, был незаменимым специалистом в своей области, а самому ленсмену предназначалась роль руководителя группы. Местом встречи избрали не Землю, а Медон — планету, недавно появившуюся, и, следовательно, совершенно нейтральную.

Серый Ленсмен прекрасно знал, с кем ему придется иметь дело. Все приглашенные им ученые были мыслителями высочайшего уровня, но часто им не хватало выдержки и спокойствия; они по любому поводу теряли самообладание, и еще раньше, чем прибыли все участники группы, стало ясно, сколь пышно расцветет здесь ревность. После первой же встречи, на которой была сформулирована проблема, Киннисону пришлось воспользоваться всей своей властью и авторитетом, а также привлечь Ворсела с его дипломатическими способностями, чтобы сохранить в рабочем состоянии супермощные умы.

Снова и снова кто-нибудь из участников необык-

новенного симпозиума, чье достоинство оказывалось смертельно оскорбленным, в необычайном возбуждении выбегал прочь, чтобы немедленно отбыть на родную планету. Только с помощью долгих уговоров или угроз, а бывало, и прямого ментального воздействия, ученый возвращался к прерванной работе. Непрекращающиеся ссоры и перебранки, то и дело вспыхивающие страстные сцены обвинений и взаимных оскорблений были прямой помехой общему делу. Каждый из великих талантов привык к безусловному поклонению, к безоговорочному одобрению; никто из них не хотел подвергнуть свою работу придирчивому анализу и в высшей степени неприятному критическому разбору. Поначалу это казалось совершенно невыносимым.

Со временем, правда, большинство ученых смогли работать вместе, осознав, что поодиночке невозможно решить поставленную перед ними задачу. Наиболее непримиримым и скандальным Киннисон позволил вернуться домой. Лишь тогда появились первые признаки прогресса, но, увы, не столь стремительного, как надеялся Серый Ленсмен. Киннисон потерял двадцать пять фунтов, и даже железное здоровье Ворсела слегка пошатнулось. Он не мог больше летать, потому что, как сам он объявил однажды, крылья его подламываются; и ползать ему тоже тяжело, потому что брюшные присоски упираются в хребет.

Наконец работа завершилась; ее результатом являлся набор уравнений, которые умещались на одном листе бумаги. Правда, для большинства разумных существ они были абсолютно лишены смысла, ибо базировались на совершенно новой отрасли математики.

— Теперь очередь твоей команды приступать к работе, — сказал Киннисон Торндайку, главному инженеру проекта, и облегченно вздохнул. — Лично я собираюсь с недельку поспать. Разбуди меня, когда будет готова модель, договорились?

Без сомнения, Ким сильно преувеличивал; он ни за что бы не упустил возможности понаблюдать, как создается аппарат. Вскоре посреди решетчатой рамы двадцати футов в диаметре повисла сферическая оболочка; в шести ее точках были установлены атомные инверторы, каждый из которых мог преобразовать за час десять тысяч фунтов материи в чистую энергию. Эта чудовищная энергия аннигиляции поступала в центральную сферу, и Киннисон присутствовал при том, как

первые сотни тысяч тонн всевозможного мусора — камень, песок, ржавое железо, отбросы всех сортов — проваливались в нее и исчезали, как будто их никогда не существовало.

— По-моему, пора приступить к следующей стадии, — нетерпеливо обратился ленсмен к руководителю работ.

— Пока еще нет, Ким, — возразил Верн Торндайк. — Энергетический вихрь только формируется и пока очень мал. Я сам толком не понимаю, что там происходит, но, дорогой мой, как я счастлив, что принимаю участие в создании этой штуковины!

— Но когда же? — требовал ленсмен. — Скоро ли мы узнаем, как она действует? Я не могу больше ждать: мне надо лететь по делам.

— Ну и лети, когда захочешь, хоть сейчас, — засмеялся Торндайк. — Ты нам больше не нужен — свою работу ты выполнил. Устройство действует, иначе как бы мы запихнули всю эту дрянь в такое маленькое пространство? Не беспокойся, все будет готово раньше, чем потребуется тебе.

— Но я хочу видеть его в действии!

— Возвращайся через три-четыре дня, максимум через неделю, но не рассчитывай увидеть что-то большее, чем просто дыру.

— Как раз то, что надо!

Вернувшись через несколько дней, ленсмен увидел именно дыру.

Сферическая рама осталась неизменной, механизмы все еще продолжали работать. Вещество в самых разнообразных формах и видах по-прежнему исчезало — мгновенно, бесшумно, спокойно совершая свой неизвестный путь.

Но в центре массивной сферы парило в пространстве нечто непонятное. На первый взгляд это казалось небольшим бейсбольным мячом — или, скорее, шаром смутных очертаний. Взгляд, направленный на него, не мог воспринять образ полностью, так как он не был трехмерным. Не помогало и мысленное представление, также основанное на трехмерном восприятии. Свет проваливался в шар и исчезал. Разум отступал, не в силах осмыслить воспринятую глазом бесконечность пустоты.

Киннисон устремил внутрь этого вихря энергии сверхчувственное восприятие и тут же был отброшен назад, почти оглушенный. Там ощущалась не темнота, решил он,

вновь обретя способность думать, — нет, оттуда веяло ужасом непознаваемого, там царило полное отсутствие чего бы то ни было... Абсолютное ничто!

— Похоже, как раз то, что требуется, — заключил наконец ленсмен. — Надо бы подкормить его поосновательней.

— Тут нужна масса крупной планеты, чтобы получить то, что ты задумал. У тебя уже есть такая на примете? — спросил Торндайк.

— У меня есть кое-что получше: материал планетарный, но уже раздробленный на куски.

— Конечно, астероидный пояс! — воскликнул Торндайк. — Отлично! Одним выстрелом можно убить двух зайцев: построить эту штучку и очистить трассы для межпланетных полетов.

— Тогда — к делу! Приступим!

Закрепив с помощью сети транспортных лучей небольшой каркас между двумя огромными грузовыми кораблями, они направились к Солнцу. Путешествие заняло пару часов, но торопиться было некуда, а в обращении с их грузом дополнительные меры предосторожности излишними не были.

Прибыв к месту назначения, экипажи с энтузиазмом принялись за новую игру: выпустив транспортные лучи, люди отлавливали обломки железа.

— Собирайте только небольшие куски, парни, — предупредил Киннисон. — Ничего крупнее десяти футов в диаметре не пройдет в раму. Лучше обождать, пока не появится второй каркас, чем пытаться запихнуть крупные обломки в этот.

Разнообразные обломки — каменные, а чаще состоящие из твердого метеоритного сплава — подтягивались к прожорливой сфере. Специальные лучевые подталкиватели направляли обломки поближе к каркасу, устанавливая напротив готового поглотить все, что угодно, экрана. Едва коснувшись его, материя исчезала — бесшумно и без всяких эффектов, так быстро, будто проваливалась в ничто. Точно объяснить, что происходило внутри сферы, не могли даже сами создатели конструкции. Единственные, кто разбирались в принципе ее действия, были те несколько десятков гениев, которые разработали надлежащие теоретические предпосылки. Они думали о проблеме и обсуждали ее не в привычных терминах трехмерного мира, а пользуясь исключительно

сложной математической символикой, которой владеют лишь избранные.

Когда видимый размер загадочного шара достиг примерно фута, было решено окружить его светонепроницаемым экраном, поскольку достаточно продолжительное созерцание этой штуковины могло вызвать сумасшествие. Сейчас первый защитный экран, имеющий около шестнадцати футов в диаметре, оказался в опасной близости к сферической поверхности. Внешний каркас был готов. Наступило время перемен.

Ленсмен задержал дыхание, когда Торндайк повернул главный рубильник, и первая сфера, невидимая невооруженным глазом, но заметная на мониторе, исчезла — всего лишь песчинка для непостижимо огромных сил.

— Начали! — воскликнул Торндайк. — Эту пасть уже не накормишь из чайной ложечки. Дайте-ка ей поесть!

Большие метеориты уже не разрезались; обломки десяти, пятнадцати, двадцати футов в диаметре вместе с более мелкой «крошкой» непрерывно проваливались сквозь черный экран под ровный гул излучателей.

— Доволен, Ким? — спросил инженер.

— Угу, — с энтузиазмом кивнул ленсмен. — Отлично! Просто удивительно, до чего гладко! — похвалил он. — Теперь я вполне могу удалиться.

— Отправляйся, я уверен в успехе. Удачи тебе — и чистого пространства!

— И тебе того же. Когда понадобится, я отыщу тебя или пошлю мысленное сообщение, — Ким стиснул руку инженера, потом взглянул на крохотный диск. — Вон там Земля, прямо над нами... Приятно совершать полет, когда прямо со старта видишь, куда направляешься...

И Киннисон стартовал.

* * *

Перелет на Землю не занял много времени. Прибыв на Главную Базу, Серый Ленсмен обнаружил, что для него подготовили новый, полностью неметаллический космокатер. В следующие несколько дней он с головой погрузился в его испытания. Новый корабль нельзя было обнаружить ни обычными сверхчувствительными приборами дальнего действия, ни электромагнитными детекторами, нельзя было и увидеть его в мощный телескоп.

Даже направленные лучи бессильны были обрисовать его контур на фоне космической черноты. Ленсмены-химики неплохо потрудились, разработав для катера абсолютно черное покрытие. Шанс случайного обнаружения корабля с такой маскировкой был ничтожно мал.

Вскоре Ким отбыл в очередной поиск.

В ту памятную ночь на Радемексе, когда состоялся долгожданный сеанс связи Бомингера с его шефом, Киннисон, могучим ментальным ударом подчинив себе мозг толстяка, узнал не только имя его шефа — Прелина, но и место, где тот находится. Прелин, оказавшийся секторальным директором всех оставшихся в живых агентов Боскома, использовал для прикрытия известную фирму «Этан Д. Уэмблсон и сыновья, инк.» — одно из крупнейших предприятий Каминоха, столицы Бронсеки. Это было неожиданностью для ленсмена, поскольку эта фирма считалась весьма надежной.

Катер его находился уже достаточно близко от планеты, и правильнее было бы связаться с кем-нибудь в Каминохе, чтобы там начали приготовления, но Киннисон не захотел привлекать к себе внимания. Он кое-что знал о Бронсеке, хотя ни разу не бывал там: немного теплее, чем на Земле, но во многом похоже на его родину, и миллионы землян, поселившихся в этом мире, были вполне им довольны.

Приближаясь к планете, он принял все мыслимые меры предосторожности, как и перед визитом в Каминох. Найдя нужное место, Ким обнаружил, что деловой центр занимает целый квартал города: более восьмидесяти высотных зданий, которыми владел и пользовался исключительно Уэмблсон. Посетители допускались туда после переговоров и тщательной проверки. Он также выяснил, что самое большое здание, представляющее собой огромный цилиндр, защищено барьерным экраном. Ленсмен посетил под разными предлогами с десяток офисов, располагающихся по соседству, выбирая время для визитов так, чтобы встречи с очередным чиновником приходилось ждать около часа.

Такое неторопливое и вдумчивое исследование объекта позволило достоверно установить одно: «Этан Д. Уэмблсон и сыновья, инк.» работали с размахом, но абсолютно законно! Документы, хранящиеся в архивах внешних офисов, подтверждали законность сделок, а служащие — мужчины и женщины, трудившиеся в недоступных зданиях — были наняты на работу совершенно за-

конным образом. Внутренние же офисы — существенно больших размеров, чем внешние, судя по огромному числу работников, входящих туда утром и покидающих здания вечером, — были скрыты от любопытствующих.

Киннисон касался сознаний даже клерков, но каждый раз впустую. Насколько они были осведомлены, нигде в организации не происходило ничего подозрительного. «Старый» Говард Уэмблсон, дядя или, может быть, другой родственник Этана, страдал манией преследования, поэтому редко отваживался покидать свою территорию, да в этом и не было необходимости, поскольку жилище его больше напоминало дворцовые палаты.

Туда и обратно сновало множество интересных личностей, снабженных отличными ментальными экранами, но тщательное изучение маршрутов их передвижения подсказало Серому Ленсмену, что он напрасно теряет время.

— Пусто, — объявил он, связавшись с ленсменом Патруля на базе в Бронсеке. — С тем же успехом можно пытаться верблюду протиснуться в игольное ушко. Этану, должно быть, намекнули, что он — следующий на очереди, и все осиное гнездо растревожилось. Мне кажется, я сберегу время и силы, ухватившись за другую ниточку: по-моему, легче поискать на астероидах, среди старателей. Грязное дело, конечно, и мне придется создавать новое прикрытие, но без этого не обойтись.

— Давайте лучше взорвем их офис и хорошенько пошарим внутри, тогда вы наверняка получите необходимую информацию, — предложил местный ленсмен.

— Нет, — Киннисон покачал головой, — так мы ничего не найдем. Поищу в других краях. Возможно, люди там тоже предупреждены, но, скорее всего, не настроены так серьезно, как этот Прелин — или Уэмблсон.

* * *

Так случилось, что Киннисон привел свой катер-невидимку обратно на Главную Базу, а в звездной системе, бесконечно далекой от Земли и Бронсеки, появился еще один бродяга-старатель.

Мусорщики космоса — так снисходительно называли этих необычных людей, считая их совершенно никчемными отбросами общества. Они занимались поисками астероидных и метеоритных обломков, не брезгая и гра-

бежом. В одних системах таких обломков больше, чем в Солнечном секторе, в других меньше, но не существовало таких, где подобный мусор отсутствовал начисто. Метеоритные глыбы состоят, как правило, из смеси железа с никелем или являются просто куском камня, но некоторые содержат небольшие включения платины, осмия и других благородных металлов, а иногда в них удается разыскать алмазы и прочие драгоценные камни — бывает, огромных размеров и стоимости. Поэтому в любой звездной системе на астероидных поясах можно наткнуться на всеми презираемых, но предприимчивых и настойчивых людей, которые, ежеминутно рискуя жизнью, все же не теряют надежды, что следующая глыба космического мусора окажется для них золотой.

Трудно сказать, что толкает людей к этому промыслу; одни из них — неудачники, потерявшие надежду подняться по социальной лестнице, другие — мелкие преступники, спасающиеся на астероидах от правосудия родных планет, но недостаточно «важные», чтобы оказаться в списках Патруля; некоторые оказываются там из-за пагубной страсти к наркотикам или непреодолимой страсти к алкоголю. Прочие же, и их немало, ведут полную опасностей жизнь потому, что это у них в крови. Подобно золотоискателям древней Земли, они упорно делают свою нелегкую работу, чтобы потом спустить плоды многодневного труда за несколько дней и ночей дикого разгула, пьянства и дебоша в том или другом притоне астронавтов, каких немало в любой системе.

У всех у них много общего. Они живут сегодняшним днем, ничего не откладывая на завтра. Все они — бесстрашные астронавты, потому что вынуждены быть такими, иначе долго не протянут. Их жизнь полна опасностей и преступлений; «Законы заканчиваются там, где заканчивается атмосфера» — вот кредо их клана, известное всей Галактике. На астероидах нет другого закона, кроме закона силы.

Неуважение к закону, само собой, царило и на буйных пирушках старателей, которые нередко заканчивались кровавыми побоищами. Патруль смотрел на это сквозь пальцы — в частности потому, что астероиды находились вне его юрисдикции, являясь отдельными мирами с собственными правительствами. Если бродяги перебьют десяток-другой своих и чужих, кому от этого станет хуже? Да хоть бы все они в этих притонах прикончили друг друга, Вселенная станет только чище и лучше!

И если особо яростная перестрелка все же заставляла смешаться Галактический Патруль, то полицейские появлялись на астероидах целыми отрядами, в полном снаряжении, готовыми к бою.

Таков был клан, где Киннисон решил искать удачи, вновь пытаясь дотянуться до главы наркомафии.

Глава 11

ГРАБИТЕЛИ

Киннисон покинул Бронсеку. Патруль не спускал глаз с Прелина-Уэмблсона из Каминоха, регионального директора Боскома. Ленсмен за ленсменом появлялись на планете и покидали ее, ненавязчиво, но весьма упорно наблюдая за ним. На Бронсеке поочередно побывали земляне, венериане, манарканцы, борованцы — словом, ленсмены почти всех известных гуманоидных рас, которых больше всего опасались сторонники Боскома.

Заглядывали на планету и ленсмены с Ригеля, Полэна и Ордовика, представители рас, обладающих сверхчувственным восприятием, которые использовали Бронсеку в качестве полигона для проверки и оттачивания своих навыков и ловкости. Появился на несколько дней сам Ворсел с Велантии, сделал несколько попыток проникнуть за предохранительные ментальные экраны, потерпел неудачу и удалился.

Продолжала или нет крутиться машина наркобизнеса, не знал никто, но кое в чем Патруль не сомневался. Во-первых, хотя боскомиане могли уничтожить некоторые архивы, из офиса Прелина ничего не вывозилось — ни по воздуху, ни по земле, ни под землей. Во-вторых, ни один звильник не сомневался, что ленсмены не утратят интерес к проблеме и будут продолжать слежку, пока не добьются своего, так или иначе. В-третьих, жизнь Прелина нельзя было назвать чересчур счастливой.

Пока собратья по Линзе столь азартно дразнили зверя в его берлоге, пытаясь поднять его, Киннисон трудился над созданием легенды, соответствующей образу странствующего рыцаря астероидных поясов.

На сей раз он не собирался допускать ошибок. Он должен выглядеть старателем, охотником за метеорами, в каждой мелочи, до последнего штриха. Ким заботливо подобрал снаряжение: ему полагалось выглядеть достаточно представительным, но ни в коем случае не новым и не настолько блестящим, чтобы вызывать неуместное любопытство.

Корабль Киннисона, мощный приземистый буксир с большими шлюзами, достаточно потрудился на своем веку, был помят и слегка обшарпан. Правда, только снаружи. Когда инженеры Патруля завершили его реконструкцию корабля, он стал прочным, как боевой крейсер. Его вооружение, энергетические сверла, «деламатеры», транспортные лучи и прочее, включая «спи-ги» (особый аппарат для определения плотности материала), были того же качества. Все носило несомненный отпечаток нескольких лет интенсивного использования, но находилось в отличном состоянии.

Обычными ножницами ленсмен достаточно умело подстригся и подровнял бакенбарды. Он выучил язык, на котором общались между собой по всей Галактике гуманоидные или «близкие к гуманоидным» старатели, тот жаргон, куда входили слова из сотен языков самых разнообразных планет. Под «близкими к гуманоидным» подразумевались по принятой классификации существа группы АААААА, то есть дышащие кислородом, теплокровные, прямоходящие и имеющие головы, более или менее напоминающие человеческие, а также — по паре рук и ног. Даже среди свободных авантюристов подобное тянется к подобному. Теплокровные, дышащие кислородом, не находили ничего приятного в общении с расой, скажем, трокантеров, этими холодными, напоминающими рептилий существами, избегающими света и называвшими воздухом смертельно ядовитую для человека смесь газов.

Ко всему прочему, ленсмену предстояло научиться употреблять крепкие напитки и принимать наркотики. Киннисон знал, что при известной тренировке способен выдержать воздействие алкоголя или любого наркотического вещества, за исключением, может быть, тионита. Но о тионите речи не шло; он был слишком редким

и дорогим, чтобы простой старатель стал употреблять его. Хадив, героин, опиум, нитролэйб, бентлам. Да, пожалуй, бентлам. Его можно достать где угодно, по всей Галактике, и он очень подходил для выбранной цели. Доступный, эффективный, и не столь уж опасный — если только не привыкать по-настоящему. Решено, он станет поклонником бентлама!

Наркотик, на котором остановился Киннисон, известный среди торговцев как бенни или дарующий «счастливые сны», представлял собой куски влажной волокнистой субстанции, напоминающей по виду нарезанный жевательный табак. Через друзей из отдела по борьбе с распространением наркотиков Серый Ленсмен обзавелся солидными запасами «первосортного, в оригинальной упаковке, превосходно очищенного» снадобья и начал испытывать его возможности.

Проблема спиртного Киннисона особо не беспокоила. Ему предстояло научиться пить и казаться при этом довольным; пить все, что может быть налито в бутылку, а оттуда — стакан. Старатели поступали именно так.

Хладнокровно рассчитав свои возможности, Киннисон приступил к решению задачи употребления наркотика. Он определил объем своего тела так отстраненно, как будто оно было метрической колбой. Он отмечал эффекты, возникавшие с каждым увеличением дозы зелья, и наблюдал за формированием привычки к наркотику так тщательно, как изучал бы химическую реакцию, к которой его плоть не имеет никакого отношения.

Он ненавидел эту дрянь. Каждая его клетка восставала против вызываемых отвратительными зельем ощущений — потери координации, утраты контроля над мышцами, преувеличенностью чувственных реакций и искажением оценок; повторяющиеся приступы галлюцинаций заставили бы отступиться кого угодно, но не Серого Ленсмена. Ким прошел через всю программу, вплоть до полной физической беспомощности, продолжавшейся разное время. Когда Киннисон решил закончить свои исследования, в его распоряжении была достаточно полная информация.

Он точно мог сказать, руководствуясь лишь собственными ощущениями, какую дозу активного вещества принял, независимо от того, насколько крепок, разбавлен или фальсифицирован был напиток или наркотик. С точностью до доли процента ленсмен знал, сколько еще он может себе позволить, а приняв слишком много, легко

определял, на какой период времени выведен из строя. Он открыл для себя то, что уже было широко известно: во-первых, прежде чем принимать наркотик, стоит выбрать хорошо освещенное место, а во-вторых, бентлам лучше ложится поверх спиртного, а не наоборот. Он даже сумел грубо прикинуть, как быстро будет увеличиваться с практикой его невосприимчивость к принимаемой отраве. Тогда и только тогда Ким превратился в настоящего старателя, охотника за метеорами.

Но предстояло еще решить ряд практических вопросов. Вполне достаточно было поработать на астероидном поясе одной звездной системы, но в таком случае вызванная Серым Ленсменом из небытия новая личность вовсе не имела бы истории, что совершенно недопустимо. Поэтому Киннисон работал, временами участвуя в попойках, пока прочесал не менее пяти звездных систем, шаг за шагом приближаясь к миру Борова, где располагалась цель его поисков.

Однажды он решил, что уже пора перебираться поближе к ней. Прибыв к астероидному поясу системы Борова, Ким направил свой пошарпанный бот прямо к его центру пояса и приступил к работе. Прежде всего следовало расконсервировать оборудование и установить его в огромном воздушном шлюзе, заранее снабженном дублирующей системой управления. Он натянул скафандр, убедился, что пара его «деламатеров» пристегнута достаточно удобно — все старатели обычно ходили вооруженными, да и слишком многое было поставлено на карту, чтобы отказываться от привычного оружия, — перекачал воздух из шлюза обратно в корабль и открыл внешний створ. Охотники за метеорами никогда не работали внутри кораблей. Слишком много времени уходит на то, чтобы перетаскивать металл туда и обратно через шлюз; кроме того, теряется драгоценный воздух. Драгоценный не только в смысле стоимости, хотя и это не последний вопрос, но главным образом потому, что ни один маленький корабль, снаряженный в шестинедельный полет, не сможет нести больше воздуха, чем это действительно необходимо.

Покончив с этим, ленсмен изучил показания электромагнитных датчиков и направил транспортный луч на пролетавший мимо кусок металла. Одним прыжком, почти мгновенно, безынерционный буксир оказался рядом со сравнительно небольшим, но обладающим инерцией обломком. Точным движением Киннисон направил

глыбу вниз и подвел к ней лучевое сверло — инструмент, который в один прием отрезал и отполировал цилиндрический образец объемом в один кубический дюйм. Ким подхватил образец, поместил его в челюсти своего спи-ги и выключил генератор Бергенхольма. Инерционный полет в астероидном поясе — занятие довольно опасное, но для искателя метеоров неизбежное, так как устройство для определения плотности металла, как и любой другой прибор в открытом космосе, не будет работать с безынерционной материей.

Ким считал показания шкалы и включил нейтрализатор инерции. Итак, плотность 7.9; железо, ценности не имеет. Большие установки могли бы использовать его — астероидные пояса давно служили разным мирам источниками железа, но ему оно было ни к чему. Отшвырнув обломок в сторону, Ким поймал другой осколок, потом еще и еще. Час за часом, день за днем, продолжался изнурительный одинокий труд старателя. Но очень немногие из настоящих охотников за метеорами обладали выносливостью Серого Ленсмена и его запасом жизненных сил; и ни один из них не имел и сотой доли его интеллекта. Разум же Киннисона не дремал, даже когда его обладатель занимался таким простым делом, как поиски метеоритов. Очень скоро Ким обнаружил по-настоящему ценный металл — несколько вполне приличных, хотя не слишком крупных кусков.

И вот в один прекрасный день произошло событие, с точки зрения математики совершенно невероятное, но, тем не менее, занесенное в анналы истории как яркий пример доктрины зубов и клыков, служившей единственным законом астероидных поясов. Два транспортных луча столкнулись в один и тот же миг на одном и том же куске металла! Два корабля в мгновение ока сблизились, едва не коснувшись друг друга, а спорная глыба повисла между ними! В шлюзе второго бота стояли двое, уже привычно вскинувшие оружие, что выдавало в них закаленных космосом ветеранов, которым прикончить человека — раз плюнуть.

Скорее всего, как решил потом Киннисон, это были просто грабители, рыцари убийства и разбоя. Добропорядочные старатели никогда не работали в паре, а те двое откровенно провоцировали его на столкновение, и явно медлили стрелять; значит, в отличие от него, они вовсе не были удивлены таким поворотом событий. Метеор, послуживший поводом для стычки, вполне мог оказаться приманкой — вроде червяка на удочке.

Поддаться первоначальному импульсу, то есть отдать злополучный обломок, ленсмен не мог, потому что эта история быстро бы облетела всю Галактику, характеризуя его как слабака и труса. Престиж прежде всего! Нет, он должен или убить сам, или быть убитым бандитами, державшими его на прицеле. Он не успел бы овладеть их сознаниями достаточно быстро, чтобы предотвратить смерть. С одним, возможно, он и справился бы, но не с обоими; все же ему было далеко до аризиан. Эти соображения пришли Киму в голову намного позже. В тот момент времени на раздумья не оставалось; он действовал, автоматически и мгновенно.

Руки Киннисона взлетели к рукоятям «деламатеров», и одним четким, плавным, почти неуловимым для глаза движением он прижал излучатели к бедрам. Но, сколь ни быстро он действовал, было поздно: четыре вспышки ударили практически одновременно. Ким увидел, как обмякли тела бандитов, сраженных наповал, а сам ощутил внезапную острую боль в плече и услышал характерный звук — воздух со свистом выходил из скафандра. Костюм пробит! Судорожно пытаясь удержать остатки воздуха, не позволяя себе потерять сознание, он успел включить механизм, закрывающий створ шлюза и открыл вентиль кислородного баллона. Едва придя в чувство, Киннисон освободился от скафандра и тщательно осмотрел себя в зеркале.

Глаза налиты кровью. Кровь хлещет из носа. Из ушей тоже, но поменьше, однако перепонки, к счастью, не пострадали. Похоже, он вовремя восстановил давление. Наверно, есть и внутренние кровоизлияния, но ничего серьезного обнаружить не удалось. Он оставался незащищенным не так долго, чтобы это действительно угрожало его жизни.

Обнажив плечо, Ким обработал рану. Кости целы, а все остальное не страшно, через две-три недели заживет. В последнюю очередь ленсмен осмотрел свой скафандр. Эх, если бы на нем был его испытанный защитный костюм! Но об этом не могло быть и речи. Ладно, придется заменить пробитую нагрудную пластину, решил в конце концов Киннисон.

Он натянул запасной ремонтный скафандр и вновь отправился в шлюз, а оттуда вышел наружу. Ленсмен, точно зная, что делал бы на его месте любой старатель, не колебался: вступив в открытый шлюз незадачливых грабителей, он раздел трупы и выкинул их в космос.

Затем Киннисон обшарил корабль, собрав все ценное оборудование и присвоив четыре крупных метеора и несколько помельче, набив свое судно до отказа. После этого он слегка разогнал шлюпку грабителей и покинул ее, как сделал бы обычный мусорщик, завладевший призом. Конечно, отнюдь не угрызения совести удерживали обычно таких авантюристов от захвата кораблей. Суда регистрировались, а нелегальные принадлежали мощным преступным группировкам, и продавать их было небезопасно.

По привычке ленсмен проверил метеор, ставший невольной причиной стычки (или он все же был приманкой?) и обнаружил, что это всего лишь железо. Теперь у него было достаточно металла, даже по самым скромным оценкам, но не собирался никуда идти, пока не заживет плечо, и вновь принялся за работу. Через пару недель старательское ремесло преподнесло ему новый сюрприз.

Ким захватил метеор — довольно большой, около четырех футов диаметром в самом узком месте. Изготовив образец, он, как обычно, выключил нейтрализатор инерции и несколько раз перебросил цилиндрик из руки в руку. Чуткие мускулы подсказали ему, что металл необычно тяжел. С забившимся сердцем он поместил контрольный образец в спи-ги — и тут сердце едва не выскочило у Кима из груди: стрелка индикатора ползла все выше и выше. Она остановилась лишь на отметке 22, а вся шкала была рассчитана на 24!

— Во имя копыт и клыков Клоно! — выпалил он, присвистнув сквозь зубы.

После тщательного исследования своей находки, Ким, все еще ошеломленный, разразился громкой тирадой:

— Около тридцати тонн чего-то существенно более плотного, чем чистая платина — тридцать миллионов кредитов, или пусть Клоно насадит меня на рога! Ну, что будем делать?

Эта находка заставила Серого Ленсмена приостановить работу. Мало того, она опрокидывала все его планы. Немыслимо отдать такой лакомый кусок перекупщикам краденого, в какой-нибудь из притонов вроде «Приюта Старателя» на астероиде Эфро; людей убивали и будут убивать за тысячную долю его стоимости. Не имеет значения, где он сыскал такой камешек; столь необычайная находка немедленно привлечет к нему внимание, а это совсем не нужно. Если же вызвать патрульный

корабль, чтобы сдать ему своего белого слона, то это также не останется незамеченным. Он проделал слишком большую работу, чтобы все испортить из-за такого пустяка, как тридцать миллионов! Придется спрятать драгоценный металл. Карты системы у Киннисона были под рукой; ее четвертая планета находилась совсем рядом.

Он отрезал небольшой кусок в несколько фунтов весом и придал ему форму небольшого самородка, а потом направился к планете — отчетливо видимому диску, примерно в пятнадцати градусах от центрального светила системы. У Кима были неплохие крупномасштабные карты, снабженные комментариями. Боров IV оказался ненаселенным миром, если не считать низших форм жизни. Холодная планета. Слой атмосферы тонкий — прекрасно, значит, нет облаков. Нет океанов. Не замечено вулканической деятельности. Превосходно! Он осмотрит планету сверху, и первая же заметная дыра, какую удастся отыскать, послужит ему сейфом.

Он облетел планету по экватору, отметив пять крупных пиков, образующих правильный полукруг, обращенный к северному полюсу планеты. Потом он еще раз облетел Боров IV, не найдя ничего столь же выдающегося и подходящего для его целей. Поглядывая на экран, чтобы убедиться в отсутствии слежки, Ким направил корабль почти отвесно вниз, к средней горе.

Она оказалась потухшим вулканом, с кратером около сотни миль в диаметре. Его дно выглядело почти плоским, но в центре этой обширной пустынной поверхности застывшей лавы торчал небольшой внутренний конус. Сюда и привел лейсмен свой корабль, а затем выкопал углубление в дне малого кратера, в котором и скрыл свое сокровище. После этого он поднял бот футов на пятьдесят, удерживая его там, пока пламя нижних дюз не расплавило лаву в маленьком кратере; она растеклась, скрыв все следы его посещения. Убедившись в этом, Киннисон поднялся в космос и вызвал Хейнеса, которому и доложил обо всем происшедшем.

— Я доставлю метеор на базу, когда буду возвращаться — или вы можете послать кого-нибудь за ним. Как-никак, это собственность Патруля!

— Нет, Ким, это твоя собственность.

— Разве нет закона, согласно которому любая находка, сделанная сотрудником Патруля автоматически становится собственностью нашей организации?

— Такого закона не существует. Конечно, научные

открытия, сделанные специалистами, работающими над конкретными задачами — другое дело. Но не забывай, что ты — Серый Ленсмен, и в этом качестве не отвечаешь ни перед кем во всей обитаемой Вселенной. Даже закон о десятипроцентном налоге на клады на тебя не распространяется, — Ким почувствовал, как старый адмирал усмехнулся. — Кроме того, твой метеор вообще не относится к категории кладов, так как ты — его первый владелец, насколько нам известно. Если ты настаиваешь, я доложу Совету, но не сомневаюсь, что он вынесет отрицательный вердикт.

— Ну что ж, сэр, пусть так и будет. Спасибо! — и связь прервалась.

Итак, пока что он надежно припрятал своего белого слона. Если звильники что-нибудь разнюхают о нем, Патруль тут же его откопает. А если обстоятельства сложатся удачно, и он, Кимбол Киннисон, проживет достаточно долго, чтобы заняться работой за письменным столом, ему не придется до конца своих дней сидеть на шее Патруля. В материальном смысле он был теперь обеспечен на всю жизнь.

Закончив на этом размышления о будущем, Киннисон вернулся мыслями к настоящему.

Он был в прекрасной физической форме и чувствовал себя готовым к своей первой партии бинго — любимой игре старателей. Плечо зажило, никакие расходы его не страшили: денег, вырученных за металл и реквизированное оборудование бандитского бота хватит и на новое снаряжение, и на гульбу на астероиде Эфро, самом знаменитом в окрестностях прибежище космических охотников, которое он уже облюбовал для этой цели.

Выбор Киннисона не являлся случайным; ленсмен долго обдумывал, какому месту отдать предпочтение. Ему требовалось не просто прибежище; он искал региональный центр, в который сходились бы нити местной наркомафии. Там, среди шума попоек и неразберихи пьяных драк, можно было обделывать любые делишки и прятать в воду любые концы.

Глава 12

КОСМИЧЕСКИЙ СТАРАТЕЛЬ

Для наблюдателей Патруля уже давно не составляло тайны, что на астероиде, который служил прибежищем буйного сброда, не ладящего с законом, всеми делами заправлял некий Стронгхерт. В его док ленсмен и привел свою обшарпанную посудину. Свалив взятую у бандитов добычу в тележку, Киннисон отправился потолковать с хозяином.

«Поставки оборудования и металла. Продажа и покупка.» — гласила вывеска, но человек бывалый сразу понимал, что она и наполовину не соответствует занятиям Стронгхерта. В обширном ангаре помещался танцевальный зал, длинная, прекрасно оборудованная стойка бара, игральные автоматы, скрытые от посторонних глаз небольшие отдельные кабинеты.

— Добро пожаловать, незнакомец! Рад тебя видеть. Надеюсь, путешествие было удачным? — с наигранным радушием приветствовал хозяин нового клиента. — Рюмку за счет заведения?

— Сначала дело, потом удовольствие, — буркнул Киннисон. — У меня есть кое-что на продажу. Что скажешь?

Торговец осмотрел скафандры, приспособления и инструменты, затем окинул подозрительным взглядом «старателя». Киннисон ничуть не смутился.

— Двести пятьдесят кредитов за все, — предложил Стронгхерт.

— И только-то?

— Бери или проваливай.

— Ладно, барахло твое.

— Не кипятись, это ведь только начало дела, не так ли? У тебя есть что-то еще, я уверен.

— Да, но не для такого грабителя, — Киннисон

выругался. — Я, может, и похож на болвана, но кое-что кумекаю. Это добро тянет на тысячу.

— Ну и что? Я не могу дать настоящую цену за твой хлам. И кто бы смог? Думаешь, легко сбывать товар, который жжет руки? Ты ведь прикончил ребят, которым все это принадлежало? Так не лезь в бутылку! — заметив, что ленсмен направился к выходу, цедя сквозь зубы очередное ругательство, торговец сбавил обороты:

— Я понимаю, они стреляли первыми — они всегда так делают... Но разве это меняет дело? Не волнуйся, я никому и слова не скажу. Зачем? Много ли я заработаю, если буду болтать? Нет ли у тебя доброго металла? Это законный товар, и я дам за него больше, чем любой другой.

— Ладно, — сдался Киннисон.

Сбывая скафандры бандитов и их оборудование, Ким надеялся сойти за своего среди завсегдатаев «Приюта старателей». Местная публика захочет прощупать его, и дырки в защитных нагрудниках скафандров послужат отличной рекомендацией. Быть может, придется пристрелить здесь еще одного-двух, но не стоит слишком увлекаться. Что касается металла, то с ним Стронгхерт не мошенничал. Его весы не врали — в этом Киннисон легко убедился — а среднюю плотность торговец вычислял по таблицам галактических стандартов. Он предлагал ровно половину средней цены, что, как понимал Киннисон, было принято в здешних краях. Доставив металл на монетный двор или станцию чистых металлов Патруля, любой старатель мог после тщательного анализа товара получить точную цену, однако анализ требовал денег, а путешествие — времени, и большинство космических бродяг предпочитало избавиться от товара на месте за полцены.

Когда тележка опустела, Киннисон начал приценяться к снаряжению, необходимому для следующего путешествия. Сотни мелочей, которые превращают крохотную металлическую скорлупку в уютное теплое обиталище и позволяют выжить в бесконечной враждебной пустоте, обошлись ему недешево. Впрочем, иного он и не ожидал: странствия в таких диких местах всегда влетали в копеечку. Когда Стронгхерт подбил итоги, ленсмен поскреб заросший щетиной подбородок.

— Да, накладно, — пробормотал он. — Я долго отсутствовал, и надеялся, что дела пойдут лучше. Придется расстаться с самородком. — Киннисон запустил руку

в мешок и вытащил образчик действительно дорогого металла.

— Я отдам его за полторы тысячи кредитов.

— Полторы тысячи? Или ты осел, или считаешь ослом меня, — проговорил Стронгхерт, с легкостью жонглера перекидывая кусок с ладони на ладонь. — Две сотни. Ну, ладно, двести пятьдесят. Это уже чудовищно высокая цена, приятель, поверь мне... И родной матери не дал бы больше трех сотен — я и так теряю деньги из-за своей доброты. Ты же не отдавал эту штуку на анализ, так что же заламываешь такую цену?

— Не отдавал, конечно, но ведь и ты этого не делал, — парировал Киннисон. — Мы оба достаточно разбираемся в металлах, чтобы оценить самородок. Пятнадцать сотен, или я отнесу его на монетный двор и получу все сполна. Не вечно же я буду торчать в этой дыре, клянусь девятью кругами валерианской преисподней! Да есть миллион мест, где я могу получить выпивку и еду не хуже, чем здесь.

Стронгхерт прикинулся возмущенным, но в конце концов, как и предполагал ленсмен, пошел на попятную. Киннисон, наверное, мог бы выторговать и больше, но удовольствовался пятнадцатью сотнями.

— А теперь — задаток, и добро пожаловать в заведение Стронгхерта! — Страдальческая мина мгновенно исчезла с лица торговца, едва с делами было покончено. — У нас можно не только разжиться деньгами, скинув любые товары, хоть собственный корабль, но и отвести душу. — Вот ключи от комнаты. Плата за постой входит в счет, хочешь ты этого или нет. Располагайся, не пожалеешь. Заведение открыто уже не один год, и нет отбоя от клиентов. Многие оставляют тут свое добро на хранение, и не было случая, чтобы хоть самая малость пропала. Две сотни кредитов за все услуги. Дешево, очень и очень дешево...

— Гмм... — Киннисон почесал в затылке. — Думаю, я положусь на твои гарантии. Когда войдешь в раж, бывает трудно остановиться. Что до комнаты, она не нужна: я никогда не становлюсь буйным — с меня довольно двадцати четырех единиц бенни. Двадцать четыре часа блаженства — и назад, в пространство. Да разве в такой дыре достанешь бенни! Того и гляди, подсунут какую-нибудь дрянь.

Настал критический миг, к которому ленсмен прибли-

жался так долго окольными путями. Его разум читал мысли, проносящиеся в чужом мозгу.

— Двадцать четыре единицы! — воскликнул Стронгхерт. Это была лошадиная доза, но человека, стоящего перед ним, никто бы не назвал слабаком. — Ты не ошибся?

— Я-то не ошибся, а вот ты не дай маху. Тем, кто втюхивает дрянной товар, я перерезаю горло. Пойду прошвырнусь. Может, раздобуду дури, а нет, так припасено немного.

— Постой, — встревожился торговец, видя, как прибыль уплывает из-под носа. — Я тут знаю одного парня, его приятель может достать отличный товар, в настоящих жестянках, с Корвина II. Влетит тебе в четыре сотни. Гони монету, и можешь начинать.

— Четыре сотни? — фыркнул Киннисон. — Ты думаешь, я совсем сошел с ума? Две сотни задатка — это все, что я могу дать.

— Подожди минутку, браток, — Стронгхерт нахмурился. Он полагал, что новичок одурманен наркотиком и заплатит двойную цену. — Сколько ты обычно платишь за чистый товар?

— Один кредит за единицу, двадцать четыре за пояс, — отрезал Киннисон. Он назвал цену мелких розничных торговцев.

— Ладной, сойдет. Кстати, можешь не бояться, что тебя прибьют. Мы дорожим репутацией заведения.

— Да, мне говорили, что у тебя превосходный кабак, — любезно согласился Киннисон. — Именно поэтому я здесь. А ты уверен, что этот твой приятель не проведет меня? Глянь-ка!

Одновременно с этими словами ленсмен приподнял обе руки, и торговец с воплем отпрянул назад — с быстротой молнии два «деламатера» словно прыгнули в огромные ладони мнимого старателя и уставились прямо в грудь хозяина заведения.

— Убери их! — взмолился Стронгхерт.

— Не обращай внимания, — Киннисон опустил стволы, продолжая крепко сжимать оружие. — Эти штуки совсем не похожи на те хлопушки, что я тебе продал. Они — мои собственные, и они всегда наготове. Ты ведь разбираешься в оружии, не так ли? Не обращай внимания, дружок.

Хозяин действительно знал толк в оружии. Он придирчиво рассматривал зловещую пару, начиная с отполи-

рованных ладонями рукояток и полных магазинов и кончая обгорелыми поцарапанными дульными срезами. Определенно, это оружие выглядело очень серьезно и служило своему хозяину долго, верно и часто; а тот, как убедился Стронгхерт, весьма ловко обращался с ними.

— И запомни, — продолжал ленсмен, — я еще никогда не наливался настолько, чтобы кому-нибудь удалось отобрать у меня эти игрушки. Если я не получу свою дозу, кто скажет, что случится...

Стронгхерт отлично знал действие наркотика, и пришел в ужас от одной мысли, что разъяренный верзила бросится на него с бластером в руках. Черт его побери, он получит полную дозу! На лице Киннисона расплылась довольная ухмылка. Пока дурман не свалит его с ног, он сумеет позаботиться о себе в любой компании. А теперь можно не сомневаться, что и во время наркотического транса никто не покусится на его имущество и жизнь. Стронгхерт напуган, да и не станет он убивать курицу, несущую золотые яйца.

— Первый стаканчик за счет заведения, — заискивающий голос прервал плавное течение мыслей грозного гостя. — Что предпочитаешь? Ты, кажется, землянин? Значит, виски?

— Ага, ты почти угадал. Я с Альдебарана II. Не найдется ли у тебя старой доброй альдебаранской боулиги?

— Нет, но у меня есть прекрасное земное виски, это почти то же самое.

— Ладно, давай... — ленсмен принял стакан тремя пальцами, осушил его залпом, передернул плечами и издал дикий вопль: — Гип-гип! Я, Дикий Билл Уильямс, буйный бродяга с Альдебарана, сегодня вечером погуляю на славу! — Немного понизив голос, он добавил: — Мое брюхо никогда не находилось ближе, чем на миллион парсеков от Земли, но пойло у них недурное. Клянусь когтями старины Клоно, славно дерет глотку! Чистого пространства, приятель, я скоро вернусь.

Первой заботой Киннисона было обойти весь «Приют», выпивая по крайней мере по одному стаканчику в каждом злачном месте.

— Путешествие доброй воли, — весело объяснил он Стронгхерту, когда вернулся. — Пусть на меня падет гнев Клоно, но я намерен устроить добрую попойку прямо здесь. — И ленсмен выполнил обещание. Чего он только

не вливал в свою утробу, смешивая напитки в таких сочетаниях, что местные выпивохи рты поразевали.

— Поместится все, — заявлял он часто и громко, даром не хвастал. Глушил виски, смаковал вино, опрокидывал в луженую глотку коктейли — все одинаково годилось для него. Затем гуляка объявил:

— Кажется, все... — и продолжал наливаться спиртным. Такого здесь не видели уже давно, и слава о Диком Билле быстро распространилась по астероиду. Все шло впрок лихому парню, и чем больше он пил, тем веселее становился. Он не скупился на угощение, и сам не ломался, когда подносили рюмку. Он весело отплясывал с официантками и делал им недвусмысленные намеки. Правда, ленсмен не играл, объясняя всем и каждому, что ничего не имеет против игры, но хочет сперва как следует повеселиться за свои денежки.

Новичок даже ввязался в драку, но без ожесточения и злобы. Громко хохоча, он раздавал наугад шлепки, которые могли бы оглушить лошадь, но только однажды, словно бы случайно, его кулак достиг цели. Собственный расквашенный нос и синяк под глазом не испортили его настроения, как часто бывает в таких случаях. Рухнув на пол, он всякий раз поднимался и продолжал беззлобно молотить кулаками воздух. Во время особо яростных стычек он сломал четыре стула, два стола и разбил множество посуды.

Только однажды Киннисон вытащил свое смертельное оружие. Один вид «дезинтегратора» отбил у его противников охоту продолжать схватку, а когда луч пробежал по стене, самые горячие головы остыли.

Гульба продолжалась не один день, и все вздохнули с облегчением, когда Киннисон спустил все деньги и направил стопы в заведение Стронгхерта.

Он брел по улице, держа в каждой руке по бутылке, и прикладываясь к ним поочередно. Всех встречных ленсмен приглашал присоединиться к нему в последней попойке. Тротуар оказался недостаточно широк для него, и он никому не давал прохода. Киннисон едва стоял на ногах и чудом удерживал равновесие — помогала выучка астронавта.

Он выбросил сначала одну пустую бутылку, за ней другую, а потом, выписывая ногами кренделя, запел! Слух иногда изменял ему, зато никто не осмелился бы сказать, что он поет тихо. Мощный густой бас, не умолкая ни на минуту, разносился на две тысячи ярдов против ветра,

изливая радость, переполняющую душу весельчака и кутилы. Его песня, гимн глубокому космосу, давно надоела всем, кто знавал на Земле Кимбола Киннисона, но завсегдатаям «Приюта старателя» она пришлась по вкусу.

Финальная прогулка ленсмена чуть не кончилась плачевно: его желудок впервые попытался извергнуть свое содержимое, и гуляка решил, что можно завершить прекрасно проделанную работу. Он действительно врос в шкуру дикого Билла Уильямса, одинокого волка с Альдебарана II, ловца метеоров.

Ленсмен подошел, пошатываясь, к ухмыляющемуся Стронгхерту, и, чтобы удержать равновесие, обрушил тяжелые ручищи на плечи последнего. Облако перегара, которое он выдохнул, наверно свалило бы с ног слона.

— Я пуст, — объявил он, икнув, но голос его звучал по-прежнему жизнерадостно. — Я почти готов, но хочу еще. Как ты смотришь на то, чтобы одолжить мне сотню-другую в счет будущей добычи?

— Тебе вполне достаточно, Билл. Ты уже очень веселый. Не худо бы теперь чего-нибудь пожевать и проспаться, а?

— Прекрасная мысль! — живо воскликнул старатель. — Веди!

Один из посетителей подошел к нему и взял под руку. Стронгхерт подхватил под другую, и нового постояльца повели по узкому коридору в одну из маленьких спален. Киннисон, изображая покорность и некоторую вялость, лихорадочно щупал мозг человека, который вызвался проводить его. Это был тот, за кем он гонялся!

Киннисон наткнулся на ментальный экран, но легко проник сквозь защиту: «Ни одного ленсмена на Эфро! Проверили всех, даже этот пьяный сброд, толкущийся у Стронгхерта. Хотя это такое место, куда ленсмен и носу не сунет, а если и заявится, задержится ненадолго...» Киннисон и раньше подозревал, что Стронгхерт — не просто мелкий торговец, а теперь убедился в этом. Провожатый знал достаточно, и ленсмен с жадностью впитывал информацию.

«Шесть недель... Значит, шесть недель. Времени достаточно, чтобы раздобыть металл для еще одного королевского бинго...»

Шесть недель, или чуть больше... Те, кто орудует в здешнем секторе, должны оправиться от испуга, отказаться хотя бы от некоторых, самых обременительных,

мер предосторожности. Что ж, Китти-кот, остроглазый по натуре, сможет обуздать свою горячность и втереться, как кошка у мышиной норки.

В комнате ленсмен грузно плюхнулся на кровать и выхватил пакет из рук незнакомца. Разорвав обертку, он засунул содержимое в рот. Глаза его округлились, мышцы свело судорогой. Он энергично жевал, чтобы дурманящий сок поскорее попал в горло и не успел вызвать неприятного шума в ушах, подобного жужжанию роя рассерженных пчел. Еще продолжая перетирать зубами сухую уже массу, он рухнул на постель и оборвал связь с окружающим миром на последующие двадцать четыре галактических часа.

Пробуждение не принесло радости. Превозмогая слабость, в самом скверном расположении духа, Киннисон с трудом дотащился до кабинета, где Стронгхерт вернул ему ключи от бота.

— Чувствуешь себя ужасно... — Это было утверждение, а не вопрос.

— Вот именно, — простонал ленсмен. Он потряс головой, пытаясь остановить вращение вселенной. — Я должен буду смотреть вверх, на экран, а мне головы не поднять — в нее будто кошки вцепились.

— Ужасно, я знаю, но дело поправимо... — Голос звучал с приторной лаской, но в нем проскальзывали металлические нотки. — Вот, возьми, это поможет тебе очухаться.

И ленсмен залпом проглотил какое-то пойло, даже не поблагодарив. Голова удивительным образом прояснилась, хотя виски все еще ломило.

— Надеюсь, заглянешь к нам снова? Все было хорошо, не так ли?

— Просто здорово, — признал мнимый старатель, — лучшего и желать нельзя. Я вернусь недель через пять-шесть, если повезет.

Когда потрепанный, но крепкий старательский бот медленно поплыл вверх, в кабачке, который ленсмен покинул, состоялся несвязный разговор. В этот ранний час дела шли вяло, и Стронгхерт лениво перебрасывался словами с барменом и официанткой.

— Если бы большинство посетителей походило на него, мы б горя не знали, — убежденно заметил хозяин. — Спокойный, сговорчивый парень — но очень правильный.

— А может, он просто прикидывался, воду мутил? —

высказал свое мнение бармен. — И грубость эта напускная, могу поспорить. Пьяный или трезвый, он здорово орудовал «деламатерами».

— Такой воспитанный, настоящий джентльмен, — вздохнула официантка. — Просто лапочка... — Она не кривила душой: ей перепало немало кредиток от здоровяка старателя. Неплохая плата за пару ослепительных улыбок и вихляющую походку. — Тех двух парней, что привязались к нему, надо было бы прикончить, а он их даже не обжег.

Как и надеялся ленсмен, Дикий Билл Уильямс очень пришелся ко двору в «Приюте старателя».

* * *

И вот он снова мотается среди астероидов; снова навалилась уйма грязной, тяжелой и нудной работы. Теперь Киннисон был рад и мелкой добыче. По-настоящему ценные находки подворачиваются редко, не чаще, чем раз в сто лет, но усердие принесло то, чем обделила удача. Когда же грузовой отсек бота наполнился почти до половины, на частоте аварийных сообщений он поймал отчаянный крик о помощи, причем такой громкий и отчетливый, словно источник сигнала находился совсем рядом. Так оно и было: прямо по курсу вырисовывался корабль, ясно видимый даже на несовершенных обзорных экранах крохотного звездного скитальца.

— Помогите! Терпит бедствие космический корабль «Калотус», координаты... — следовала длинная череда цифр. — Генератор Бергенхольма вышел из строя, противометеорные экраны практически бездействуют, нас несет прямо на астероид. Любой космический буксир, любое судно, которое может нас вытащить, помогите! И поторопитесь!

Уже при первых словах Киннисон бросился на помощь. Несколько секунд свободного полета, затем пара минут инерционного маневрирования, потребовавшего всего мастерства ленсмена — и он оказался рядом с шлюзом лайнера.

— Я кое-что понимаю в генераторах Бергенхольма, — торопливо сообщил он. — Принимайте бот!

— Вы эвакуировали пассажиров? — спросил ленсмен на бегу у парня, взявшегося показать ему машинное отделение.

— Да, но боюсь, что у нас недостаточно спаса-

тельных шлюпок, — тяжело дыша, ответил тот.

— Используйте мой бот. Загрузите его до отказа! — Если сопровождающий и был удивлен, услышав подобное от одного из космических бродяг, не отличающихся высоким благородством, он не показал этого. Впереди его ожидало еще много сюрпризов.

В машинном отделении Киннисон, не тратя времени, оттолкнул в сторону беспомощно томящихся около агрегатов членов экипажа и начал щелкать тумблерами. Он смотрел. И слушал. Он призвал на помощь всю силу сверхчувственного восприятия. Сейчас долгая яростная борьба, которую они с Торндайком вели с отказавшим генератором Бергенхольма на пути к буйной планете Тренко, казалась сказочной удачей. В том полете он действительно узнал, что такое генератор и начал разбираться в его устройстве лучше многих других.

— Где-то обрыв на шине номер четыре, — сообщил он наконец. — Должно быть, перегорела в месте контакта. Надо бы ее осмотреть. Придется снять крышку, но откручивать болты нет времени. Дайте мне лучевой резак и отойдите подальше.

Резак немедленно принесли, и ленсмен срезал массивный диск крышки. Затем, сняв и отбросив в сторону ярко-красный кожух, он лег на спину и скомандовал:

— Посветите мне. — И медленно, осторожно начал забираться в огромный механизм. Он работал совсем недолго, но очень споро, хоть свет небольшой переносной лампы с трудом пробивался сквозь пар и дым, которые заполняли внутренности агрегата. Наконец он буркнул: — Кажется, все. Включайте энергию!

Приказание выполнили и, к неописуемому удивлению всех присутствующих, генератор заработал.

— Все это, конечно, не очень надежно, но достаточно прочно, чтобы вы смогли самостоятельно добраться до ближайшего космопорта, — сообщил Киннисон капитану судна, входя в каюту последнего. Он прекрасно понимал, что его поведение никак не вязалось с личиной одинокого космического волка, которую он носил. Ленсмен просто не мог допустить, чтобы пассажирский корабль расплющился о поверхность астероида. Теперь, когда работа подошла к концу, следовало вернуться в образ. Глаза Киннисона воровато забегали, руки затряслись, и капитан со снисходительной улыбкой достал бутылку старого бренди.

— Выпейте, — предложил он, протягивая гостю стакан.

Киннисон опрокинул содержимое стакана в глотку, а потом, взяв бутылку, в несколько глотков осушил ее. Накатила дурнота, какую он уже испытывал на астероиде. Однако ни слабость, ни волна отвращения, которую выплеснул на него мозг капитана, не помешали ленсмену выудить из аптечки брикетик бентлама и с улыбкой отправить снадобье в рот. Вновь скоро он потерял всякое чувство реальности.

— Несчастный... — прошептал капитан и уложил его на кушетку. Едва Киннисон пришел в себя, капитан спокойно сказал:

— Когда-то ты был человеком. Инженером, и выдающимся инженером, или я ничего не понимаю.

— Быть может, — пробормотал Киннисон, бледный и ослабший. — Я уже совсем в порядке, вот только голова...

— Понимаю, — нахмурился капитан. — А лечиться пробовал?

— Никаких шансов... Пытался много раз. Так что... — ленсмен развел руками.

— Назови-ка лучше мне свое имя, свое настоящее имя. Пусть на родной планете узнают, что ты не...

— Лучше не надо, — Киннисон покачал раскалывающейся от боли головой. — Родичи и друзья считают, что я давно сдох... Пусть они так думают и дальше. А зовут меня Уильям — Уильям Уильямс, с Альдебарана II.

— Как скажешь...

— Насколько далеко мы отошли от того места, где я перебрался на ваш корабль?

— Недалеко, меньше полумиллиона миль. Мы вот с той второй планеты, а твой пояс астероидов за орбитой четвертой.

— Тогда я полетел.

— Как скажешь, — снова согласился капитан, — но нам бы хотелось... — он замялся и протянул Киму пачку кредиток.

— Пожалуй, не надо, сэр... Понимаете, чем больше денег у меня будет, тем...

— Понимаю. В любом случае спасибо, спасибо от всех нас. — И капитан, вместе с вызванным им помощником, помог Киннисону занять место в боте. Астронавты отводили глаза в сторону, не осмеливаясь даже посмотреть друг на друга...

Ленсмен же остался вполне доволен. Эта история,

конечно, получит огласку, и долетит до «Приюта старателя» раньше, чем он сам доберется туда. И хорошо, очень хорошо... Жаль только, что в эту минуту люди с корабля думают о нем: «бедняга, несчастный, жалкий, но смелый парень!»

Глава 13

СОВЕЩАНИЕ ЗВИЛЬНИКОВ

Бутылка хорошего бренди и крохотная порция бентлама не могли причинить серьезного вреда организму, способному справиться с квартами крепчайшей сивухи, и ленсмен с прежним рвением взялся за старательское ремесло.

К концу третьей недели каторжного труда Киннисон, покопавшись в мозгах боскомианского резидента системы Борова, узнал, что пора наведаться в «Приют старателя», где готовилось тайное совещание. Звильник не представлял, о чем пойдет речь, и сгорал от нетерпения. Тем не менее, ленсмен предполагал, что на астероид Эфро слетятся высокие чины со всего сектора, и решил во что бы то ни стало пробраться на шабаш.

За несколько дней до предполагаемой встречи космический охотник за сокровищами, ведомый Киннисоном, снова объявился у причалов Стронгхерта. На этот раз старателя встретили не как подозрительного незнакомца, а как старого доброго приятеля.

— Приветствую тебя, Дикий Билл! — воскликнул Стронгхерт, едва заметив на пороге мощную фигуру. — Ты, черт подери, держишь слово! Очень рад тебя видеть. И с добычей, хорошей добычей, готов спорить?

— Здорово, Стронгхерт! — проревел ленсмен, хлопнув торговца по плечу так, что у того подогнулись колени. — Да, это было хорошее путешествие, просто превосходное. Натолкнулся на богатый сектор и привез вдвое больше, чем в прошлый раз. Я ведь говорил,

что вернусь недель через пять-шесть, и вот я здесь — через пять недель и четыре дня.

— Небось, дни считал, а?

— Не дни, часы. Чуть не сдох от жажды. Веришь ли, в утробе суше, чем в пустынях Рилго. Ну, чего мы ждем? Принимай добычу, не томи. Душа горит...

Деловая часть визита окончилась быстро; торговец и старатель понимали друг друга с полуслова. Металл перекочевал на склады Стронгхерта, а припасы для следующего путешествия — на бот. Киннисон получил задаток и двадцать четыре единицы бенни. Ни перебранок, ни ссор, ни клятв. Ленсмен сунул в карман ключи, толстую пачку кредиток и, пропустив по рюмочке с хозяином заведения, начал обход кабачков и притонов. Однако теперь слава летела впереди него, и ленсмену не удавалось, опрокинув стаканчик в одном салуне, сразу перебираться в другой. Прежние собутыльники бросались навстречу с распростертыми объятиями, вовсе незнакомые набивались в приятели, а женщины ластились к нему, пуская в ход все мыслимые ужимки и уловки. Ведь этот здоровяк не только мог дать сто очков вперед любому выпивохе, он был баловнем удачи и сорил деньгами без удержу.

И, как днище корабля за долгое странствие обрастает ракушками, так гуляка-старатель обрастал пьяной свитой. Он не снисходил до того, чтобы заказать выпивку своим приятелям, а просто позволял им пить, сколько вздумается.

Слава бывалого бражника позволила Киннисону с самого начала эскапады требовать спиртное бутылками. И никто не следил, куда изливается их содержимое. Да и кому бы пришло в голову заподозрить неладное! Дикий Билл веселился от души, сыпал чаевыми, дрался неуклюже, но с большим пылом, как и подобает космическому бродяге. Правда, никто и не решался всерьез задевать обладателя двух «деламатеров», слух о которых облетел весь астероид. Ленсмен снова пел — громко и хрипло, выказывая любовь к балладам и мадригалам.

Когда Киннисон уловил мысленный сигнал к сбору звильников, он был трезв, как стеклышко. Стараясь как можно медленнее передвигать ноги, он доплелся до кабака Стронгхерта, где разыграл уже знакомую сцену — отшвырнул порожние бутылки, вывернул пустые карманы и заплетающимся языком потребовал денег вперед. Когда же торговец отказал в кредите, ленсмен согласился отправиться на покой с порцией бентлама.

И звильник, и Стронгхерт прятали свои мысли за экранами, что совсем не обескуражило ленсмена. Как и прежде, Дикий Билл нетерпеливо вскрыл пакет, жадно прожевал его содержимое и беспомощно рухнул на кровать. Эта часть представления не допускала притворства: парализованное бенни тело всегда принимало характерную, трудно воспроизводимую позу. Но могучий разум Киннисона бодрствовал. Более того, отключив тело, наркотик позволил мозгу сосредоточиться на происходящем снаружи, обострил сверхчувственное восприятие. Только винные пары могли бы затуманить мысленный взор ленсмена, но он позаботился о том, чтобы остаться трезвым.

Помещение, где собирались звильники, строго охранялось людьми, защищенными ментальными экранами. Никому, кроме старых доверенных слуг, не позволялось входить туда, да и тех снабдили экранами. Однако Киннисон нашел способ обойти преграды. Нанятый ленсменом ловкий вор-карманник слегка задел клавишу экрана, защищающего официанта, который собирался войти на заповедную территорию. Последний возмутился было, но тут же забыл, что собирался сказать, да и в памяти карманника не осталось ни тени воспоминания. Официант, в свою очередь, допустил неловкость, обслуживая какую-то важную шишку, однако не успел получить нагоняй, поскольку тот, кого он побеспокоил, испытал приступ амнезии. Стараниями Киннисона высокопоставленный звильник повредил генератор защитного экрана, ослабив крепление маленького, но очень важного проводка. Эти приготовления позволили ленсмену незримо присутствовать на встрече.

— Прежде всего, — начал председательствующий, — я должен убедиться, что ваши экраны включены. — Он продемонстрировал свое устройство, не догадываясь, что оно выведено из строя. По правде говоря, и самый опытный инженер потратил бы час, чтобы в этом удостовериться.

— Ерунда! — фыркнул один из присутствующих. — Кто, черт подери, осмелится утверждать, что какой-нибудь ленсмен мог пробраться на Эфро?

— Никому и в голову не придет, на что способны ленсмены. Поэтому — осторожность и еще раз осторожность. Вы проверили всех, находящихся здесь?

— Всех, — кивнул Стронгхерт, — даже пьяниц и наркоманов. Здание экранировано; кроме того, мы все обеспечены индивидуальными экранами.

— Наркоманы не в счет, если, конечно, это наркоманы. — Глава звильников нахмурился, и было от чего. Только Серый Ленсмен мог распознать себе подобных даже среди пьяниц и наркоманов. — Кстати, кто такой Дикий Билл Уильямс, о котором столько говорят в последнее время?

Стронгхерт переглянулся с приятелями, и они дружно рассмеялись.

— Я давно уже проверил его, — давясь смехом, сообщил знакомый Киннисону звильник. — Он, конечно же, никакой не ленсмен, хоть сначала я взял его на заметку. Мы очень основательно прощупали его самого и обшарили корабль — ничего подозрительного. Поинтересовались прошлым этого старателя. Наводили справки в звездных системах. Он чист, да и сюда заглянул всего второй раз. За неделю спускает все деньги на выпивку, потом заправляется слоновой дозой бенни — и с копыт долой. Каково, а?

— Он принимал собственный наркотик или ваш?

— Мой. Никакой липы — проверен на других потребителях. Да и пойло, которым он накачивался, тоже настоящее.

— Ладно. Я и сам думаю, что нас зря пугают. Ленсмен, которого так боятся, наверное, еще на Бронсеке. В любом случае, ему сюда не проникнуть.

— Что вы скажете об их новой системе конспирации? Правда ли, что никто из них больше не знает своего начальника?

— Система еще не отработана. Им не удается обеспечить абсолютную безопасность. Мы же пока не отказались от шифрованных записей? Громоздко, но абсолютно безопасно... пока они не откопают ключ к шифру. Если это случится, немало наших пойдет в камеры смертников Патруля, но оставшиеся придумают что-нибудь еще. Некоторые утверждают, что наш шифр не раскрыть, другие — что разгадать можно любой шифр, рано или поздно. Как бы то ни было, вот указания. Ознакомьтесь с ними. Давайте просмотрим материалы, и перейдем к ужину.

Собравшихся не пришлось упрашивать. Они веселились, каждый на свой лад, под защитой ментальных экранов, ибо ленсмен, заполучив всю интересующую его информацию, вернул их приборы в исходное состояние.

Пришел черед познакомиться с записями звильников. И в то время, как полумертвое тело ленсмена

оставалось во власти убийственного снадобья, его мозг, пользуясь сверхчувственным восприятием, вникал в содержание записей. Хоть это было посложнее обычного чтения, Киннисон не прикладывал особых усилий. А где-то далеко в пространстве ленсмен Ворсел запечатлевал на металлических пластинках имена, даты, факты, схемы — все, до мельчайших подробностей. Информация действительно оказалась зашифрованной, но Киннисон сообщил ключ. На горе торговцам наркотиками, пластинки, скрепленные печатью ленсмена, переправили в надежное место.

Через двадцать четыре часа Киннисон, пошатывающийся и понурый, забрался в свой бот и покинул астероид. Ему предстояло схватиться с мощным врагом, и теперь ленсмен знал, где искать его, но, увы, даже смутно не представлял себе, как взяться за дело. Поэтому он испытал облегчение вместо естественной тревоги, когда, несколькими днями позже, принял сигнал от Хейнеса. А было от чего встревожиться: за время службы Киннисон вызывал адмирала всего несколько раз, а тот Кима вообще ни разу.

— Киннисон! Говорит Хейнес, — прозвучало в сознании ленсмена.

— Киннисон на связи, — пронзила пространство ответная мысль.

— Не оторвал от дел?

— Нет. Я собрался совершить небольшой перелет.

— Кое-что произошло... Ты можешь немедленно вернуться на Главную Базу?

— Да, сэр. Признаться, у меня сейчас одно занятие — ждать, пока орешек созреет и упадет туда, где я смогу его расколоть. Как прикажете, сэр.

— Никаких приказов, Киннисон! Никто не имеет права приказывать Серому Ленсмену. Мы можем советовать и предлагать, но лишь ты сам решаешь, как действовать.

— Поверьте, сэр, ваши пожелания для меня равносильны приказу, — совершенно серьезно ответил Киннисон. Затем продолжил уже не так официально: — Видимо, дело не терпит отлагательств, а мое корыто ползет, как улитка. Может, пришлете за мной что-нибудь?

— «Неустрашимого», например.

— Его уже реставрировали?

— Да.

— Готов спорить, что он стал лучше прежнего! На него и раньше не жаловались, а теперь он наверняка даст фору любой посудине.

Пространство вокруг, насколько могли охватить чувствительные детекторы ленсменов, оказалось совершенно пустым, и вскоре «Неустрашимый» подобрал крохотное суденышко Киннисона.

— Привет, Ким, старый бродяга, — грохнул хор голосов, когда Киннисон появился на борту. Каждый хотел пожать ему руку, хлопнуть по плечу. В нем видели старого товарища по оружию, пусть и обогнавшего сверстников в чинах.

— Старик велел связаться с ним, когда мы будем примерно в часе лета от Главной Базы, — отбросив церемонии, сообщил Мэйтлэнд своему однокашнику, когда «Неустрашимый» приблизился к солнечной системе.

— С помощью бортовой связи или Линзы?

— Он не уточнил.

— Тогда сойдет обычный канал.

Через мгновение адмирал и Серый Ленсмен увидели друг друга на экранах.

— Как дела, Киннисон? — Хейнес пристально вглядывался в лицо собеседника. Затем продолжил, воспользовавшись Линзой: — Знаю о представлении, которое ты устроил. Слухи уже докатились до Земли. Человек не может употреблять наркотики в таких количествах без опасных последствий, даже такой, как ты. Что скажешь? Как ты чувствуешь себя сейчас?

— Тянет продолжить, конечно, — сознался Киннисон, — однако, ничего не поделаешь: нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. Впрочем, ничего такого, что я не смог бы преодолеть. Я в состоянии управлять своим организмом.

— Очень рад это слышать, сынок. Только мы с Лейси знаем, кто такой на самом деле Дикий Билл Уильямс. Ты доставил нам немало тревожных минут... — Хейнес вздохнул и продолжил вслух: — Мне бы хотелось видеть тебя в своем кабинете, и как можно быстрее.

— Через две минуты я буду у вас, сэр, — сказал Киннисон и выполнил свое обещание.

В кабинете адмирала Киннисона ожидала встреча с незнакомцем.

— Навигатор Ксилпик, — представил его Хейнес, — Киннисон, свободный ленсмен. Садитесь, пожалуйста; наш разговор потребует времени. Пропадают корабли,

пропадают всюду, бесследно, не посылая сигнала тревоги. Охраняются они или нет, значения не имеет, так как конвой исчезает тоже.

— Даже суда с новыми двигателями? — мысленно спросил Киннисон, опасаясь говорить вслух.

— Нет. Их не пускают в дело, пока не выяснено, что происходит. Рейс «Неустрашимого» за тобой — единственное исключение.

— Превосходно. Нам не следует искушать судьбу.

Обмен мыслями не занял и мгновения, и речь адмирала текла плавно, без запинок:

— ...без предупреждений, как торговые и пассажирские суда, которые он должен защищать. И автоматика безмолвствует. Аппаратура просто перестает функционировать. Первый и единственный просвет, если это можно назвать просветом, в чем, если честно, я сомневаюсь, появился незадолго до того, как я вызвал вас, когда Ксилпик пришел ко мне с совершенно невероятной историей.

Киннисон взглянул на незнакомца. Несомненно, тот был родом с Шиклодора. Об этом говорила розовая окраска густых пушистых волос, треугольных глаз, зубов и кожи. Не тот нежный тон, что придает коже просвечивающая сквозь нее алая кровь, а граничащий с кирпично-красным оттенок непрозрачного пигмента, характерный для гуманоидов этого мира.

— Мы тщательно обследовали Ксилпика, — продолжал Хейнес, не смущаясь тем, что этот последний сидит рядом с ним, внимательно слушая, — и самое ужасное то, что он сам не верит в свои небылицы.

Хотелось бы объяснить все наваждением, навязчивыми мыслями, галлюцинациями — называй это, как хочешь — настолько все невероятно, однако наш гость находится в здравом уме. А теперь, Ксилпик, повторите Киннисону свой рассказ. Вдруг он сумеет извлечь из него смысл. Никому из нас это не удавалось.

— Хорошо, давайте, я внимательно слушаю. — Но Киннисон не просто слушал. Когда гость адмирала начал говорить, Серый Ленсмен внедрился в его мозг. Какое-то время он нащупывал нужную частоту, а затем его разум слился с рассудком розового существа.

— Второй навигатор, с планеты Рэйделикс, скончался в рейсе, и, когда судно совершило посадку на Шиклодоре, я запросил место для длительной стоянки. Примерно через неделю весь экипаж сошел с ума — все

сразу. Впервые я понял это, когда дежурный пилот, сидевший рядом со мной, покинул пульт, схватил свое кресло и разбил им автоматический регистратор. Затем, двигаясь, как во сне, вывел из строя аппаратуру управления.

Я прикрикнул на него, но он не отвечал, и все в рубке управления вели себя очень странно. Они слонялись из угла в угол, словно лунатики. Я немедленно связался с капитаном, но он не принял мое сообщение всерьез. Затем все эти люди вышли из рубки и гурьбой направились к главному люку. На меня накатил ужас, по коже побежали мурашки, волосы на затылке встали дыбом. Однако я последовал за ними, немного поотстав — решил посмотреть, что они собираются делать. Капитан и остальные присоединились к ним около люка. Все ужасно торопились куда-то. Я не стал подбираться ближе — я не собирался выходить наружу без скафандра. Я отправился обратно на мостик, чтобы включить систему наблюдения. Ведь все началось именно в рубке! Что, если кто-то проник на борт? Ведь суда пропадали в космосе, и сколько их пропало... Поэтому я перешел на спасательный бот, и воспользовался следящей аппаратурой. И скажу вам, сэр, там ничего не было, совсем ничего! — Голос незнакомца едва не срывался на крик; его разум, казалось, содрогается от ужаса.

— Спокойно, Ксилпик, спокойно! — уговаривал Серый Ленсмен. — Все, что вы сказали, имеет смысл. Но пока — ничего необычного.

— Что?! Вы мне верите? — шиклодорианин в изумлении уставился на Киннисона; такие же чувства, казалось, овладели адмиралом.

— Конечно, — заявил человек в серой форме из мягкой кожи. — Более того, я догадываюсь, что произошло дальше. Продолжайте.

— Люди вышли наружу... — Рассказчик произнес это несколько неуверенно. У него не шла с языка такая очевидная и совершенно невозможная фраза. — Они не вылетели на чем-либо, сэр. Нет. Они именно вышли и вели себя так, словно дышали воздухом, а не находились в безвоздушном пространстве. И с каждым шагом люди как бы таяли, заволакиваясь туманом. Я понимаю, сэр, это звучит, как бред сумасшедшего, — обратился он к Киннисону. — Тогда я решил, что, быть может, спятил сам, и вы здесь думаете то же самое. Наверное, сэр, я несу всякий вздор... не знаю...

— Зато я знаю. Это совсем не вздор, — ободрил его Киннисон.

— Ну а затем началось самое страшное, сэр. Они стали ходить кругами, будто внутри корабля, и на глазах слабели. Некоторые легли, и что-то принялось снимать кожу с одного парня — снимать кожу с живого, сэр! Но что это было? Я не видел... И тогда я побежал. Вскочил в самый быстроходный бот и выжал из него, что мог. Это все, сэр.

— Не совсем, Ксилпик. Почему вы не рассказали об остальном?

— Не посмел, сэр. Если бы я заикнулся об остальном, меня бы признали сумасшедшим... — Он резко замолчал, а когда заговорил снова, голос его странным образом изменился. — А что заставляет вас думать, будто произошло еще что-то? Неужели вы?..

— Да. Если мои предположения верны, случилось еще много всякого и пострашнее. Так?

— Я расскажу... — Теперь навигатор захлебывался словами. — Точнее, я попробую. Мне трудно описать. Картина становилась все более смутной. Я не поручусь, что мне это не померещилось.

— Кажется, я знаю, что вы видели... — начал ленсмен, но его прервал Хейнес.

— Черт побери! — завопил почтенный адмирал. — Если знаешь, выкладывай!

— Я еще не вполне уверен... Это невозможно вытянуть из него. Ксилпик действительно выложил все, что знал. Он не мог разобраться в том, что было практически невидимо. И вряд ли сумел бы связно описать. И никто не сумел бы, кроме меня, Ворсела, и, вероятно, Ван Баскирка. Я расскажу, а Ксилпик, если сможет, подтвердит. — Лицо ленсмена окаменело, голос стал твердым и спокойным.

— Я однажды видел это. Хуже того, я слышал. Видел и слышал ясно и четко. Все члены экипажа подверглись ужасным пыткам. С некоторых живьем содрали кожу, как и говорил Ксилпик, затем их медленно разрезали на кусочки. Других заковали в цепи, которые начали тянуть в разные стороны, пока несчастных не разорвало на части. Откручивали головы, варили, медленно поднимая температуру воды, отрезали от них по маленькому кусочку, травили газом, давили между двумя плитами, забивали до смерти кнутом, словом, предавали смерти самыми жуткими способами, большинство из которых не поддает-

ся описанию. И все это — медленно, тщательно, максимально болезненно. Зеленовато-желтый свет высасывал ауру каждого человека, когда он умирал. Невидимое излучение как бы пожирало ауру... правильно, Ксилпик?

— Да, сэр, да, все так! — воскликнул шиклодорианин с огромным облегчением. Затем осторожно добавил: — Именно так, но было еще кое-что странное. Они словно становились невидимыми, пропадали, хоть и не покидали проклятого места.

— Таким образом работает система, делающая этих дьяволов невидимками...

— Владыки Дельгона! — взвился Хейнес. — Но если все это правда, то как уцелел Ксилпик, единственный из всего экипажа? Объясни!

— Нет ничего проще, — ответил Серый Ленсмен. Он был единственным шиклодорианином на борту; Владыки просто не почуяли его. Мозг обитателей Шиклодора излучает волны уникальной частоты — такой не встретишь ни у одной расы из населяющих Галактику. Вы должны были заметить это, если пытались настроить на него Линзу. Мне, например, потребовалось секунд тридцать, чтобы войти в контакт. А скрыться Ксилпику удалось потому, что, предаваясь своим гнусным забавам, они забыли обо всем на свете. К тому времени, как они покончили с экипажем и принялись за корабль, беглец был уже далеко.

— Но он утверждает, что поблизости не было ни одного судна, совсем ничего! — упорствовал Хейнес.

— Было, только невидимое, — парировал Киннисон. — Мы уже и сами вплотную подошли к этому, осталось немного поработать. Конечно же, там был корабль, нет никаких сомнений, и близко. Состыковался люк к люку.

Мне непонятно другое, весьма неприятное обстоятельство, которого вы пока не заметили. Приходится признать, что часть бывших правителей Дельгона ускользнула от Ворсела и его парней. Но откуда эти бестии взяли корабль? У них никогда не было космического транспорта... Насколько я знаю, не было никаких сложных устройств. Да что там корабль — как эта примитивная раса создала аппаратуру, обеспечивающую невидимость? — Киннисон замолчал, погрузившись в размышления. Хейнес тем временем отпустил шиклодорианина.

— Ну, что ты можешь извлечь из этих фактов? — нетерпеливо спросил адмирал.

— Довольно много, — мрачно ответил ленсмен. — Я чую недоброе. Это пахнет Боскомом.

— Быть может, ты прав, — согласился Хейнес. Он понимал, что было совершенно безнадежно даже пытаться уследить за мыслями сидящего перед ним человека. — Но зачем? И, самое главное, как?

— Зачем? И те, и другие спят и видят, как бы поквитаться с нами. Они заключили союз и теперь действуют заодно!..

— Что прикажешь делать? — спросил адмирал. Он сам был человеком незаурядным и не гнушался спрашивать совета у того, кто знал больше.

— Никто не отдает приказов адмиралам! — беззлобно поддразнил его Киннисон. — Я могу просить или предлагать, но...

— Хватит фокусничать! Мне бы следовало поколотить тебя, мальчишка! Ты сказал, что готов получить от меня приказ. Я тоже готов! Итак, что будем делать?

— Пока никаких приказов, сэр, но полагаю, что... — Киннисон задумался. — Нет, не будем рубить сплеча. Явно понадобятся Ворсел и Ван Баскирк: только мы трое имеем хоть какой-то опыт. Думаю, мы возьмем «Неустрашимый» — это достаточно мощное и надежное судно. Ментальные экраны защитят экипаж от влияния Владык, а невидимость решит проблему маскировки.

— Так может, экраны обезопасят и экипажи других кораблей? Не возобновить ли нам движение в космосе?

— Вы забываете о боскомианских супердредноутах. Повременим пока. Мне случалось ошибаться.

И он действительно ошибался, хотя в душе был абсолютно уверен, что знает ответ. Но даже разум ленсмена не мог постичь, как далеко его догадки от ужасающей истины.

Глава 14

АЙХИ И ВЛАДЫКИ ДЕЛЬГОНА

Переход Владык Дельгона под эгиду Боскома, до сих

пор остававшийся тайной для непосвященных, совершился просто. Он стал неизбежен, едва на далеком Ярневане осознали, какую выгоду принес набег Айх-Лана на Аризию. Правда, предсказание аризианского наблюдателя Эуконидора оказалось не совсем точным. Самое страшное заключалось в том, что айхи осознали: мысль может быть оружием ужасной мощи, это открытие перевернуло их жизнь. Айх-Мил, который долгое время был Вторым властителем Боскома, стал теперь Первым. Кроме того, в совет выбрали новых Восьмого и Девятого.

— Скончавшийся Айх-Лан, — начал свою тронную речь Айх-Мил, — допустил серьезную, быть может, даже фатальную, ошибку, когда пренебрежительно оценивал противника, хотя сам неоднократно предостерегал от подобных заблуждений.

Конечно, наши цели не изменились, и величайшая осмотрительность должна стать законом, пока мы не раскроем все непредсказуемые возможности чистого разума. Послушаем теперь новых членов совета, например, Девятого. Он психолог, и по счастливой случайности изучал ситуацию еще до начала экспедиции, которая так плачевно завершилась.

— Я бы хотел, — начал Девятый, — зафиксировать ваше внимание на ментальных экранах. Оставим теоретикам споры о том, кто создал экраны — Аризия ли украла идею у Плура, или обе расы пришли к финишу независимо. Меня волнует другое. Известно, что аризиане могут разрушать экраны приложением колоссальной ментальной силы. Не составляет секрета и то, что экраны использовались и, возможно, до сих пор используются, миром Велантии. Следовательно, в них есть какая-то необходимость. Я уверен, что экраны — средство защиты от существ, которые используют в качестве оружия энергию мысли. А ведь именно такое оружие мы и хотим получить.

Я предлагаю отправить корабль для поисков на Велантию, и готов сам руководить этой экспедицией.

Возражений не последовало, и судно айхов немедленно стартовало. Их посещение Велантии ни в ком не возбудило тревоги. Велантийцы пребывали в состоянии эйфории от первых контактов с Галактическим Патрулем, открывшим для их планеты эру безинерционных полетов. Они упивались возможностью посещать другие миры и звездные системы, и с восторгом принимали любых гостей. К тому же, айхи внешне куда больше походили

на велантийцев, чем пришельцы с Земли, и их присутствие на планете привлекало меньше внимания. Итак, этот роковой визит прошел гладко.

Мы не будем распространяться о том, чем занимались посланцы Боскома. Достаточно сказать, что, пользуясь радушием велантийцев, они выспрашивали и вынюхивали, по крупицам собирая сведения об ужасных правителях Дельгона. Правда, последнюю тему местные жители обсуждать не любили.

— Мощь дельгониан разрушена, — отмахивались они от вопросов хвостом и крыльями. — Их пещеры уничтожены. Пусть только какой-нибудь из Владык осмелится навязывать нам свои мысли! Его немедленно обнаружат и убьют. Даже если кто-нибудь из них уцелел, эти недобитки не смогут угрожать нашему миру и безопасности.

Разведав на Велантии все, что удалось, айхи отправились на Дельгон, где направили всю мощь своего интеллекта и немалые ресурсы корабля на поиски и объединение тех, кто когда-то представлял страшную и процветающую расу. Они искали Владык Дельгона.

За долгую историю галактической лиги ни один народ не навлек на себя такой ненависти и презрения. Даже айхи с их извращенным разумом, жаждущие крови, обуянные неискоренимым властолюбием и страстью к завоеваниям, вызывали невольное уважение отчаянной смелостью и тягой к созиданию, пусть и своеобразной. Они имели убеждения и хранили им верность до конца, каким бы горьким он ни был.

О Владыках и этого нельзя было сказать; они стояли ниже любых разумных существ. На Дельгоне никогда не водилось оружия: Владыки в нем не нуждались. Силой разума они завлекали жертвы с других планет в свои мрачные пещеры, подвергая несчастных страшным истязаниям; и, в момент агонии, мучители поглощали жизненную энергию умирающих. Как это происходило, и не являлись ли кровавые оргии физиологическим актом, никто не знал. Однако было замечено, что многие особи могли длительное время выживать без страшных обрядов.

Как бы то ни было, айхи обнаружили довольно много выживших Владык. Последние попытались, правда, захватить пришельцев в плен и принести их в жертву своим садистским наклонностям, но не тут-то было. И не только потому, что айхов защищали ментальные экраны — гости превосходили дельгониан разумом. И,

как только им удалось найти общий язык, был заключен союз.

Многое сказано и написано о связующей силе любви; она, как и другие высокие чувства, действительно творит чудеса. Но разве притяжение ненависти слабее? Горечь поражения, жажда мести свели две чуждых расы, и ментальная мощь Владык Дельгона в соединении с изобретательностью, энергией и научными достижениями айхов принесла чудовищные плоды.

Глава 15

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ВЛАДЫК ДЕЛЬГОНА

Корабль еще не успели подготовить к полету, когда Киннисон усомнился в своем решении. Уловил ли его чуткий мозг предостережение из иного измерения, или то был отзвук тревоги, терзавший Ксилпика, — ленсмен и сам не знал.

— Думаю, сэр, мне лучше лететь одному, — сообщил он адмиралу. — Кто знает, какие козыри у них на руках?

— Тем больше оснований отправить «Неустрашимого», — возразил Хейнес.

— Наверное... Но я хочу...

— Твое желание абсурдно.

— Тогда хватит Ворсела и Ван Баскирка. Ворсел божится, что теперь Басу не страшен никакой гипноз.

— Чепуха! Не в моей власти навязать тебе «Неустрашимого», но я прикажу парням следовать за тобой по пятам, куда бы ты ни направился.

— Хорошо. Ваша взяла, — насупился Киннисон. — Но может статься, что половина экипажа не вернется...

— Разве подобные мысли не мучили тебя перед полетом «Британии»?

— Тогда у всех были одинаковые шансы, как в лотерее.

— А теперь?

— Парням со мной не тягаться. Зачем гнать их на верную смерть?

— Если уж на то пошло, ты и тогда был лучшим... — адмирал нахмурился. Думаешь, мне легко посылать людей на гибель? Но отправить лучшего из лучших на заклание, без поддержки, без сопровождения... Ты бы пошел на это? Ответь сам!

— Наверно, не пошел, — неохотно признал Киннисон.

И спустя несколько дней «Неустрашимый» стартовал, унося Серого Ленсмена, Ворсела и Ван Баскирка, а также экипаж, составленный из землян, к тем пределам космоса, где подвергся нападению корабль Ксилника.

— Как ты, старый змий? — спросил ленсмен Ворсела.

— Напуган, — ответил велантиец, и по его упругому, тридцатифутовой длины телу, покрытому жесткой кожей, пробежала дрожь. — От головы до кончика хвоста. Не то чтобы я опасался старых фокусов... Нет, они не пойдут простым и очевидным путем.

— Это и меня тревожит, — вздохнул Киннисон.

— Не оттого ли у тебя такая кислая физиономия? — вступил в разговор Ван Баскирк. Легко, как перышко, он схватил на изготовку тридцатифунтовый топор. — Подавайте их сюда! Вжик — и с ними покончено! —

Ужасное лезвие со свистом рассекло воздух.

— В этом что-то есть, Бас... — рассмеялся Серый Ленсмен и снова обратился к Ворселу: — Думаю, мы скоро нащупаем их.

Он не сомневался в способностях Ворсела: разум велантийца мог охватить сразу до одиннадцати звездных систем, а с Линзой — половину известного землянам пространства.

Хотя каждая клеточка его существа противилась контакту с извечным врагом, Ворсел настроился на волну Властителей и послал мысль в пространство. Спустя несколько секунд он скользнул через рубку к пилоту, защищенному ментальным экраном, и указал направление. Пилот резко изменил курс, отключил генератор Бергенхольма, а затем — двигатели. Корабль завис в пространстве. В тот же миг двадцать астронавтов, не защищенных экранами, устремились к главному люку, подгоняемые необъяснимым сильным чувством.

— Активировать корабельный экран! Живо! Включить защиту! — приказал Киннисон.

Не успели отзвучать его слова, как мощный ментальный экран скрыл весь корабль, а мониторы высветили вражеское судно, каждая деталь, каждый обвод которого кричали: Боском! Земляне приготовились дать залп по противнику, но изумление парализовало их: видение, словно сотканное из тумана, то сгущалось, то таяло, контуры его дрожали и размывались. Тень тени, корабль-призрак, рожденный мраком и ведомый существами из ночного кошмара. «Какая тут к черту, невидимость! — подумал Киннисон, отирая липкий пот со лба. — Ксилпик не выдумывал: они исчезают, уходят и... остаются на том же месте.»

Когда оторопь прошла, земляне обрушили на противника шквал смертоносной энергии. От цели их отделяло всего несколько футов, а не сотни миль, как при стрельбе прямой наводкой. Однако губительные лучи пронизывали призрак, не причиняя вреда ни ему, ни мерзким существам, в которых ленсмен с первого взгляда узнал бывших повелителей Дельгона. Сердце Киннисона учащенно забилось.

— Уходим! — закричал он.

Экипаж привел в действие генератор Бергенхольма и двигатели, но корабль оставался инертным — ни толчка, ни мучительного, бросающего в дрожь ускорения. Вместо этого пришло ощущение свободного полета, внезапное, острое...

— Включить все системы защиты, ментальные экраны! Общая тревога!

Не в силах бежать от неизведанного, Киннисон решил встретить угрозу лицом к лицу.

Его тело испытывало все мучения, какие могут причинить человеку морская стихия, воздушная болтанка и космос. Знакомый с искусственной гравитацией и псевдоинерцией, он узнал симптомы,которые появляются в невесомости. Однако к привычным впечатлениям примешивались новые: неведомая сила сдавила его нутро, скрутила, не давая сдвинуться с места; по телу волнами прокатывалось безболезненное, но отвратительное ощущение — что-то выталкивало наружу каждую частичку его существа, каждую клетку и каждый нерв. Это длилось часы — или долю секунды? — и внезапно кончилось.

К ленсмену вернулась способность двигаться. Насколько он мог судить, на борту «Неустрашимого» ничего не изменилось, и призрачное судно оставалось на

своем месте. Вот только воздух словно сгустился, очертания предметов размывала дымка. И снаружи... ничего, кроме серого тумана... ни звездочки... Тревога волной захлестнула его мозг: «Прочь отсюда! Надо немедленно перебраться на соседнее судно...» И хотя разум инстинктивно выставил заслон чужой воле, ленсмен успел понять, что это зов Владык.

Но как же ментальные экраны? И тут Киннисона осенило: он больше не в космосе, точнее, не в том, привычном ему космосе. Бешеное ускорение, бог весть куда направленное, исказило пространство и время. А мысль, скользящая в субпространстве, осталась нетронутой. Генераторы ментальных экранов, будучи материальными, вышли из строя. Ворселу, Басу и ему экраны не нужны, но остальные...

Экипаж «Неустрашимого» тем временем побросал защитное снаряжение и оружие и побрел к люку. Киннисон выругался сквозь зубы и последовал за людьми, ввергнутыми в гипнотический транс, вместе с велантийцем и великаном валерианином. В призрачном шлюзе под ногами стлалась какая-то быстро густеющая субстанция. Воздух был плотен, как вода или, скорее, как жидкая ртуть. Тем не менее, удавалось дышать. Узкий коридор привел вереницу бредущих, как лунатики, людей в камеру пыток, какие уже доводилось видеть ленсмену; там поджидали десять драконоподобных монстров с Дельгона.

Рептилии скорее плавали, чем двигались в вязкой среде, которая, на взгляд ленсмена, просто не могла быть воздухом. Словно в замедленной съемке, цепи плавно обвили шеи покорных неподвижных жертв. Изрыгая проклятия, ленсмен выхватил «деламатеры» и нажал на спуск — раз, другой. Бессмысленно... Он понимал, что призраки неуязвимы, но не мог оставаться безучастным наблюдателем. Киннисон бросился на ближайшего врага, но его железные пальцы не сомкнулись на змеиной шее — они схватили пустоту; саблевидный хвост рептилии прошел сквозь тело человека, не вызвав никаких ощущений.

Тогда ленсмен послал мысленный импульс — самый мощный, на какой только был способен. Но его мысль не могла не то что убить — сдвинуть на дюйм искушенных в ментальных битвах мучителей.

Стараясь не поддаваться отчаянию, Киннисон лихорадочно размышлял. Должна быть какая-то материаль-

ная основа у этих призраков, иначе люди не смогли бы перейти на вражеский корабль! Пол, например, одинаково тверд и под его ногами, и под ногами противника. А стены? Ленсмен протянул руку: стена оказалась призрачной. Цепи, однако, прочно сковывали страдающих людей, а концы цепей держали дельгониане. Ножи, дубинки и другие орудия пыток невообразимо медленно плыли в пространстве.

Ленсмен схватил деревянную колотушку и вложил все силы в удар, но молот не двинулся с места. Вернее, двинулся, но так медленно, словно его тащили через густую замазку. Киннисон отпустил рукоять и тут испытал новое потрясение: колотушка продолжала двигаться и, приблизившись, ударила его в бок. Масса! Инерция! Этот материал, должно быть, в сотни раз плотнее платины.

— Б а с! — мысленно окликнул он великана. — Х в а т а й д у б и н к у п о м е н ь ш е и д е й с т в у й!

Сам Киннисон остановил выбор на небольшом ноже с длинным и узким, остро заточенным лезвием, похожем на скальпель. Приложив усилие, какое в иных условиях потребовал бы взмах палашом, ленсмен ударил ближайшее чудище. Острое как бритва лезвие рассекло защитную пластину на горле, драконья голова поплыла в сторону, а тело стало оседать на пол.

Но и дельгониане не остались в долгу: они натравили на ленсмена его же товарищей, приказав рабам разделаться с досадной помехой. Барахтаясь под грудой тел разъяренных, хотя и безоружных людей, Киннисон взмолился:

— Отгони их, Ворсел! И удерживай, пока мы с Басом не разделаемся с этими мерзавцами!

Самонадеянный Ван Баскирк пренебрег советом товарища и схватился за самый большой предмет, из тех, что попались ему на глаза, но сразу отпустил его: с таким же успехом он мог бы пытаться сдвинуть опору моста. Бас выбрал тонкую, не более полудюйма в диаметре, палочку, и оказалось, что в его руках оружие пострашнее топора, которым валерианин так лихо размахивал. Дельгониане поняли, что пришло время победить или умереть, и сопротивлялись с отчаянной решимостью обреченных. Схватка отвлекла их внимание от рабов, и это позволило Ворселу броситься на выручку. Он обмотал свой хвост цепью шестифутовой длины и принялся за кровавую «молотьбу».

Валерианин же ничего не имел против повышенной гравитации и вязкого воздуха — он к ним привык на родной планете; он сыпал удары направо и налево, дробя кости и плоть. Звенела цепь Ворсела, разрывавшая тела врагов, свистел клинок в руках Киннисона; ему, уступавшему товарищам силой, оставалось брать ловкостью.

Так нашли бесславный конец остатки Владык Дельгона.

Глава 16

ИЗ ВОРОНКИ

Когда схватка закончилась, Киннисон направился в рубку управления, которая оказалась более или менее обычной, за исключением нескольких незнакомых приборов. Тщательно осмотрев их и проследив, с помощью своего дара, связи загадочных устройств с оборудованием корабля, Серый Ленсмен нажал одну за другой три клавиши.

Что-то задребезжало, и снова накатило омерзительное чувство, испытанное недавно. Когда оно улеглось, стало ясно, что оба корабля, почти касаясь друг друга бортами, зависли в безбрежном, усыпанном звездами пространстве.

— Возвращаемся! — бросил Киннисон.

На борт «Неустрашимого» перенесли тела десяти жертв, умерших под пытками. Еще двенадцать землян не приходили в сознание, вывести их из транса не удавалось.

— А что нам делать с тем кораблем? Может, взорвем? — спросил Ван Баскирк.

— Ну нет! Тогда парни из Научного отдела поджарят меня без масла, — буркнул Киннисон. — Заберем с собой. Ворсел, куда нас занесло?

— Мы на границе или за пределами нашей Галактики, — ответил велантиец. — Не понимаю, как мы успели забраться так далеко...

— А ты представляешь, сколько прошло времени?

— Ну, если судить по корабельному хронометру...

О! — Голос его осекся. — Ты навел меня на мысль: — Что, если мы покинули известную часть Вселенной? Говорят, в гиперпространстве испытываешь странные ощущения. Сдается мне, мы в нем побывали. Брр! С меня довольно!

На главной базе ученые излазили вдоль и поперек боскомианское судно, осмотрели каждый винтик.

— Кое в чем они разобрались и говорят, что ты ошибаешься, — сообщил ленсмену Торндайк. — Старик Кардинг просто рвет и мечет. Утверждает, что тебе повезло оказаться в самой гуще событий, а ты... в общем, берегись!

— Ну, не всем же быть первыми скрипками, кому-то надо и в барабан бить, — философски заметил Киннисон. — Одного я в толк не возьму: как эти ребята ухитряются понять такое, чего в глаза не видели? Говорят, они уже нашли объяснение взаимопроникновению двух форм материи. Может, растолкуешь в двух словах?

— Насколько я понял, тела дельгониан и все материальные объекты на их судне подверглись обработке каким-то типом колебаний. Совместное действие полей, генерируемых приборами на корабле и станцией на планете, заставляет их исчезать из пространства — вернее, не исчезать, а как бы смещаться на сто восемьдесят градусов по фазе. Вот почему два тела, обработанное и естественное, могут занимать одно и то же место одновременно, не причиняя вреда друг другу. Но если, например, генератор корабля вывести из строя, эффект нарушается.

— Я, очевидно, сделал больше — разрушил воронку, — задумчиво протянул ленсмен. — Специфическое усилие, приложенное в нужном месте относительно стационарного генератора, могло вызвать завихрения... А что они говорят о той вязкой среде, подходящей для обеих фаз материи?

— Она искусственно синтезирована. Над этим работают.

— Ну что ж, спасибо за разъяснения. Пойду потолкую с Хейнесом.

Адмирал сердечно приветствовал Киннисона, но, уловив выражение его глаз, сокрушенно вздохнул:

— Валяй, сынок, высказывайся... Отведи душу.

— Двадцать два человека, — бросил ему в лицо ленсмен. — Я убил их...

— Можно и так взглянуть на дело, — к немалому

удивлению Киннисона, согласился старик. — Но ты забываешь, что такое Патруль. Скажи, что важнее для Патруля: заплатить кровью за постижение истины или впустую пожертвовать жизнью Серого Ленсмена? Патруль — не армия наемников или необученных новобранцев. Любой из наших людей пойдет на пытки, лишь бы избавить от этого ужаса жителей планеты.

Киннисон молча поднялся и вышел. Слова старого адмирала не убедили его. Как забыть искаженные лица замученных?

— Минуточку, молодой человек! — остановил его резкий окрик. — Я тебя давно ищу. Когда ты предполагаешь заняться тем, что так неточно назвали «гиперпространственной воронкой»?

Киннисон оторвался от своих мыслей. На него наседал вспыльчивый и язвительный сэр Остин Кардинг, который всегда напоминал ленсмену наседку, пытающуюся заботиться о выводке утят.

— Приветствую вас, сэр Остин! Стартуем завтра, в пятнадцать часов. Но откуда такой интерес?

— Я лечу с вами, хоть это чертовски не кстати. По вторникам собирается Общество, и этот осел Вайнгард...

— Постойте, — прервал его излияния ленсмен. — Кто вам сказал, что такое возможно?

— Не будь дураком, юноша! — ядовито посоветовал ученый. — Даже твоему хилому разуму должно быть ясно, как вы опростоволосились. Вы не потрудились провести хотя бы элементарный анализ феномена!..

— Потише, потише, сэр Остин, — не слишком почтительно оборвал старика Киннисон. — Значит, вы собрались в космос, чтобы изучать математические проблемы?

— Болван, мальчишка! — завопил Кардинг и вскинул руки: — Боже, как ты позволяешь существовать людям с куриными мозгами? Этот, с позволения сказать, пространственный вихрь скрывает одну из величайших загадок Вселенной! Я должен быть там, анализировать поля, их взаимодействие. Несведущий наблюдатель все исказит.

— А говорил ли вам кто-нибудь, что посторонние на борту только обуза?

— Чепуха! Если корабль и вернется, то благодаря мне. Я подсчитал! Вероятность приближается к девяноста процентам.

— Но послушайте, сэр Остин, — увещевал ленсмен. — Уж не думаете ли вы, что нам любезно позволят

изучать генератор. Наша цель — избавиться от него.

— Ах, оставьте! Меня интересует природа энергии. Векторы, тензоры, пространственные и субпространственные явления, распространение, затухание, фазовые смещения и еще многое другое. Если доподлинно знать то, механизм получения энергии, его конструктивное воплощение покажутся детской загадкой.

— Корабль, может, и вернется, — проворчал обескураженный ленсмен. — А вот вы...

— Ну и что же? — фыркнул Кардинг. — Доставите мои заметки. Для науки они бесценны.

Киннисон с удивлением воззрился на сухонького старичка. Волшебник в науке? Да. Феноменальный интеллект. Но откуда в тщедушном, птичьем теле такая отвага? Нет, это больше, чем отвага, — полное самоотречение ради истины.

— Так вы думаете, данные об этом вихре стоят четырех сотен жизней, включая мою и вашу?

— Стоят и большего, — отмахнулся Кардинг.

— Ладно, присоединяйтесь...

Всю ночь Киннисон проворочался с боку на бок. Наверное, адмирал прав... Он слишком большую роль приписывает собственной персоне... Играет героя...

В кают-компании «Неустрашимого» молоденький офицер бренчал на пианино, а хор нестройных голосов исполнял забористые куплеты. Веселые возгласы отметили появление командира. Ким продолжил обход. Что же это? Хейнес не чувствует вины. Кардинг готов, не моргнув глазом, принести в жертву сотни жизней. Ребята в кают-компании веселятся. Их друзей убили дельгониане, потом убили самих дельгониан... Кто на очереди? Может, он, Кимбол Киннисон? Что заставляет людей махнуть рукой на жизнь? Наука, Патруль, Лига — абстракции; стоит ли умирать из-за них? Но тогда — во имя чего жить? А надо ли ломать голову? Если он ставит на кон свою жизнь, разве можно запретить это другим? К черту сентименты! Впереди — вихрь, воронка...

Глава 17

В ГИПЕРПРОСТРАНСТВЕННОМ ТОННЕЛЕ

Когда «Неустрашимый», спаренный с боскомианским судном, вышел в открытый космос, Киннисон созвал экипаж.

— Не вызывает сомнений, что корабль боскомиан автоматически вернется в свой док, — начал ленсмен. — Там, скорее всего, места хватит только для одного корабля, но «Неустрашимый» уже избавится от обузы. Сейчас вражеский корабль пуст, но в конце пути двое наших людей должны быть на нем, чтобы отключить генератор поля — иначе нам не принять сигналы с их базы, как утверждает сэр Остин. Это очень опасная миссия: никто не знает, что случится с чужеродной, не прошедшей обработку материей после полного снятия полей. Я не стану отдавать приказ или вызывать добровольцев — пойдут те, кто быстрее всех выберется из вражеского корабля.

В глубине души Киннисон тешил себя надеждой, что он самый проворный; он проделал дистанцию от пульта управления до люка за семь секунд.

— А ну-ка, коротышка, дай и другим показать, на что они способны! — прогудел Ван Баскирк. — Пошли, Ворсел!

Крылатый велантиец прошел дистанцию за две секунды, а великан валерианин — за три.

«Обезьяна валерианская!» — мысленно обругал Киннисон старого приятеля, а вслух добавил: — Ты же знал, что я сам не прочь этим заняться!

— Ладно, пусть я обезьяна, но ты — мелкая земная козявка, да и Ворсел не лучше, — огрызнулся тот и обнажил в широкой улыбке ровные белые зубы.

Едва «Неустрашимый» достиг входа в воронку, переключатели на боскомианском судне встали на место, материальные объекты вышли из фазового сдвига, а

люди начали испытывать на себе все «прелести» гиперпространственного путешествия. Картина звездного неба уступила место серому туману. Сэр Остин был на седьмом небе от счастья, и хлопотал у приборов, издавая пронзительные ликующие возгласы. Старик весь светился, когда заносил в свои таблицы очередную цифру или набрасывал на клочке бумаги головоломную формулу. «Сейчас он похож на суетливую курицу, — подумал Киннисон, — а на кота, сожравшего канарейку. Того и гляди замурлыкает...»

Люди потеряли счет времени. Разве можно было положиться на свои чувства или обычные приборы, странствуя... в гиперпространстве?.. интерпространстве? псевдопространстве? Какая разница...

Путешествие подходило к концу. Ворсел, дежуривший на захваченном судне, принял сигнал к посадке, нажал на переключатели и быстрее мысли перелетел к шлюзу. Пока велантиец, страдая от перегрузок, прорывался через густеющую атмосферу, Серый Ленсмен изучал картину, которая открывалась внизу.

Два солнца, одно — яростное, близкое, другое — бледное и далекое, освещали черные пространства застывшей лавы. Резкие угольные тени указывали на отсутствие атмосферы. В жерле вулканического кратера лежала крепость, недавно возведенная, но, вне всяких сомнений, оснащенная мощным вооружением. Ким разглядел купол центра управления, несколько кораблей на стоянке и блок, который, по его догадкам, вырабатывал загадочную энергию. Цитадель Боскома могла успешно противостоять вторжению извне; вздумай Киннисон таранить купол, он только разнес бы собственные защитные экраны. Другое дело — энергостанция. Ради нее люди и стремились сюда. Пока враг не опомнился, надо действовать.

Губительный луч прошил пространство — и на месте энергоблока забурлило озеро кипящей лавы. Затем луч перебежал на боскомианские дредноуты и превратил их в лужи расплавленного металла. Когда половина крепости обратилась в прах, враг опомнился и открыл огонь. Первый экран «Неустрашимого» рухнул под дьявольским натиском, второй еще сопротивлялся, но начал сдавать.

— Уносим ноги, Хен, — бросил ленсмен пилоту. — Устрой-ка им напоследок огненную баню!

Из дюз корабля вырвались языки пламени, затмившие сияние пылающего защитного экрана, и рейдер

Патруля исчез из поля зрения вражеских наблюдателей. Вскоре он достиг межгалактического пространства, и тут-то экипаж дал волю своим чувствам. Киннисон сгреб в охапку яростно сопротивляющегося Кардинга и закружился с ним в диком танце.

— Не потеряли ни одного человека, ни одного! — вопил он.

Затем ленсмен вытащил из кресла перед панелью управления улыбающегося Хендерсона и начал возиться с пилотом, пока не наткнулся на невозмутимого Ван Баскирка. Когда радостное возбуждение утихло, все взгляды обратились к навигаторам. Как выяснилось, вражеская база располагалась в стороне от Первой Галактики, но не в другой звездной системе, как опасался Киннисон, а в скоплении, оторвавшемся от нее. Поэтому обратный перелет обещал быть недолгим.

Сходство сэра Остина с сытым котом еще больше усилилось. Он предоставил своим многочисленным помощникам разбирать и упаковывать аппаратуру, а сам, плотоядно ухмыляясь, разыгрывал в уме сцену грядущего посрамления «этого осла Вайнгарда»...

* * *

— Так вот оно и было, — заключил свой доклад Хейнесу Серый Ленсмен. — Мы не оставили камня на камне. А если обнаружатся и другие гадючьи гнезда, ребята знают, что делать. Не пора ли мне вернуться к прежним занятиям?

— Может, и пора. — Хейнес лукаво улыбнулся. — Так пригодилась тебе помощь или лучше было действовать в одиночку?

— И мы с Ворселом чего-нибудь да стоим, сэр...

— Ладно, ладно... Не ершись.

И снова «Неустрашимый» нырнул в черную пустоту, на сей раз направляясь к Борове. Он нес видавший виды старательский бот и двух пассажиров — гибкого велантийца и рослого землянина.

— Боюсь, старина, что на этот раз тебе будет скучновато, — заметил Киннисон приятелю, беззаботно прислонившись к мощной колонне его хвоста. Его давно уже не смущали такие мелочи, как хвост или лишняя пара глаз. Ведь и земляне, на взгляд Ворсела, выглядели невероятно безобразными.

— Когда ты научишься думать, — снисходительно

отозвался велантиец и взмахнул хвостом, надеясь, что человек потеряет равновесие, — то поймешь, что две недели уединения, безмятежных и сосредоточенных размышлений — это редкое удовольствие. И они тем ценнее, что я буду на посту.

— Не очень-то ты похож на отшельника, — фыркнул Киннисон. — Но я рад за тебя.

Третий визит дикого Билла Уильямса на астероид Эфро не ознаменовался кутежами. Впрочем, и обитателям «Приюта старателя» было не до кутежей. Астероид гудел от слухов о баснословно богатых находках в системе Трессилии. Киннисон лучше других знал, откуда они поползли, потому что сам распускал их — ему нужен был предлог для визита на Трессилию III, где обосновался вражеский резидент.

Соблазн богатства, как всегда, превозмог искушение выпивкой и наркотиками, и старатели, снарядившись на скорую руку, устремлялись к звездному Клондайку. Это был не первый и не последний приступ «золотой лихорадки», и Стронгхерт с подручными относились к нему философски. Пока что они нагрели руки, взвинтив цены на снаряжение, а потом, глядишь, пчелки вернутся в улей с богатым взятком...

— И тебе не сидится на месте, Билл? — спросил Стронгхерт, скорее из вежливости.

— Что я, хуже других? — обиделся «старатель». — Если там есть металл, я его найду.

И ни один космический охотник не упрекнул бы его в хвастовстве. Уж Билл найдет, будьте уверены!

— Если это пустой звон, возвращайся, — настаивал торговец. — Наберешь на пару выпивок и — сюда!

— О чем речь, Стронгхерт, дружище, — басил ленсмен. — У тебя чудный кабак!

В системе Трессилии, в поясе астероидов, Билла Уильямса уже поджидала богатая находка. Он сам загодя выпустил в пространстве рукотворный метеор, нафаршированный драгоценными металлами. Конечно, Киннисон выловил его не в первый же день, и даже не в первую неделю — это было бы слишком, даже для дикого Билла. Его находка не должна была остаться без внимания Эдмунда Кроуншильда, важной персоны, не опускавшейся до общения со старателями.

В свое время, ремонтируя отказавший генератор Бергенхольма на пассажирском лайнере, Киннисон не стал отрицать, что дикий Билл Уильямс когда-то был

джентльменом. Об этом знали все и считали само собой разумеющимся, что, заполучив настоящее богатство, старатель забудет дорогу в жалкие вертепы ради таких дворцов греха, как отель «Корона на щите» на Трессилии.

И когда он доставил уникальную находку на станцию Патруля — не уступать же такое сокровище космическим грабителям? — и стал обладателем фантастического банковского счета, публика затаила дыхание, гадая, как он поведет себя. Казалось, вчерашнего старателя так и тянет удариться в один из тех загулов, которые снискали ему громкую славу. Но благоразумие взяло верх.

Прибыв на Трессилию, Дикий Билл первым делом подстригся. Он вспомнил о бритье. Маникюрши вычистили въевшуюся в кожу грязь и выхолили ногти. Космический волк обзавелся гардеробом, достойным джентльмена с Альдебарана, и носил его с природным изяществом. Он не бросил пить, но заказывал только отборные, дорогие напитки, для него довольно слабые. Ленсмен редко бывал трезв, но и никогда по-настоящему не пьянел. Теперь он избегал тех мест, где толкалась всякая шушера, — жил в лучших отелях, обедал в изысканных ресторанах, но упорно обходил стороной «Корону на щите». Это место словно не существовало для Уильяма Уильямса.

Изредка он — сама галантность — сопровождал какую-нибудь очаровательницу на ужин или в театр, но чаще появлялся один, холодный, аскетичный, чуточку скованный. Киннисон давал резкий отпор попыткам вовлечь его в развлечения «хорошего общества» и на все приглашения в «Корону на щите», из чьих бы уст эти приглашения ни исходили, отвечал отказом, не вдаваясь в объяснения. Наконец сам Кроуншильд встретился с ним, словно бы случайно.

— Почему вы не заглянете в мое заведение, мистер Уильямс? — сердечно спросил он.

— Что-то не хочется...

— Бросьте! К нам ходят все.

— Вы знаете, кто я, не так ли? — голос ленсмена обдавал холодом.

— Как же! Уильям Уильямс с Альдебарана II.

— Нет. Дикий Билл Уильямс, старатель. В «Короне на щите» не жалуют подобную публику. Неровен час, какой-нибудь чистоплюй начнет упражняться в остроумии. Придется размазать его по стенке, а потом удирать от Патруля. Слишком много хлопот.

— Так вот в чем дело! — расплылся в лучеразной улыбке Кроуншильд. — Действительно, наше общество вряд ли подойдет старателю. Но вы-то отошли от дел?.. И, знаете, кто старое помянет... Мы будем рады принять в свою компанию джентльмена с Альдебарана.

— Что ж, тогда я не прочь... Давно уже не общался с воспитанными людьми.

Вот как Серый Ленсмен позволил звильнику затащить себя в то место, куда так стремился.

Бывшего старателя окружили вежливым вниманием, но Киннисон не обманывался: его проверяют, пусть и не такими грубыми методами, как в «Приюте», — чужака не допустят запросто в региональную штаб-квартиру.

На первых порах ленсмен остерегался тионита, но, поскольку респектабельная публика не носила противотионитных затычек, он тоже пренебрег ими. Однажды вечером к нему подскочила смазливая девица с щепоткой пурпурного порошка в ладони. Серый Ленсмен тотчас понял, что это не тионти, но Уильям Уильямс не обладал его прозорливостью.

— Не желаете понюшку? — промурлыкала девица и швырнула порошок ему в лицо.

Уильямс резко присел, потом вскочил и отвесил девице пощечину. Оплеуха была скорее звонкой, чем увесистой, но за ней последовал толчок, и тело девицы перелетело в другой угол комнаты.

— Что это вы себе позволяете?! — встал на дыбы местный вышибала.

На этот раз ленсмен вложил в удар всю силу. Грузная туша шмякнулась об стену и безвольно сползла на пол. Точка удара была выбрана умело: верзила остался жив, но почти час не мог очухаться.

Все взгляды скрестились на Уильямсе, но тот и не думал бежать. Он принял боевую стойку и обвел публику ледяным взглядом:

— Ну, звильники поганые, кто следующий?

Его реплика резанула слух: слово «звильник» в этом обществе звучало страшнее брани и никогда не употреблялось. Но никто не попытался одернуть сквернослова. Может быть, воинственная поза или холодный блеск глаз отбили охоту, а может, не нашлось желающих заглянуть в дула знаменитых «деламатеров».

Глава 18

«КОРОНА НА ЩИТЕ»

Эдмунд Кроуншильд гневался. Затеянная им проверка экс-старателя обернулась сплошными неприятностями. И агенты с Эфро, и его собственные люди в один голос утверждали: парень чист. Дьявол, клиент, способный за один вечер выбросить четверть миллиона кредитов, вот-вот сорвется с крючка... Не вечно же он сможет сопротивляться тяге к алкоголю и наркотикам... И что, черт возьми, он держит в саквояже из индурита? Самый лучший мастер не смог вскрыть замок.

Размышления Кроуншильда прервал стук в дверь.

— Войдите! — пригласил хозяин «Короны» любезным до слащавости голосом, но, разглядев вошедшего, изменил тон: — А, это ты... Что выяснил?

— Дженис в порядке, а Кловису здорово досталось, до сих пор не пришел в себя. Вот это удар! У парня вместо кулаков кувалды.

— Он действительно был вооружен?

— Само собой! Типичная стойка стрелка. Уж нас-то не проведешь. Он бы всех уложил, стоило кому-нибудь потянуться за оружием.

— Ладно. Проваливай! И не пускай сюда никого, кроме Уильямса.

Когда ленсмен появился наконец в кабинете, весь его вид говорил, что он собрался в дорогу, даже саквояж прихватил. На лице мистера Уильямса было написано благородное негодование.

— Вы хотели меня видеть, Кроуншильд?

— Да, мистер Уильямс, я желал извиниться за случившееся. Однако, — в голосе его задребезжало раздражение, — не слишком ли резко вы ответили на... гм... милую шалость?

— Ничего себе шалость! — процедил мнимый уроженец Альдебарана. — Я не балуюсь тионитом, сэр. Нитролэйб, героин — еще куда ни шло. Я и сейчас подзаправился бенни, чтобы остыть... Но тионит — с ним ко мне лучше не соваться, костей не соберете.

— Полно, полно! Да и не тионит это был вовсе — мы его не держим. Мисс Картер — милая молодая леди.

— Откуда мне было знать, что это не тионит? А ваша вертихвостка пусть поучится хорошим манерам, а то ведет себя как звильница...

— Мистер Уильямс, пощадите мой слух!

— Коробит? А что так? Планетарная идиосинкразия? — Раздражение экс-старателя сменилось любопытством. — Ладно, прошу простить.

Кроуншильд ликовал. Он едва удержался от того, чтобы потереть руки: этот здоровяк с Альдебарана боится тионита, боится как черт ладана!..

— Кстати, мистер Уильямс, а почему здесь, в таком тихом отеле, вы носите оружие?

— С чего вы взяли?

— Ну... мне сказали...

Ленсмен сбросил плащ, потом снял пиджак и остался в рубашке из тончайшего полотна, сквозь которое просвечивали волосатая грудь и загорелая кожа плеч. Он шагнул к саквояжу, щелкнул замком и достал кожаную портупею с двумя «деламатерами». Надев портупею, мистер Уильямс снова облачился в пиджак и плащ и застегнулся на все пуговицы.

— Последние минуты в вашем заведении я проведу при оружии. Прощайте!

— Погодите, сэр... — пролепетал Кроуншильд. — Произошло недоразумение. Постойте... — И он разразился жалобной тирадой.

Киннисон позволил уговорить себя остаться, но с истинно альдебаранским упрямством не соглашался разоружиться. Он упирал на то, что джентльмен держит слово: «Я сказал, что буду носить стволы, пока не съеду, и не отступлюсь. Я могу убраться хоть сейчас, сэр, но не расстанусь с моими игрушками.»

И хотя мистер Уильямс никогда не хватался за оружие и никто не мог пожаловаться на его манеры, звильники чувствовали себя неуютно. Не помогало даже то, что сами они были вооружены до зубов.

Между тем джентльмен с Альдебарана отпустил поводья — налег на спиртное и бенни. Однако ни кому

не приходило в голову, что этот приступ слабоволия приурочен к тайному собранию звильников. Начав прикладываться к бутылке еще накануне, мистер Уильямс ударился в шумную попойку. Он набрался под завязку и потребовал свою дозу бенни. Потом скрюченное тело раздели и заботливо уложили на шелковые простыни, чтобы на сутки забыть о беспокойном госте.

И вновь дух мистера Уильямса незримо витал на сверхсекретном слете главарей наркобизнеса.

Как только ленсмен смог твердо держаться на ногах, он отыскал хозяина. Джентльмен с Альдебарана выглядел пристыженным.

— Я хочу принести свои извинения, — смиренно произнес Уильям Уильямс. Альдебаранский кодекс чести не усматривал большого греха в том, чтобы отшвырнуть девицу несерьезного поведения или послать в нокдаун вышибалу, но вульгарность, дурные манеры — фи! — Мне нечего сказать в свое оправдание. И чтобы избавить вас от неприятной обязанности выпроваживать меня, я уезжаю сам.

— Бог с вами, мистер Уильямс! Каждый может оступиться. У нас и в мыслях не было распрощаться с вами. — Кроуншильд не стал добавлять, что десять тысяч кредитов, которые экс-старатель спустил во время загула, оправдывают и худшие пригрешения.

— Вы очень любезны, сэр, но я никогда не смогу смотреть в глаза вам и другим гостям, — стоял на своем Уильямс. — Я дал слово стать джентльменом и сдержу его. Я решил сменить имя и исчезнуть.

И неумолимый мистер Уильямс отбыл, оставляя за собой шлейф кредитов, ведь Серого Ленсмена ожидал дальний перелет: отослав Ворсела на главную базу, он устремился за пределы земной галактики на розыски некоего Джалта. Он и не подозревал, что эта кандидатура сейчас обсуждалась столпами Боскома.

— Хороший исполнитель, не спорю, — говорил Девятый, — умный, хваткий. Но не чета нам, айхам! Еще Айх-Лан подумывал заменить Ха'Иссу, да все откладывал, пока не стало слишком поздно.

— Уважаемый собрат, — начал Первый, — кажется, забыл, что наша база была построена на планете, непригодной для обитания айхов. На ее сооружение ушли годы, но никто из нас не смог бы работать в этом аду. И, при всем уважении к Айх-Лану, даже он не смог бы спасти базу. На Джалта можно поло-

житься. Похоже, он приостановил продвижение Патруля...

— То-то и оно, что «похоже»! — съязвил мрачный голос.

— Позвольте, — возмутился Первый. — Ни один из наших наблюдателей не нашел следов деятельности этого надоедливого ленсмена. Что до рейда через гиперпространственный туннель, так этот успех следует приписать их физикам и математикам. Наверно, мы поторопились, доверив столь важный проект союзникам с Дельгона... Что касается Джалта, то он сейчас занимается сооружением новой базы.

— А я по-прежнему настаиваю, что там должны работать айхи, — горячился Девятый. — Это главная штаб-квартира, центр завоевания и ядро новой военной структуры. Нельзя подвергать ее риску.

— И вы, конечно, будете рады взять под свою команду это важное укрепление, укомплектовать его персонал и поджидать Патруль?

— Я, разумеется... впрочем... нет, — выдавил из себя Девятый. — Я принесу больше пользы здесь.

— Полагаю, мы все так думаем, — цинично отозвался Первый. — Я бы с удовольствием встретил ленсмена здесь, но на другой планете — нет. Изменение стратегии лишь ослабит нас. Джалт полон энергии, предупрежден о возможности вторжения и получит любую помощь.

Тем временем черный катер-невидимка Киннисона подлетел к звездному скоплению. Подступы к базе бдительно охранялись вибрационными и электромагнитными датчиками, однако создатели катера предусмотрели и не такое, и ленсмен легко проскользнул через расставленную сеть. Скользя в тени планеты, он мысленно нащупал ментальные экраны, прошел сквозь них и завис над поверхностью, наблюдая.

Это царство смерти когда-то было прекрасным миром. Озера лавы и шлака разлились на месте городов. И теперь уже не узнать, какие леса тут шумели и какие существа населяли планету. Огромное черное кладбище... А там что? База!

Массивный вал окружал участок площадью триста квадратных миль. Конфигурация сооружений была знакома Киннисону — нечто подобное он видел в цитадели Ха'Иссы. Центральный купол достигал колоссальных размеров. Как же туда пробраться? Вокруг крепости

лежали поля застывшей лавы, ослепительно сверкающей в лучах прожекторов. И, конечно же, все это пространство отлично просматривается... Часовые, фотодатчики... Ни по воздуху, ни по земле не подкрадешься. А под землей? Должны же они откуда-то брать воду и куда-то сбрасывать отходы... Минуточку, вот река. Не поискать ли коллектор? Ага, вот и он. Кстати, там поблизости над рекой нависает черная скала — она скроет катер. Вряд ли его обнаружат: коренные обитатели выбиты до одного, а те, кто засел в крепости, не торопятся прогуляться по пепелищу.

Укрыв свое судно, Киннисон, облаченный в специальный скафандр, который позволял не бояться датчиков, вступил в медленный поток и поплыл против течения до устья коллектора. В воде двигатели костюма работали хуже, чем в воздухе или вакууме, но ленсмен не торопился. Рано или поздно он окажется под крепостью.

Постепенно коллектор начал сужаться, стали попадаться отводы меньшего диаметра. К счастью, труба, которая, по его предположениям, шла к куполу, оказалась достаточно широкой. По пути ему попался заброшенный люк, и Киннисон, упираясь руками и ногами в его стенки, начал мучительное восхождение.

Наверху он постарался переложить основную нагрузку на мышцы спины и прислушался. Ни шагов, ни звука голосов поблизости. Ленсмен осторожно приподнял крышку — ни души поблизости. Крышка снова поползла вверх...

Огневых постов не меньше, чем на базе Ха'Иссы. Дежурные операторы не спускают пальца с кнопки — по первому сигналу испепелят... А вот контрольных экранов маловато... Кабинеты, кабинеты, стеллажи с документами... Как же, здесь сплетают паутину для целой галактики... А вот и центральный пульт и его хозяин... Мистер Джалт, надо полагать... Что это за штука поблескивает рядом с его столом? Энергетический шар — межгалактический коммуникатор Боскома! Что ж, подождем, пока эта штука заработает, а пока займемся стеллажами, благо они не защищены ментальными экранами.

Черт, шар ожил. Скорей бы нащупать частоту! Так... Кажется, поймал. Годовой оборот, новый сектор сбыта, проблемы персонала — ничего нового, заурядный деловой разговор... Вот только имя собеседника — Айх-Мил... Какое отношение он имеет к Боскому?

— Из ваших слов я заключаю, что этот ленсмен ничего не добился, — передавал Айх-Мил.

— По крайней мере, мы ничего не обнаружили, — осторожно ответил Джалт.

А «этот ленсмен» с трудом удерживался от смеха, скорчившись в своем неуютном убежище.

— Ленсмены все еще околачиваются на базе Прелина, в Каминохе. Люди и прочие гуманоиды. Мы всех тщательно проверяем: вдруг попадется тот, кто нам нужен, — сообщил Джалт, но тут связь прервалась.

Ленсмен заскучал. Как бы покопаться в мозгах этого парня? Персонал базы? Все с экранами и чертовски осторожны. Ни собак, ни кошек... Правда, летает несколько птиц... Нет, не пойдет... И дурак сообразит, что птица не станет ни с того ни с сего долбить клювом генератор защитного поля. Паук... Кто обратит внимание на паука, но есть ли у него разум? Посмотрим. Почти безнадежно: ни тени мысли, ярость и жажда крови... Жажда крови, добыча?.. Ползи, дружок, тебя ждет большая добыча... Каким странным все представляется этим фасеточным глазам... Ползи! Кровь! Кровь!

Насекомое спустилось на паутинке к поясу Джалта. Клавиша пульта управления громоздилась перед ним, как Гибралтарская скала. Паук вскарабкался на нее и начал исследовать огромное сооружение пульта. Киннисон погнал его к сетке. Тончайшие нити для насекомого были канатом. Но обещание крови будоражило, и челюсти паука перекусили волосок в месте крепления. Сетка провисла, коснулась металлической основы, и ментальный экран исчез...

Итак, посмотрим. Айх-Мил — шеф Джалта. Это и так было ясно. Резиденция Айх-Мила в другой галактике, на планете Ярневан. Джалт бывал там. Направление... Координаты... Айх-Мил говорил от имени Боскома...

Так... Боском... совет... Возможно, совет айхов, жителей Ярневана... Память Джалта хранила образы холоднокровных разумных рептилий. Отвратительные твари! Айх-Мил точно знает, что такое Боском... Джалт не знает...

Киннисон покинул его мозг так же незаметно, как и проник в него. Напоследок он привлек внимание маленького союзника к семейству личинок, забившихся в крышку люка. Долги надо платить.

Направляя свой катер к Земле, он хмурился. До

победы еще очень далеко. Теперь — Ярневан, другая галактика... Лететь туда одному? Нет, лучше прихватить с собой Ворсела. Добрый старый дракон! Поможет скоротать дорогу... Да и прием в конце пути их ждет неласковый.

Глава 19

РАЗГРОМ ПРЕЛИНА

— Прежде чем ты снова отправишься куда-нибудь, надо уничтожить гнездо Прелина на Бронсеке, — решительно заявил Хейнес Киннисону. — Позволив им высунуть нос, мы вызвали целый скандал; теперь вся Галактика считает, что Патруль сдает позиции. Нельзя этого стерпеть! Как ты думаешь, когда следует начать операцию? Знаешь, что они выкинули?

— Нет, а что?

— Свернули все дела. Мы следили за ними — почти не скрываясь, и так пристально, что никакие, даже самые тайные их действия, не могли ускользнуть от нас; мы держали под контролем все их средства связи, все сообщения, донесения и прочее, так что им пришлось полностью затаиться в своем филиале на Бронсеке. «Неблагоприятные условия» — так они это называют. Заперты они плотно — все коммуникационные связи отрезаны.

— Хмм... Тогда, конечно, следует действовать немедленно, но при этом постараться все же не причинить им особого вреда. Пусть Боском полагает, что и стратегия у нас подкачала, и сил не хватило разбить их полностью.

— Не все так просто, легкой прогулкой тут не отделаешься.

— Ну, почему же?

— А ты обратил внимание на форму зданий, образующих территорию базы?

— Помнится, они цилиндрические, — несколько оза-

даченно ответил Киннисон. — За ними, конечно, скрывается многое, но не могут же...

— Боюсь, что могут. Я изучил строительные чертежи этой цитадели, возведенной десять лет назад. Вся документация в порядке, все разрешения получены, но есть одна маленькая деталь: никто не знает, построен ли комплекс по официальному плану или по другому.

— Клянусь хвостом Клоно! — изумился Киннисон. — Разве такое может быть, адмирал? И где же, по-вашему, в этой цепи — инспектор-проектировщики-подрядчики-рабочие — произошло нарушение?

— Инспектор, курирующий строительство, получив деньги, ушел в отставку, исчез, и больше его никто никогда не видел. Никто не смог найти ни одного проектировщика или рабочего, непосредственно занятого на стройке. Со времени завершения работ там не было никого из чужих, что, вообще говоря, неудивительно: Каминох, как и многие другие города, имеет своих собственных инспекторов и не терпит никакого постороннего вмешательства.

— Значит, вы думаете, что комплекс серьезно укреплен?

— Уверен. Это не деловой центр, а настоящая крепость. Поэтому уже несколько месяцев мы проводим постепенную, но полную эвакуацию города.

— Потрясающе! — изумление Киннисона росло с каждой минутой. — Но предприятия, службы, сооружения... Какие расходы!

— Что поделаешь... законы военного времени. Патруль вводит их в исключительных случаях, ты ведь знаешь. Для людей созданы прекрасные временные поселения, им выплачена компенсация. Средства у нас есть. Если понадобится, мы заплатим и за перенос целого города, лишь бы обезвредить боскомианскую базу.

— Ну и дела! Да, жителям там лучше не находиться, когда вы начнете действовать.

— Будь уверен, мы не станем разрушать город без крайней необходимости. Мое дело — уничтожить базу, слишком долго она мозолит нам глаза.

— Надеюсь, вы не собираетесь уничтожать всю планету?

— Нет. Это ведь не база первого класса, хотя и достаточно большое сооружение, но мы выжжем все вокруг на достаточную глубину, чтобы полностью искоренить источник заразы... камня на камне не оставим!

Хейнес нажал кнопку коммуникатора.

— Свяжите меня с сектором девятнадцать! — Когда на экране возникло покрытое шрамами лицо старого ленсмена, он распорядился: — Теперь можешь заняться Каминохом, Паркер! В твоем распоряжении двенадцать крейсеров, около пятидесяти генераторов для создания барьерных экранов и любое мыслимое оборудование. Необходимо проверить всю аппаратуру и позаботиться о том, чтобы обеспечить хорошую точность поражения, так как мы не хотим разрушать лишнее. Я перебираюсь на «Неустрашимый».

Насмешливо вскинув бровь, Хейнес взглянул на Кинисона.

— Ну, у меня будто камень с души свалился: решено — пронаблюдаю за операцией сам. «Неустрашимый» — надежный корабль и быстро доставит нас куда надо. У тебя есть время отправиться вместе со мной?

— Найдется. Это ведь более или менее по пути к туманности Ландмарка.

* * *

И вот, оставив позади десятки солнечных систем, «Неустрашимый» вырвался в пространство над Бронсекой. К этому времени на планету уже приземлились новые крейсера Патруля — огромные летающие крепости; прибыли и транспортные корабли, доставившие все необходимое для штурма цитадели, и теперь вокруг столицы кипела работа.

Наконец, подготовка была закончена, и тяжелая боевая техника двинулась по пустынным улицам Каминоха, покинутого жителями, медленно стягиваясь к базе Прелина.

А что же происходило на базе? О чем думали боскомиане, наблюдая за действиями Патруля? Что собирались предпринять? Сначала, когда флот Патруля еще только приближался к планете, можно было спастись бегством, но боскомиане тогда не сомневались в неприступности своей цитадели. Даже теперь, столкнувшись с реальной мощью наступательных сил противника, они верили в свою неуязвимость и не собирались сдавать позиции. Однако они пока не предпринимали никаких шагов, не желая бессмысленно тратить энергию, и затаились в ожидании.

Тем временем генераторы барьерных экранов, плотной стеной оцепившие базу, были приведены в действие, и мощное защитное поле накрыло крепость невидимым колпаком, чтобы яростные потоки энергии, которые вскоре начнут бушевать здесь, не хлынули на город и не разрушили его.

За пределами защитного колпака расположились люди в защитных комбинезонах, в любой момент готовые пойти на штурм; в небе высоко над крепостью заняли боевые позиции крейсера.

Адмирал Хейнес лично руководил осадой цитадели, словно она являлась одной из основных баз противника, и тому были свои причины: он знал, что где-то, надежно укрытые и недоступные, четверо боскомианских наблюдателей внимательно следят за событиями на Бронсеке, фиксируя все детали происходящего. Он хотел, чтобы глава Боскома, кем бы он ни был и где бы не находился, понял, что, когда Галактический Патруль за что-то берется, он доводит дело до конца.

Адмирал отдал приказ — и сразу тысячи излучателей направили мощные потоки энергии на стены вражеской цитадели. Кирпич и бетон, сталь и стекло — все мгновенно оплавилось и потекло, превратившись в раскаленную жидкую лаву, открыв глазам нападающих, что внутреннее пространство крепости надежно защищено барьерными экранами боскомиан. И эти экраны пока держались, несмотря на совместные удары крейсеров сверху и излучателей с поверхности. Потоки энергии, натыкаясь на них, уходили в почву.

Цитадель была прекрасно приспособлена не только для обороны. Понимая, что битва идет не на жизнь, а на смерть, что на карту поставлена вся их деятельность здесь, на Бронсеке, защитники крепости, в свою очередь, нанесли противнику мощный ответный удар. Пять лучей ударили одновременно — и пять генераторов защитных полей Патруля вспыхнули, как факелы, ослепив людей на мгновение фиолетовым пламенем, затем погасли и почернели.

Это оказались совсем не те маломощные излучатели, которые, по данным Хейнеса, были на вооружении у боскомиан, а мощная космическая артиллерия! За долю секунды были уничтожены тягачи, и разрушительные лучи устремились к станциям дистанционного управления.

Но атака Патруля не захлебнулась, массивные кре-

постные сооружения из стали и бетона превращались в огненные факелы, хотя вражеские лучи наносили страшный урон.

— Всем станциям управления защитными экранами отойти назад! Быстро! — скомандовал Хейнес. — Установить генераторы на максимальный режим, пока не выйдете из зоны поражения! Операторы, сообщите, обнаружены ли вражеские наблюдатели, корректирующие огонь!

Нападающие отступили на достаточно большое расстояние, но боскомианские лучи упорно старались достать их. Генераторы раскалились добела, но охлаждающие установки одна за другой выходили из строя. Кругом царил ад. Море огня разрасталось с каждой секундой, пожирая здания, технику, людей; казалось, пылала сама земля.

И вот уже один за другим потоки огня устремились на город, расчерчивая столицу Бронсеки огненными шнурами.

— Крейсера, вниз! — приказал Хейнес. — Так низко, чтобы ваши экраны коснулись почвы. Не обращайте внимания на повреждения: если мы не остановим эти лучи, они сожгут весь город. Окружить базу!

Корабли пошли вниз, построившись в круг, их супермощные барьерные экраны, перекрывая друг друга, уткнулись в землю. Теперь все, что находилось снаружи этого кольца, оказалось в безопасности. Всей мощности базы Прелина не хватило, чтобы пробить эту защиту.

Теперь адский огонь с удвоенной силой забушевал внутри кольца, но поскольку внутренние экраны защитников пока выдерживали натиск огня, вся излучаемая энергия билась в замкнутом пространстве.

— Выжечь под ними землю! — последовал приказ, и вниз устремились пучки сияющих лучей.

Почва превратилась в озеро бурлящей лавы. Оно кипело и пузырилось, принимая новые удары энергии, и цилиндрические небоскребы оседали и таяли в нем. Медленно, очень медленно центральное здание, построенное из неимоверно прочного материала, наклонилось и рухнуло, распластавшись по огненному ковру; затем раздался чудовищный взрыв, и крепость Прелина перестала существовать.

— Ну, вот и все, — медленно произнес адмирал Хейнес. Лицо его хранило сосредоточенно-мрачное выражение, когда он рассматривал на экране город, центр

которого лежал в развалинах. — Хендерсон, садимся в космопорте Каминоха — если там еще можно сесть.

* * *

Из четырех других городов Бронсеки поднялись четыре небольших корабля с наблюдателями Боскома на борту. Эти люди рады были убраться подальше из мира, где земля горела у них под ногами. Они не знали друг друга, но направились к одной точке, в один и тот же район Галактики, где Джалт заканчивал оборудование своей цитадели. От него весть о разгроме ушла дальше — в туманность Ландмарка, на планету Ярневан, к владыкам Боскома.

Глава 20

КАТАСТРОФА

Невидимый для локаторов врага космокатер с Киннисоном и Ворселом на борту проник в неизведанное пространство, Терра Инкогнита чужой галактики, и, достигнув солнечной системы айхов, сбросил скорость почти до нуля.

Ярневан был пятым от светила; холодная планета, атмосфера которой не годилась для дышащих кислородом существ. Этот мир медленно вращался вокруг своей оси, и день здесь был равен году. Населявшие Ярневан существа обитали на темной стороне и, если и обладали глазами, вряд ли воспринимали видимый для человека свет. Как они выглядели, оставалось для ленсмена загадкой. В мозгу Джалта при воспоминании об айхах всплывало только размытое серое пятно.

И чем ближе становилась цель, тем больше власти захватывал над Киннисоном темный животный ужас, поднимающийся из самых глубин души. Он был сродни болезни: вызывал озноб, тошноту, бросал в липкий холодный пот. Ленсмену и раньше случалось попадать в переделки, балансировать на краю пропасти, но рядом

были друзья и он знал врага в лицо. Наверное, эта анонимность смерти, поджидающей в своем логове, и заставляла болезненно сжиматься внутренности, превращала кости в подобие резиновых трубок.

— Я тоже в ужасе, — признался Ворсел. — Однако у меня есть перед тобой одно преимущество: я уже испытывал такое. — Велантиец говорил о своем рейде на Дельгон, из которого не надеялся вернуться живым. — Предначертанного судьбой не минуешь. Мы должны быть готовы ко всему.

Много часов они провели в спорах, но так и не нашли способов уберечь себя, а потому решили позаботиться, чтобы возможный провал Серого Ленсмена не стал катастрофой для Патруля. Велантиец слил свой разум с разумом друга и погрузил Киннисона в глубокий сон, чтобы работать с податливым спящим мозгом.

— Как только мы расстанемся, Ким, — объяснял Ворсел очнувшемуся приятелю, — отдельные участки твоей памяти будут надежно блокированы. Сколько бы они ни копались в твоем сознании или подсознании, сколько бы ни пичкали «сывороткой правды», ничего не выйдет наружу — пока я не сниму запрет. Я подменил даже твои воспоминания...

Киннисон недоверчиво уставился на велантийца:

— Ты уверен, что сделал это? Я ничего не чувствую. — Серый Ленсмен и сам нередко вторгался в чужое сознание и перекраивал его, но можно ли такое совершить с ним? Он усомнился.

— Значит, я хорошо справился с работой.

Катер нырнул вниз и понесся к поверхности планеты. И нервы ленсменов, и тела напоминали сейчас натянутую тетиву. Они опасались, что таинственные существа внизу ощущают их приближение так же ясно, как если бы корабль садился открыто, мигая опознавательными огнями и оглашая воздух ревом двигателей, и были готовы в любой момент повернуть назад. Но ничего не происходило. Они миновали защитные экраны и, отключив почти всю аппаратуру, даже противоперегрузочные устройства, сели. Опять ничего... Тогда они рискнули покинуть борт корабля.

Их план был предельно прост: Ворсел сопровождает Киннисона до ментальных экранов купола, тот пытается раздобыть информацию и передать ее другу, а велантиец должен доставить сведения на Землю. Если

Серый Ленсмен сумеет выбраться из передряги, отлично. А нет...

— Запомни, Ворсел, что бы ни случилось, оставайся снаружи. Не вздумай идти за мной! Принимай, запоминай, записывай все, что я раздобуду, но при первом намеке на опасность уноси ноги. Понял?

— Понял, — спокойно согласился Ворсел. Он уступал другу бремя опасности не по слабости — он признавал превосходство Киннисона.

Приятели распрощались, и не успел Серый Ленсмен сделать несколько шагов, как три четверти его памяти бесследно стерлось, чтобы уступить место иным воспоминаниям. Киннисон обрел новое «я», даже другое имя.

Линза, однако, осталась при нем. Айхи все равно не поверили бы, что обычный смертный способен добраться до них. Кроме того, это должно было убедить их, что пришелец беспомощен без Линзы, и работало на его «легенду».

По пути ленсмен успешно избежал нескольких ловушек: незванных гостей поджидали искусно замаскированные провалы, диковинные механизмы, вмонтированные в стены, фотодатчики, сети... Но стоило решиться на робкую ментальную посылку, как гибкие стальные тросы метнулись к нему быстрее змеи. Киннисон успел выхватить излучатели, но холод стальных объятий уже сковывал его предплечья, локти. Оружие выпало из онемевших пальцев, и вскоре тело ленсмена плотно спеленали и втянули в мрачную камеру, загроможденную механизмами, от одного вида которых кровь стыла в жилах. А в зале, где вершились дела Боскома, зажужжал коммуникатор.

— А! — воскликнул Айх-Мил. — Гость прибыл и ожидает нас в камере допросов.

И немного погодя перед Киннисоном предстали девять айхов в специальных костюмах, оберегающих от губительного кислорода, и дельгонианин — один из последних, оставшихся в живых. Всех их защищали ментальные экраны.

— Землянин! — выступил вперед Первый. — Мы давно ожидали тебя...

— Меня?! — удивился Киннисон. — Я только-только вступил в Патруль. Получил первое задание и вот... завалил его, — горестно закончил он.

Айхи не могли скрыть изумления.

— Он лжет, — решил Айх-Мил. — Дельгонианин,

стяни с него скафандр, сними экран и поройся в мозгах!

Но и зондирование подтверждало: человек не лжет. То обстоятельство, что он легко изъясняется на чужом языке, никого не удивило. Это было доступно всем ленсменам.

По совету Девятого, авторитета в области психологии чужака напичкали наркотиком, который развязывал язык любому теплокровному и дышащему кислородом существу. Но и в бреду допрашиваемый называл себя Филипом Морганом и весьма скромно оценивал свои ментальные способности.

Снова призвали на помощь дельгонианина, и два разума сошлись в поединке. Хотя Киннисон не представлял, какой правды от него добиваются, он не утратил всей ментальной мощи и показал себя достойным противником.

— Прекратить! — последовала команда. — Землянин, что случилось?

— Ничего, — искренне ответил ленсмен. — Ни один из нас не может одолеть другого.

При этих словах айхи отключили свои экраны; раз уж ленсмен неспособен подчинить себе тварь с Дельгона, он не страшен для объединенного разума Совета Девяти, и можно не утомлять себя медлительной устной речью. Мысли противника обрушились со всех сторон на мозг Киннисона. Он едва успевал отвечать.

Ментальная сила? Он получил ее совсем недавно. Был послан на Аризию, там его погрузили в сон и наделили силой. Что она собой представляет? А бог ее знает... Гипноз, наверное... В этом только психологи разбираются. «Британия»? Какая «Британия»? Корабль? Говорили что-то, когда он был кадетом. Судно-госпиталь? А бывают и такие? Чудеса! Кто-то пронюхал про базу Ха'Иссы и отравил атмосферу тионитом? А кто этот Ха'Исса? Чья база? Нет, на базах Патруля никогда не ловили шпионов. Во всяком случае, на его памяти. Медон, Медон... а где это? Нет, имена Бомингер и Прелин ему ничего не говорят. Новое оружие! Это не по его части — он психолог, а не физик или инженер. Нет, пользоваться «деламатерами» не доводилось, слышал о них, конечно...

— Хватит! — рявкнул Айх-Мил. — Прекратите задавать ему вопросы! Мне надоело слушать, чего он не знает. — И Первый обратился к узнику: — Рассказывай,

как ты работаешь. Быть может, это выведет нас на кого-нибудь покрупнее.

Ленсменов сотни, рассказывал пленник, и каждый занимается своим направлением. Никто из них не знает, от кого получает распоряжения, не знает даже имени, только символ — Звезда-А-звезда. Приказ передается с помощью Линзы и достигает любой точки пространства. Так же и докладывают об исполнении. Да, его руководитель знает, что с ним тут происходит. Он постоянно сообщал...

Нож опустился резко и яростно; сильной струей хлынула кровь. Правда, рану быстро, хотя и грубо перевязали — айхи не спешили убивать пленника, пока...

В то самое мгновение, когда Киннисон лишился Линзы, Ворсел, притаившийся в укромном месте, протянул мысленный луч к разуму друга, поставив на карту собственную жизнь. Он сразу ощутил присутствие дельфинианина, и слепой ужас жертвы, унаследованный от предков, заставил передернуться все его тело. Из обитателей Вселенной дельфиниане лучше всех улавливали излучение мозга белаитийцев. Ворсел по возможности сузил мысленный луч, выбрал частоту, далекую от той, которой пользовались враги, и продолжал наблюдение. Если Киннисона не удастся спасти, его гибель не будет напрасной.

— Можешь ли ты, землянин, — продолжался допрос, — связаться со своими руководителями теперь?

— Нет.

— Хорошо. Ему пока рано знать, чем закончится попытка шпионить за Боскомом.

Киннисон невольно вздрогнул. Он и сам не понимал, отчего слова айха так взволновали его. Зато Ворсел понял. Работа Серого Ленсмена почти завершена. Осталось разрушить эту планету и сокрушить мощь Боскома. Теперь Киннисон мог умереть.

Однако Ворсел не помышлял об отлете. Пока оставалась хоть искра надежды, хоть один путь к отступлению, он не собирался трогаться с места. А безжалостное следствие продолжалось.

Его послали, сообщил пленник, обследовать планету и выяснить, не связаны ли ее обитатели с организацией звильников. Он прибыл один, в космокатере. Нет, он даже приблизительно не может сообщить, где оставил судно. Было очень темно, потом он шел, шел... впрочем, скоро корабль начнет автоматически подавать сигналы, по которым его легко обнаружить.

— Но ты же должен хоть что-то знать о своем шефе! — не отступал Айх-Мил.

Теперь Первый отчаянно хотел заполучить того, кто управлял Филипом Морганом. Айхи охотно поверили в существование этого мифического руководителя, потому что идея иерархии казалась им идеалом организации управления. Да, они соглашались, что обнаружить шефа будет трудно, и не настаивали на фактах, готовые довольствоваться догадками и предположениями.

Пленник неохотно сознался, что и ему было любопытно, кто им управляет и откуда. Но Линза не устройство направленного действия, и сигналы, находившие его в разных уголках Галактики, всегда были одинаково мощными. Здесь, правда, они слабее. Наверное, резиденция шефа находится в каком-то звездном скоплении по направлению зенита или надира.

Человек едва шевелил потрескавшимися губами, и восемь членов Совета удалились. Возле узника остались дельгонианин и Айх-Мил.

— Убогая у вас фантазия, Айх-Мил, — прогнусавил бывший Владыка.

— Отчего же, — обиделся Первый. — Ослепить, раздробить кости, освежевать живьем и послать останки его хозяевам — пусть поостерегутся совать нос в эту галактику. Чем плохо?

— Вам, айхам, не хватает утонченности. Вы пренебрегаете особенностями индивидуума или расы. Например, худшим наказанием для людей будет возвратить им этого Филипа Моргана живым.

— Он должен поплатиться!

— Вы меня неправильно поняли. Когда я говорю «живой», это значит всего лишь «не мертвый». Переломать кости? Да. Ослепить? Разумеется. Но все это мелко, примитивно. Ах, почему нельзя воспользоваться одним из этих чудес механики? Увы, они не оставляют шансов выжить. На худой конец я могу растянуть его на дыбе, извлечь из него жизненную силу и насытиться ею — вы знаете, для нас нет ничего слаще. Конечно, я оставлю ему капельку — для скудного животного существования. Затем положу его физическую оболочку в космический корабль и отправлю в сторону Земли с посланием для Патруля.

— Но он останется жив! — взорвался Айх-Мил.

— Вот именно! Что хуже: найти труп, пусть расчлененный, и похоронить его с величайшими почестями, или

обнаружить калеку, полуидиота, обреченного еще бог знает сколько влачить жалкое существование? Представляете их чувства, когда придется ампутировать все четыре конечности, чтобы сохранить ему жизнь?

Продолжая разглагольствовать, дельгонианин нажал на кнопку небольшого механизма в центре камеры. Ворсел обмер, заледенев от ужаса. Почему он не попытался освободить Кима? Теперь уже поздно...

— Я установил экраны вокруг камеры, — продолжал дельгонианин, — чтобы мои соплеменники не позарились на лакомый кусочек. Тут и делать-то нечего. Может, у вас есть свои идеи?

— Нет, — брезгливо отмахнулся Айх-Мил. — Пытки — твое ремесло.

— Больше чем ремесло — искусство, древнее, отточенное поколениями. Хотите насладиться зрелищем того, как будут дробиться его кости?

— Я не ломаю костей для удовольствия, — буркнул айх. — Проучи его, и пусть Патруль получит предупреждение.

Стоит ли описывать то, что происходило в камере пыток в следующие два часа? Сам Киннисон впоследствии на все расспросы журналистов отвечал так:

— Я сумел тогда блокировать нервные узлы и болевые центры и не могу сказать, что эта суета беспокоила меня. Но я понимал, что он со мной делает и страдал. Это было не смешно. Думаю, ваши читатели ничего не потеряют, если не узнают об этом.

Ненависть к палачу жгла Киннисона и толкнула его на поступок, который не преследовал далекоидущих целей, а просто давал выход жажде мести. Ленсмен решил любой ценой снять ментальный экран. Он вспомнил свой последний опыт такого рода и обвел глазами камеру. Казалось, рассчитывать ему не на что, но тут его взгляд наткнулся на сток для крови. Дренажные трубы... Наверняка, камера пыток часто оглашается воплями жертв, значит, в трубах жиреют черви.

Выбрав самого длинного и жирного червя, Киннисон настроился на его ментальный уровень. То, что он уловил, заставило его пожалеть о попытке; и все-таки даже это аморфное, студенистое «эго» отзывалось на обещание пищи. Червяк достиг генератора поля, когда дельгонианин приводил в действие ножи аппарата, который должен был изъять из человека все, что делало его таковым. Обвив один конец тела вокруг подходящей опоры, посланец

Киннисона другим концом, как петлей, схватился за небольшой тумблер. Конвульсивное сокращение мышц, щелчок тумблера — и ментального барьера как не бывало. Слабый звук заставил Владыку замешкаться, и тут выходка Кима, получившего мрачное удовлетворение, какое испытывает мальчишка, подсунув ужа в портфель ненавистного учителя, принесла неожиданные плоды. Ментальная энергия, которую Ворсел тщетно обрушивал на экран, теперь проникла в камеру, и Киннисон снова стал самим собой; в следующее мгновение два самых мощных во всей Лиге Миров разума бросились в атаку. Ничто во вселенной, кроме разве что объединенного мозга Аризии, не могло устоять в этой яростной схватке. Теперь сознание монстра, наполовину выжженное, повиновалось приказам ленсменов.

— Айх-Мил? — произнес Владыка в коммуникатор. — Хотите взглянуть на результаты?

— Нет, — бросил Первый, привыкший доверять подчиненным, которых считал компетентными. Наверное, глава Боскома поколебался бы, если б видел, как дельгонианин осторожно снял с пульта червя и с материнской нежностью положил его на грязное кровяное пятно — туда, где было много любимой червем пищи. Затем он поднял искромсанное нечто, еще недавнобывшее телом сильного молодого мужчины, упаковал его в скафандр, а потом натянул свой собственный.

— Прикажите, чтобы меня выпустили, — пробурчал он в коммуникатор. — Я погружу его останки в корабль и пошлю на Землю.

— Ты найдешь его катер?

— Если он мог, почему я не найду?

Одновременно с этим разговором вслух Ворсел медленно беседовал с Киннисоном:

— Ты можешь управлять им один, Ким? Дотянешь до катера?

— Да.

— Тогда я пойду вперед, чтобы не попасться на глаза айхам, если они решат последить за ним.

Дельгонианин заботливо доставил тело жертвы к черному суденышку и осторожно устроил его внутри. Корабль взлетел, а Владыка побрел назад, к куполу, исполненный сознания выполненного долга. Он даже воображал, что отведал жизненной силы ленсмена.

— Почему я не разорвал его на кусочки! — вздохнул Ворсел.

— Он еще получит свое, дружище. Ты ведь все записал? А то я, кажется, не смогу больше блокировать болевые центры... Мне плохо...

Он потерял сознание и большую часть пути не приходил в себя, словно оскорбленная природа взяла наконец свое.

Ворсел отослал сообщение на Землю и принялся хлопотать возле спутника: перевязал страшные раны, вправил почти выпавшие из впадин глаза, утолил жажду. Он ввел раненому болеутоляющее, опасаясь, что и его выносливости есть предел. Однако велантиец ничего не мог сделать с теми ошметками, в которые превратились конечности Киннисона после кошмарных пыток.

Глава 21

АМПУТАЦИЯ

Когда отчаянный вызов Ворсела достиг Земли, адмирал Хейнес бросил все дела, чтобы самому принять доклад. Довольная улыбка играла на губах старика, когда он слушал сообщения об успехе миссии. Но вскоре уголки его рта поползли вниз, а на лбу пролегли глубокие морщины.

— Вас преследовали?

— Нет, я бы заметил.

— Что же, мы наведаемся к ним, и не с пустыми руками... Не дай ему умереть, Ворсел! Мы скоро встретимся.

Не в правилах адмирала было оставлять свой беспокойный пост, но сейчас Хейнес не смог усидеть на месте. И через пятнадцать минут после сеанса связи «Неустрашимый» взял курс на туманность Ландмарка, откуда пришла весточка. Вместе с адмиралом летел доктор Лейси.

А с другого конца Галактики к месту предполагаемой встречи спешила флотилия судов, близнецов «Неустрашимого», которую вызвал Хейнес. Среди них был космический госпиталь.

Звезды редели, Млечный Путь уже остался позади. Приближалось мгновение встречи. Опасаясь разминуться с крошечным суденышком-невидимкой, Хейнес приказал ленсмену-велантийцу вызвать Ворсела (велантийцы славились своими ментальными способностями.) Ворсел сообщил, что уже видит флот на своих экранах и попросил сбросить скорость. Тем не менее вышло так, что Лейси первым попал на борт «Пастера» — летающего госпиталя. Ворсел же все еще боролся с перегрузками, пытаясь погасить скорость космокатера.

В кабинете главного врача хирурга поджидала Кларисса Мак-Дугал. Щегольская белая шапочка, как всегда, была чуть сдвинута набок, из-под нее выбивались непокорные пламенеющие пряди. Лицо светилось спокойным доброжелательством. Деловитая, подтянутая... «Кларисса любит поважничать», — подшучивал над ней Киннисон.

— Рада видеть вас, доктор! Это немного... — она не договорила, удивленная выражением лица собеседника.

Лейси проклинал роковой случай и свою забывчивость — ведь он сам направил Клариссу на этот корабль! Ужасно!

— Как вы тут? — наконец промямлил он. — Как успехи? — И с чувством пожимая протянутую руку, врач лихорадочно соображал, что же делать. — Кто здесь заведующий операционной?

— Я, конечно, — удивилась девушка.

«Проклятье!» — едва не вырвалось у Лейси, но вместо этого он пробормотал:

— Мне, кажется, было бы разумнее...

Кровь вдруг отхлынула от лица Клариссы, а руки непроизвольно взлетели к горлу.

— Это ведь не Ким, нет? — задыхаясь, выпалила она. От профессиональной невозмутимости не осталось и следа. Растерянная, отчаянно испуганная, она напоминала потерявшегося ребенка. — Только не Ким, ну пожалуйста!

— Тебе не стоит оставаться здесь, девочка, — строго сказал Лейси и тут же пожалел об этом: Кларисса все поняла. — Пусть придет кто-нибудь другой.

— Нет, — решительно заявила она. Глаза ее потемнели и обжигали, как угли. — Неужели вы думаете, что я кого-нибудь подпущу к нему?

— Понимаешь, он здорово пострадал...

— Не имеет значения, на кого он сейчас похож. Я никому не уступлю свое место!

Яростная перепалка длилась недолго; Лейси сдался, и теперь Кларисса снова надела маску профессиональной сдержанности.

— Каков предварительный диагноз, доктор?

— Множественные сложные переломы всех конечностей. Травма глаз. Ожоги. Колотые и резаные раны. На теле не осталось живого места. Глубокий шок. Похоже, неизбежна ампутация.

— Он выживет? — слетело с побелевших губ.

— Будем надеяться... Мозг и позвоночник не затронуты — так уверяет Ворсел. Это единственная добрая весть.

Наконец, катер сумел подойти к борту «Пастера» и был втянут в шлюзовую камеру; Серого Ленсмена немедленно отнесли в операционную. Когда к столу приблизился анестезиолог, в мозгу Лейси прозвучало:

— К черту анестезию, док! Это меня доканает. Я перекрою нервные центры. Штопайте...

— Ты бредишь, — воскликнул хирург и кивнул анестезиологу. Тот приступил к своим обязанностям с важностью священнодействующего жреца.

— Ну что, Ким, подействовало? — мысленно спросил Лейси.

— Нет. Я, конечно, не могу пошевелить ни одним мускулом, но в полном сознании.

— Дьявол! Этого не может быть... Что же делать?

— А почему, собственно, нужно отключать сознание?

— Чтобы избежать ментального шока.

— Зовите Ворсела. Это будет понадежнее всяких снадобий.

Явился велантиец и погрузил друга в такое глубокое беспамятство, что Лейси даже с помощью Линзы не смог достучаться до его спящего сознания.

— И сколько может длиться это чудо? — с благоговением поинтересовался врач.

— Пока не прикажете ему проснуться, или пока он не умрет от жажды и голода.

— Ну, это ему не грозит!

Операция длилась долго и прибавила Лейси седых волос. Кларисса выглядела как привидение, но это было очень решительное и деловитое привидение. Впрочем, после операции ее самообладание дало трещину, и до самой Земли девушку пичкали успокоительными. Никто не осуждал Клариссу: сам старик Лейси перед визитом к раненому укреплял свое мужество глотком бренди.

Больного вывели из целительного транса только в центральном госпитале. Эту честь уступили Клариссе, которая грозилась выцарапать глаза любому конкуренту.

— Ким, милый, просыпайся! — коснулся спящего сознания нежный шепот.

Тело Киннисона напряглось, готовясь встретить боль, и тут же блаженно расслабилось, наслаждаясь свободой от страданий.

— Ты не можешь говорить со мной, Ким. Повязку с лица снимут только через неделю. И твоя новая Лиза еще не доставлена. Но я говорить могу, а ты — ты можешь слушать.

— Только не вздумай жалеть меня, Мак, — возникло в ее сознании. — Я и наполовину не так беспомощен, как ты воображаешь. Скажи уж честно, что нашла повод окрутить меня.

— Болван! — вспыхнула Кларисса и только потом ахнула от удивления: — Что это еще за фокусы?

— Я теперь могу помериться силами с самим Трегонси.

— Мальчишка, хвастун... — улыбнулась она.

— Хвастун, да? А если я скажу, что ты похожа на тень: глаза ввалились, лицо землистое — краше в гроб кладут? Ночные бдения у моей постели, а? Боялась, что сбегу?

— Ну, это простая догадливость.

— Ладно. А что ты скажешь вон о тех розах на столе? Белая, желтая и... красная? И листья папоротника!

— Даже человек с твоими мозгами мог додуматься, что сюда принесут цветы. Или ты запах почувствовал?

— Ты мне не веришь? Не веришь Кимболу Киннисону, грозе космоса? Ну, так трепещи! У тебя на груди, под халатом, болтается золотой медальон с гравировкой КМ. Сдаешься? Это-то я не мог определить по запаху! А в медальоне... — Мысли не могут краснеть от смущения, но Кларисса готова была поклясться, что такое чудо случилось. Правда, ленсмен быстро оправился от смущения. — Черт возьми, Мак, зачем ты таскаешь с собой мой портрет?

— Чтобы не забыть, как выглядит твоя нахальная физиономия, пока ты слоняешься по Вселенной, — огрызнулась девушка и залилась пунцовым румянцем до корней волос. — Ты был прав, Киннисон: я решила надеть на тебя хомут, раз уж ты попался мне в руки. Когда еще представится такой случай? — Кларисса

потихоньку вытерла увлажнившиеся глаза, но выдала себя, шмыгнув носом.

— Мак, послушай... — Его мысль была окрашена грустью. — Я много думал о нас... там... Ты лучше всех... Такая девушка слишком хороша для парня, наполовину состоящего из стали, резины и пластика... Ну, не реви, Мак!

— Ты просто осел, Киннисон, — всхлипнула Кларисса, уже не таясь. — Разве трудно понять, что и такой ты мне дороже всех?

— Но я не могу этого позволить... Не могу, не могу... Работа не закончена. Они, возможно, еще доберутся до меня.

— Ладно, больной, не скандальте! — отрезала Кларисса уксусным голосом старой мегеры. Несмотря ни на что, она торжествовала победу.

— Скажите, доктор, — в тон ей съехидничал Киннисон, — а почему такой квалифицированный медик, как вы, опускается до обязанностей ночной сиделки?

— Как старший врач я сама назначаю людей на дежурства, — гордо парировала воинственная Мак-Дугал, и ленсмену почудились звуки волынки, провожающей в поход шотландский клан.

Глава 22

ВОЗРОЖДЕНИЕ

— Привет, потрошитель!

— О, большой босс наконец-то снял ноги со стола! — доктор Лейси ухмыльнулся.

— Эта твоя рыжеволосая по-прежнему занимает господствующие высоты? Не можешь спровадить?

— Не могу, адмирал. Эта молодая особа твердо решила посвятить ему всю жизнь. Ты хочешь чтобы парень поправился?

— Что за вопрос?

— Так не мешай ей. Пока Мак-Дугал рядом с ним —

а она рядом двадцать четыре часа в сутки, — Ким в хороших руках.

— Да, Киннисон не долго сможет сопротивляться ей... и себе самому. И прекрасно! Мне нужны люди, много людей, вроде этих двоих...

— Эк куда метнул, старый грешник! Рано еще толковать о таком.

— Кстати, когда вы приладите ему руки и ноги? Пора бы уже, я думаю.

— Скажите пожалуйста, он думает! А мы делаем. Филипс проводит последние тесты.

В лаборатории, кроме доктора Филипса, был и командор фон Хогендорф, что немало удивило Хейнеса.

— Филипс, — начал хирург, — объясни этому старому вояке, чем ты тут занимаешься.

— Первоначально я старался определить, какой гормон или реагент вызывает пролиферацию нервных тканей...

— Подожди-ка, — поморщился Лейси. — У меня быстрее получится, и кроме того, ты слишком скромничаешь. Видишь ли, адмирал, чтобы подступиться к восстановлению поврежденной нервной ткани, надо хорошо представлять, как протекает ее естественный рост, как он соотносится с ростом организма в целом, как происходит регенерация, восстановление утерянных фрагментов и прочее. Нервные окончания постоянно растут — это общеизвестный факт. У низших биологических форм нервные клетки восстанавливаются, а вот у высших самопроизвольная регенерация не наблюдается даже в период активного роста.

Щитовидная железа контролирует рост, но не дает толчок к его началу. Филипс предположил, что железа, вырабатывающая таинственный гормон, у высших организмов атрофировалась в ходе эволюции. Но мог остаться рудимент! И Филипс с головой ушел в исследования, но истощил терпение тех, кто давал деньги на его работу. Тогда он обратился к нам. К тому времени Филипс уже уверовал, что надо воздействовать на гипоталамус. Но как? Он перепробовал все наркотики и прочие химикаты, облучение, но увы... И вот тут-то ваши ребята добрались до Медона. Нескончаемые войны возвели там хирургию в ранг высокого искусства. Местные эскулапы научились стимулировать гипоталамус, но их метод был чреват риском. Филипс, сам одаренный хирург и талантливый механик, создал новый прибор и собирался опро-

бовать его на пиратах, ожидающих казни. Но герр Хогендорф предложил нам свои услуги.

— Вы уверены в успехе? — поинтересовался адмирал.

— Насколько можно быть уверенным, решаясь на что-то новое. Вероятность успеха — процентов девяносто.

— Недурно, — промычал Хейнес и скосил глаза на фон Хогендорфа. — Значит, вы, старый плут, у меня за спиной суете нос в дела свободных ленсменов? Кинисон уже давно не кадет. Кроме того, я больше подхожу для проверки: у меня полно органов, требующих замены.

— Четыре или дюжина — какая разница? — пожал плечами невозмутимый Хогендорф.

— Джентльмены, одумайтесь! — замахал на них руками Филипс. — Это вмешательство в мозг, и последствия могут быть...

Два старых ленсмена пропустили его слова мимо ушей и наскакивали друг на друга, как бойцовые петухи.

— Оперируй их обоих, — не выдержал Лейси. — С этими упрямцами нет сладу! Пора принять закон о разжаловании в рядовые ленсменов, выживших из ума.

— И начать с тебя, — на губах Хейнеса появилась улыбка.

Решение Лейси примирило соперников; адмирал даже уступил фон Хогендорфу право первым подвергнуться стимуляции.

— Одного сеанса будет довольно, — пояснил старый врач. — Но, если вмешательство прошло успешно, вы сюда еще вернетесь. — И по губам Лейси скользнула злорадная усмешка.

Его предсказание сбылось: довольно скоро Хейнес опять пожаловал в госпиталь. Однако попытки уложить его в постель встретили решительное противодействие, и адмирал, вытребовав некое подобие инвалидной коляски, возвратился в свой кабинет. Спустя еще несколько дней он вызвал Лейси.

— Мало тебе того, что ты уже со мной наделал, так еще лишил зубов! Я голоден как волк. В жизни так не хотел есть. У меня уйма работы, а в голове только еда, еда, еда...

Даже гнев адмирала не мог удержать Лейси от хохота.

— Я пришлю тебе сиделку... — проговорил он, захлебываясь смехом. — Пусть кормит с ложечки протертым пюре! Растут зубы — и это в твоем возрасте!

И сиделка действительно появилась. Кларисса Мак-Дугал не скрывала участия:

— Я даже не догадывалась, адмирал, что вы... что там...

— ...что я наполовину состою из протезов? — благодушно подсказал Хейнес. — Если исключить глаза, а они ему, похоже, не очень-то и нужны, наш общий друг Киннисон мало отличается от меня. Хорошая работа, никому и в голову не приходит. Но зубы, зубы!.. У меня отняли последние радости жизни. Я голоден, черт побери! Вы мне поможете?

— Конечно, — кивнула Кларисса.

— Вы и фон Хогендорф — лучшие люди в мире, — щебетала она, пока старик насыщался. — Лейси чуть колесом не прошел по кабинету, когда узнал про зубы. — Она перехватила грозный взгляд Хейнеса и затараторила в испуге: — Не волнуйтесь, адмирал, я буду кормить вас, пока это не кончится. Вам надо есть за двоих, чтобы ваши органы росли быстрее. Господи, — она всплеснула руками, — ведь тогда они возьмутся за Кима!

— Спасибо, Мак-Дугал, — буркнул адмирал, несколько смущенный ситуацией.

«Восхитительное создание, — думал он, когда дверь закрылась за девушкой. — Вот только болтунья, как все они. И малость упряма. Но другая и не смогла бы накинуть аркан на Кима. Они будут хорошей парой, когда у мальчишки выдует сор из головы. Однако мне пора заняться делами...»

А дел у старого ленсмена было невпроворот. Со всей Галактики стягивались силы для решительного удара. Супердредноуты перестраивались и перевооружались. Конструкторы бились над упрочнением и без того надежных экранов, наращивали мощь лучевых пушек. Новые спиральные Q-излучатели повергли в изумление даже знатоков. На безжизненных планетах рвались бомбы чудовищной силы. Срочно создавались ремонтные базы. Сторожевые корабли бороздили пространство. И человек, в руках которого сходились все нити, маялся от того, что у него росли зубы!

Да что там зубы или такая мелочь как исчезновение шрамов и рубцов... У адмирала росли недостающие пальцы на руках и ногах! Лейси опасался, что младенчески гладки, розовые покровы регенерирующих участков будут смотреться безобразно рядом с желтоватым пергаментом старческой кожи. Но, к счастью, новый эпите-

лий не выделялся окраской. И нежный пушок, подернувший лысину старого вояки, оказался седым и слился с тем венчиком, к которому привык глаз хирурга. Превращения не коснулись и старческой дальнозоркости Хейнеса.

— Подопытные животные старели и умирали естественным путем, — объяснял Лейси. — Но я уже опасался, что вас двоих мы омолодили, может, даже одарили вечной жизнью. Однако регенерируемые органы не моложе тела. Все получилось. И слава Богу! Меня, пожалуй, могли обвинить, что я сжил со свету двух почтенных ленсменов!

— Хватит болтовни, Лейси, — проворчал Хейнес. — Когда вы наконец займетесь Киннисоном? Он нам чертовски нужен.

— Сначала вы с Хогендорфом пройдете обследование. И Ворсел пороется в ваших мозгах, если, конечно, они еще не ссохлись, — не удержался от язвительной реплики врач.

Заключение велантийца рассеяло последние тревоги, и медики занялись Киннисоном, чтобы помочь ему родиться заново. Как и обычный новорожденный, ленсмен был медлителен, неуклюж и слаб. Ему предстояло еще научиться владеть своим телом.

Перед выпиской из госпиталя подопечный Лейси прогуливался в парке с Клариссой.

— Вот ты и уезжаешь, — рассеянно проговорила девушка и нагнулась, чтобы сорвать травинку. — Ты уезжаешь, а мы так и не поставили точки над «и».

— Давай не будем об этом, Мак, — по-мальчишески беззаботно попросил Киннисон. Его переполняла радость бытия, и он не хотел ничем омрачать счастливые минуты. Но тонкая морщинка между бровей Клариссы предвещала грозу, и ленсмен принял серьезный тон. — Ты никак не хочешь понять, что работа не закончена. Быть может, в следующий раз и лечить будет нечего. Трупу врачи не нужны.

— А ты никак не хочешь понять, — голос Клариссы предательски дрогнул, — что кусок хлеба сегодня лучше, чем пирог завтра. Люди часто портят себе жизнь опасениями, которые не сбываются, и откладывают все на потом.

— О, как ты упряма! — Киннисон схватился за голову. — Ну зачем тебе бездомный бродяга, грубиян, хлад-

нокровный убийца? Да, не смотри на меня так. Убийца, черт побери!

— Так вот что тебя беспокоит, — протянула Кларисса, грызя травинку, и взглянула на ленсмена насмешливо и ласково, как на глупого мальчишку. — Ты убиваешь не потому, что бредишь убийством. Ты жесток, конечно, но не кровожаден. Крикун, скандалист, хвастунишка, но не мясник, нет... Любая женщина скажет тебе то же. Знаешь что, Ким, — глаза девушки коварно заблестели, — прочитай мои мысли — и бросим этот глупый спор.

— Послушай, Мак, — терпеливо, как ребенку, внушал Киннисон. — Дело не в твоих и моих чувствах. Я монстр, и ты должна держаться от меня подальше. У одного древнего поэта, Киплинга, есть стихотворение — «Баллада Бо Да Тона». Ты его вряд ли знаешь...

— Ты думаешь, я ничего не знаю, — огрызнулась она. — Просто ты всегда выбираешь плохие стихи. Да, ты похож на героев Киплинга. Несгибаемый Кимбол Киннисон, гроза пространства! И они готовы сдувать пыль с твоих сапог, и мужчины, и женщины! Эта Десплэйнз и еще графиня... Попадись они мне, все бы волосы выдрала!

Киннисон расхохотался:

— Ты бредишь, Мак! — но глаза его не смеялись. — Однако вернемся к стихам.

— Я их отлично помню.

Ленсмен уставился на нее, озадаченный.

— Стихи, Десса Десплэйнз, графиня... Откуда ты все знаешь?

— Я ближе к тебе, чем ты думаешь, Ким. Ворсел называет это «быть на связи». Тебе не нужно посылать мне мысли, скорее уж впору прятать их. Стихи беспокоили тебя, я нашла их и выучила.

— Да? — зло сощурился ленсмен. — Тогда представь, что мертвые головы тебе будут подбрасывать не один раз.

— И что же? — ответила она дерзко. — Вряд ли Киплинга могли вдохновить мои формы, но, думаю, он мог бы сказать обо мне: «С пламенеющими волосами и сердцем из прочной меди». Жена капитана О'Нила походила на плакучую иву. Много нежности, наверное, слишком много... Как ты думаешь, она могла бы стать старшим врачом в госпитале?

— Нет, но...

— Вот именно, — обрезала Кларисса. — Ты забыл,

чем я занимаюсь. Эта работа не для слабых. И наконец, героиня Киплинга почти не знала своего мужа. А я тебя знаю. Это ты у нас чересчур благороден, чтобы читать чужие мысли, а я... Я должна была знать!

— И ты знаешь... — пробормотал Киннисон и покраснел до самых ушей как подросток.

— Знаю, родной. И мы ничего не можем с этим поделать. Я буду ждать, Ким. Чистого пространства!

* * *

А на далеком Ярневане Айх-Мил выслушивал доклад Джалта. Правда, тот не мог сообщить ничего нового о ленсмене, потому что растерял всех осведомителей в зоне действия Патруля. Он не осмеливался даже высказывать предположения о том, откуда земляне узнали о Ярневане. Он знал одно, и это ни на секунду не давало ему покоя: по всей Галактике Патруль спешно перевооружался.

Айх-Мил встретил это известие холодно:

— Какой-то ленсмен проник в твой мозг и узнал, где нас искать. Другого объяснения нет.

— Почему мой, а не ваш? Если уж вы допускаете, что можно проникнуть сквозь ментальный экран, покопаться в чужой памяти и незаметно покинуть ее.

— Результаты... Они говорят сами за себя. Ленсмен, подосланный к тебе, добился успеха, а мы поймали лазутчика. Патруль готовится выбросить наших приверженцев из своей Галактики, возможно, атаковать твою базу и в конечном счете вторгнуться на Ярневан.

— Пусть приходят! — хорохорился Джалт. — Нам не страшно любое их оружие!

— Я не был бы так уверен, — предостерег Айх-Мил. — Если Патруль начнет прижимать наши организации, вам придется покинуть базу и вернуться на родную планету, до лучших времен.

— А они, наступят, лучшие времена?

— Мы усилим оборону Ярневана и, если они не нападут сами, вынудим их это сделать. Их мобильным силам придет конец, и тогда останется захватить Галактику. Оружие уже готовится.

— Ясно. Мы предупредим наших агентов.

И ни Айх-Мил, ни Джалт не подозревали, что удар Патруля обрушится одновременно на несколько целей и будет сокрушительным.

Глава 23

Уничтожение

Киннисон, отправленный врачами на отдых, выковывал из своего тела оружие, не менее совершенное, чем то, что он утратил. Единоборства, стрельба, плавание, бег вернули ему прежнюю подвижность и скорость реакции, шары мускулов играли под атласной загорелой кожей.

Наконец, снизойдя к его просьбам, прибыл Лейси, чтобы осмотреть пациента. Ленсмен нетерпеливо бросился к флайеру, но радость погасла на его лице, когда он увидел, что хирург прилетел один.

— Мак-Дугал? Она сейчас на пути к Борове. После того, как ты доказал, что шкура у тебя толще носорожьей...

— Но ведь мы... она... мы же обо всем договорились?

— Вот уж не знаю. Сначала она ходила как в воду опущенная, а потом, видно, взыграла шотландская кровь. Закусила удила... В общем, я разрешил ей вернуться на «Пастер». — Лейси умолк, исподтишка наблюдая за Киннисоном. — Ладно, парень, пошли. Посмотрим, годишься ли ты для прежней работы.

Старый врач остался доволен увиденным, и, хлопнув ленсмена по плечу, бросил:

— Собирайся, отвезу тебя к Хейнесу. Адмирал заждался, смотрит на меня волком.

Хейнес не скрывал почти детского воодушевления:

— Пощупай пальцы, Ким! Как прежние! Здорово...

— У меня такие же, — брюзгливо отвечал тот. — И прекрасно действуют.

Но ничто не могло испортить старику радости.

— Надо было помурыжить тебя подольше, тогда бы оценил подарок Филипса! Ладно, шутки в сторону. Флот стартует через несколько недель. И если у тебя нет более интересных планов, присоединяйся.

— Спасибо, сэр.

— Прибереги свою благодарность до другого случая. А пока, до начала операции, у тебя есть шанс быть полезным.

Старик приберег для него особую работу, понял Киннисон и попросил:

— Ближе к делу, адмирал! В чем состоит приказ... черт!.. просьба?

— Уж больно ты стал разговорчив, малыш, — фыркнул Хейнес, а Киннисон ухмыльнулся. Эти двое понимали друг друга без слов, несмотря на разницу в возрасте. — У меня действительно есть для тебя работенка. Никто не в силах с ней справиться, даже две группы ригелиан. Управление Большим Флотом.

Киннисон присвистнул.

— И вы считаете, я потяну?

— Бог уж не знаю. Но на тебя последняя надежда. Иначе мы будем действовать наугад, как уже бывало. И мне становится худо при одной мысли о последствиях.

— Пошлите за Ворселом. Попробуем... Да, кстати! Где девушка-врач, которая обо мне заботилась? Мак-Дугал — вы знаете... Надо бы ей хоть цветов послать...

— Врач? Та, рыженькая? Погоди-ка, я о ней недавно слышал. Вроде вышла замуж. Хотя, нет... Да зачем ей твои цветочки? Она получает деньги за свою работу. И не кажется ли тебе, что управление флотом куда важнее?

— Несомненно, сэр, — буркнул Киннисон и вылетел из кабинета, едва не сбив с ног входящего Лейси.

Два старых заговорщика обменялись понимающими взглядами.

— Ты немного пошатнул его оборону, — заметил Лейси. — Но не мешает еще сбить с него спеси. Ведь оба мучаются.

Серый Ленсмен в самом мрачном настроении направился к флагманскому кораблю. Конечно, он ожидал увидеть ее... он хотел увидеть ее... Черт побери, он должен ее увидеть! Почему она улетела именно теперь? Ведь знала же, что флот скоро отбывает, и Киннисон вместе с ним... Где же она? Ничего, он вернется и отыщет ее. Пусть даже придется облазить всю Галактику! Он положит этому конец. Долг есть долг... но кусок хлеба сегодня лучше всех обещаний туманного завтра.

Киннисон вернулся к действительности только на борту гигантского каплевидного корабля, который, хотя он и значился под кодом Z9M98 и формально именовался

«Директрикс», по традиции названный ИИК: судно было специально построено, чтобы служить штаб-квартирой Боевого Флота. Его не оснастили наступательным оружием, зато снабдили всеми известными средствами защиты.

Адмирал извлек уроки из рейда на базу Ха'Иссы. Даже управление тем относительно небольшим флотом в пятьдесят тысяч судов заставило Хейнеса усомниться, что армадой можно успешно командовать по старинке. И сразу по возвращении из рейда он распорядился выстроить специальный флагманский корабль для командования миллионами боевых единиц.

Точная модель Галактики, неотъемлемая часть пилотской кабины любого корабля и главная достопримечательность флагмана, росла и росла, пока не заняла семнадцать тысяч кубических футов пространства. Более двух миллионов огоньков усеивали сферу. И когда модель заработала, Хейнес схватился за голову: ни один интеллект не мог достаточно быстро обработать все сигналы, выделить самые важные и передать команды на корабли.

Киннисон внимательно осмотрел модель, сделал полный круг вдоль пульта с бездной переключателей, понаблюдал за действиями целой толпы операторов, отчаянно старающихся что-нибудь предпринять. Некоторое время он размышлял, прикрыв веки, потом обратился к Хейнесу:

— Прикажите прислать несколько симплексных анализаторов и команду техников. У Ха'Иссы я видел прелюбопытные устройства. Попробуем навести порядок.

К прибытию Ворсела все было готово.

— Красные огоньки — это флоты, которые уже двигаются, — быстро объяснял Киннисон велантийцу. — Зеленые — те, что пока не покинули баз. Янтарные — планеты, связанные, как видишь, линиями Райерсона. Белая звезда — это мы, «Директрикс». Фиолетовый крест вон там — планета Джалта, наша первая цель. Розовые — кометы и блуждающие планеты, длина хвостов определяется их скоростью. Пурпурный круг — это сфера аннигиляции; она тоже в пути. Ты возьмешь эту сторону, я — ту. Предлагаю начать с оконечности двенадцатого сектора. Идея состоит в том, чтобы пройти через всю Галактику и сосредоточиться над целью, но ведь каждый из командующих в разных системах должен понимать, что происходит. Посмотри на того парня. О

чем он только думает? Ну-ка, дай, я поставлю его на место.

Он указал симплексом на красный огонек, который неожиданно появился в пространстве. Раздался щелчок, и на табло загорелся номер 449276. Один из операторов повернул переключатель.

— На связи управление Большим Флотом, — полетела через пространство мысль Киннисона. — Почему вы стартовали, не дождавшись приказа?

— Ну... Я соединю вас с командующим, сэр!

— Нет времени! Передай командующему, что еще одно подобное нарушение, и он об этом пожалеет. Немедленно вернуться на базу! Все!

— Управляя флотами, мы не можем уделять много времени одному, — мысленно пояснил он Ворселу. — Но потом, когда выстроим всех, поручим наблюдение ригелианам.

Их разговор продлился недолго: все чаще и чаще лучи коммуникаторов передавали короткие и точные указания:

— Старт... Увеличить скорость до уровня пять и пять... уменьшить до уровня два и восемь... сменить курс на... — И так час за часом, день за днем.

Постепенно из хаоса начал вырисовываться порядок. Красные огоньки сливались в ровную пульсирующую линию, ее почти незаметное передвижение соответствовало скорости в сотню парсеков в час. За линией вспыхивали янтарные огоньки и линии Райерсона. Количество зеленых светлячков постепенно уменьшалось. Красная полоса неуклонно подползала к яркой белой звезде.

А на преобразователе, стандартной сферической модели, установленной на нижнем уровне, картина повторялась в миниатюре. Она была понятнее и без труда охватывалась взглядом, хотя, конечно, детали ускользали.

Однажды Хейнес, стоя за креслом Киннисона и наблюдая за изменяющейся картиной, покачал головой. Старик спустился к преобразователю долго рассматривал его, затем снова покачал головой.

— Это все чудесно, но, боюсь, не имеет смысла, — мысленно обратился он к Киннисону. — Начинает казаться, что я тут ни при чем, просто прогуливаюсь. Наверное, у тебя с Ворселом тоже сложилось такое впечатление.

— Ну нет, — возразил Киннисон. — Что мы, да и лю-

бой другой, знаем о тактике и стратегии космических боев? Вы — мозг этой операции. Вот почему мы дали команду ребятам установить здесь этот преобразователь. На нем вы можете наблюдать общую картину, а затем отдавать нам приказы. Мы разберемся, кто и что должен делать, и передадим приказания дальше.

— Так говоришь, это будет работать? — Лицо Хейнеса заметно просветлело. — Ну-ка посмотрим, что это за красные огоньки собираются протаранить нашу звезду?

— Это только кажется. Впрочем, даже по космическим меркам, они довольно близко — меньше трех парсеков.

Подошел назначенный час. Земная армада — восемьдесят супердредноутов и «Директрикс» — влилась в полыхающую красным линию. Одна звездная система за другой оставались позади, флот за флотом занимал свое место в геометрически правильном построении, за совершенством которого тщательно следили на флагмане.

Армада пролетела сквозь Галактику и устремилась к звездному скоплению, замедлив бешеный темп, причем корабли в середине сделали это раньше, и образовалась дуга.

— Окружить звездное скопление и начать сближение кораблей! — скомандовал адмирал.

И, теперь уже под руководством ригелиан, суда огромного флота Галактической Лиги Миров медленно начали сходиться и перешли на инерционный полет. Из дюз ударили длинные хвосты раскаленных газов — суда уравнивали свою скорость со скоростью звездного кластера.

— Командующим флотов всех солнечных систем, внимание! Использовать только оружие второй очереди и только когда противник окажется в зоне поражения. Вступать в бой с отдельными военными судами, если таковые будут обнаружены. Соблюдать установленное расстояние до планеты и увеличить мощность защитных экранов всех типов до максимума. Говорит Хейнес — конец связи.

Из бесчисленных излучателей вырвались иглы и лезвия энергии, заставившие вспыхнуть всеми цветами радуги защитные экраны цитадели Джалта. Взрывы чудовищных бомб озарили пространство ослепительным фиолетовым светом. Спиральные Q-излучатели, на изготовление которых пошли удивительные материалы с Медона,

метали смертоносные импульсы энергии, терзая планету. Яростные вспышки, перед которыми мерк свет чужого солнца, безостановочно неслись к защитным экранам противника.

Но мощные оборонительные сооружения держались. Джалт неспроста был уверен, что его цитадель выстоит. И она не только сдерживала натиск — с поверхности планеты был нанесен ответный удар. Защитные экраны кораблей Патруля содрогнулись, и немало казавшихся несокрушимыми барьеров, а за ними и пластин сверхпрочной обшивки кораблей, было разрушено, прежде чем Большому Флоту удалось отойти на безопасное расстояние и хотя бы частично ослабить удар.

За потрясающим спектаклем с огромным интересом наблюдал Джалт, а с его помощью и сам Айх-Мил.

— Чистейшее безрассудство! — злорадствовал Джалт. — Эти болваны судят о нашей мощи по рейду на базу Ха'Иссы! Им не пришло в голову, что и мы учимся на ошибках и не теряем драгоценного времени. Пусть у них миллион кораблей. Лишь немногие из этих посудин могут конкурировать с мощью моих передовых постов, не говоря уж о самой базе.

— Они не болваны. И я не совсем уверен... — Айх-Мил не стал заканчивать фразу.

Уверенность Первого среди айхов, наверное, поубавилась бы, услышь он разговор, происходящий в этот момент.

— Ну что, Торндайк? — спросил Киннисон.

— Все в порядке, — пришел немедленный спокойный ответ. — Расположение, мощность, подготовительные работы — все в порядке.

— Начинаем! — и пурпурный круг исчез из пространства, проецируемого на галактическую модель «Директрикса» и на преобразователь Хейнеса. Техник отключил управление, и каждая крупица металла и любого другого вещества, окружающего аннигиляционную сферу, словно провалилась в эту загадочную область небытия. Связь стала теперь невозможной. Сама смерть, поглощая все на своем пути, устремилась к обреченной планете. Мощный форпост, встретившийся ей, незаметно исчез, словно его стерли с черной поверхности. Ни вспышки, ни другого тревожного сигнала. Сфера была уже почти над планетой, а никто из защитников базы не подозревал, что надвигается непостижимое. Ни детекторы, ни сигнальные при-

боры не предвещали угрозы, но вдруг раздался возглас наблюдателя:

— Смотрите! Туда! Что-то приближается!

Джалт впялся глазами в свой экран и ничего не увидел. Да и не мог он ничего разглядеть. Огромное неуловимое нечто, полумистическое пустое пространство закрывало уже добрую треть обзорных экранов. Операторы Джалта направили в его сторону все локаторы, перебрав все виды известных им излучений. Ничего... Лучи просто уходили в пустоту. Тогда в сторону пугающей неизвестностью пустоты полетели ракеты, способные уничтожить целую планету. И снова ничего: ни взрыва, ни слабой вспышки — все поглотила надвигающаяся пустота. Ракеты, достигнув загадочной области, просто пропадали.

Гигантский пресс, который смог бы столкнуть с орбиты планету, вдавил в камень стальные опоры. Отрицательная материя, соприкоснувшись с положительной, все обращала в ничто, в пустоту.

Затем сфера наскочила на что-то. Или что-то наскочило на нее? Может ли ничто столкнуться с пустотой? Правильнее будет сказать, что гигантская гиперплоскость, трехмерное сечение сферы, начала занимать пространство, в котором уже находилась планета Джалта. И при контакте обе поверхности исчезли. На этом месте образовался вакуум, обычный для глубокого космоса.

База Джалта, все триста квадратных миль, была уничтожена с первого удара. Огромная яма образовалась на ее месте. Она расширялась и углублялась с ужасающей скоростью. И в разверзнувшуюся пучину рушилось само вещество планеты, исчезая там без следа. Туда, в эту пропасть, проваливались горы, вливались моря и океаны. Гигантские области поверхности, уже десятки тысяч квадратных миль, рухнули в бездну и превратились в ничто. И, наконец, весь шар планеты дрогнул.

Что происходит? Айх-Мил ничего не понимал, так как лишился «глаз». Но Первый в Совете и ученые-айхи могли размышлять и догадываться, что они и делали с удивительной прозорливостью. Офицеры судов Патруля, однако, понимали, что происходит, и все как один приникли к окулярам приборов.

Как уже говорилось, сфера аннигиляции состояла из отрицательной материи. Вместо электронов ее «кирпичиками» были позитроны, «дырки Дирака» в определе-

нии отрицательной энергии. И где бы поля электрона и позитрона не соприкасались, они сводили друг друга на нет, рождая два кванта жесткого излучения. И поскольку соприкосновения происходили неисчислимое количество раз каждую секунду, на корабли Патруля обрушился ужасающий поток космических лучей. Однако новые экраны и конструировались в расчете на это. Они имели пятикратный запас прочности.

Планета стремительно уменьшилась, съеживаясь до размеров собственного спутника и в конце концов превратилась в скопление метеоритов, когда взаимная нейтрализация двух видов материи прекратилась.

— Всем — отбой! — довольным голосом скомандовал Хейнес, едва стрелки измерителей уровня космического излучения вернулись в зеленый сектор.

Конечно, остатки боскомианских сил могли затаиться где-нибудь поблизости, на небольших астероидах или спутниках планеты, но уцелеть удалось бы только роботам: ни одно живое существо не выдержало бы столь яростного потока жесткого всепроникающего излучения. Лишенные управляющего центра, эти осколки уже не представляли опасности.

И громада Большого Флота, перестраиваясь на ходу, рванулась вперед через межгалактическую пустоту.

Глава 24

КОНЕЦ АЙХОВ

— Они не болваны. И я не совсем уверен, — произнес Айх-Мил, а когда энергетический шар прекратил передачу, Первый потерял и остатки уверенности. У Патруля появилось на вооружении нечто совершенно новое — он сам успел в этом убедиться. Но что это было?

Айх-Мил не сомневался, что базы Джалты более не существует, и власть Боскома над земной Галактикой

канула в прошлое вместе с ней. Скорее всего, Патруль уже уничтожил, или скоро уничтожит все оставшиеся подразделения Боскома. Вероятно, этот проклятый руководитель ленсменов, ознакомился и с записями Джалта.

Боском ничем не сможет помочь своим ставленникам, и нападение на Ярневан стало неизбежностью. «Пусть Патруль приходит, — горячился Джалт, — мы готовы!» И разве он был слишком самоуверен? Оборона базы казалась такой надежной, но крепость пала, пала за несколько секунд.

Айх-Мил созвал членов Совета и ученых и коротко изложил им факты.

— Без всякого сомнения, отрицательная материя, — подвел итог один из специалистов. — Уже давно высказывались предположения, что в некоторых других, возможно, гиперпространственных, вселенных должна существовать отрицательная материя такой массы, которая может уравновесить положительную материю известной нам вселенной. Теперь ясно, что исследуя гиперпространство, земляне обнаружили эту вселенную и смогли переместить часть ее вещества к нам.

— А не могли они получить его сами? — спросил Айх-Мил.

— Вероятность искусственного создания подобной субстанции ничтожно мала, — возразил выступающий. — Для этого необходима совершенно другая физика и математика. Скорее всего, они нашли то, что уже существовало.

— Тогда мы должны добиться того же, и немедленно!

— Мы попытаемся. Но не стоит ждать быстрого успеха. Заметьте, эта субстанция не может служить целям обороны.

— Почему?

— Да потому, что мы только сыграем на руку врагу. Это оружие для неожиданной атаки, особенно для нападения на противника, незнакомого с его природой. Нам же следует перехватить бомбу и направить ее обратно к тем, кто ее сбросил.

Айхам было невдомек, что «бомба», о которой они рассуждали, массой могла сравняться с планетой средних размеров. Они и предположить не могли, что от планеты, на которой находилась база Джалта, осталась лишь жалкая кучка метеоритов.

— Пусть приходят! — мрачно подвел итог Айх-Мил. — Надежда на новое оружие объясняет их кажу-

щуюся абсурдной тактику. Но с таким оружием они не смогут выиграть затяжную войну вдали от своих баз. Мы противопоставим им мощный флот, а наши базы и арсеналы будут рядом. Мы сотрем их в порошок, и земная Галактика снова станет нашей!

* * *

Адмирал Хейнес проводил все свободное от сна время, ломая голову над тактическими проблемами космических войн. Постепенно на смену тревоге и неуверенности пришло спокойное удовлетворение. Он склонился над коммуникатором и начал отдавать приказы.

— Все суда двигаются в сторону чужой галактики, постоянно прощупывая пространство локаторами, выведенными на максимальную мощность. Наблюдатель, заметивший признаки активности впереди, сколь угодно слабые, немедленно сообщает об этом на флагман. Получив сообщение, мы дадим обусловленный сигнал, по которому все суда Большого Флота останавливаются и не двигаются с места до получения дальнейших указаний.

Затем адмирал вызвал Киннисона.

— Смотри сюда, — он кивнул на преобразователь, который показывал межгалактическое пространство, захватывая край второй галактики. — У меня есть одно предложение, но его реализация зависит от того, сможете ли вы с Ворселом и командой ригелиан осуществить задуманное. Ты еще в начале нашей операции заметил, что я знаю толк в тактике космических сражений. Думаю, наши противники тоже не дети, и кое-что умеют. И я чувствую, что мы встретим вражеский флот еще на подходе к их галактике.

— Но почему? — удивился Киннисон. — На месте Айх-Мила я бы стянул флот к Ярневану и ждал нас там. Они не могут пойти на открытое столкновение!

— Примитивная тактика. Одно присутствие их флота в пространстве вызовет столкновение, и достаточно сильное. Если Айх-Мил сумеет нанести нам поражение, все кончится. Если потерпит поражение, это только первая линия обороны. Наблюдатели подробно известят его о результатах. Это даст информацию и отсрочку наступления на стационарные крепости. Мы же не сможем уклониться от схватки. Было бы самоубийством войти в галактику, имея за спиной мощный, нетронутый флот.

— Но почему? Да, конечно, этот флот причинит нам определенное беспокойство, но и только.

— Они смогут, и будут, атаковать Землю.

— Черт, об этом я не подумал. Но кто помешает им разделить флот пополам и ударить одновременно в двух направлениях?

— Они знают, что Земля укреплена чрезвычайно надежно, и малому флоту прорвать оборону не по силам. Для подобной вылазки айхи стянут в кулак все, что имеют.

— Согласен. Я ведь говорил, что вы, адмирал, мозг флота.

— Спасибо, сынок. Итак, при первом же сигнале о появлении сил противника мы останавливаемся. Они, конечно, тоже могут нас обнаружить, но я в этом сомневаюсь: мы используем для поиска новейшие, очень мощные приборы. Но это несущественно. Вот что я хочу знать: сможешь ли ты со своими ребятами разделить флот и построить его в форме двух полых полусфер? Предположим, что вот эта группа янтарных огоньков представляет вражеские силы. Понимая, что мы должны будем принять бой, они, скорее всего, предпочтут двигаться довольно плотным строем. Образуй две полусферы из красных огоньков — там и там. А затем сведи их вместе. Вражеский флот окажется окруженным со всех сторон. Сможешь это сделать?

Киннисон даже присвистнул.

— Да, шеф, но клянусь клыками Клоно, неужели вы думаете, что они позволят себя поймать?

— А как они смогут избежать ловушки? Если бы ты использовал обычные детекторы, а не системы ультраволновой обратной связи, положение скольких кораблей нашего флота ты бы мог определить?

— Да, правильно. Они не поймут, что окружены, пока капкан не захлопнется. Однако их суда могут перестроиться в шарообразную формацию внутри нашей сферы и...

— Да, конечно, и это дало бы им определенное тактическое преимущество, — согласился адмирал. — Мы, однако, воспользуемся перевесом в огневой мощи и общем тоннаже флота, чтобы это их тактическое преимущество свести к нулю. Кроме того, в крайнем случае мы сможем очень быстро отступить, так как при подобном построении у нас остается достаточно пространства для маневра. Ты, конечно, можешь возразить, что и они

станут маневрировать с такой же скоростью, но я не считаю это вероятным. Если — а я практически уверен в этом — их центр управления не будет функционировать лучше, чем наш собственный при налете на базу Ха'Иссы, и если у них нет никого и ничего равного тебе с Ворселом и нашему флагману, то как они смогут добиться этого?

— В таком случае, я не предвижу осложнений. Не труднее, чем поймать сачком несмышленого птенчика. — После того, как Хейнес все разложил по полочкам, Киннисон окончательно поверил в успех его затеи.

— И сколько времени вам на это понадобится? — спросил адмирал.

— Думаю, если хорошенько поработать, часов восемь—десять на расчет координат для каждого корабля и еще два для построения.

— Даже меньше, чем я предполагал. Ну что же, приводите в порядок ваши симплексы, тестируйте компьютеры и будьте наготове.

Наконец вражеский флот был обнаружен, и все суда Большого Флота получили приказ остановиться. Армада замерла и повисла в пространстве вне пределов досягаемости вражеских детекторов. Восемь часов две сотни ригелиан не отходили от компьютеров, вычисляя курс, дистанцию и конечные координаты кораблей. Спустя два часа Хейнес, забыв обычную сдержанность, издал торжествующий вопль. Красные огоньки сложились в две идеальные, геометрически правильные полусферы. И эти гигантские чаши начали сближаться, пока не сомкнулись. Сфера неумолимо сжималась, величайшее в истории столкновение двух флотов стало неотвратимым.

Уже очень скоро выяснилось, что айхи не могут маневрировать своими силами достаточно эффективно. Неповоротливый, неуправляемый флот оказался легкой добычей для армады Хейнеса, сплоченной, как пчелиный рой. Каждый отмеченный красным огоньком на экране корабль стремительно несся в пространстве, имея определенный курс, определенную скорость и заданное время выхода на ударную позицию, и ни один командир не ошибся, не нарушил общей картины согласованных действий. Однако при этом каждому разрешалось пускать в ход оружие, если этого требовали обстоятельства, и мелких стычек произошло несколько тысяч. Соединения Большого Флота стремились к центру сферы, сметая

огнем страшных орудий и излучателей все, что не имело рубиново-красных опознавательных знаков Лиги. И там, где проносилась армада, не оставалось уже ничего — только холодная космическая пустота.

Военный флот Боскома открыл ответный огонь. Тут и там защитные экраны накалились докрасна, затмевая видимые издалека сигнальные огни. Несколько кораблей отбивались, взятые в кольцо небольшими группами вражеских крейсеров, и были уничтожены. Но через образовавшиеся бреши в наступательных порядках флота удалось прорваться лишь отдельным судам противника.

В заранее обусловленное мгновение супердредноуты Патруля внезапно остановились. Они подошли друг к другу так близко, что практически соприкасались защитными экранами. И опять по сигналу, одновременно, обрушили на беспорядочно метавшиеся в тесном пространстве суда противника всю мощь своих энергетических установок.

Когда яростные потоки энергии улеглись, опытные наблюдатели осмотрели арену боя. Она опустела, если не считать беспорядочной толчеи раскаленных добела обломков. За исключением нескольких судов, прорвавшихся за пределы сферы, флот Боскома был разгромлен.

— Действуем по плану пять-восемь! — приказал Киннисон, и Большой Флот устремился дальше. Ни колебаний, ни задержек — каждое судно уже знало свой курс, скорость и дальнейшие задачи.

Армада, которая почти не понесла потерь, осадила Ярневан. И снова рубиновые сигнальные огни посланников Лиги потускнели рядом со свечением защитных экранов, когда передовые крепости Айх-Мила обрушили на врага адскую мощь своего оружия. И снова несколько кораблей Патруля, на которые пришелся основной удар, погибли. Но противостояние длилось недолго. Ничто не могло выдержать объединенного удара основных излучателей Большого Флота, и вскоре все летающие крепости-планетоиды — передовая линия обороны Боскома — прекратили свое существование.

— План пять-девять! — вновь прозвучал короткий приказ, и Большой Флот начал перегруппировываться над Ярневаном.

— Шестьдесят! — Корабли, перестраиваясь, образовали гигантских размеров цилиндр, на оси которого лежала планета.

— Шестьдесят один! — Невидимые силовые линии энергетических захватов протянулись от корабля к ко-

раблю, как бы цементируя, превращая в единое целое поверхность чудовищного цилиндра. Линии захватили и планету. Командование Патруля не знало, имеются ли на планете айхов нейтрализаторы инерции. Теперь это уже было несущественно: Большой Флот и Ярневан представляли собой единую прочную конструкцию.

— Шестьдесят два — огонь! — Кольцо укреплений Ярневана вспыхнуло от мощного энергетического удара, который сокрушил бы относительно слабые защитные экраны военных судов и защитных планетоидов. Но теперь ему противостояли могучие сооружения, для возведения которых айхи использовали ресурсы целой галактики. Ничто не ограничивало мощность и размеры генераторов полей, установленных на твердом теле планеты.

Нерушимо стояли колоссальные полициклические экраны. Гигантские молнии одна за другой ударялись об их поверхность, разбрасывая искры длиной в несколько миль. Вниз полетели шаровые молнии — сгустки энергии, извергаемые спиральными Q-излучателями. Время от времени в тех местах, куда попадало несколько огненных шаров одновременно, в экранах появлялись незначительные повреждения, но почти моментально экраны восстанавливались. Да и энергетическое оружие Патруля не могло слишком долго работать на максимальной мощности. А вскоре наблюдатели Большого Флота убедились в том, что наступательная мощь Боскома не уступала оборонительной.

Вся планета вдруг ощетинилась спицами лучей; в небо взмыли торпеды, несущие в своих боеголовках термоядерную и дуодическую взрывчатки; вверх, точно воздушные шары, понеслись стаи шаровых молний. Запасы энергии на Ярневане были практически безграничны, и сила ответного удара не убывала. И довольно быстро контрнаступление стало приносить плоды. Повинуясь командам компьютеров, смертоносные силуэты лучей скрещивались на отдельных кораблях Патруля, и один за другим супердредноуты Большого Флота взрывались, озаряя пространство вокруг клубами ослепительного пламени. Эти вспышки по яркости не уступали свечению звездных протуберанцев.

Айх-Мил воспрял духом.

— Мы смогли выстоять, а теперь спалим их всех! — злорадствовал он. — Пусть сбрасывают свои бомбы, начиненные отрицательной материей! Они не пройдут

сквозь наши экраны, и мы сможем уничтожить их еще в пространстве.

Но он ошибался. Большой Флот не собирался оставаться вблизи планеты и нести потери. Еще когда корабли Патруля формировали цилиндрический строй, Киннисон обговорил дальнейшее с Торндайком. Все уже было определено и подготовлено.

— Давай, Верн, действуй! — приказал Киннисон инженеру.

И две планеты, удерживаемые силовыми захватами супердредноутов, двинулись по инерции с обоих концов цилиндра. Каждая из них имела собственную скорость около тридцати миль в секунду. Это были именно планеты, а не бомбы, с которыми Айх-Мил уже приготовился справиться, и они, следуя точно по оси огромного цилиндра, неотвратимо перемещались в сторону Ярневана. И уже не имело значения, могут или нет айхи лишить свою планету инерции, — конец ее был предопределен.

— Всем капитанам кораблей Большого Флота, внимание! — прозвучал приказ Хейнеса. — Не ослаблять силовых захватов! Сделать это только по моей команде. Не паниковать! Времени у нас вполне достаточно.

Две планеты неумолимо сближались, а когда до столкновения оставалось не более двух секунд, прозвучала короткая команда. В тот же миг силовые захваты были одновременно выключены, и на всех супердредноутах заработали генераторы безынерционного движения. Теперь обломки трех планет не могли причинить флоту вреда.

Планеты-снаряды почти одновременно с двух сторон коснулись Ярневана, и тут-то окружившие их суда бросились врассыпную. Ярневан вспыхнул, во все стороны понеслись потоки раскаленной магмы, еще мгновение назад составляющей ядро планеты, и тогда столкнулись двигавшиеся навстречу друг другу небесные тела. Еще одна вспышка — и они сгинули в горниле космической катастрофы. Кинетическая энергия двух огромных миров в одно мгновение превратилась в тепло. И ничто уже не могло вырваться живым и невредимым из пекла.

Объединенная масса трех планет разогревалась все сильнее, и на месте последнего прибежища айхов забушевало адское пламя. Все было кончено.

Подчиняясь приказам с «Директрикса», уцелевшие суда Большого Флота устремились обратно домой, в

родную галактику. А к сонму светил оставляемого ими звездного скопления добавилось еще одно.

Глава 25

УЖЕ НЕ СВОБОДЕН

Грохот, сопровождающий посадку, уже прекратился, а праздник по случаю одержанной победы еще не начался. Хейнес позвал Киннисона в свою небольшую комнату за кабинетом и они уселись там за бутылочкой файолина и разговорились на разные темы. Наконец Хейнес перешел к делам.

— Служба по борьбе с наркотиками требует тебя к себе, Ким. Но на самом деле ты не очень-то нужен им, чтобы разгребать все эти завалы, связанные со звильниками, им просто хочется работать с тобой вместе. Я посоветовал Эллингтону — так дипломатично, как только мог, — взять под свое наблюдение этот подозрительный кабачок на астероиде. Еще тебя хотят видеть Фикс, Спенсер, Фрелингсхойзен и еще тысячи других. Вот, посмотри, целая стопка заявок. Все требуют тебя, всем ты нужен. Я просмотрел все это, и ты знаешь, здесь встречаются кое-какие довольно важные вещи...

— Хватит, сэр, хватит, — умоляющим голосом перебил его Киннисон. — Надеюсь, здесь нет таких вещей, которые требуют моего немедленного вмешательства. Пусть все это пока полежит. У меня есть пара—тройка дел, которыми мне необходимо заняться. Быть может, даже придется куда-нибудь слетать, я пока еще не знаю.

— Это более важно, чем дела Патруля? — сухим и ставшим вдруг официальным тоном спросил адмирал.

— Пока все окончательно не выяснится — да, — лицо Киннисона вспыхнуло ярким румянцем, и Хейнес заметил, как отчаянно молодой ленсмен пытается вернуть обычное свое самообладание. — Это самая важная вещь во всей вселенной, — закончил он тихо, но уверенно.

— Ну, я, конечно, не могу тебе приказывать... —

однако разочарования адмиралу скрыть не удалось.

— Не надо, сэр, это причиняет мне боль. Я вернусь, честное слово, вернусь, как только смогу, и сделаю все, что бы вы ни попросили меня сделать...

— Достаточно, сынок, — адмирал встал и крепко пожал руку вскочившего вслед за ним из своего кресла Киннисона. — Понимаю. Забудь про меня и отправляйся в свое маленькое путешествие, ведь вы с Мак и так уже много выстрадали. Ты так молод, так впечатлителен, так настойчив, и так много несешь на своих плечах — и я ни в чем не могу здесь помочь. Но тебе не надо никуда летать, — Хейнес бросил быстрый взгляд на свой хронометр. — Думаю, что если ты отправишься прямо сейчас в комнату 7295 Главного госпиталя базы, ты найдешь там то, что тебя так волнует.

— Что? Значит, вы все знаете?

— А кто не знает? Может, конечно, и существует в персонале нашей базы несколько человек, которые не осведомлены об отношениях между тобой и этой рыжеволосой красавицей, но я к их числу не принадлежу... — адмирал замолчал, так как в комнате уже никого не было.

В этот момент Киннисон уже пулей вылетел из административного здания базы и, отбросив ту степенность, к которой обязывало звание Серого Ленсмена, сделал то, чего не позволял себе с тех пор, как вышел из мальчишеского возраста. Он высоко подпрыгнул, громко свистнул и бегом ринулся к стоянке автомобилей. Там, вскочив в машину, он рухнул на переднее сиденье и приказал шоферу:

— Главный госпиталь, приятель, и жми на всю катушку!

Джека, его шофера, не надо было долго упрашивать. Этот парень любил опасную езду с громким ревом двигателя и визгом покрышек на поворотах. Вспыхнули мощные фары, освещавшие дорогу по крайней мере на милю вперед, на крыше машины завертелась красная мигалка, взвыла сирена, машина рванулась, выскочила на улицу и устремилась вперед, не обращая внимания на сигналы светофоров. До госпиталя они домчались буквально за несколько минут.

— Спасибо, Джек, ты мне больше не понадобишься, молодец! — похвалил Ким шофера, выскочил из машины и скрылся за дверью. Он бегом пробежал вдоль коридора, вскочил в кабину скоростного лифта и нажал кнопку семьдесят второго этажа, взлетел туда и... вся

его торопливость и решительность вдруг куда-то улетучилась. Он понял, что находится в жилом отсеке врачей и медицинских сестер и на негнущихся и ставших вдруг какими-то ватными ногах подошел к двери с номером 7295. С трудом подняв руку, ленсмен робко коснулся кнопки звонка.

— Входите, — прозвучало из-за двери спокойное мелодичное контральто. Затем еще раз, уже чуть нетерпеливо: — Ну, входите же! — но ленсмен так и стоял, не решаясь войти. Быть может, она... Черт побери, ему не следовало приходить сюда. Почему он не позвонил ей или не связался с ней мысленно...

Раздались шаги, и дверь распахнулась; на пороге стояла слегка раздосадованная Кларисса Мак-Дугал. При виде ленсмена она схватилась руками за горло, глаза ее расширились от радости.

— Ким! — воскликнула она.

— Крис... моя Крис! — прерывающимся голосом прошептал Киннисон, и несколько минут эти двое молодых людей стояли на пороге — она в хрустящем белом накрахмаленном халате, он — в своем сером мундире.

— О, мой дорогой, как я скучала без тебя, — еле слышно пробормотала она. Голос ее, который всегда казался Киннисону мелодичным, сейчас звучал в его ушах настоящей музыкой.

— Я — еще больше, — потупясь, ответил он.

— Ты все-таки вернулся, ты пришел ко мне! — оживилась она. — Я и надеяться не могла, что это произойдет так быстро.

— Я должен был сделать это, — Киннисон глубоко вздохнул. — Я просто не мог этого вынести. В этом непросто признаться, но ты была права — кусочек хлеба лучше, чем его полное отсутствие.

— Конечно, милый, — она уже немного пришла в себя после первых жарких объятий и внимательно и чуть подозрительно посмотрела на него. — А скажи-ка мне, Ким, доктор Лейси, случайно, не приложил руку к этому сюрпризу?

— Нет, — запротестовал он. — Я его уже целую вечность не видел. Но готов держать пари, что эти два твердолобых старика немало поработали, чтобы мы были вместе.

— Кто это — твердолобые старики? — спросил Хейнес — собственной персоной. Киннисон был так погружен в свои переживания, что даже его чувство вос-

приятия временно бездействовало — буквально в двух шагах от застывшей в радостном оцепенении пары стояли оба старых ленсмена.

Провинившиеся отступили в сторону, но Хейнес возмущенно, словно ничего не произошло, продолжал:

— Мы даем вам пятнадцать минут, а затем войдем в комнату. Мы должны быть уверены, что вы не улизнете на праздник или еще куда-нибудь. Нам необходимо обсудить с вами несколько вопросов.

— Не будем терять времени. Входите все, — девушка отступила в сторону, приветливым жестом приглашая всех войти внутрь. — Вы знаете, насколько противоречат правилам внутреннего распорядка женской секции визиты гостей противоположного пола. Но вряд ли кому-нибудь из девушек выпадал шанс заполучить в свою комнату даже одного Серого Ленсмена, а я приглашаю сразу троих! — она заразительно расхохоталась. — Это поставит огромное черное пятно на мою репутацию. И разве не смешно, что меня могут с треском выгнать с работы, потому что в моей комнате одновременно находились главный хирург Лейси, адмирал Хейнес и свободный ленсмен Кимбол Киннисон?

— Лейси слишком стар, а я, как всем известно, отличаюсь высокими моральными принципами, чтобы быть обвиненным в симпатиях к вам, моя девочка, — спокойно объяснил Хейнес, усаживаясь на диван — самое удобное место в этом скромном помещении.

— Стар? Высокоморален? Вздор! — Лейси свирепо уставился на адмирала взглядом, в котором читалось «ну, я тебе потом покажу!», затем повернулся к девушке. — Не стоит беспокоиться об этом, доктор Мак-Дугал. Никаких наказаний не предвидится — правила внутреннего распорядка применимы только к медперсоналу, находящемуся на службе...

— А что... — она вспыхнула было, но сдержала себя, и тон ее немедленно изменился. — Продолжайте, вы необычайно заинтересовали меня, — глаза ее сверкали, голос дрожал от нескрываемого любопытства.

— Я же говорил, что она все схватывает на лету, — снова повернулся к Хейнесу Лейси. — Ее не проведешь!

— Но послушайте, о чем это вы все? — вмешался Киннисон.

Два ответа прозвучали почти одновременно.

— Не обращай внимания, скоро все узнаешь, — это был Лейси.

— Киннисон, вам непременно надо присутствовать на заседании Галактического Совета завтра в полдень, — а это уже Хейнес.

— Зачем? Что происходит? — запротестовал Киннисон. Он нежно обхватил девушку за талию, и она прильнула к его надежному плечу, в глазах отразилось подозрение и предчувствие чего-то не очень приятного.

— Просто повышение по службе. Мы хотим предложить вам один пост — галактического координатора, управляющего — точнее сейчас сказать не могу, так как мы еще не придумали подходящего названия для этой работы. Говоря по-простому, вы станете Главным Боссом Второй Галактики, известной раньше под названием туманности Ландмарка.

— Но послушайте, сэр! Я не справлюсь с этой работой — у меня просто силенок не хватит!

— Ты всегда начинаешь кричать, когда упоминается новое дело, но потом все прекрасно получается. Ну, кто еще может с этим справиться?

— Ворсел! — отпарировал Киннисон, немного замявшись сначала. — Он...

— Надутая ящерица! — фыркнул старик.

— Ну тогда... тогда... — он замолчал. Кларисса открыла было рот, затем закрыла его и не произнесла ни слова.

— Не теряйтесь, Мак-Дугал! Вы же прекрасно знаете, что вы — прекрасная партия.

— Нет, — она встряхнула своей эффектной прической. — Я не скажу ни слова и не подумаю ни единой мысли, чтобы повлиять на его решение. Кроме того, ему ведь придется облететь свое новое хозяйство?

— Конечно, некоторые путешествия будут необходимы, — согласился Хейнес. — По той галактике, немного по нашей, да и между ними помотаться. Но «Неустрашимый» — или что-нибудь подобное, но более быстрое, новое и мощное, — будет представлен ему в качестве личной яхты, и я совсем не вижу необходимости отправляться в такое путешествие в одиночку.

— У меня и мыслей об этом не было, — Киннисон густо покраснел. Но когда до него дошло, что все это время рядом с ним может находиться Кларисса, предложение уже перестало казаться столь малопривлекательным. Он вопросительно посмотрел на девушку.

— О, Ким! — выдохнула она, и только крепче сжала его руку.

— Кажется, клюнуло! — радостно буркнул Лейси.

— Но тогда мне придется уходить в отставку! — помрачнел Киннисон. Тот благоухающий букет роз, который ему предлагали, оказался с шипами. — А я этого совсем не хочу!

— Конечно, не хочешь, — легко согласился с ним Хейнес. — Но вспомни, что все подобные назначения оговариваются определенными правилами, подлежат утверждению и сопровождаются условием отзыва ленсмена с его поста в случае экстренной необходимости. Но, кроме того, неужели работа, о которой мы говорим, похожа на какой-то вид отставки, пусть и почетной? Ты будешь таким же деятельным, как и сейчас, если я не ошибаюсь в своих прогнозах.

— Уговорили. Я отправлюсь туда и постараюсь сделать все, что от меня зависит.

— Вот и хорошо, — вмешался в разговор Лейси. — А вот еще несколько новостей. Хейнес не стал тебе этого говорить, но он избран Президентом Галактического Совета. Твое назначение — его первое дело в новом качестве. Я бы поостерегся говорить хоть что-то хорошее про этого старого плута, но одно качество у него не отнимешь: сам он мало чего умеет делать, но зато хорошо подбирает людей, которые все делают за него, и делают очень хорошо.

— Здесь есть еще одно очень важное обстоятельство, — продолжал Хейнес, пропуская мимо ушей очередную колкость своего старого друга.

— Подождите-ка минутку, — вставил Киннисон. — Что это совсем недавно говорилось о медработниках на службе?

— Доктор Лейси только что сообщил мне, что я освобождена от своих обязанностей, глупый, — проворковала Кларисса. — Я не знаю, как это связано с предстоящим заседанием Совета, но думаю, что не случайно это решение принято заранее. Я права, доктор? — невинно обратилась она к Лейси.

— Это можно было сказать и вчера, и даже завтра — в любое удобное время, — согласился старик и повернулся к Киннисону. — Понимаете, молодой человек, Мак-Дугал — очень, очень занятая девушка, а приготовления к свадьбе требуют времени. Поэтому, хоть и не очень охотно, но мы решили освободить ее.

— Особенно приготовления к такой свадьбе, как эта, которая будет событием для всего Патруля, — заметил

Хейнес. — Именно об этом я собирался сказать, когда был так непочтительно прерван.

— Нет! Никогда! — взорвался Киннисон. — Отмените все, отмените немедленно! Я не...

— Ничего отменять мы не будем. Остынь, Ким, — спокойно произнес адмирал. — И тебя мы постараемся подготовить — жених должен производить впечатление. И не надо шуметь. Свадьба — очень важное событие для любой девушки. Не правда ли, мисс Мак-Дугал?

— Конечно! — воодушевленно воскликнула Кларисса. — Я так хочу этого, адмирал... — она вдруг замолчала, и лицо ее омрачилось. — Нет. Забудьте об этом. Ким прав. Огромное спасибо вам, но...

— Но ничего! — сердито прервал ее Хейнес. — Я знаю, в чем дело. Не пытайся даже провести старика, и не надо глупить. Я уже сказал, что Патруль устроит потрясающую свадьбу. И вы должны принять в этом участие. Тебе нужны деньги, Ким?

— Нет, — удивленно ответил молодой ленсмен. — Что мне делать с деньгами?

— Вот тысяча кредитов из фонда Патруля. Возьми их, и...

— Он не возьмет! — прервала его девушка. — Нет! Зачем, ведь невеста должна сама купить себе свадебное платье!

— Она права, Хейнес, — заявил Лейси.

Адмирал уставился на него в гневном изумлении, и даже Кларисса казалась разочарованной такой легкой победой.

— Но послушайте... — Лейси достал из внутреннего кармана какую-то бумагу и начал читать: — Главный хирург Центрального... пропустим... в надежде на... снова пропустим... ага, вот... врач Кларисса Мак-Дугал по случаю окончания ее работы в госпитале и за многолетнюю безупречную службу награждается премией в десять тысяч кредитов. Подписано сегодня, в одиннадцать часов. — Он сделал многозначительную паузу, с гордым видом осмотрев немного ошарашенных собеседников. — А теперь могу заявить, моя милая, что если ты откажешься взять эту премию, я отменю твое освобождение от работы и немедленно отправлю тебя обратно в отделение. Что скажешь?

— Скажу спасибо, доктор Лейси. Огромное спасибо... от нас обоих... вы двое — самые замечательные люди, которых я когда-либо знала, и я... я... я люблю вас! —

счастливая девушка расцеловала стариков и повернулась к Киннисону.

— Нам надо пойти прогуляться, Ким. Я должна пройти миль десять. Я должна хоть чем-то заняться, а то меня просто разорвет от счастья!

И высокий стройный ленсмен, которого теперь нельзя было назвать свободным, и просто светящаяся от радости девушка вышли из комнаты. Они шли, тесно прижавшись друг к другу и радостно смеялись, и это было началом новой жизни, которую они должны были прожить вместе.

КОММЕНТАРИИ
к первым четырем романам саги о Ленсменах

1. Основные действующие лица — части 1 и 2 романа «Трипланетие»

Атлантида

Арипонидес — фарос (правитель) Атлантиды
Артоменес — стратег, командующий армией
Киннекса — девушка-разведчик, родоначальница династии Киннисонов
Клето — политик, член Совета
Ло Сунг — предводитель противников Атлантиды; видимо — воплощение Гарлейна
Марконес — правитель, член Совета
Таломонидес — Познаватель Душ, ученый-психолог
Филамон — правитель, член Совета
Фригес — разведчик, родоначальник династии Вирджила Сэммза

Рим

Нерон — император Рима, воплощение Гарлейна
Ливиус — гладиатор-беотиец
Киннет — гладиатор-фракиец, продолжатель династии Киннисонов
Петроний — заговорщик
Тигеллин — трибун преторианцев
Фермиус — гладиатор-галл, противник Киннета

I, II и III Мировые войны

Везер — генерал
Киннисон, Ральф — капитан, впоследствии — инженер-химик, продолжатель династии Киннисонов. Видимо, под этим именем Смит вывел самого себя, ибо в его биографии и жизнеописании Ральфа Киннисона прослеживается ряд общих черт.
Киннисон, Сони — жена Ральфа
Киннисон, Фрэнк — сын Ральфа и Сони
Киннисон, Теодор — потомок Ральфа, командир боевого космического корабля
Киннисон, Симона — жена Теодора
Слайтон — генерал
Самнер, Тагвел, Ваначек, Бартон, Каривокс, Джонс, Хилтон, Маултон,

Сноуграсс, Келлер, Стоунер, Блэк, Петлер, Вилсон, Селеста, Сэндфорд, Фрэнклин, Дрейк и другие — руководители и сотрудники Энтвилского артиллерийского завода

Лоренс, Дойль, Друмонд, Карни, Френч, Доу, Хиггинс, Сантос, Харпер, Каэйс, Лопес, Грин — боевые операторы, экипаж корабля Теодора Киннисона

2. Основные действующие лица — часть 3 романа «Трипланетие» и роман «Первый Ленсмен»

Аризия

Ниделлор, Кридиган, Дроуни, Бролентан — старшие аризиане, Хранители перспективных цивилизаций, в том числе — Земли

Ментор — аризианин или часть Объединенного Разума Аризии; отвечает за контакты с ленсменами

Старшие — Объединенный Разум взрослых аризиан

Энфилистор — первый аризианин, обнаруживший Эддор

Эуконидор — младший аризианин, один из хранителей Земли

Эддор

Высочайший — вождь и владыка Эддора

Гарлейн — второй после Высочайшего по силе; наблюдает за Землей, принимая ряд воплощений

Прочие персонажи

Админгтон — специалист по вооружению

Бергенхольм, Нильс — гениальный ученый, земное воплощение аризианина Дроуни, один из первых ленсменов

Байнерд — наемный убийца, совершивший покушение на Сэммза

Брэдли — капитан тяжелого крейсера «Гиперион»

Винфельд — капитан тяжелого крейсера «Чикаго»

Геркаймер — секретарь и помощник сенатора Моргана

Дал-Налтел — офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, венерианин

Дронвир — один из первых ленсменов, ригелианин

Изаксон, Арчибальд — президент компании МКП — «Межзвездные Космические Перевозки»; помощник Моргана

Киннисон, Родерик — комиссар Безопасности, второй ленсмен, командующий Флотом Трипланетия

Киннисон, Джек — сын Родерика, офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов

Клайтон, Александр — коммодор, затем — адмирал Флота Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Кливленд, Лиман — ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Корандер — вице-адмирал Черного Флота с Петрина
Костиган, Конвэй — офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Костиган Клио — жена Конвэя (в девичестве — Марсден)
Морган — сенатор, глава консервативной партии, тайный резидент Боскома
Мургатройд — главарь пиратов
Набос — офицер Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, марсианин
Нерадо — капитан звездолета (тарг) и ученый с Невии
Нортроп, Мэйсон — ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, будущий зять Сэммза
Олмстеды, Джордж и Рэй — кузены Сэммза, сотрудники Службы
Осмен — торговец наркотиками, венерианин
Пилиниспи — полэнтианка, Главный Декситроболлер Плутона
Роджер — земное воплощение Гарлейна (Серый Роджер)
Редмонд — глава исследовательского отдела Службы
Родебуш, Фредерик — ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов
Руларион — ученый Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов, юпитерианин
Сэммз, Вирджил — глава Трипланетарной Службы, Первый Ленсмен
Сэммз, Вирджилия — его дочь
Таллик — один из первых ленсменов с Полэнта
Таун, Джим — главарь пиратов (Большой Джим Таун)
Уиллогби — капитан судна контрабандистов «Королева Вирджиния»
Унтерспун — президент Североамериканского континента, креатура Моргана
Фаргальд — родственник Сэммза, политический советник Родерика Киннисона
Флетчер, Сид — помощник Родерика Киннисона
Швайнерт — коммодор Трипланетарной Службы, один из первых ленсменов

3. Основные действующие лица романов «Галактический Патруль» и «Серый Ленсмен»

Айх-Лан — Первый в Боскоме, Глаз и Ухо Боскома
Айх-Мил — Второй в Боскоме
Айх-Нор — Третий в Боскоме
Айх-Снэп — Четвертый в Боскоме
Айх-Амп — Восьмой в Боскоме, психолог
Аллердайк — штурман
Блейксли — офицер-связист с боскомианской базы на Бойсии
Бомингер — звильник, хозяин салуна
Ван Баскирк, Питер — командир десантников, валерианин

Ватсон — пилот Патруля
Викстед — глава отдела по борьбе с наркобизнесом, Рademекс
Ворсел — ленсмен с Велантии, друг Киннисона
Вулмарк — помощник Ха'Иссы
Геронд — ленсмен, командующий базы Рэйделикс
Джалт — представитель Боскома в Первой (земной) Галактике
Джеронд — ленсмен, командующий базой Рademекс
Джилдер — капитан боскомианского крейсера, валерианин
Десплэйнз, Десса — звильник

Кардинг, Остин — великий физик, Земля
Киннисон, Кимбол — Серый Ленсмен, потомок фамилии Киннисонов
Кримски — заместитель коменданта боскомианской базы на Бойсии
Кроуншильд — звильник
Крэндел — пилот боскомианского крейсера
Ксилпик — навигатор с Шиклодора

Лейси — ленсмен, главный врач госпиталя Патруля на Земле

Мак-Дугал, Кларисса — врач Патруля, невеста Киннисона, потомок фамилии Вирджила Сэммза
Мэйтлэнд, Клиффорд — ленсмен, однокашник Киннисона
Мэтьюз — финансист

Нельсон — инженер-связист

Прелин — он же Этан Уэмбсон — звильник, региональный директор Боскома

Стронгхерт — звильник, хозяин салуна на астероиде Эфро

Трегонси — ленсмен с Ригеля
Торндайк, Верн — инженер

Форж, Рауль — ленсмен, однокашник Киннисона

Ха'Исса — представитель Боскома в Первой (земной) Галактике
Хейнес — ленсмен, адмирал Патруля, командующий Главной Базы на Земле
Хендерсон, Генри — пилот Патруля
Хогендорф, Фриц — ленсмен, комендант Уэнтворт-Холла
Хочкинс — эксперт Патруля по связи

Шатвей — ленсмен, командир боевых операторов
Шермерол — пилот Патруля

4. Некоторые термины и названия

Айхи — обитатели Ярневана, мира во Второй Галактике (Галактике Эддора), раса повелителей Боскома

Барьерные экраны — щиты, барьеры и т. д. — защитные энергетические средства, используемые на кораблях и военных базах

Безынерционный привод — или двигатель (генератор) Бергенхольма, он же — нейтрализатор инерции — устройство, предназначенное для отключения инерции, после чего космический корабль может двигаться со скоростью, значительно превышающей скорость света

Бентлам — наркотик

Боском — межгалактический союз, созданный Эддором, который противостоит Лиге Миров. Во времена Кимбола Киннисона его возглавляли айхи, ставленники Эддориан

Боулига — виски с Альдебарана

Валерия — мир с большой силой тяжести, населенный потомками землян. Валериане обладают огромной физической силой и из них обычно набираются десантные силы Патруля

Велантия — мир, населенный змееподобными существами с высоким уровнем телепатических способностей

Ви-два — ядовитый газ

Внутренний Круг — правящий совет Эддора

Галактический Патруль — одновременно полицейские и вооруженные силы Лиги Миров, возглавляемые ленсменами

«Деламатер» — мощный ручной бластер, оружие времен Кимбола Киннисона

Дельгон — мир, Владыки которого отличаются исключительной злобностью и колоссальной способностью к гипнозу

Звильник — жаргонное название торговцев и контрабандистов наркотиков

Клоно — бог одной из планет, с рогами, клыками, хвостом и копытами, чьим именем часто клянется Кимбол Киннисон

«Левинстон» — ручной бластер, оружие Трипланетарной Службы

Ленсмены — носители Линзы; элитные силы Патруля. Ленсмены способны устанавливать мысленную связь с любым разумным существом

Лига Миров — союз прогрессивных миров Первой Галактики (Галактики Аризии и Земли)

Линза — концентратор ментальных способностей, которым Аризия снабжает Патруль

Мультиплексные эмиттерные орудия — мощное лучевое оружие, используемое на военных кораблях и базах

Невия — мир, населенный высокоразвитыми разумными амфибиями

Оглон — чудовищный летающий хищник

Петрин — мир, в котором создавался Черный Флот

Планеты — упоминаются миры: Бойсия, Медон, Позения, Радемекс, Тренко, Эфро (астероид), Боров, Бронсека, Шиклодор, Каминох, Ордовик, Ярневан, Дельгон, Алсакан, Рэйделикс, Велантия, Валерия и другие

Плуранс (Плур) — мир, союзный Эддору и второй после него в иерархии Эддорианской империи

Проникновение — столкновение и взаимопересечение Первой Галактики, нашей, со Второй Галактикой эддориан

Серый Ленсмен — или свободный ленсмен — звание, которое присуждалось самым выдающимся ленсменам и давало им чрезвычайно широкие полномочия

Следящие лучи — проникающее через любой материал излучение, используемое для розысков и наблюдения

Сол, Ригель, Велантия, Полэн — четыре наиболее перспективных мира Первой Галактики, за которыми наиболее тщательно следили аризиане (Сол — название системы Земли)

«Стэндиш» — тяжелый бластер, оружие Трипланетарной Службы

Тарг — титул невианского капитана

Тионит — самый сильный и губительный из всех известных наркотиков; добывается из растений планеты Тренко

Транспортные лучи — используются для остановки в пространстве и притягивания кораблей

Тренко — уникальный мир, первоисточник тионита

Трипланетие — или Трипланетарная Лига — первоначально объединяла Землю, Марс и Венеру; со временем дала начало Лиге Миров Первой Галактики

Трипланетарная Служба — охранная структура Трипланетия, положившая начало Патрулю

Ультраволны — сверхбыстрое излучение; используется для связи и в качестве боевого средства

Уэнтворт-Холл — академия ленсменов на Земле

Файолин — тонизирующий напиток из кревианского кустарника

Харод — титул невианского министра

Храм Науки — высший научный орган Невии

Шартразы — разумные рыбы, обитающие на Невии

Ярневан — мир, союзный Эддору и третий в имперской иерархии после Эддора и Плура; населен айхами, непосредственно управлявшими Боскомом

В настоящий том включена статья Смита «Космическая эпопея», в которой он делится с читателями некоторыми своими соображениями, касающимися как фантастики вообще, так и истории создания саги о Ленсменах. Этот материал представляется весьма интересным, ибо Смит как бы напрямую беседует с нами, комментируя и собственное творчество, и работы других авторов.

Итак, предоставим слово «Доку» Смиту.

КОСМИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

Как я пишу свои космические истории? Вопрос вроде бы прямой и бесхитростный. Однако тут не отделаешься столь же простым ответом, поскольку данная проблема имеет слишком много аспектов.

Начнем издалека. Кого я люблю читать сам? Кэмпбелла, де Кампа, Хайнлайна, Лейнстера, Лаверкрафта, Меррита, Кэтрин Мур, Старра, Тэйна, Ван Вогта, Вейнбаума, Вильямсона — всех их я ценю очень высоко. Каждый из них написал по крайней мере одну жуткую историю — даже больше. Их творчество перекрывает все поле фантастической литературы — от ужасов чистой воды до настоящей научной фантастики.

Будучи совершенно несхожими между собой, они имеют много общих черт, две из которых мы рассмотрим здесь подробнее. Во-первых, личность любого из этих авторов присутствует в его произведениях. В Джоне Кентоне легко узнать Абрахама Меррита; в Джирел из Джайри — Кэтрин Мур. Во-вторых, все они пишут — или писали — между строк, поэтому одного прочтения мало для понимания смысла вещи; необходимо пройтись по ней как минимум два раза. Но и третий, и четвертый тоже могут быть неожиданно и щедро вознаграждены.

Есть несколько рассказов, которые я перечитываю примерно раз в год с неизменным удовольствием.

Возьмем, например, Меррита. Его перу принадлежат четыре бессмертных истории: «Корабль Иштара», «Лунная заводь», «Мать-Змея» и «Обитатели миража». Десятилетнего ребенка захватят великолепные приключения их героев; поэт может перечитывать их снова и снова, находя там прекрасные чувства и образы; филолог оценит совершенство стиля и языка. Но самое главное, что в основу этих вещей заложен философский смысл, всю глубину которого просто невозможно постичь в один присест.

Кстати, многие ли из вас полностью прочитали описание восхождения к Приюту Бела из «Корабля Иштара»? Пропустившие его лишили себя одного из наиболее возвышенных пассажей в мировой литературе. Хотя один из моих друзей говорил мне, что он перескочил через это «занудство». Это, видите ли, слишком скучно для него! Такая разница читательских позиций поднимает, однако, очень важную проблему. Ни для кого не является секретом, что множество читателей из той категории, чьи головы служат лишь для разделения ушей, требуют действия и только действия. Причем как можно более крутого действия. Известно также, что некоторые редакторы готовы урезать или даже переписать рассказ, не подпадающий под такой стандарт. Подобные рассказы совершенно невозможно перечитывать, их вполне достаточно пролистать.

Значит, необходимо нечто еще — кроме голого действия. Но что же? И в каком количестве? Как должны меняться характеры персонажей? Есть много писателей — вполне приличных — которые не показывают развития личности своих героев. Так и в самом деле гораздо проще. Кроме того, это позволяет создавать серии произведений с постоянными действующими лицами в практически неограниченном количестве, которое определяется только мерой читательского терпения. Что касается меня, то я предпочитаю позволить моим героям расти и развиваться, хотя это резко ограничивает число историй, которые я могу написать про них.

Можно подумать, что некто, изучивший за несколько дней или недель превосходную книжку типа «Как написать великий американский роман», и в самом деле получит исчерпывающее представление о таких базовых понятиях как фабула, конфликт, интуиция, проис-

шествие, успех, интерес, обработка и атмосфера; к несчастью я не из их числа. Автор автору рознь. Я, например, до сих пор не знаю, сколько всего существует основных сюжетов — три или одиннадцать; я не могу ответить, создает ли писатель оригинальный сюжет путем замены главного героя, блестящего начинающего адвоката, на талантливого молодого физика, и героини, прилежной брюнетки-стенографистки, на остроумную блондинку-стюардессу.

Не могу сказать, демонстрирует ли несравненная «Марсианская Одиссея» Стенли Вейнбаума новый сюжет, является ли она новым направлением мысли или же просто эпизодом. Поэтому, пользуясь иногда такими понятиями, я буду употреблять их в обычном смысле, а не в том, в котором их может употребить профессиональный литератор или критик.

Кроме сюжета, приличной истории необходимы второй план и атмосфера для придания весомости, достоверности и правдоподобия. Еще в ней должна быть трактовка характеров, чтобы ее герои выглядели живыми людьми, а не марионетками, которых автор дергает за веревочки.

Сбалансировать все эти факторы нелегко, так как они порой взаимоисключающи; ситуация, однако, облегчается тем, что многое можно показать в процессе самого действия. И все же не очень динамичный материал не должен сильно снижать ту неуловимую, трудноопределяемую величину, которую писатели и редакторы называют «значимостью» рассказа.

Надо учитывать и то, что автор вовсе не свободен в своем творчестве; ведь публика просто не сможет прочесть того, что не будет опубликовано. У меня есть три рассказа (не научно-фантастических), написанные именно так, как мне этого хотелось. Мне они нравятся; редакторам, к несчастью, нет. В результате они так и не увидели свет.

Характеристики героев, как бы мастерски они не были выполнены, снижают динамичность рассказа. Второй план и атмосфера обычно уменьшает темп еще более. Философские отступления, даже в малых дозах, замедляют его сильнее всего.

Таким образом, любое произведение, которому предназначено прожить более месяца со дня публикации, должно быть разумно сбалансировано. И все же, часто предъявляемое множеству авторов обвинение в «пусто-

словии», редко бывает справедливым. Не могу поверить, что какой-то писатель наносит слова на бумагу с единственной целью заполнить лист. Я думаю, что слова служат ему для достижения цели — так же, как механику — детали, или краски и кисти художнику.

Невнимательный читатель может не замечать этого, но писатель практически всегда точно знает, каково назначение того или другого слова. Возможно, для создания атмосферы или описания характера, или же для передачи тонкой философской мысли, понятной только подготовленному, умеющему читать между строк человеку; а может быть, ради еще одной из дюжины других целей.

Любители чистого действия, которые считают бесполезным каждое слово, непосредственно не работающее на динамику повествования, не признают Лавекрафта, называя его «болтуном». Для читателя же, понимающего и ценящего стиль, Лавекрафт остается настоящим мастером.

Понятно, что одни писатели пишут лучше других. Точно так же, как есть слабые механики и плохие художники. Хотел бы я знать, был ли хотя бы один художник когда-либо до конца удовлетворен своей работой?

Выдающиеся произведения должны быть логически и убедительно мотивированы. Здесь кроется причина провала большинства «космических опер», равно как и более традиционных сочинений. В рассказе должны быть динамичность, конфликт и напряженность, а потому героя необходимо подвергнуть испытанию и, независимо от того, требует ли этого логика действий, женить в конце. Казалось бы, любому читателю понятно (по крайней мере, так должно быть), что герой, наделенный хотя бы каплей разума, никогда не станет, посадив свой корабль на неведомой планете, безрассудно нестись сломя голову прочь, прямо в лапы к свирепым чудовищам. Но как часто этот эпизод воспроизводится в точности! Точно так же, человек, имеющий отношение к запуску ракетного корабля — в особенности, экспериментальной модели — должен знать, что вероятность нелегального нахождения на его борту красивой женщины примерно такая же, как в гоночном автомобиле, участвующем в пятисотмильных гонках в Индианополисе. И все же подобное безобразие используется до отвращения часто, когда требуется без лишних усилий смешать все планы героя и

протащить в сюжет любовную линию, которой там вовсе не место.

Тот факт, что добротная мотивировка является далеко не простым делом, объясняет слишком широкое применение совпадений. Эта уловка не настолько плоха, как многие другие, но обнаруживает умственную лень — за исключением конечно, тех случаев, когда являет собой элемент производства массовой продукции. Лично я считаю мотивацию труднейшей частью писательского ремесла, и я не одинок в этом мнении. Требуется огромная мысленная работа, чтобы создать такое сплетение обстоятельств, при котором даже самый независимый герой будет вынужден попасть в ситуацию, необходимую для развития сюжета. Для этого нужны время, умственные усилия и часто — дополнительные материалы, назначение которых не выявляется немедленно и сразу.

Приведу хорошо знакомый мне пример. Какая побудительная сила могла заставить Кимбола Киннисона, высокопоставленного и блестящего офицера Галактического Патруля, добровольно отправиться в суперпространственную трубу, которая явно изобиловала ловушками, расставленными именно для него? Я не мог выкинуть этот эпизод, как поступал со многими более простыми, поскольку он являлся основой великолепной развязки последней истории о Ленсменах — «Дети Линзы». Нельзя было и отмахнуться от этого вопроса, так как слабость данной позиции могла превратить в макулатуру целую книгу. Киннисон обязан был войти туда! Причем неизбежность этого шага должна была стать очевидной и его жене, и детям, и — я смею на это надеяться — даже небрежному читателю. Проблема затормозила меня столь надолго, что я не рискую в этом признаться. Ее разрешение потребовало включения в «Галактический Патруль» незначительного на первый взгляд материала второго плана, напечатанного в 1937 году и вошедшего в оба последующие романа о Ленсменах.

Вернемся теперь к вопросу о том, как пишутся мои космические истории — особенно серия «Ленсменов», которая является на самом деле единым произведением.

В начале 1927 года, вскоре после того, как «Жаворонок пространства» был принят журналом «Эмейзинг», я всерьез задумался о написании космического полицейского романа. Его действие должно было развиваться в галактических, а возможно даже — в меж-

галактических масштабах; значит, тут требовались скорости, намного превышающие скорость света.

Что я мог сделать? Техника, использованная в «Жаворонке», даже с применением атомной энергии, не годилась. Она просто не обеспечивала нужной величины скорости, что позднее доказали мне несколько математиков в своих письмах, и что мы с д-ром Гарби знали уже тогда. Кроме того, соответствующее ускорение расплющило бы наши стальные конструкции, не говоря уже о человеческих телах, в практически мономолекулярный слой. Миссис Гарби и я понимали это тоже; однако, так как «Жаворонок» был книжкой псевдонаучной, написанной задолго до появления жанра научной фантастики, мы рискнули использовать оба эти нелепых с точки зрения физики допущения.

Наш полицейско-космический роман мог, однако, уже быть причислен к научной фантастике. Я не хотел пользоваться абсурдными с научной точки зрения идеями, подобными весьма живучей байке о втором спутнике Земли, якобы постоянно скрытом от нас за Луной. Так как инерционность материи не позволяла — даже с применением атомной энергии — разогнать корабль до необходимой скорости, мне пришлось отделаться от инерции.

Есть ли хотя бы малейшая математическая или философская вероятность существования безинерционной материи? В конце концов я отыскал подобную гипотезу у такого авторитетного ученого, как Бигелов («Теоретическая Химия — Фундаментальные Исследования»). Теория относительности Эйнштейна, конечно, отрицает возможность развития таких скоростей, но это меня не очень беспокоило.

Согласно другим теориям, скорости, превышающие скорость света, не являются математически запрещенными. Этого мне было вполне достаточно. В самом деле, чем более невероятной кажется идея с точки зрения приверженцев строгой науки, тем симпатичнее она выглядит для меня.

Другим серьезным препятствием, более философским и логическим, чем математическим, стала трудность общения с иными расами и явная нереальность того, чтобы мои полицейские изобрели некий отличительный символ, понятный для всех порядочных граждан, но неподдающийся подделке преступниками. Единственная эмблема, которую я смог придумать, была позаимствована из вечного сюжета «deus ex machina» (бог из

машины); естественно, с добавлением деталей, соответствующих моему замыслу.

Укомплектовав уже достаточно хорошо мир Ленсменов, я обратился к своей библиотеке, изучая и анализируя каждый рассказ о «копах и жуликах», найденный на моих полках; от «Войны миров» Константиниеску, которуя я не считаю шедевром, до прекрасных историй Старра и Вильямсона. Затем я написал издателю «Эмейзинг», кратко изложив свою идею и спрашивая его совета относительно продолжения этой работы, учитывая все уже созданное в этой области.

В ответ я получил одно из наиболее восторженных писем, когда-либо адресованных мне. Я не буду цитировать его в деталях, но смысл заключался в том, что лучшие работы на любом поприще принадлежали не пионерам, но тем их последователям, которые сумели умножить их достижения и избежать их промахов — и он считает, что я справлюсь с этой задачей.

Получив такое поощрение (я всегда почему-то лучше работаю, когда меня гладят по спинке, чем когда поддают по заду), я сделал предварительный и очень общий набросок. За основы были взяты безинерционность и Линза.

У меня были аризиане и их главные противники — эддориане. Я имел отличное психологическое обоснование того, почему настоящая причина базового конфликта никогда не должна была стать известной ни одному представителю рода «Гомо Сапиенс»; ведь осознание этого факта породило бы в членах Патруля неискоренимый комплекс неполноценности.

Скоро мне стало ясно, что история эта не укладывается в сотню тысяч слов. Вырисовывались по крайней мере три романа, а когда набросок был закончен, их стало четыре. Появилась следующая проблема: как сделать для каждой из книг хорошую концовку? Я никогда не любил незаконченных романов; я просто скрежетал зубами, когда Эдгар Райс Бэрроуз оставил Дею Торис запертой в клетке — ждать, пока он соизволит написать следующую книгу.

Если вводить по эшелону боскомиан за раз, то первые два повествования можно было закончить достаточно приемлемо. Третья же книга ставила меня перед выбором, который был мне не по вкусу: либо оставить незавершенными сюжетные линии, либо использовать древнее и забытое изобретение «сумасшедшего» ученого. В конце концов я выбрал последнее.

Из первой четверти небольшого наброска, размером всего в несколько страниц, я сделал более развернутый черновик «Галактического Патруля», разработав структуру книги, динамику событий, изменение характеров, эмоциональные пики и долины характеристик и вторых планов. Каждый пик был чуть-чуть выше предыдущего, а каждая долина — просторнее, пока не наступала кульминация; после чего вся графическая картина резко рушилась. Мне вообще очень нравятся мои графики. К сожалению, хотя я не умею работать без чего-либо в таком роде, у меня никогда не получается следовать им до конца. Характеры моих героев выходят из-под контроля и совершенно не желают считаться с тем удовольствием, которое доставляет мне тяжелейший писательский труд.

Первый черновик я пишу мягким карандашом, ибо им приятнее всего марать бумагу. Этот черновик ужасен; в нем столько подчисток, зачеркиваний, сносок на полях и указателей на другую сторону листа, что я сам не в состоянии его разобрать. Второй пишется через день или чуть больше после первого, с вариациями. Он тоже карандашный, но не настолько неряшлив; кроме тех случаев, когда дальнейшие события требуют радикальных изменений.

Моя жена может прочесть большую его часть и она печатает то, что мы называем «печатным сценарием»; на самом деле, это третий грубый черновик. Его, на разных стадиях завершения, читают и бурно обсуждают Галактические Бродяги (Мичиганский и Лос-Анджелесский клубы). Комментарии и пожелания пишутся на полях; в самых спорных местах они заполняют другую сторону листа. Я принимаю и использую идеи, которые кажутся мне удачнее моих собственных, остальные же отбрасываю. Все мои друзья по праву увидят свои имена на титульных листах книг и получат причитающийся им гонорар — но только тогда, когда я устану сопротивляться этой необходимости. После последней «финальной» проверки «печатного сценария» моя жена печатает «оригинал», который отправляется Кэмпбеллу, моему издателю. Но когда он уже в пути, я всегда мучительно мечтаю заполучить его обратно, чтобы еще несколько недель поработать с черновиком.

Отмечу, что Эвансу из группы «Галактических Бродяг» принадлежала идея о том, что «Трипланетие», а не «Галактический патруль» должен стать первым рома-

ном Ленсменовской серии. Эд Коунтс нашел ряд изъянов и предложил свою версию трактовки поведения Рода Киннисона в кульминационном моменте. Планета Тренко была придумана и практически полностью рассчитана авиаинженером, который частично ответственен и за «Молнию», «Созвездие» и за «Стреляющую Звезду». Д-р Джеймс Энрайт, с Гавайев, филолог и психиатр, решил ряд моих труднейших проблем. Д-р Ричард Додсон, физик-ядерщик, оказал мне неоценимую помощь, как и Хайнлайн. И еще многие другие, не только из США, но и из столь отдаленных мест, как Австралия, Швеция, Китай, Южная Африка, Египет и Филиппины.

Выражение «одна голова хорошо, а две лучше» столь же банально, сколь и правдиво. На своем опыте я убедился в том, что еще лучше — пятьдесят.

В заключение скажу вам: если вас тянет написать космическую эпопею, сделайте это. Я поступаю именно так. Почасовое вознаграждение не идет ни в какое сравнение с заработком каменщика, а труд у нас тяжелее — я занимался и тем, и другим, и знаю, что говорю. И все же я получаю потрясающее удовольствие от своей деятельности — особенно, если вспомнить, что большому числу людей действительно по вкусу моя стряпня.

Возможно, вы сумеете найти другой способ, легче или же лучше моего; а, может быть, он будет и легче, и лучше одновременно.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (М. Нахмансон) 3
ВВЕДЕНИЕ (Пересказ М. Нахмансона) 4

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ (Пересказ М. Нахмансона и И. Коробовой) 23
Глава 1. Выпуск 24
Глава 2. Служба 32
Глава 3. Атака и бегство 40
Глава 4. Странствие 49
Глава 5. Дельгон 58
Глава 6. Владыки Дельгона 67
Глава 7. Конец Владык 77
Глава 8. Ответный удар 87
Глава 9. Авария 95
Глава 10. Тренко 104
Глава 11. Цитадель Боскома 114
Глава 12. Киннисон привозит товар 124
Глава 13. Истребители 134
Глава 14. Независимость 141
Глава 15. Западня 150
Глава 16. Альдебаран 158
Глава 17. Земля 167
Глава 18. Обучение высшей ступени 174
Глава 19. Судья, присяжные и палач 185
Глава 20. Яблоко раздора 195
Глава 21. Второй пеленг 203
Глава 22. Подготовка 210
Глава 23. Тионит 218
Глава 24. «Мы подточим ее изнутри» 225

СЕРЫЙ ЛЕНСМЕН (Пересказ М. Нахмансона, А. Антошульского, О. Трофимовой) 234
Глава 1. Битва 234
Глава 2. Двойной канал 243
Глава 3. Бог из машины 254
Глава 4. Медон 263
Глава 5. Радемекс 270
Глава 6. В логове врага 282
Глава 7. Приманка 292
Глава 8. Оглоны 299
Глава 9. Айхи и аризиане 307
Глава 10. Аннигиляционная сфера 318
Глава 11. Грабители 326
Глава 12. Космический старатель 335
Глава 13. Совещание звильников 346
Глава 14. Айхи и Владыки Дельгона 356
Глава 15. Последний бой Владык Дельгона 359
Глава 16. Из воронки 364
Глава 17. В гиперпространственном тоннеле 368
Глава 18. «Корона на щите» 374
Глава 19. Разгром Прелина 380
Глава 20. Катастрофа 385
Глава 21. Ампутация 393

Глава 22. Возрождение 397
Глава 23. Уничтожение 404
Глава 24. Конец айхов 411
Глава 25. Уже не свободен 419

КОММЕНТАРИИ (М. Нахмансон) 427
КОСМИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ (Перевод Л. Немовой) 433

Литературно-художественное издание

Э. Э. «ДОК» СМИТ
Галактический Патруль. Серый Ленсмен

Литературные редакторы *В. Рошаль* и *Т. Филатова*

Подписано к печати 21.02.94. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная.
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз. Заказ № 41.

ТОО «СПИКС». Отпечатано в типографии им. Котлякова
Министерства печати и информации РФ.
195273, Санкт-Петербург, ул. Руставели, 13.

fantasy

Э. Э. „Док" СМИТ